

НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО, КАВКАЗСКОГО
И ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ПАРИЖ)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕПОРТАЦИИ В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Сборник научных статей

В ы п у с к 3

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *Н.Н. Аблажей*
профессор *А. Блюм*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2014

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4
М57

Рецензенты

доктор исторических наук *В.И. Исаев*
доктор исторических наук *В.Л. Соскин*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-21-08001а(м))*

М57   **Миграционные** последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 3 / Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. — Новосибирск: Наука, 2014. — 228 с.
ISBN 978-5-02-019275-1.

Данный выпуск завершает серию публикаций, реализуемых в рамках российско-французского проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы», поддержанного РГНФ и фондом «Дом наук о человеке». В первой части сборника представлены статьи участников франко-российского семинара «Возвращение: освобождение спецпоселенцев, высланных из Центральной и Восточной Европы в СССР», состоявшегося в Париже в Центре исследований России, Кавказа и Центральной Европы 13–14 мая 2014 г.

Издание предназначено для специалистов в области общественных и гуманитарных дисциплин.

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4

- © Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2014
- © Фотографии для обложки виртуального музея «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», 2014
- © Редакционно-издательское оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма, 2014

ISBN 978-5-02-019275-1

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)*

В коллективной памяти, литературе и работах историков главным символом сталинских репрессий служит ГУЛАГ. Хотя за последние годы исследований, посвященных депортациям, стало больше, опыт ссылки в его многообразных формах до сих пор известен и понят не так хорошо. Со времени книги А.М. Некрича¹, фактически единственной работы о депортациях, вышедшей до 1989 г., и многочисленных исследований, которые появились с тех пор², были подробно изучены политические и социальные аспекты депортаций. Стали публиковаться отдельные работы, посвященные повседневной жизни ссыльных и социализации их в тех местах, где они оказались³. Тем не менее мы все еще недостаточно знаем о возвращении из депортации — одном из важнейших и непростых этапов, которые страна прошла, чтобы закрыть страницу сталинского террора.

За последние годы появилось множество книг и статей, посвященных возвращению узников из ГУЛАГа после смерти Сталина. Об этом снимают фильмы⁴, пишут литературные произведения и исторические исследования⁵. Возвращение спецпереселенцев — гораздо более редкий сюжет.

* Перевод с французского Михаила Майзульса.

¹ Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. Французское издание: Nekrich A. Les peuples punis: La déportation et le sort des minorités soviétiques à la fin de la Seconde Guerre mondiale. Paris: François Maspero, 1982.

² Назовем в первую очередь следующие работы: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960. М.: Наука, 2003; Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛЮ, 2005; Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию». М.: АИРО-XX, 1995; Он же. Л. Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...» М.: Гриф и К., 2011; Красильников С.А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2009; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, Мемориал, 2001; Viola L. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007.

³ См. статью В.Ю. Башкуева в настоящем сборнике; см. также: Кустова Э. (Не)возвращение из ГУЛАГа: Жизненные траектории и интеграция послевоенных спецпереселенцев // Kritika, 2015 (в печати).

⁴ Самый известный из них — советский фильм «Холодное лето пятьдесят третьего» (1987 г.), ставший символом возвращения из ГУЛАГа.

⁵ Важнейшие работы: Elie M. Les anciens détenus du Goulag: Libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953–1964. Paris: EHESS, 2007; Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Re-turnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 2009; Adler N. The Gulag survivor: Beyond the Soviet system. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002.

Вот почему мы решили, что наша последняя конференция в рамках начатого в 2012 г. коллективного проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы»¹ и сборник, который мы собирались выпустить по ее итогам, будут посвящены возвращению депортированных. Вошедшие в него работы в основном повествуют о возвращении тех, кто был сослан с территорий, лежавших к западу от границ СССР на 1939 г. Мы хотели собрать исследования, сфокусированные на одном ареале, чья история была отмечена экспансией СССР на запад: будь то в форме аннексий по условиям пакта Молотова–Риббентропа или советизации тех восточноевропейских стран, которые после войны вошли в советскую сферу влияния. Мы не рассматриваем здесь крестьянскую ссылку начала 1930-х гг., а также судьбу «наказанных народов», депортированных во время Второй мировой войны, но регулярно обращаемся к этим страницам истории с целью сопоставления.

Говоря о возвращении, мы не должны забывать об ожидании возвращения после смерти Сталина и, конечно, о надеждах, затеплившихся после выхода в марте 1953 г. «Указа об амнистии», который касался лишь узников ГУЛАГа, но ненадолго обнадежил и депортированных, живших в спецпоселках. Мы также исследуем дошедшие до наших дней отзвуки депортаций, доступные благодаря свидетельствам и памяти тех, кто вернулся домой, и тех, кто после того, как с них сняли статус спецпереселенцев, решил остаться на новом месте. Еще один отзвук истории депортаций — оставленные ими материальные следы, которые все еще видны сегодня.

Есть много прямых свидетелей депортаций, а еще больше тех, кто с 1940 по 1952 г. во множестве деревень, раскиданных почти по всей России и Центральной Азии, видел, как прибывали целые поезда, а иногда баржи, груженные сосланными женщинами и мужчинами. Как подчеркивают многие исследователи, лагеря ГУЛАГа размещались в отдаленной местности, крестьян в начале 1930-х гг. часто отправляли в пустынные территории, где не было ничего, и поселки приходилось строить с нуля². В отличие от них, те, кого депортировали с территорий Польши, аннексированных СССР в 1940 г., советские немцы, а потом и другие народы, высланные во время войны, и наконец контингенты, которых до 1952 г. депортировали с западных территорий, чаще всего оказывались в населенных пунктах, разбросанных вдоль Транссибирской магистрали, по берегам сибирских рек, в степях Центральной Азии или в колхозах, леспрохозах и шахтах, затерянных в тайге. Насколько густой была

---

¹ Уже вышли два тома: Миграционные последствия Второй мировой войны: Депортации в СССР и странах Восточной Европы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012, 2013. Оба издания доступны онлайн: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/consequences>.

² Э. Мондон демонстрирует это на материале фото, снятых НКВД в Архангельской области для альбома, посвященного тому, как депортированные крестьяне обживались на новом месте. Вошедшие в него кадры, конечно, были сняты с пропагандистскими целями и преподносят прибытие депортированных как пример героического освоения безлюдных северных территорий. — Модель спецпоселений // Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/model-spetsposelenii>.

покрывавшая СССР сеть спецпоселков, наглядно проиллюстрировано в одном из исследований¹. Житель Сибири за всю свою жизнь мог не увидеть ни одного зэка. Намного большей была вероятность, что он где-то столкнется или даже будет работать бок о бок со спецпереселенцем или что его дети пойдут учиться вместе с детьми депортированных (детей заключенных ГУЛАГа ждал детдом).

Важнейшее отличие опыта депортации от заключения в ГУЛАГе состояло в том, что в ссылку ехали целыми семьями². В ходе нескольких волн депортаций, например в 1941 г. из Литвы, Латвии и Эстонии, главу семьи (чаще всего это был мужчина) отправляли в лагерь, а его родных депортировали. Иногда всю семью — мужчин, женщин и детей — ссылали вместе. Как бы то ни было, дом сосланных оставался пустым, и их возвращение не могло пройти незамеченным. Так что многие жители западных территорий прекрасно знали, как трудно было вернуться и как часто отнятые и не возвращенные дома, скот и другое имущество становились причиной конфликтов, порой оборачивавшихся насилием. Реинтеграция целых семей, вернувшихся туда, где они раньше жили, или решивших осесть на новом месте, отличается от выхода из ГУЛАГа, когда, как правило, бывший зэк возвращался назад в одиночестве, а единственными, кто его принимал, были родственники, если они у него еще оставались. Здесь же в родственники места возвращались дети, которые родились за пределами СССР или на только что присоединенных и едва советизированных территориях, но успели поучиться в советской школе³. Возвращались дети, которые зачастую не знали о родине ничего, кроме волшебных историй, услышанных от родителей и других депортированных⁴. Наконец, возвращались молодые люди, которые сталкивались с тем, что их не считали своими, и теряли чувство солидарности, поддерживавшее их в изгнании⁵.

Работая в архивах Литвы, затем продолжая исследование на Украине и, конечно, в архивах России, мы с Эмилией Кустовой смогли оценить сложность проблем, связанных с возвращением, и богатство источников, позволяющих его изучить. Здесь особенно ценны личные дела, хранящиеся

¹ См. статью А. Блюма в наст. сб.

² О депортации из Латвии в 1949 г. (операция «Прибой») см. ст. Ж. Дени в наст. сб.

³ Об учебе в советской школе рассказывают многие бывшие депортированные, опрошенные в рамках проекта «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе». См.: Блюм А., Кустова Э. Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе // Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Т. 1. См., напр.: Интервью с Григорием Ковальчуком, сосланным из Украины и ставшим учителем в сибирской деревне между Иркутском и Братском (записано в Калтуке 28 августа 2009 г. Эмилией Кустовой и Ларисой Салаховой в присутствии Алена Блюма). [00:08:39–00:11:42] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/grigori-kovaltchouk>

⁴ Интервью с Марите Контримайте, записанное в Вильнюсе 11 июня 2011 г. Эмилией Кустовой в присутствии Алена Блюма и супруга г-жи Контримайте [00:14:06–00:20:00] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/marite-kontrimaite>

⁵ Интервью с Ярославом Погарским, взятое Аленом Блюмом в Переяслав-Хмельницком (Украина) 3 апреля 2009 г. в библиотеке местного педагогического университета [01:00:23–01:03:03] и 11 июля 2009 г. дома у Ярослава Погарского [00:01:50–00:06:00]. См. также: Blum A. Difficile retour // Blum A., Craveri M., Nivelon V. Déportés en URSS. Récits d'Européens au Goulag. Paris: Autrement, 2013. P. 212–227.

в Особом архиве Литвы в Вильнюсе¹. Они содержат не только документы силовых ведомств и административную документацию, которые предворяли, а потом оформляли депортацию, но и некоторые бумаги, созданные уже в ссылке (прежде всего анкеты, которые заполняли все депортированные, и списки, в которых они каждый месяц расписывались в комендатуре), а также многочисленные жалобы и прошения, которые отправляли сами ссыльные, их оставшиеся на родине члены семей, а порой и жители деревень, из которых они были депортированы. Эти письма позволяют подробно представить жизнь спецпоселенцев, а также сравнить их взгляд на собственную судьбу с точкой зрения бюрократических и репрессивных инстанций. Наконец, в архивных делах сохранились ответы властей на полученные ими заявления. Они помогают увидеть реальность изгнания и жизнь до высылки через призму надежд на разрешение вернуться и перекидывают мост между прошлым до депортации, самим изгнанием и мечтами о будущей жизни. Эмилия Кустова подробно анализирует информационный потенциал подобных материалов, собранных в архивах Литвы; Наталья Аблажей использует аналогичные источники из Армении, исследуя судьбы дашнаков. Их главы перекликаются с работами Виктории Сарновой и Всеволода Башкуева², которые смогли ознакомиться с аналогичными досье, созданными по месту ссылки, и исследовали докладные записки НКВД о разных аспектах жизни депортированных. Они упоминают многочисленные жалобы, личные бумаги (дневники или литературные сочинения), конфискованные у сосланных, и их разговоры, записанные агентами. К сожалению, в России эти бесценные и незаменимые для историка и в целом для памяти о депортациях источники самым абсурдным образом вновь засекречены и недоступны. Если Э. Кустова и Н. Аблажей описывают жизнь ссыльных в тот момент, когда у них уже возникла реальная надежда на возвращение, статьи В. Сарновой и В. Башкуева посвящены периоду, когда никаких шансов на освобождение у них не было.

Судя по всему, дела, сохранившиеся в разных архивах, содержат различный набор документов. Скажем, дела, хранящиеся в Литве, включают отдельные материалы, созданные по месту ссылки (помимо тех, что упоминались выше, это, например, свидетельства о смерти). Однако там нет никаких документов, связанных с повседневным наблюдением за депортированными, аналогичных тем, что сохранялись по месту ссылки и были описаны В. Сарновой. Дела из Армении включают только документы, созданные до депортации или уже после возвращения. Все эти дела, как те, что хранятся на родине депортированных, так и те, что сохранились в местах их ссылки, совмещают многочисленные нормативные источники и документы более персонального свойства.

Аналогичные свидетельства — заявления депортированных, пытавшихся добиться у властей разрешения вернуться назад, — можно найти в фондах Генеральной прокуратуры в Москве и прокуратур союзных республик. Так, дела, хранящиеся в архивах Москвы, заходили в тех случаях, когда Верховный суд (до того, как эта задача была возложена на республиканские суды) отвечал на заявления депортированных, которые

¹ Vilnius. Lietuvos Ypatingasis Archyvas (далее — LYA).

² См. статьи Э. Кустовой, Н.Н. Аблажей, В.В. Сарновой, В.Ю. Башкуева в наст. сб.

были осуждены Особым совещанием¹. Порой в этих делах можно найти сами заявления или жалобы и всегда — заключение чиновников первого спецотдела Министерства внутренних дел и прокурора, которые отвечали за рассмотрение жалобы, а также окончательная резолюция судебной коллегии Верховного суда. Очевидно, что сохранился не весь массив обращений, а лишь часть из тех, которые были удовлетворены.

В архивах Украины² и Литвы³ тоже есть аналогичные дела, которые возникали, когда прокуратура рассматривала жалобы на отказ в освобождении или возвращении конфискованного у депортированных имущества либо ходатайства, которые после 1953 г. направлялись в специальные комиссии, созданные для того, чтобы открыть дорогу для возвращения семей из спецпоселков.

Иногда подобные дела включают сами тексты жалоб; и в обязательном порядке в них есть протест прокурора, адресованный в Верховный суд или в соответствующую комиссию, — его краткая юридическая аргументация ясно показывает, что власти вовсе не ставили под сомнение сталинские законы, а лишь пытались их обойти, приспособить к новой ситуации или смягчить.

Первый подход, который рассматривает процессы на низовом уровне, в статьях настоящего сборника сочетается со вторым, сфокусированным на политических решениях Центра, которые спускались на республиканский и региональный уровень, а также на нормативных актах, бюрократических и судебных инстанциях, которые после 1953 г. постепенно создали новые юридические нормы, позволившие медленно, неуверенно и не без проволочек подвести черту под историей депортаций. Эти нормы, естественно, определялись в Москве, в ходе не слишком прозрачного диалога между партией и несколькими ведомствами: прежде всего министерствами внутренних дел и юстиции, а также прокуратурой. Одновременно Центр вел диалог с республиками и регионами. Колебания на самом высоком уровне⁴ привели к тому, что процесс освобождения и реабилитации депортированных был намного более медленным, чем в случае узников ГУЛАГа. Позиция региональных властей была двойственной: после того как население лагерей сократилось вдвое, они были озабочены тем, чтобы сохранить хоть какую-то подневольную рабочую силу, пусть не заключенных, а депортированных⁵. Кроме того, руководство республик, откуда проводились депортации, по ряду причин опасалось возвращения ссыльных: на Украине к страху перед новой волной вооруженного сопротивления

¹ См., напр., многие листы в деле: Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). Ф. R-754. Оп. 13 (секрет). Д. 550 «Переписка, в т.ч. по поводу возвращения со спецпоселения», 1955 г.

² Например: Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далее — ЦДАВО). Ф. 288. Оп. 11. Д. 4948.

³ См., напр.: LYA, Ф. R-754. Оп. 13. Д. 493: «Piliečių pareiškimai sugrįžimo iš speciščių mimos klausimu ir jų tyrimo medžiaga». Мы приводим всего несколько примеров. Более подробные сведения можно найти в исследованиях, реализованных с Эмилией Кустовой в рамках нашего совместного проекта в Литве, России и Украине.

⁴ См. переиздание (с новыми главами) работы, ранее вышедшей в Литве: Blum A., Koustova E. A Soviet Story — Mass Deportation, Isolation, Return // Davoliūtė V., Balkelis T. (eds.). Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States. European Univ. Press, 2015 (в печати).

⁵ Статья М. Эли в наст. сб.

ния, которое уже привело к стольким жертвам с обеих сторон, примешивались опасения местных властей, что возвращение сосланных, чье имущество было конфисковано, может спровоцировать конфликты с местными жителями¹. Мы не знаем, насколько такие конфликты на Украине, в Литве и в других местах были часты, — для этого не хватает локальных исследований. В итоге региональные и республиканские власти создали различные инструменты, которые позволили решить вопрос, прямо не подвергая сомнению сталинское законодательство, в рамках которого проводились депортации. Чаще всего это были комиссии, включавшие представителей Министерства внутренних дел и высоких чиновников других важнейших ведомств: Совета министров, Президиума Верховного совета и Генеральной прокуратуры.

Собранные нами исследования демонстрируют три важнейших аспекта политики возвращения. Первый из них — ее жесткая юридическая формализация. Вне зависимости от того, происходило дело в Армении или Литве, процедуры были прописаны предельно дотошно, а порядок, по которому двигались жалобы и другие прошения, не допускал никаких вольностей, за исключением разве что первой инстанции, в которую следовало обратиться. Для этого не было никакого специального ведомства, и люди писали по тем адресам, по которым привыкли жаловаться по самым разным вопросам: председателям Верховного совета или Совета министров СССР либо республики, откуда автор был родом, а также некоторым другим лицам, в данном случае — министру внутренних дел.

Второй аспект — это противостояние двух миров: депортированных, с одной стороны, и милицейской и гражданской бюрократии — с другой. Мы видим, как сталкиваются две несоизмеримые силы: всемогущий бюрократический аппарат и простые граждане, которые из последних сил отправляют новые и новые ходатайства об освобождении, возвращении их имущества или реабилитации².

Третий аспект — это централизация принятия решений, касавшихся как базовых норм, так и их практического применения. Хотя система все равно осталась централизованной, постепенно многие прерогативы были переданы на республиканский уровень. Здесь показателен пример Литвы, где уже в 1953 г. была создана комиссия, которая должна была заниматься делами крестьян, высланных как «кулаки» в ходе депортационных кампаний. Ее решения на много лет опередило постановление об освобождении всех сосланных «кулаков», принятое Советом министров СССР³. Та же самая двойственность видна на примере Армении⁴.

Память

Говоря о возвращении, мы не можем не сказать о памяти, поскольку те, кто вернулся, и те, кто остался в местах ссылки, не забывают о депортации. Их воспоминания очень востребованы в тех странах, куда они возвратились, и не вызывают никакого интереса в тех местах, куда их депортировали. Мы убедились в этом, сравнивая интервью, собранные в

¹ См. об этом статью Ю.И. Шаповала в наст. сб.

² См. ст. Э. Кустовой в наст. сб.

³ См. ст. А. Блюма в наст. сб.

⁴ См. ст. Н.Н. Аблажей в наст. сб.

ходе коллективного исследования в странах, лежащих к западу от современной России, со свидетельствами, записанными в Сибири и Казахстане. К аналогичному выводу пришла и Марта Кравери¹.

Как отмечает Александр Даниэль, память о депортациях складывалась совсем не так, как память о лагерях: литературные произведения, где бы говорилось о ссылке, крайне немногочисленны, в то время как тема ГУЛАГа непрерывно поднималась в публикациях, выходящих в СССР, в неподцензурных самиздатовских текстах, в воспоминаниях бывших узников и работах историков². Он высказывает гипотезу, что молчание литературы о ссылках парадоксальным образом связано с тем, что об опыте депортации знали все.

М. Кравери напоминает о том, что часть свидетельств о депортации отдельных групп, которая могла быть опубликована за границей, так и не была там напечатана³. Это касается, в частности, воспоминаний многочисленных польских евреев, которые, избежав нацистского истребления «благодаря» депортации в СССР, после войны почти не могли свидетельствовать о пережитом, прежде всего потому, что их опыт сталкивался с запредельной жестокостью немцев, уничтожавших евреев, оставшихся на оккупированных территориях.

Без учета памяти о депортациях невозможно понять, почему эти страны прошлого играют такую роль в истории тех регионов, откуда сосланные были родом, а также в Сибири, где на индивидуальном уровне их воспоминания не слишком востребованы, но в коллективной памяти все равно присутствуют, хотя редко звучат, осмысливаются или художественно интерпретируются. Тем не менее эта память все равно о себе заявляет. В начале 1990-х гг. она, наконец, выходит на поверхность благодаря работам нескольких историков, занявшихся этой темой. Статья Сергея Красильникова посвящена памяти о крестьянской ссылке — матрице всех последующих депортаций⁴. Его исследование опирается на два массива документов: а) 60 писем родственников крестьян, сосланных во время коллективизации, которые он получил в 1988–1989 гг. после того, как опубликовал серию статей о депортациях; б) 90 писем, которые в 1990-е гг. были отправлены ссылками в официальные органы (МВД, прокуратуру и др.) в надежде на реабилитацию. В этих письмах слышен далекий отзвук тех заявлений и жалоб, которые депортированные, стремясь добиться освобождения, писали в 1950-е гг.⁵ Работа С. Красильникова встает в один ряд с недавним исследованием, вышедшим под редакцией Михаила Рожанского. Оно посвящено письмам с семейными историями, которые в 1988–1989 гг. стали приходить в редакции многих советских газет. Трагичные судьбы их персонажей, которые раньше не могли быть поведаны, показывают, как в те годы сквозь героизированный глянец большой истории, оторванной от жизни людей, начала пробиваться правда о преступлениях сталинизма⁶. В этот период происходит спон-

¹ См. ее статью в наст. сб.

² См. ст. А.Ю. Даниэля в наст. сб.

³ См. ст. М. Кравери в наст. сб.

⁴ См. ст. С.А. Красильникова в наст. сб.

⁵ Там же.

⁶ Письма об истории и для истории / Ред. М.Я. Рожанский; Центр независимых социальных исследований и образования. Иркутск, 2014.

танное и притом востребованное обществом пробуждение индивидуальных воспоминаний — превратившись в свидетельства, они встраиваются в коллективную историю, в которой судьбы отдельных людей не растворились, а выходили на первый план.

Ирина Флиге подходит к теме депортаций с менее очевидной стороны, через историю кладбищ, где сохранились могилы депортированных. Эти захоронения или просто заброшенные участки с виднеющимися кое-где могилами, раскиданные по Сибири, северу Европейской России и другим территориям, часто не имеют официального статуса. Присутствие там депортированных выдает сам облик могил (например, форма крестов), отличающийся от захоронений местных жителей. У нас уже есть исследования захоронений, сделанные по отдельным регионам и группам спецпереселенцев, например по могилам литовцев на кладбищах в Бурятии¹. Поразительно, насколько на многих из них могилы ссыльных выделяются на фоне других захоронений. Например, над кладбищем в Хазане, недалеко от города Зима в Иркутской области, возвышаются огромные литовские кресты². Даже если память умерших ссыльных не увековечена там никаким памятником, следы их присутствия нельзя не заметить, пусть даже жители деревни и окрестных мест, говоря о кладбище, вспоминают лишь о том, как литовцы приехали туда, чтобы выкопать и забрать на родину останки ссыльных. С начала 1990-х годов правительство Литвы, а затем разные общественные организации предприняли серию подобных экспедиций на кладбища или в давно обезлюдившие места, например в устье Лены. Этот затерянный край стал символом литовских депортаций, несмотря на то, что сегодня даже кладбищенский крест не напоминает там о трагедии «ледяных детей», которых в самых невыносимых условиях депортировали за полярный круг, где многие из них погибли ужасной зимой 1942 г.³

И. Флиге обращает внимание на кажущийся странным факт, что розыски захоронений узников ГУЛАГа велись намного активнее, чем поиск могил депортированных. Кладбища заключенных еще во времена перестройки искали по всей стране, прежде всего по инициативе Мемориала и его многочисленных отделений в регионах России. Что касается захоронений ссыльных, то они стали выходить из небытия лишь с начала 1990-х гг., когда литовцы организовали серию экспедиций, чтобы репатриировать на родину останки своих соотечественников. Однако эти отдельные точки не складываются в целостную карту захоронений. В отличие от тех мест, где раньше находились лагеря или расстрельные полигоны времен «Большого террора», на кладбищах ссыльных мы редко увидим памятники. Этот контраст во многом объясняется обстоятельством

¹ Башкуев В., Разгус Б. Захоронения литовских спецпоселенцев в Республике Бурятия: Прошлое и настоящее (1948–2010) // Cogita.ru. 25 нояб. 2010 г. URL: <http://www.cogita.ru/pamyat/kultura-pamyati/vtoroi-mezhdunarodnyi-seminar-ekspertov-abzabytye-mogilybb/zahoroneniya-litovskih-spesposelencev-v-respublike-buryatiya-proshloe-i-nastoyashee-1948-2010>

² См. фото на обложке, сделанное автором предисловия.

³ Balkelis T. Ethnicity and Identity in the Memoirs of Lithuanian Children Deported to the Gulag // Davoliūtė V., Balkelis T. (eds.). *Maps of Memory...* P.46–71; Blum A., Koustova E. *A Soviet Story...*; Ирина Ашмонтайте-Гидриене. «История ледяного ребенка» // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Paris, Cercoc/RFI, 2010. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/irena-ashmontaite-gidriene>

вом, которое подметил А. Даниэль: депортированные смешивались со свободными, а значит, кладбища у них были общие. Поэтому требовалось не разыскивать забытые и заброшенные места, а искать на известных захоронениях могилы ссыльных. И. Флиге также напоминает, что помимо тех мест, где лежат депортированные, добравшиеся до пункта назначения, нужно учитывать разбросанные по всей территории точки, где были брошены тела умерших в пути и где хоронили тех, кто сгинул на распределительных пунктах, так и не добравшись до места ссылки. Следует также помнить о похожих на лагеря и давно заброшенных леспрохозах — о них периодически упоминают герои наших интервью, которые до или после 1991 г. пытались отыскать останки своих отцов или матерей¹.

Позволю себе поделиться личным воспоминанием о том, как во время одной из поездок в Сибирь в поисках устных свидетельств я оказался на кладбище в Хазане, которое уже упоминалось выше. Там нет нужды в специальном мемориале — литовские кресты и так возвышаются над другими могилами. Однако для литовцев, которые остались в Сибири и не вернулись домой, это кладбище и эти кресты стали воплощением горечи и сожалений². Некоторым из тех, кто не уехал из Сибири, порой кажется, что репатриация гробов в Литву разорвала последнюю нить, связывавшую их с землей их предков.

Мы решили в этой статье остановиться лишь на двух темах: возвращении и памяти. Однако сборник включает также работы, повествующие о других аспектах истории депортаций, которой посвящен наш трехлетний исследовательский проект. Советские депортации были невиданными по масштабу и растянулись на многие годы. Это одна из важнейших страниц истории сталинизма. Населению территорий, лежавших к западу от советских границ (вне зависимости от того, были ли они аннексированы СССР), пришлось пережить и другие волны депортаций, проводившихся другими режимами. Польские власти в самом начале Второй мировой войны принудительно перемещали польских немцев³, после войны правительство Болгарии обращалось к Сталину за одобрением депортации в Турцию (которая одно время не возражала) всех тех, кого идентифицировали как турок, а чехословацкие власти проводили аналогичную политику по отношению к венгерскому меньшинству Словакии⁴. Наконец, одна из вошедших в сборник статей посвящена положению депортированных иностранцев и лиц без гражданства⁵.

Ален Блюм

---

¹ См., напр.: Интервью с Эйно Луупом, взятое Айги Рахи-Таммом в присутствии Жюльет Дени и Марка Фише 16 марта 2010 г. в Тартусском университете [00:54:43–00:57:39] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris.

² Напр.: Интервью с Анной Нетепчук из Никилея, взятое Эмилией Кустовой и Ларисой Салаховой 29 января 2010 г. в Никилее (Иркутская область) [00:53:56–00:55:00] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris.

³ См. ст. С.В. Кретьнина в наст. сб.

⁴ См. ст. Г.П. Мурашко, С.М. Слоистова в наст. сб.

⁵ См. ст. Н.Н. Аблажей «Иностранцы, апатриды и репатрианты на спецпоселении в СССР».

Часть 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ

А. Блюм

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ СТАЛИНИЗМА: МЕДЛЕННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, ДЕПОРТИРОВАННОГО С ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СССР*

В результате депортаций, составлявших основу сталинских репрессий, возникло пространство населенности особого рода — отделенное от остального населения не физически, а административно. Этот мир воспроизводил себя в соответствии со своей внутренней логикой, жил, развивался и сокращался по своим собственным законам. У него своя демография и своя география. В отличие от ГУЛАГа, куда попадали и откуда выходили, который представлял собой в целом изолированное от остального мира место заключения, территория спецпоселений одновременно отделена от окружающей реальности и переплетена с ней. Отделена особыми правилами, регламентом, удаленностью территорий, из которых прибывало депортированное население. Однако спецпоселенцы¹ жили и работали в местах, населенных свободными людьми. Они смешивались с обычным советским населением и иногда даже обитали в тех же домах, их жилье было вписано в общие жилые массивы, и даже когда они жили в отдельных бараках, то эти бараки все-таки располагались в населенных пунктах, где жили свободные люди². Их дети ходили в советскую школу и учились в одних классах с обычными детьми.

Во время первых депортаций начала 1930-х гг., ставших неотъемлемой частью политики коллективизации в деревнях и орудием войны против крестьянского мира, переселяемых крестьян зачастую изолировали на территориях Российского Севера или Западной Сибири. Их перемещали в необитаемые места, создавая таким образом настоящие зоны колонизации и новые сельскохозяйственные территории. Часть этих крестьян до Второй мировой войны была освобождена от статуса спецпереселенцев, однако вернуться на родину им не позволили.

С 1936-го же и, в особенности, с 1939 г. складывалась совсем иная система. Началась она с депортаций поляков, а затем на протяжении 1939—1952 гг. последовали еще несколько волн переселений³. Отличие этой

---

* Перевод с французского Анны Зайцевой.

¹ Мы используем здесь слово «спецпоселенцы» или «спецпереселенцы».

² Разумеется, некоторая смешанность такого рода существовала и в лагерях ГУЛАГа, поскольку свободные трудящиеся, зачастую бывшие эки, иногда участвовали в работах внутри лагеря или, наоборот, рабочие-эки иногда направлялись на стройки вне лагеря и работали там вместе со свободными рабочими. Однако такое бывало гораздо реже, а главное, сами жизни не пересекались до такой степени.

³ Среди многочисленных источников, рассказывающих о них, стоит особо отметить: Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР.

системы состоит в том, что заселялись уже населенные территории. Отличается и сама ее география — ведь она постепенно покрыла всю территорию СССР, за исключением западных регионов. И еще одно отличие: единожды попав в этот мир, живыми оттуда уже не выходили. Так продолжалось до самой смерти Сталина и даже до 1955 г.

У этого мира своя собственная демография. Он рос поэтапно, в результате крупных операций по переселению. Однако он не переставал расти, хотя и более медленно, и в периоды между двумя массовыми депортациями, особенно после 1944 г., когда переселению регулярно подвергались группы людей, ранее не затронутых этими волнами, но которых позднее идентифицировали как принадлежащих к группам, депортированным во время крупных операций. Например, операция «Запад»¹ была проведена в 1947 г. в Украине с целью переселения «семей украинских бандитов»: под нее попали семьи всех, кто прятался в лесах, был арестован или убит во время боев между ОУН и советскими внутренними войсками. Однако аресты продолжались и долгое время после операции. В течение нескольких месяцев людей, арестованных по тем же основаниям, что и переселенных во время массовых операций, собирали в тюрьмах в «сборных пунктах». И когда набиралось достаточное количество человек для того, чтобы можно было снарядить эшелон, их погружали в вагоны из всех сборных пунктов республики и отправляли в сторону Сибири или Средней Азии, где они вливались в ряды спецпереселенцев². Так, 5 ноября 1951 г. в 23.30 эшелон из 57 вагонов, в которые набилось 1096 чел. (278 семей), отправился со станции Здолбунов в Ровенской области Украины: в него погрузили семьи из Львовской, Волынской, Ровенской, Тернопольской, Дрогобыщской и Станиславской областей³, причем некоторые семьи в ожидании отправления провели в тюрьме несколько месяцев⁴.

Этот мир расширялся и за счет естественного прироста, поскольку новорожденных, формально не являвшихся его частью, ставили на посемейный учет депортированных, и каждый достигший возраста 16 лет автоматически получал статус спецпоселенца. Более того, во время регулярных пересчетов этого населения считали как взрослых, так и детей⁵. Дети обладали не большей свободой передвижения, чем взрослые, и хотя в строгом смысле слова у них не было статуса спецпоселенца (их не регистрировали в индивидуальном порядке), они все-таки были частью этого населения.

М., 2001. См. также: Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru>.

¹ Об этой операции см. подробнее, например, досье, сохранившиеся в архивах СБУ в Киеве. — Галузевий державний архів (далее — ГДА). Ф. 2. Оп. 103. Д. 6 «Докладные записки, оперативные планы по выселению семей оуновцев с территории Ровенской области 1947 г.».

² См. пример такого более позднего эшелона: ГДА. Ф. 2. Оп. 19. Д. 2. Т. 1 (МГБ УССР. На выселение и отмену ссылки, 1.7.1952–31.12.1952). Л. 560.

³ ГДА. Ф. 2. Оп. 102. Д. 21. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 642 («О движении высланных, ссыльных, спецпоселенцев и ссыльно-поселенцев за 1951–1952»).

До самого 1953 г. оно убывало только естественным образом: за редким исключением, убыль происходила за счет смертности. Особенно высока она была в течение первых месяцев после переселения, а затем, судя по всему, ситуация стабилизировалась, и смертность сравнялась с уровнем смертности местного населения. В исключительных случаях мир спецпоселений можно было покинуть благодаря «снятию с учета». Термин «освобождение» не использовался, что лишь подчеркивает, насколько эти жители представляли собой отдельный управляемый контингент населения СССР, созданный через постановку на учет, а не в судебном порядке, как это имело место в случае с узниками ГУЛАГа¹. Поэтому чтобы сняться с учета, нужно было отправить заявление в НКВД² или же в другую инстанцию или начальственному лицу, которые всегда перенаправляли его в НКВД. Лишь на редкие заявления давался положительный ответ, в случаях, когда подавшая заявление семья была перепутана с другой или ей не посчастливилось оказаться в день депортации в доме семьи, которая должна была подвергнуться переселению³. Некоторые всячески подчеркивали свою роль информаторов, хотя обычно последние с самого начала операции исключались из списка людей, подлежащих переселению⁴. Порой семье удавалось получить положительный ответ, если один из ее членов воевал в Красной армии или участвовал в Великой Отечественной войне (в случае, если прежде этот факт не позволил ей избежать переселения)⁵.

Такая точная идентификация спецпоселенцев была доведена до логической завершенности, поскольку их почти ежегодно пересчитывали и любые прибытия и убытия четко прописывались. Их разделяли на несколько подкатегорий, которые, не означая социальных групп, представляли собой скорее определенные «контингенты» спецпоселенцев, т.е. в каком-то смысле отсылали к происхождению индивидов: ведь в этом учете каждый был и навсегда оставался «членом семьи литовского бандита», «андерсовца», «бывшего кулака» и т. п. То есть принципом описания являлось происхождение, в котором территория (контингенты очень часто

¹ Это следует особо отметить, поскольку часть этих людей были высланы решением Особого совещания при НКВД, чьи постановления обладали переходным статусом между административными и судебными. И кстати, как мы это увидим далее, когда это Особое совещание было распущено в сентябре 1953 г., право отмены его решений было передано Верховному суду СССР, т.е. судебному органу, а не МГБ.

² Для простоты мы говорим в целом об НКВД, идет ли речь действительно о нем или о его преемниках. Напомним, что НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), созданный в 1934 г., был главным инструментом сталинских репрессий. Он несколько раз менял наименование: в 1941-м и 1943-м его дважды разделяли на две части (НКВД и НКГБ). Последние в 1946 г. были переименованы в МГБ и МВД, а затем, после смерти Сталина, в КГБ и МВД.

³ См., например, заявление Председателю Совета министров СССР, 20.4.1953: Lietuvos centrinis valstybės archyvas (Литовский Центральный государственный архив) (далее — LCVA). Ф. R754. Оп. 13. Д. 447. Л. 171–172.

⁴ ГДА. Ф. 2. Оп. 19. Д. 5. Т. 3 «МГБ УССР По ответным мерам. Переписка по выселению семей бандитов и пособников 1.1.1952–31.12.1952». Л. 15; Д. 2. Т. 1 «МГБ УССР На выселение и отмену ссылки 1.7.1952–31.12.1952». Л. 13–16; Д. 2. Т. 2 «МГБ УССР На выселение и отмену ссылки 1.3.1952–1.5.1952». Л. 634.

⁵ ГДА. Ф. 2. Оп. 19. Д. 5. Т. 3 «МГБ УССР По ответным мерам. Переписка по выселению семей бандитов и пособников 1.1.1952–31.12.1952». Л. 80.

Рис. 1. Общее число заключенных и спецпереселенцев (на 01.01 соответствующего года)¹.

определялись по территориальному признаку) и национальность (в случае с переселениями времен Второй мировой войны) присовокуплялись к характеристикам, связанным с движениями сопротивления советизации после 1939 г. на оккупированных, а затем аннексированных территориях².

Итак, это население формировалось на протяжении всего периода 1929–1953 гг. С 1939 г. оно непрерывно росло за счет очередных волн переселений и естественного прироста. Пик был достигнут в 1953 г. Этот рост в целом происходил параллельно с ростом населения тюрем, лагерей и колоний (рис. 1). Он просматривается не только в численных, но и в пространственных характеристиках, о чем свидетельствует географический разброс и количество спецпоселений (карты в зале «География депортаций» на сайте «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе»³). Спецпоселенцы — это в основном крестьяне, выселенные в начале 1930-х гг. из российских и восточно-украинских областей. С 1939 г. к ним присоединилось население польских территорий, польские осадники и беженцы (в основном еврейские)⁴. Их особенно много в северных регионах, Архангельской области и Коми, в небольшом количестве они раскиданы по Сибири и

¹ Источники: ГА РФ. Ф. Р-479. Оп. 1. Д. 89, 157, 187, 257, 436, 489, 641, 642, 725, 759, 761, 836, 846, 848, 905, 925, 932, 933, 949, 967; Земсков В. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 642 «Численность и состав спецпоселенцев (по состоянию на 1 июля 1952 г.).

³ <http://museum.gulagmemories.eu/ru/salle/geografiya-deportatsii>.

⁴ В этой статье мы не берем в расчет многочисленных корейцев, сконцентрированных в Средней Азии, поскольку они не обладали статусом спецпоселенцев и не учитывались столь точно.

Дальнему Востоку. Зачастую они заселяли пустые территории, на которых строили новые поселки. На 1 января 1941 г. насчитывалось около 2550 поселков спецпереселенцев (трудпоселенцев, осадников и беженцев), из которых около 20 % располагались в северо-западных регионах России (Архангельская область, Коми АССР, Вологодская область, Карело-Финская ССР, Мурманская область) и 47 % в Сибири и на Дальнем Востоке¹.

Зато в 1951 г. спецпоселенцев распределяли почти по всему советскому пространству, многие из них попадали в местности с доминированием сельского населения, других же ссылали в суровые края вдоль крупных сибирских рек, вплоть до Заполярья. По карте видно, что логика удаления не подразумевает под собой стремления отделить эти категории населения от остальных советских граждан. Напротив, депортированное и свободное население смешивались, контактировали друг с другом, знали друг друга, и редкий местный житель — тем более в сельской местности — мог оказаться в неведении по поводу прибытия этих контингентов. Отныне насчитывалось около 17 500 спецпоселений², из которых чуть больше половины (51 %) располагались в Сибири и на Дальнем Востоке. И только запад России и западные территории, откуда прибыли послевоенные волны переселений, не были усеяны этими поселками. Здесь местное население становилось свидетелем не приезда спецпереселенцев, а жестокого вырывания близких и знакомых из родного гнезда. Позднее оно наблюдало и их возвращение.

Ликвидация — демонтаж

Итак, советские правители, пришедшие к власти после Сталина, в процессе освобождения спецпоселенцев от дискриминирующего административного статуса, столкнулись с необходимостью организации и реинтеграции в общее население особой категории граждан, рассеянной по огромной территории, но очень точно административно определенной. Если в случае с лагерями власти задействовали индивидуальные (отмена наказания) или коллективные (амнистия) судебные процедуры, то в случае со спецпоселенцами они не могли использовать те же механизмы, поскольку эти люди не были осуждены за какое-либо преступление (следовательно, невозможно было отменить несуществующий приговор). Вообще, особый режим, в котором они жили («под гласным надзором органов МВД», включавшим запрет покидать место спецпоселения, обязанность регулярно отмечаться у коменданта и пр.), можно было бы попросту отменить. Однако советские власти в хрущевскую и брежневскую эпохи не прибегли к этому вроде бы очевидному решению. Напротив, они действовали способом, на удивление симметрично отражающим то, как прежде эти категории населения создавались. Они действовали с недоверием и подозрительностью, еще долго сохраняя статус спецпоселенца, порожденный сталинскими репрессиями. Вместо того чтобы единовременно распустить эту систему, они демонтировали ее медленно и постепенно.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 88–96.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 561, 562, 598, 599 «Дислокация расселения спецпоселенцев...». Алтайский край не включен в эту статистику.

Возвращение из лагерей ГУЛАГа в наше время хорошо изучено, как через нормативные рамки, регулировавшие освобождение заключенных и амнистии¹ (постоянно изменявшиеся, они вызывали напряжение в обществе), так и через более подробное изучение отдельных судеб бывших эзков после освобождения². А вот процессы демонтажа и следующего за ними возвращения, в частности в западные территории, остаются малоизученными. Разумеется, некоторые народы вызвали особое внимание научного сообщества: есть, например, исследования и сборники документов, которые рассматривают сложности, возникшие в ходе возвращения чеченцев и ингушей, или анализируют процесс репатриации поляков (по этому предмету имеется несколько очень подробных работ)³. Многочисленные труды также посвящены вопросу невозвращения крымских татар⁴. Однако до сих пор слабо разработанной остается история постановлений, открывших возможность возвращения, да и самих возвращений жителей Литвы (будь то литовцы, евреи или поляки) или Западной Украины.

Изучение этих возвращений позволяет задуматься о связях между тем, что можно назвать «множественными советскими обществами», политическими решениями и колебаниями в отношении сталинского наследия, выявить постоянное напряжение между авторитарными методами управления и попустительством. Перед нами разворачивается история, сотканная из колебаний и непринятых решений. Руководители, пришедшие после Сталина, продолжали пользоваться категориями сталинского мышления, при этом развивая глубоко легалистский подход. Политика, проводимая с 1953 по 1988 г., была прежде всего выражением непреодолимой политической нерешительности. Появлялось все больше способов освобождения от статуса спецпоселенца, вписанных при этом в политическое мышление, которое оставалось сковано сталинскими категориями.

Хроника долгого ожидания

Колебания и промедления прочитываются прежде всего в количественных трансформациях мира спецпереселенцев, которые демонстрируют долгое ожидание, выпавшее на долю некоторых депортированных, а также крайне позднее исчезновение самого статуса.

С одной стороны, кривая числа спецпереселенцев после 1953 г. отмечена очень быстрым падением в 1954–1955 гг.: с 2,7 млн спецпереселенцев

---

¹ Elie M. Les anciens détenus du Goulag: Libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953–1964. Paris, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2007. URL: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00593664>.

² Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 2009; Adler N. The Gulag survivor: Beyond the Soviet system. New Brunswick, N.J., Etats-Unis: Transaction Publishers, 2002.

³ Gousseff C. Dépayser les peuples. L'histoire d'un échange de populations aux nouvelles frontières polono-soviétiques, 1944–1947 (готовится к печати; предварительный вариант названия). Paris, Fayard, 2015.

⁴ См., напр.: Даниэль А. Эхо депортации: Крымско-татарское движение за возвращение и предпосылки к установлению связей с правозащитным сообществом // Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск: Наука, 2012. Вып. 1. С. 234–254; Козлов В.А. и др. Вайнахи и имперская власть: Проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР: начало XIX — середина XX в.: сб. документов. М.: РОССПЭН, 2011.

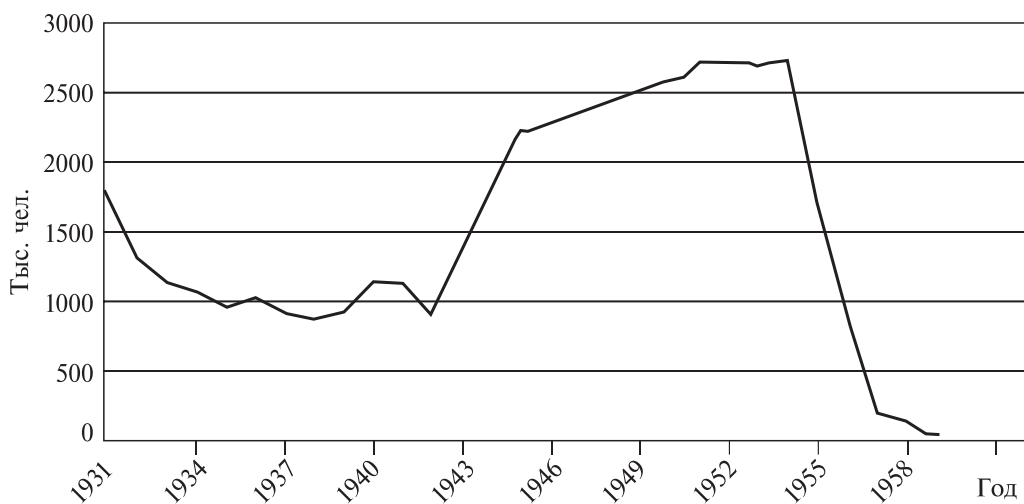

Рис. 2. Число спецпереселенцев (трудпоселенцев, ссыльных и пр.) (на 01.01 соответствующего года).

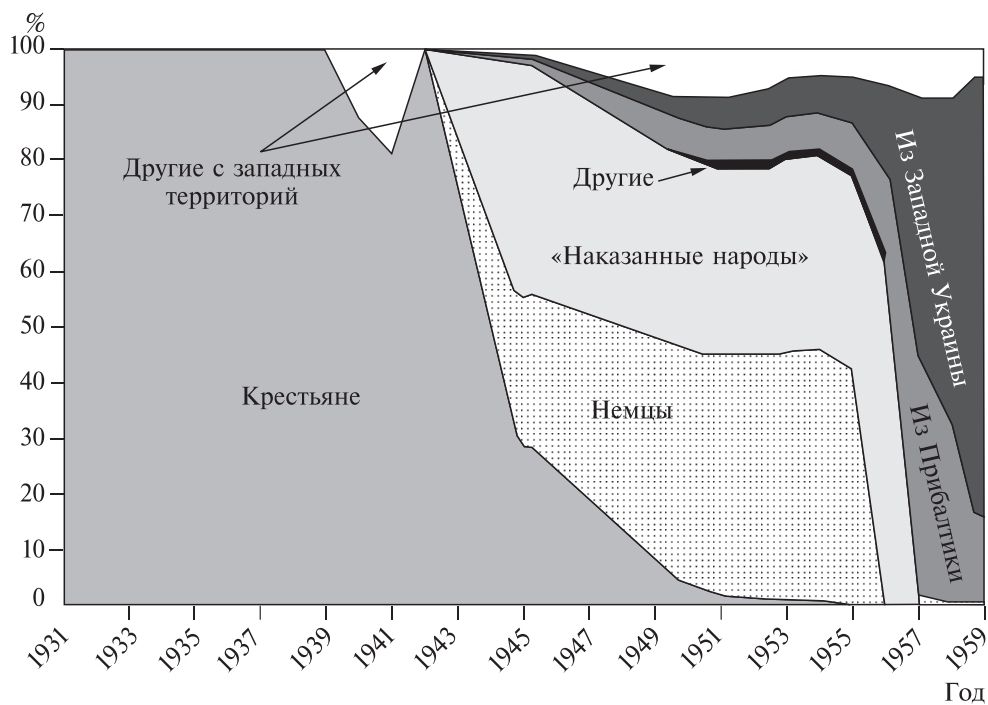

Рис. 3. Распределение депортированного населения в зависимости от категории (на 01.01 соответствующего года).

на 1 января 1954 г. показатель снизился до 1,7 млн на 1 января 1955 г. и затем до 900 тыс. на 1 января 1956 г.¹ (рис. 2).

Это снижение, однако, обманчиво, поскольку происходило оно прежде всего за счет выхода из этого особого мира детей меньше 16 лет². И только в 1956 г. постановления затронули уже широкие слои взрослого населения — т.е. более чем через 3 года после смерти Сталина и знаменитого указа марта 1953 г. об амнистии лагерных заключенных. Это общее падение численности также было очень частичным, поскольку вначале почти не касалось населения, выселенного с западных территорий. Об этом свидетельствует «состав» спецпереселенцев, определяемый здесь в терминах, используемых советскими властями (рис. 3): до 1939 г. в него входили в основном крестьяне, а в ходе Второй мировой войны основную массу стали составлять немцы и другие «наказанные народы» (в основном с Кавказа), и наконец, начиная с 1957 г. большинство среди спецпереселенцев составляло население, депортированное с западных территорий.

На первый взгляд все просто и свидетельствует о политике, способствующей быстрому исчезновению этой категории населения. Однако при более внимательном рассмотрении различных процедур, лежащих в ее основе, вырисовывается совершенно иной образ: они оказываются многочисленными, малосогласованными, и в них смешиваются два основных подхода — коллективный и индивидуальный.

Сложные переплетения между коллективными и индивидуальными процедурами

Таким образом, политические колебания в сочетании с образом мышления, остававшимся под властью сталинских описательных категорий, а также отказ от пересмотра сталинских форм законности проявились во множественности параллельно существующих процедур и их эфемерном характере. Все это способствовало демонтажу данной категории населения вплоть до ее исчезновения, по крайней мере в юридическом и административном плане. Эти процедуры могли быть коллективными или индивидуальными, что еще более усложняло работу по их осуществлению, а главное, зачастую делало ее почти иллюзорной: решения об индивидуальных освобождениях, принятые после долгой и трудной работы по полицейскому и административному расследованию, лишь на несколько месяцев или даже дней предшествовали коллективному решению в отношении тех же самых лиц. Эти процедуры касаются решений, в которых переплетаются различные юридические и экономические, политические и социальные соображения, произвол и формалистское следование букве закона.

Пути к коллективному освобождению прокладывались указами и другими постановлениями, которые постепенно пересматривали прежние решения о коллективных переселениях, следуя при этом категоризации

---

¹ Мы не включили в эту кривую корейцев, подвергшихся массовым депортациям в 1936 г. в Среднюю Азию. На них не распространялся статус спецпереселенцев, у них был некий переходный статус: их не контролировали, но они и не могли вернуться в места, из которых были выселены.

² Постановление Совета министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев».

населения, доставшейся в наследство от сталинских административных решений. Эти пути освобождения определялись в центре, но сама организация возвратов, как правило, входила в полномочия местных властей. В свою очередь, индивидуальные пути освобождения пролегли через установление своеобразного диалога (разумеется, ограниченного и вписанного в полунормативные рамки) между центральными, местными властями и индивидами. С 1953 г. разнообразные комиссии занимались все увеличивающимся количеством заявлений и жалоб, направляемых депортированными из всех уголков страны многочисленным адресатам. Прежде эти прошения и жалобы разбирались в отделе МВД, занимавшемся этими переселениями. Более того, каждая советская республика, имевшая дело с возвращениями, переживала их по-своему. Ведь если рамочные постановления принимались в Москве, то конкретная организация и проведение в жизнь иногда делегировались советским республикам, из которых прежде осуществлялось выселение.

Чтобы лучше продемонстрировать сложные переплетения процедур, мы возьмем в качестве примера случай Литвы, приводя иногда и другие примеры. Действительно, процедуры разнились в зависимости от республик. И если республики Прибалтики в этом плане схожи между собой (хотя и не идентичны), то в Украине свои особые процедуры. Эти различия тем более интересны, что иногда республиканские власти стремились напрямую, без посредничества Москвы, обменяться между собой информацией по поводу применяемых процедур¹.

Коллективные процедуры

Процедуры коллективного освобождения руководствовались прежде всего двумя логиками.

1. Политическая логика.

Эти процедуры были отмечены устойчивым недоверием и даже враждебностью по отношению к крестьянскому населению, в частности к его самым зажиточным слоям. Это было неизменной и важнейшей характеристикой образа мышления в советском режиме. Коллективизация крестьянских хозяйств, осуществленная Сталиным, никогда не подвергалась пересмотру. Раскулачивание оставалось вне всякой критики, так же, как и репрессии, которыми оно сопровождалось. Крестьян, определенных как «кулаки» на момент их переселения из западных территорий, освободили в 1958 г., однако само это переселение по-прежнему рассматривалось как оправданное. Более того, наклеенный на них ярлык кулака продолжал рассматриваться как несмываемое клеймо. И как ни парадоксально, по сравнению с ним клеймо коллаборационизма во время Второй мировой войны оказывалось менее тяжким (тем более что коллаборационисты получили амнистию еще в 1955 г.²).

¹ 4 февраля 1974 г. МВД Литовской ССР написало МВД Украинской, Эстонской и Латвийской ССР запрос на информацию о процедурах, которые они проводили: LYA. Ф. V-135. Оп. 7. Д. 549. Л. 44–49.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны»

2. Бюрократическо-правовая логика.

Большая часть указов о коллективном освобождении населения, депортированного с западных территорий, уточняют, что данное освобождение, а вернее, снятие с индивида статуса спецпереселенца, а вместе с ним и соответствующих ограничений, вовсе не означает права возвращения в родную область или республику. Например, выселенные из Литвы после освобождения не могли вернуться в Литву. Чтобы получить это право, они должны были направить заявление областным или республиканским властям, уполномоченным к принятию подобных решений. А значит, освобождение не влекло за собой реабилитации и, следовательно, не аннулировало указ о депортации, который продолжал считаться оправданным. Поэтому освобожденные люди втягивались в тяжкие бюрократические и судебные процедуры, чтобы получить разрешение на возвращение, а также чтобы им дали право вернуть себе конфискованное имущество, и прежде всего жилье. И наконец, эти люди по-прежнему носили на себе клеймо: ведь считалось, что советские власти депортировали их обоснованно.

Происходившие трансформации направлялись многочисленными постановлениями, сочетающими эти две логики, будь то постановления, смягчающие условия для некоторых категорий спецпереселенцев, или постановления, полностью освобождающие их от данного статуса, при этом систематически не давая им разрешения вернуться в область или республику, из которой они были выселены. Сам статус спецпереселенца исчез лишь в 1965 г., т.е. через 12 лет после смерти Сталина, когда получила коллективное освобождение последняя категория спецпереселенцев — свидетели Иеговы и так называемые сектанты¹. Таким образом, статус спецпереселенца, по-прежнему остававшийся статусом вне закона, устарел, но отменен не был. А устарел он лишь потому, что группа населения, носившая этот ярлык, исчезла в процессе постепенного снятия с учета. Однако последствия данного статуса ощущались еще долго, поскольку некоторые спецпереселенцы все еще не могли вернуться на родину, вплоть до 1988 г. были ограничены в свободе передвижения и продолжали получать систематические отказы на свои бесконечные прошения о возвращении.

Общая рамка коллективных процедур была задана еще в мае 1953 г., вскоре после осуществления массовой амнистии узников ГУЛАГа. Заместитель министра внутренних дел Круглов² (вскоре ставший министром) предложил график быстрого и массового освобождения, в котором, однако, имелась некоторая иерархия между разными категориями спецпереселенцев. Если бы его предложение было принято, то до конца 1953 г. освобождение получило бы около половины депортированных. И хотя проект Круглова как таковой принят не был, он все-таки определил кон-

---

1941–1945 гг.». Тем не менее сотрудничество с немцами в сочетании с участием в массовых преступлениях во время оккупации оставалось сильным стигматом, который даже заново активировался во время очередной волны процессов в 1960-е гг.

¹ В виртуальном музее «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» есть зал, посвященный этим освобождениям, где имеется их хронологическая таблица.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 67–83. Отчет, представленный министру внутренних дел Кругловым, замминистра внутренних дел, и Алидиным, начальником отдела «П» МВД СССР МГБ.

**Хронология освобождения со спецпоселения жителей западных территорий
(особенно на примере Литвы)**

1954	
16.07	Дети спецпоселенцев (до 16 лет или старше, если учатся) «Снятие некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» (данный приказ не распространяется на членов семей, высланных из западных территорий в 1945–1952 гг.)
02.12	Участники ВОВ, преподаватели учебных заведений, одинокие инвалиды и др.
16.12	Немцы и члены их семей, высланные в период ВОВ
1955	
19.03	Члены семей лиц, освобожденных по предыдущему акту Ссылнопоселенцы, находившиеся на поселении после отбытия наказания за особо опасные государственные преступления, если семьи этих лиц не находятся на спецпоселении Лица, выезжающие в порядке репатриации в ПНР
1957	
21.01	Запрещение «бывшим руководителям бурж. правительств Литвы, руководителям буржуазных полит. партий, активным участникам литовского националистического подполья [...]» возвращаться в Литовскую ССР
1958	
01.04	Лица, избранные в местные Советы депутатов трудящихся и т.д.
22.05	Пособники нацподполья и члены их семей Бывшие кулаки и члены их семей Члены семей бывших помещиков, фабрикантов и пр. (без права возвращения в места, откуда были высланы)
07.08	Бывшие военнослужащие армии Андерса и члены их семей
1960	
07.01	Члены семей руководителей и участников нацподполья и вооруженных нацбанд, высланных из Литвы, Латвии, Эстонии; бывшие торговцы, помещики, фабриканты, члены буржуазных правительств (без права возвращения в места, откуда были высланы)
1961	
18.04	Бывшие участники нацподполья и вооруженных нацбанд, осужденные за преступления, совершенные до 18-летнего возраста, с правом проживания на территориях, где проживали до осуждения
1963	
06.12	Руководители и участники нацподполья и вооруженных банд
1964	
24.04	Распространение Указа ПВС СССР от 6.12.1963 на бывших участников антисоветских националистических организаций (по постановлению ОС при НКВД–НКГБ–МГБ–МВД СССР)
1965	

цепцию, которая использовалась в период 1953–1965 гг. Через два года после его написания он был взят за основу при разработке других проектов освобождения Новиковым, главой 1-го отдела МВД, занимающегося этими вопросами. В процессе освобождения власти хотя и не руководствовались напрямую рекомендациями Круглова, все-таки во многом

ими вдохновлялись: создается впечатление, что сформированная им в 1953 г. концепция по-прежнему имела влияние¹.

В этой концепции сохранялся статус спецпереселенца, но для некоторых, в ожидании полного освобождения, он смягчался. Концепция сформулирована в тех же категориях, которые в свое время дали основание для депортаций: коллективное освобождение отзывается эхом на коллективные выселения. Так, первые решения, принятые 5 июля 1954 г., касались ограничений, связанных со статусом спецпереселенца, которые были смягчены для большинства из них, за исключением спецпереселенцев с западных территорий. Затем последовало освобождение детей до 16 лет, чей статус и так все время оставался неопределенным. А теперь по крайней мере их не ожидало попадание под статус спецпереселенца по достижении совершеннолетия, и они могли передвигаться по всей территории СССР. Впрочем, это право было довольно искусственным, поскольку большинство из них все равно оставались со своими семьями.

Однако только в конце 1955 г. было осуществлено настоящее коллективное освобождение: тогда освободили немцев, однако вернуться на территорию им не позволили. В 1956 г. последовало освобождение «наказанных народов». Тем не менее в этом коллективном процессе быстро проявилось особого рода недоверие, которое питали советские власти в отношении жителей западных территорий. Последние были явным образом исключены из некоторых постановлений, смягчающих условия подписки о невыезде. Указы об их коллективном освобождении приняты поздно. Касающиеся их постановления принимались в течение долгого времени, в основном с 1958 по 1965 г., тогда как все другие категории были освобождены уже в 1955–1956 гг. И в частности, 1957 год не принес ни одной хорошей новости, что удивительно после XX съезда. Более того, в 1956–1957 гг. приняты даже отдельные ограничительные постановления, запретившие некоторым возвращаться на родину или получать освобождение, даже в индивидуальном порядке (см. таблицу). И хотя постановления, касающиеся этого населения Западной Украины, Литвы, Эстонии и других западных территорий, являлись коллективными, они все-таки разделяли жителей на группы, воспроизводя сталинские политические и социальные категории. Освобождение депортированных жителей Литвы растянулось на годы, поскольку в этом процессе применялся дифференцированный подход в зависимости от того, шла ли речь о высланных как «бандиты», как «бандопособники», как «члены семей бандитов» или как «члены семей кулаков». И напротив, в процессе освобождения депортированных народов Крыма, немцев или чеченцев подгруппы не выделялись.

Индивидуальные процедуры

С 1953 г. параллельно существовали две процедуры: первая была призвана принимать жалобы от индивидов, приговоренных к выселению Особым совещанием при НКВД (ОСО). Эта внесудебная комиссия была создана в 1922 г. для ускорения репрессивных процедур. Ее решения могла отменить только она сама. Много людей было приговорено этой комиссией к высылке на спецпоселение, тогда как освобождений она практически

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 896.

не производила. Поскольку указом от 1 сентября 1953 г. эта комиссия была упразднена, властям пришлось вместо нее учредить новую инстанцию, которая могла бы обрабатывать заявления. Верховный суд СССР, которому было поручено рассмотрение жалоб, был быстро завален многочисленными запросами, в которых выразился мощный всплеск надежды, вызванный законом об амнистии. Его работа еще больше тормозилась тяжеловесной процедурой, в соответствии с которой информация об индивидах, требующих пересмотра своей ситуации, запрашивалась в областях, откуда они родом, и затем только через МВД поднималась в Верховный суд. В 1955 г. МВД и другие инстанции предложили передать процедуру в областные и республиканские ведомства, что и было сделано в мае 1955 г.¹

Итак, с 1955 г. принимать решения уполномочен уже Верховный суд Литвы, но тот освободил совсем небольшое количество спецпереселенцев, по сравнению с оставшимися в ссылке (по решению судебных органов в 1955 г. было освобождено 186 выселенных из Литвы, а в 1956 г. — 2065². А всего среди депортированных из Литвы в эти годы было освобождено соответственно 2656 и 17 483 чел.). И снова процедура оказалась не приспособлена для обработки возросшего потока заявлений. В январе 1957 г. ЦК КП ЛССР решил создать отдельную комиссию, уполномоченную отменять решения о спецпоселении — «Комиссия Президиума Верховного Совета Литовской ССР для рассмотрения дел на лиц, находящихся на спецпоселении по решению бывшего Особого Совещания при НКВД—НКГБ СССР и по отдельным директивам этих органов»³. Отныне все отмены решений о спецпоселении, принятых ОСО, находились в ведении этой комиссии, куда вошли председатель Совета министров ЛССР, председатель КГБ ЛССР, прокурор, министр внутренних дел и председатель Верховного суда ЛССР.

Однако если многие решения о спецпоселении принимались ОСО, постановление о высылке крестьян с целью форсирования коллективизации было принято Советом министров. Следуя все той же логике, не ставящей под сомнение сталинскую законность, советские власти расценили, что освобождение этих индивидов может решаться только на уровне того же Совета министров. За отсутствием общего постановления, которое было принято гораздо позже, заявления крестьян с июля 1953 г. рассматривались специальной комиссией при Совмине Литвы — «Комиссией по рассмотрению заявлений и ходатайств об отмене административной высылки отдельным гражданам, выселенным за пределы ЛССР». Эта комиссия работала вплоть до 1958 г., когда в мае было принято постановление о коллективном освобождении «кулаков». К этому времени из 12 285 хранившихся в МВД дел крестьянских семей, выселенных из Литвы, большая часть которых были депортированы в 1948 г., — 8944 дела, т.е. около $\frac{3}{4}$, уже были рассмотрены комиссией при Совмине, и из них в 4511 случаях, т.е. чуть больше половины, было принято решение об освобождении⁴.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 96–98, 156.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 949. Ф. 64. В это число не входят свидетели Иеговы и некоторые другие группы. Но несмотря на это, оно вполне дает представление об общих масштабах явления.

³ ЛУА. Ф. 1771. Оп. 190. Д. 11. Л. 3. Указ КПЛ от 16 января 1957 г.

⁴ Подсчеты были осуществлены нами на основе списка дел, которые обрабатывались во время заседаний различных комиссий.

Комиссия, созданная в 1957 г. при Верховном Совете, имела тот же состав, что и комиссия при Совете министров, однако до мая 1958 г. она собиралась в другое время. А с мая 1958 г. обе комиссии, формально отделенные друг от друга, собирались в один и тот же день. Поскольку подавляющее большинство выселенных крестьян было уже освобождено в коллективном порядке, комиссия при Совмине занималась не освобождениями (за редким исключением), а разрешениями на возвращение.

Нижеследующая схема дает общее представление о многочисленных процедурах и их хронологии, свидетельствуя об их разнообразии, о колебаниях властей, которые долго не отменяли сталинские решения в коллективном порядке, предпочитая заваливать себя тысячами индивидуальных ходатайств и таким образом освободив, еще до постановления о коллективном освобождении, большое количество спецпоселенцев.

Год	Комиссия при СМ ЛССР		Верховный Суд СССР	Верховный Суд ЛССР	Комиссия при ПВС ЛССР	Коллективное освобождение (см. таблицу)
	«Кулак» — освободить или нет	Разрешение вернуться	ОСО — освободить или нет			
1953	Создание комиссии при СМ					
1954						Дети спецпоселенцев (до 16 лет или старше, если учатся)
1955						
1956						
1957						
1958	Постановление ПВС СССР об освобождении кулаков и их семей (1958)	Две комиссии (ПВС и СМ ЛССР), но собираются вместе				Пособники нацподполья и члены их семей. Бывшие кулаки и члены их семей. Члены семей бывших помещиков, фабрикантов и пр. Бывшие военнослужащие армии Андерса и члены их семей
1959						
1960						Члены семей руководителей банд, бывшие торговцы и др.
1961						Бывшие участники нацподполья, <18 лет в момент ареста
1962						
1963						Руководители и участники нацподполья и вооруженных банд
1964						Бывшие участники антисоветских националистических организаций
1965						«Иеговисты», «истинно-православные христиане», «иннокентьевцы», «адвентисты-реформисты» и члены их семей

Тем не менее это сложное многообразие заключается не только в множественности применявшихся процедур, но и в самих решениях, принимаемых комиссиями. А они, в свою очередь, отражают колебания центральной и республиканских властей, а также сильно проявляющийся на местном уровне страх массового возвращения индивидов, которые ста-

нут требовать возвращения своего имущества. Это имущество — прежде всего жилье — было конфисковано и использовано в разных целях (там давно жили другие люди, были устроены школы и пр.).

В этой связи разные комиссии, а также всесоюзный и республиканские Верховные Советы разрабатывали разнообразные формулировки, позволявшие уйти от этой проблемы. Так, комиссия Верховного Совета СССР могла принять решение об отмене постановления ОСО, что означало по сути реабилитацию, а следовательно, и возвращение конфискованного имущества, поскольку наказание в этом случае рассматривалось как незаконное. Но она могла также и решить, что выселение было обоснованно, при этом изменив постановление и освободив человека. Такие решения принимались ею в разных ситуациях: например, когда она решала освободить престарелого иждивенца, человека, чьи дети требовали его возвращения, обязуясь взять его на свое попечение. И делалось это не из соображений гуманности, а для того, чтобы государству не приходилось лишний раз брать на себя опеку над недееспособными индивидами. Такие решения принимались, например, и в случаях, когда кто-то совершил побег и вернулся к нормальной жизни в своей деревне. В этот период и в подобных ситуациях государство зачастую отказывалось прибегать к повторной высылке.

Комиссия, созданная в Литве в 1953 г., предложила другую, но равнозначную формулировку: выселение может быть признано необоснованным, и тогда индивиду должно быть возвращено имущество. В постановлении, опубликованном 14 декабря 1953 г., это сказано абсолютно однозначно¹. Здесь уже речь идет о настоящих реабилитациях (и кстати, позднее этот термин использовался властями). Тем не менее большая часть позитивных решений облекалась в иную формулировку: индивид освобождался в виде исключения. Поэтому предполагалось, что его выселили небезосновательно, однако, приняв во внимание различные обстоятельства, Совет министров расценил, что его можно было освободить.

Эта сложность усугублялась еще и порядком получения права на возвращение: как мы уже видели, постановления о коллективном освобождении давали свободу без права на возвращение, оставляя последнее на откуп республиканским властям. В функции только что упомянутых нами комиссий тоже входило решение о праве на возвращение, и им приходилось обрабатывать все больше персональных дел. И кстати, вслед за этими решениями, большей частью отказывающимися в возвращении собственности, просящие заваливали власти повторными ходатайствами. Их случай снова рассматривался комиссиями, которые, как правило, не меняли изначального решения. Но многие писали заявления снова и снова².

В статье Эмилии Кустовой в этой книге подробно рассказывается о такого рода взаимодействиях между властями и этими людьми, о том, какие именно действия совершались в этих случаях и в каком порядке осуществлялись эти индивидуальные меры.

¹ LYA. Ф. V-135. Оп. 7. Д. 371. Л. 2.

² Так, Juozas Jakovonis рассказал нам в интервью о своих многочисленных хождениях по инстанциям, в результате которых, по прошествии нескольких лет, он смог вернуть себе сначала часть, а потом и весь свой дом. Интервью с Juozas Jakovonis, записанное Emilia Koustova и Jurgita Mačiulytė, дер. Касчюнай Варенского района Литвы, 11 июня 2011 г., [2:27:30–2:34:18] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercec/RFI, Paris.

*
* *

Итак, процедуры освобождения были многочисленными, сложными и зачастую вынуждали спецпереселенцев участвовать в бесконечных тяжбах, отправлять бесчисленные жалобы и заявления. Такая ситуация была обусловлена соображениями центральных и республиканских властей. С одной стороны, центральные власти в своих решениях еще очень во многом руководствовались сталинским типом мышления и по-прежнему легитимными рамками законности, созданными в тот период. С другой стороны, как центральные власти, так и власти западных республик, откуда производились выселения, испытывали устойчивое недоверие к депортированным.

Так, различные республиканские инстанции пытались добиться запрета на возвращение и выказывали беспокойство по поводу решений Москвы, слишком либеральных, с их точки зрения. Например, литовские власти в 1957 г. добились принятия постановления о запрете возвращения депортированных в 1941 г. В июне 1956 г. бюро ЦК КПЛ поручило «рассмотреть вопрос о целесообразности содержания за пределами республики отдельных групп выселенных граждан (не кулаков)»¹. В тот же год аналогичные пожелания высказал уже 1-й секретарь КП УССР².

Украинские власти были напуганы возвращением индивидов, которых они считали неблагонадежными, и, будучи бессильны перед законом, учреждали особые административные процедуры. С помощью областных КГБ, прокуратур и различных местных ведомств составлялись списки людей, чье возвращение было нежелательно. Затем предпринимались усилия, чтобы «убедить» этих людей снова уехать. И здесь применялся целый ряд средств так называемого убеждения: власти вызывали их на беседы, использовали такой механизм, как оргнабор, чтобы отправить их работать как можно дальше от родных мест и т.д.

В Литве местные власти порой открыто восставали против права на возвращение имущества, которое создавало многочисленные проблемы и конфликты на местном уровне. Так, тот или иной дом, бесосновательно конфискованный по решению республиканской или всесоюзной комиссии, отныне мог быть населен малоимущими либо в нем могла быть устроена школа. Или же тот или иной индивид был, по мнению властей, явным кулаком, и они беспокоились насчет его возвращения и той мести, которую он устраивал или мог устроить.

Приложение

Составление карты мест депортации

Карта лагерей ГУЛАГа к настоящему времени хорошо известна. Она уже давно была составлена московским Обществом «Мемориал» (<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/ussri.htm>). С тех пор были разработаны и более подробные карты, в частности в рамках проекта *Mapping the Gulag* (<http://www.gulagmaps.org/>). Однако до сих пор не существует ис-

¹ ЛУА. Ф. 1771. Оп. 90. Д. 10. Л. 76, 6.6.1956. См. также л. 101–104 (проект постановления, 5.11.1956).

² Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦГАДО). Ф. 1. Оп. 24. Д. 4297. Л. 12–22.

черпывающей карты местностей, в которые были выселены миллионы людей — будь то крестьяне в ходе кампаний сплошной коллективизации в 1929–1932 гг., народы, попавшие в немилость к Сталину, корейцы, поляки, народы, жившие к 1939 г. в приграничных зонах СССР, или другие депортированные народы. Существуют карты по некоторым областям, например по Пермской: в этой очень точной карте интереснейшим образом соединена картография лагерей и спецпоселений (<http://www.pmem.ru/index.php?id=32>)¹.

Действительно, в отличие от ГУЛАГа, количество таких мест очень велико. Их насчитывалось более 17 тыс. в 1953 г., в период апогея системы, когда 2,6 млн чел. имели статус спецпереселенца (не считая корейцев, депортированных в 1937 г., которым не давался этот статус, хотя в реальности они жили в тех же условиях). Теперь не осталось и следа от многих этих эфемерных поселений, куда свозили женщин и мужчин, чтобы те поднимали лесную промышленность, работая в нечеловеческих условиях в местах, где свободные граждане жить не желали из-за суровости климата и отрезанности от остального мира.

Тем не менее имеется много источников, содержащих удивительно точную информацию вплоть до мельчайших деталей: они дают не только список поселений, но и уточняют, в каком из них какие народы живут, расстояние от ближайшего райцентра или железнодорожной станции, или даже от ближайшей границы или железной дороги. Содержание этих источников разнится в зависимости от года и отражает типичные страхи соответствующего периода. Так, источники предвоенного времени изобилуют указаниями на расстояния от железнодорожных путей и государственных границ, выражая тем самым навязчивое опасение побегов из этих мест, которые не были изолированы от внешнего мира колючей проволокой и не наблюдались через сторожевые вышки.

Собрав воедино эту информацию, можно создать подробные карты спецпоселений. Выбранный нами метод состоял в том, чтобы искать поселения в существующих базах данных по области их местонахождения и их названию. Для этого мы обращались к двум основным географическим базам данных — GeoNames.org и maps.vlasenko.net — и использовали алгоритмы распознавания топонимов на основании схожести с названиями, включенными в базу. Это было необходимо в силу зачастую неточной орфографии топонимов, собранных при изучении документов, из-за их трудночитаемости или некоторой вариативности написаний. Кроме того, база GeoNames содержит названия некоторых исчезнувших поселений.

Мы прорабатывали свой алгоритм в следующем иерархическом порядке: сначала искали названия райцентров, в которых находились поселки депортированных, затем — названия селений, где были комендатуры или подразделения комендатур, и уже потом — названия самих спецпоселков. Чтобы проверить осуществленную идентификацию на точность, проводились тесты на расстояния: мы сравнивали действительное расстояние между таким образом идентифицированным местом и комендатурой или райцентром с расстоянием, указанным в документах. Если различие было

¹ Пермское краевое отделение Международного общества «Мемориал», карта ГУЛАГа.

слишком существенным, то мы рассматривали идентификацию как неточную¹.

Для райцентров и мест нахождения комендатур поиск дал позитивные результаты в довольно большом проценте случаев. В основном это были достаточно населенные места на момент депортации, и многие из них существуют и по сей день. Вспомогательное исследование вручную (на основании современных карт и более систематического поиска в интернете — wikipedia, wikimapia, yandex и других поисковых систем) позволило идентифицировать около 99 % райцентров и 95 % мест нахождения комендатур. Если автоматически идентифицировать названия не удавалось, это означало, как правило, что они с тех пор поменялись, поскольку отсылали к героям сталинской эпохи и были переименованы после XX съезда (топонимы, имеющие в корне «Сталин», «Молотов» и пр.) или же изначально имели слишком советскую окраску («Красный Октябрь» и пр.).

В наши цели не входило применять этот метод для всех поселений, поскольку для них доля успешного автоматического определения была более слабой, и, соответственно, количество неопознанных поселений оставалось гораздо более существенным. К тому же многие из них, безусловно, невозможно идентифицировать просто за давностью их исчезновения, и их не найти ни на какой реально доступной карте. Впрочем, даже если бы крупномасштабные топографические карты были доступны, работа над ними едва ли была бы выполнима, настолько велик ее объем.

Поэтому для последней категории поселений была выработана другая процедура: мы использовали указанные расстояния между поселением и райцентром или комендатурой (в случаях, когда такие расстояния упоминались и когда комендатура была идентифицирована). Затем на равноудаленной окружности с радиусом, равным расстоянию от известного поселения (райцентра или комендатуры), мы определяли место возможного поселения. Разумеется, в источниках всегда указывают расстояния по дороге или водному пути, поэтому они более длинные, чем использованное нами расстояние по прямой. Тем не менее это позволяет составить приблизительное представление о разбросе поселений и об их расположении, не считая некоторых случаев, которые нам пришлось исключить (поскольку указанные расстояния были слишком большими, вплоть до нескольких сотен километров) — это касается прежде всего поселений в Магаданской области или на сибирском крайнем севере. Планируется провести дополнительную работу по ручной идентификации этих поселений.

Точное изображение использованного нами алгоритма представлено на схеме.

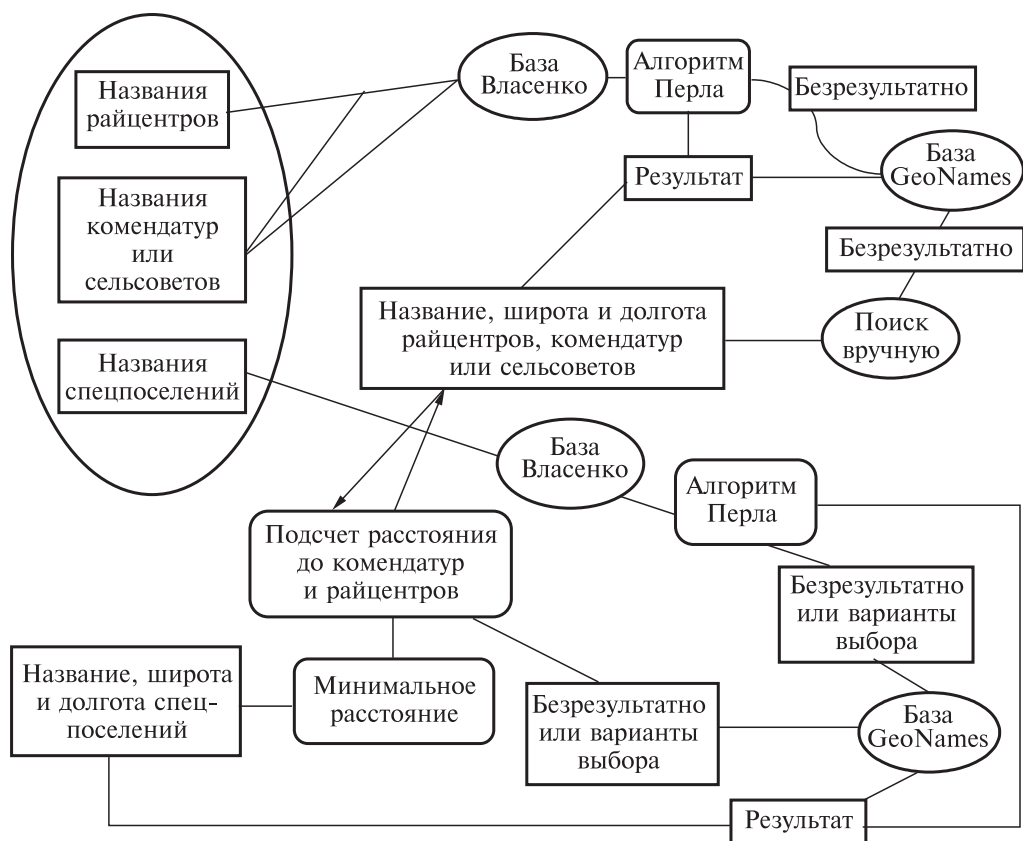
Эта работа была проведена на основе списков поселений за 1941 и 1951 гг. Первые списки, сохранившиеся в девяти разных делах², касаются

---

¹ Разумеется, мы приняли допущение, что расстояния могут немного варьироваться, поскольку мы сравнивали расстояние по прямой с расстоянием (возможно, приблизительным), которое указывалось в документах служащими МВД и соответствовало расстоянию, рассчитанному через пути сообщения (автомобильные и железные дороги, морские и даже, в некоторых случаях, воздушные пути).

² ГА РФ. Ф. 94979. Оп. 1. Д. 88–96.

Алгоритм идентификации названий поселений

почти исключительно поселений, где в то время проживали крестьяне, депортированные во время сплошной коллективизации. К ним, после присоединения части польских территорий к СССР, а другой их части — к нацистской Германии, добавились поляки, выселенные советскими властями, а также беженцы (отчасти польские евреи) с территорий, аннексированных нацистской Германией, отказавшиеся принять советское гражданство. Вторая серия списков, составленных в 1951 г. и сохранившихся в четырех разных делах¹, представляет собой своего рода итоговый отчет по местам проживания спецпереселенцев. После этого было проведено еще две депортации, в ходе которых выслано около 16 тыс. крестьян из Литвы в октябре 1951 г. (более 20 тыс. за весь 1951 г.) и примерно 6 тыс. крестьян из Белоруссии в 1952 г. Если не считать «бывших кулаков», выселенных во время коллективизации 1929–1932 гг., на тот момент никакие другие «контингенты» еще почти не были освобождены. В этих списках есть некоторые пробелы, которые отчасти были заполнены в 1951 г. благодаря спискам 1950 г. (для Омской и Сахалинской областей). Тем не менее и в 1951 г. не достаёт по меньшей мере одной области, Алтайской,

¹ ГА РФ. Ф. 94979. Оп. 1. Д. 561, 562, 598, 599 «Дислокация расселения спецпоселенцев...».

где между тем было очень много спецпереселенцев: мы не смогли восстановить эти данные, поскольку ее нет и в списках, сохранившихся за другие послевоенные годы.

Э. Кустова

ПРОСИТЬ, УБЕЖДАТЬ, ИЗВОРАЧИВАТЬСЯ: ЛИТОВСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ХОДАТАЙСТВУЮТ О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ

Робкая оттепель и пересмотр сталинской репрессивной политики, последовавшие за 5 марта 1953 г., отнюдь не сразу привели к освобождению почти трех миллионов спецпереселенцев, разбросанных по всей территории Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. Процесс снятия со спецучета и возвращения на родину оказался особенно долгим и сложным в случае тех, кто был выслан в 1940-е гг. из западных регионов, аннексированных по пакту Молотова–Риббентропа. Если остальная часть «спецконтингента» (немцы Поволжья, «наказанные народы») была снята со спецучета в 1955–1956 гг., то большинство указов и постановлений, по которым одна за другой были освобождены различные категории уроженцев Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии, увидело свет лишь в 1958–1964 гг. Более того, их освобождение носило ограниченный характер, так как соответствующие коллективные решения не только не подразумевали реабилитации депортированных и возвращения им конфискованного имущества, но и по умолчанию — в отсутствие иного решения республиканских органов власти — содержали запрет на возвращение на родину.

Необходимость не один год дожидаться снятия со спецучета, невозможность вернуться домой, сохранение стигмы депортации — все это толкало индивидов на попытки, не дожидаясь освобождения в рамках коллективных указов, покинуть правовое и географическое пространство ссылки, а затем, после освобождения, расширить спектр профессиональных, экономических, образовательных возможностей, доступных бывшим спецпереселенцам. Это обуславливало множественность индивидуальных траекторий и стратегий и вариативность календаря возвращения из ссылки¹.

Пытаясь хотя бы немного улучшить свое положение, депортированные использовали широкий спектр практик и стратегий, как универсальных, так и специфически советских: от таких традиционных — прежде всего для крестьянского общества — форм неповиновения, как уход в лес или бегство, до попыток воспользоваться неопределенностью положения или готовностью властей закрыть глаза на отдельные нарушения, а также поисков лазеек, позволяющих обойти запреты и ограничения или достичь неформальной договоренности, например, чтобы прописаться на родине

¹ Коллективные и индивидуальные механизмы освобождения лиц, депортированных из западных регионов СССР, подробнее рассматриваются в статье А. Блюма, опубликованной в настоящем сборнике.

или получить назад дом. Как и в случае предшествующих волн депортаций, одной из важнейших стратегий было *обращение к власти* с просьбой отменить решение о высылке, запрет на возвращение на родину или другой дискриминирующий акт в отношении индивида или семьи¹. При этом зачастую (бывшие) спецпереселенцы одновременно использовали различные тактики, сочетая дозволенное с запрещенным — в попытках, например, ускорить решение вопроса или урегулировать постфактум сложившуюся ситуацию.

Следы этой неравной, порой трагической «игры» индивида с государством можно найти в учетных делах спецпереселенцев. Сохранившиеся в них, с одной стороны, письма, жалобы, ходатайства², а с другой — ответы, справки, докладные записки и принятые на их основе решения позволяют изучать официальные процедуры, лежавшую в их основе логику и аргументы, задействованные участниками. Отражая столкновение этих логик и попытки авторов ходатайств адаптировать аргументы, нащупать язык, способный привлечь внимание и убедить, они несут на себе следы непонимания и еще больше, возможно, нежелания слушать и понимать... Их анализу посвящена предлагаемая статья.

Она опирается на анализ около 60 учетных дел семей литовских спецпереселенцев из фондов МВД Литовской ССР, а также нескольких десятков отдельных жалоб и писем, отложившихся в других фондах литовских архивов, в частности в материалах Совета министров ЛССР, личного фонда первого секретаря ЦК КП Литвы А.Ю. Снечкуса и фонда секретариата ЦК КПЛ, а также комиссий³, на которые было возложено рассмотрение жалоб спецпереселенцев⁴. Это исследование — часть более широкого проекта, по-

¹ Ср. анализ петиций «лишенцев» и жертв крестьянской ссылки: Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки: Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М., 2010; Alexopoulos G. Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation under Stalin // Law & Social Inquiry. 1999. Vol. 24, № 3 (July). P. 637–654. Анализ обращений узников ГУЛАГа и реакции общества на амнистию: Dobson M. Khrushchev's Cold Summer. Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca: Cornell UP, 2009 (особенно гл. 2). В ряде исследований, посвященных истории депортации «наказанных народов», также широко используются материалы прошений, напр.: Бугай Н.Ф. «Жду вашего справедливого решения...» (из писем спецпереселенцев) // Дружба народов. 1993. № 8; Джуха И.Г. «Пишу своими словами...» История репрессий против греков в СССР. Письма из ГУЛАГа, 1920–1950 гг. СПб., 2009.

О жалобах и заявлениях в более широком контексте см.: Утехин И.В. Из наблюдений над поэтикой жалобы // Studia Ethnologica. Тр. факультета этнологии. 2004. С. 274–305 (я благодарю М.Я. Рожанского за ссылку на эту статью); Тихомиров А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // Неприкосновенный запас 92. 2013. № 6; Fitzpatrick Sh. Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // The Journal of Modern History. 1996. Vol. 68, № 4 (Dec.). P. 831–866; Kozlov V.A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // The Journal of Modern History. 1996. Vol. 68, № 4 (Dec.). P. 867–898.

² Здесь и далее термины «ходатайство», «заявление», «прошение», «обращение» употребляются как равнозначные.

³ Это Комиссия по рассмотрению заявлений граждан и ходатайств соответствующих органов об отмене административной высылки отдельным гражданам, высланным за пределы ЛССР, и Комиссия Президиума ВС ЛССР по рассмотрению дел на лиц, направленных на спецпоселение по решениям бывшего Особого совещания при НКВД-НКГБ СССР и по отдельным директивам этих органов.

⁴ Перечисленные выше материалы хранятся в Литовском особом архиве (LYA) и Государственном архиве Литвы (LCVA) в Вильнюсе. Пользуюсь случаем, чтобы выразить

священного истории освобождения и возвращения «западных» спецпереселенцев из ссылки и являющегося продолжением коллективного проекта «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», в рамках которого было записано около 200 интервью с бывшими депортированными¹.

Принципы и логика рассмотрения жалоб

Прежде всего нам предстоит кратко описать процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб и лежащие в их основе принципы, с тем чтобы затем проанализировать аргументы, используемые депортированными.

Начиная с 1953 г. и вплоть до перестройки в Литве постоянно действовали — в зависимости от периода — одна или несколько комиссий (см. выше), которые рассматривали ходатайства о снятии с режима спецпоселения, возвращении на родину или получении конфискованного ранее имущества. В отличие от заключенных лагерей, в случае депортированных комиссии пересматривали дела только по факту обращения к ним². Чаще всего инициатива такого обращения исходила от заинтересованного лица или его родственников, высланных вместе с ним или же не затронутых депортацией, причем ходатайство могло касаться как целой семьи, так и отдельных ее членов. Встречаются случаи, когда члены одной высланной семьи одновременно подавали и общее, и индивидуальные прошения.

Если предметом прошения было снятие со спецпоселения, комиссия давала один из следующих трех ответов. Она могла:

— признать высылку необоснованной, что подразумевало разрешение вернуться и получить назад конфискованное имущество;

— отказать и оставить, таким образом, просителей жить на спецпоселении вплоть до того момента, когда они подпадут под коллективное освобождение или же будет удовлетворено их повторное ходатайство;

— удовлетворить ходатайство о снятии с учета спецпоселения (т.е. освободить) «в виде исключения»: обычно это подразумевало право вернуться на территорию республики, но могло сопровождаться запретом на проживание в некоторых городах.

По мере того как начиная со второй половины 1950-х гг. в результате индивидуальных и коллективных освобождений росло число лиц, снятых со спецучета без права вернуться в Литву и получить назад имущество, среди поступавших в комиссию ходатайств увеличивалась доля прошений о пересмотре этих двух последних ограничений³. Одновременно — и вплоть до начала 1960-х гг. — продолжали поступать ходатайства об освобождении, как новые, так и повторные, от тех, кому ранее было в этом отказано.

искреннюю благодарность сотрудникам и руководству этих архивов за неизменно компетентную и благожелательную помощь.

¹ Подробно о проекте и его результатах: <http://museum.gulagmemories.eu/>

² О процедурах пересмотра дел на заключенных лагерей см.: Лавинская О.В. Документы прокуратуры о процессе реабилитации жертв политических репрессий в 1954–1956 гг. // Отеч. архивы. 2007. № 3; Dobson M. Khrushchev's Cold Summer. P. 51–54; Elie M. Les anciens détenus du Goulag: Libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953–1964. Paris, EHESS, 2007.

³ См. о необходимости все новых и новых ходатайств со стороны бывших заключенных лагерей после их освобождения: Dobson M. Khrushchev's Cold Summer. P. 54.

Вплоть до перестройки рассмотрение этих ходатайств осуществлялось, следуя административно-правовой логике, унаследованной от сталинской репрессивной системы. Не ставя под сомнение ни реальность легших в основу политики депортаций социально-политических категорий («кулак» и пр.), ни обоснованность применения репрессивных мер в отношении этих категорий, комиссии проверяли прежде всего правильность отнесения авторов ходатайств к соответствующей стигматизируемой группе населения. То есть речь шла о проверке обоснованности присвоения клейма, повлекшего за собой выселение.

Эти стигмы могли носить социально-экономический характер («кулак», «бывший торговец», «помещик», «фабрикант»); политический («члены буржуазных партий», «деятели бывших буржуазных правительств») или политико-уголовный («участники нацподполья и вооруженных нацбанд», «семьи бандитов-националистов»). Нередко они накладывались друг на друга, прежде всего в случае такой институированной категории, как «кулаки-бандпособники с семьей», подвергавшиеся высылке в 1947–1950 гг. Самой многочисленной категорией (около одной трети) были «кулаки» и «кулаки-бандпособники», именно о них пойдет здесь речь в первую очередь¹. Поскольку само понятие «кулак» и обоснованность репрессий в отношении этой категории не подвергались пересмотру вплоть до перестройки, то сотрудники литовских комиссий до середины 1980-х гг. занимались выяснением того, являлась ли та или иная семья «кулацкой». С этой целью, опираясь на аппарат МВД (и вначале МГБ), они проверяли размеры земельного участка и факты использования наемной рабочей силы, а также наличие другого «компрометирующего» имущества: сложной сельскохозяйственной техники, мельницы, лавки и т.п. У «кулаков-бандпособников» добавлялось наличие связей с «бандой» и родственников, осужденных как «бандитов», и т.д. На основании заключения МВД и с учетом мнения местных органов власти комиссия выносила решение об отклонении или удовлетворении ходатайства (в последнем случае указывались условия, на которых происходило освобождение).

Следует также уточнить, что зачастую речь шла о членах семьи представителей той или иной стигматизируемой категории. Их ходатайства рассматривались прежде всего через призму того, кто стал причиной высылки. При этом, как мы увидим, важным параметром, который мог оспариваться и соответственно проверяться в ходе рассмотрения подобных жалоб, была принадлежность просителя к семье, подлежавшей высылке.

---

¹ Об истории репрессий и насильственной «советизации» западных регионов см.: Народы стран Балтии в условиях сталинизма, 1940–1950-е годы: Документированная история / под ред. Н.Ф. Бугая. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005; Зубкова Е. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008; Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). М.: РОССПЭН, 2010; Blum A., Koustova E. A Soviet story — Mass deportation, isolation, return // Davoliūtė V., Balkelis T. (eds.) Maps of memory: Trauma, identity and exile in deportation memoirs from the Baltic states. Rootledge (в печати); McDermott K., Stibbe M. (eds.) Stalinist Terror in Eastern Europe: Elite Purges and Mass Repression. Manchester: Manchester Univ. Press, 2010; Mertelsmann O. (ed.) The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956. Tartu, 2003; Weiner A. Making sense of war: The 2nd World War and the fate of the Bolshevik revolution. Princeton Univ. Press, 2002.

«Оружие слабых»: аргументы депортированных

В отличие от некоторых других категорий репрессированного или дискриминируемого населения, например «лишенцев»¹, правила пересмотра решений о высылке из западных регионов нигде эксплицитно не оговаривались, поэтому депортированным приходилось действовать наощупь, в условиях отсутствия информации о правилах игры. Многочисленные и разнообразные по своему содержанию и форме письма свидетельствуют о попытках угадать логику административно-репрессивной машины, нащупать в ней бреши, найти аргументы и язык, способные привлечь внимание и убедить.

Ниже сделана попытка выстроить типологию используемых в ходатайствах аргументов. В целом можно выделить три стоящие за ними логики: правовая (оспаривание справедливости высылки со ссылкой на ошибку, допущенную в момент ее осуществления или при составлении списков лиц, подлежащих депортации); риторика лояльности, призванная продемонстрировать, что проситель всегда был (реже — стал) лояльным гражданином; наконец, соображения гуманитарного характера как обоснование апелляции к снисхождению.

Заметим сразу, что большинство обращений содержали одновременно различные типы аргументов. Разнообразные доводы не только дополняли и дублировали друг друга, но подчас и вступали в очевидное противоречие, грозя свести друг друга на нет, например, когда молодой спецпереселенец в двух написанных в один и тот же момент обращениях то оспаривал справедливость отнесения своей семьи к числу «кулацких», то противопоставлял себя, молодого советского патриота, своему отцу-«кулаку»². Такие противоречия лишней раз свидетельствуют о том правовом (вернее, внеправовом) тумане, в котором действовали депортированные, пытаясь добиться улучшения своего положения.

Правовая логика

Ошибка: «не правильно и ложно за других привлекли высылки»³. Среди имеющихся в нашем распоряжении обращений особую — и малочисленную — категорию составляют те, чьи авторы ходатайствуют об отмене высылки, ссылаясь на явную ошибку или недоразумение, возникшее в момент осуществления карательных операций. Прежде всего речь идет о людях (например, однофамильцах или соседях), высланных вместо другой семьи или индивида, подлежавшего депортации⁴. Напомним, что эти операции осуществлялись на основе заранее составленных списков, в которых фигурировали главы семей и их члены. В действительности, как

¹ Alexopoulos G. Victim Talk... P. 642.

² Дело о выселении на семью Вацлава Ш. (LYA VRM V5/1/30188-5). См. также заявления Эмилии Д. и Павла Г. (Материалы СМ ЛССР, LCVA R754/13/447. Л. 161–176).

³ Заявление Стасиса С. (Материалы СМ ЛССР, LCVA R754/13/448. Л. 95). Здесь и далее орфография и синтаксис подлинника.

⁴ Протокол заседания Комиссии по рассмотрению заявлений граждан и ходатайств соответствующих органов об отмене административной высылки отдельным гражданам, высланным за пределы ЛССР. LCVA R754/13/448. Л. 42; Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/425. Л. 11.

об этом лишний раз свидетельствуют ходатайства депортированных, депортации нередко характеризовались высокой долей произвола и импровизаций со стороны представителей местных властей и НКВД–МВД, которые, движимые служебным рвением, личными интересами или стремлением компенсировать высокую долю уклонений от высылки, охотно включали в состав депортируемых отдельных людей или целые семьи, не подлежащие высылке.

Близкими к упомянутым выше являются случаи, с одной стороны, людей, не являвшихся членами высылаемой семьи, но проживавших с ней под одной крышей (домашняя прислуга, батраки¹), а с другой — родственников, не живших вместе с высеяемой семьей и официально не входивших в ее состав (например, сноха или мать, зашедшие попрощаться с высылаемыми). И в том, и в другом случае эти люди не значились в списке лиц, подлежащих выселению, но, будучи застигнутыми в доме депортируемой семьи, подверглись высылке, а потом, согласно чекистской терминологии, были «дооформлены» в качестве ее членов. Так, Элеонора Г. «не значилась в списках лиц, подлежащих выселению», но, будучи обнаруженной в доме своего свояка, была «выселена по согласованию с партийно-советскими органами». Учитывая, что самого свояка и его семьи, подлежащей депортации как «кулацкой», в доме не было обнаружено, эта «импровизация» позволила сотрудникам МВД впоследствии отчитаться о выполнении постановления².

У нас нет данных, позволяющих установить, с одной стороны, долю таких случаев, а с другой — успешность ходатайств, опирающихся на подобные аргументы. Можно, правда, отметить, что такие жалобы писались чаще всего сразу после высылки. Это заставляет предположить, что определенная их часть была удовлетворена на ранних этапах, иногда еще до смерти Сталина.

Оспаривание сути обвинения: «не чувствовал и не чувствую себя виноватым перед Советской властью»³. Следующая категория на первый взгляд смыкается с предыдущей. Это ходатайства лиц, которые оспаривали справедливость включения их в список членов семьи, подлежащей депортации. Чаще всего речь шла о взрослых детях, которые на момент высылки родителей проживали отдельно (нередко в другой деревне или городе, порой уже имея собственную семью), но тем не менее были включены в список высеяемых в качестве членов родительской семьи и на основании этого были либо высланы вместе с нею, либо разысканы и «довысланы» позже⁴.

В отличие от предыдущей категории в своих ходатайствах они не просто указывали на ошибку, произошедшую в момент высылки в результате произвола со стороны исполнителей, а пытались оспорить суть об-

¹ Протокол заседания Комиссии по рассмотрению заявлений граждан и ходатайств соответствующих органов об отмене административной высылки отдельным гражданам, высланным за пределы ЛССР (LCVA R754/13/448. Л. 42); Заявление Евы Л. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/550. Л. 1–11).

² Дело о выселении Элеоноры Г. (LYA VRM V5/ 1/6725. Л. 7).

³ Заявление Вацлава Б. (Материалы СМ ЛССР. LCVA. R754/13/447. Л. 154 об.).

⁴ Дело на семью Симонаса Б. (LYA VRM V5/1/5514); Дело на семью Бронюса Д. (LYA VRM V5/1/30027-5); Заявление Йокимаса М. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 207–212); Заявление Ионаса У. (СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 140–140 об.); Заявление Вацлава С. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 56).

винения в свой адрес, каковым являлось отнесение их к подлежащей репрессированию категории членов семьи «кулака», «бандпособника» и пр. Используемые при этом аргументы, призванные продемонстрировать их полную независимость от данной семьи и потому несправедливость включения в ее состав, могли приобретать, например, идеологическое или гендерное звучание¹. В случае взрослых детей учеба и жизнь в городе, вдали от хутора могли трактоваться как доказательство выбора собственного, отличного от родительского, пути и образа жизни. Работа на производстве или в учреждении означала не просто наличие автономного источника доходов, но и участие в советском коллективном труде. Так материальная независимость дополнялась идейной, географическая дистанция усиливалась за счет политической. В редких случаях это приводило к полному отрицанию связей с родителями, вплоть до отречения от последних², в то время как авторы других ходатайств могли одновременно с предъявлением доказательств своей независимости подвергать сомнению справедливость отнесения родителей к стигматизируемым категориям.

Наконец, наиболее часто встречающимся в обращениях случаем является оспаривание правильности зачисления в подлежащую высылке категорию³. В зависимости от типа стигмы их авторы оспаривали размеры приписываемого им земельного участка и/или факт использования наемной рабочей силы; доказывали свою непричастность к деятельности «бандформирований» и «националистических организаций»; опровергали обвинения в сотрудничестве с немцами и пр.

Такая аргументация могла выстраиваться путем не столько прямого оспаривания фактов, вменяемых в вину и послуживших основанием для выселения, сколько иной их интерпретации, отсылающей к более сложному видению мира, чем тот, который предполагал классовый подход в его сталинской версии. Так, лица, обвиняемые в принадлежности к «кулачеству», могли ссылаться на то, каким образом была приобретена вменяемая им в вину земля (см. ниже), или же просто объяснять, что значительная ее часть была непригодной для обработки⁴.

¹ К этой категории можно отнести несколько встретившихся нам случаев женщин с детьми, которые, будучи высланными вместе со своими (бывшими, как они утверждали) мужьями или сожителями, настаивали на том, что к моменту высылки уже не жили с ними и потому не должны были считаться членами их семьи. В их ходатайствах присутствует гендерная аргументация, порой дополняемая социальной: упоминание плохого обращения со стороны бывшего мужа, ссылка на то, что ребенок был рожден вне брака, от «кулака», у которого женщина жила в качестве батрачки.

² Напр.: «Мое выселение необоснованое. Единственная моя вина что сын кулака, но я решительно и давно порвал с кликой эксплуататоров» (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/550. Л. 15).

³ Для сравнения: среди «лишенцев», направлявших ходатайства о восстановлении в правах, «более трети ходатаев опровергала саму правомерность лишения» (Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки... С. 57).

⁴ Напр.: «За что нас выслали нам ничего неизвестно, так как во время выселения органами МГБ нам ничего неказали. Я в Литве имел 20 га, а из ее работал только 9 га по тому что были лес 3 га поля 5 га и 3 га завсем неработали земли (гори). Я нигде не служил только работал на свою хозяйству которую своим трудом отработал, спомогателни рабочих никогда недержал, оформленим кулаком в Литве не был. Из мого семи в банде никого нету и небило, арестована нету. Таким образом я выслан не правильно незаконо» (Заявление Йонаса М., Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 39).

Но и оспаривая саму суть выдвинутых против них обвинений, авторы почти всех ходатайств прибегали одновременно и к другим типам аргументов, отсылающим к идее лояльности по отношению к советскому режиму или доводам гуманитарного характера.

Риторика лояльности

В ходатайствах депортированных мы встречаем достаточно широкий набор аргументов, опирающихся на идею лояльности. Среди них, к примеру, апелляция к легитимному социальному происхождению, ссылка на политические заслуги перед советской властью, честный труд в прошлом и настоящем, членство в общественных организациях и др. Хотя (или даже именно в силу того, что) речь идет о классическом для советских «писем во власть» типе аргументации¹, интересно будет остановиться на нем подробнее, учитывая недавний и проблематичный характер советизации данных территорий. Как конструировался образ верного сына советской родины в случае людей, совсем недавно и чаще всего против своей воли ставших гражданами СССР и немедленно подвергшихся репрессиям? Какими элементами автобиографии, риторическими моделями, языковыми средствами они располагали? Как и для чего их использовали?

«Принимая во внимание, что мы как батраки нечужды Советскому Государству». Аргументы, отсылающие к идее лояльности, могли использоваться по-разному. Так, «бедняцкое», «батрацкое» происхождение могло выступать в роли смягчающего вину обстоятельства или же доказательства неправильности стигматизации и несправедливости наказания. В любом случае ссылка на легитимное, с точки зрения режима, социальное происхождение (т.е. «генеалогический» метод определения социального положения индивида²) позволяла постулировать его врожденную, естественную близость к режиму и совпадение его интересов с интересами государства, а также развивать ряд других тем, например честной трудовой жизни, жертвы и т.д.

Интересным примером сочетания различных аргументов являются заявления из дела Оны Ж., молодой женщины, которая в октябре 1951 г. вместе с шестилетним сыном была выслана из Литвы как «кулачка» (ей вменялось ведение хозяйства на 30 га земли, принадлежавших ее свекру)³.

¹ В дополнение к уже упомянутым выше исследованиям жалоб упомянем работы Ф. Нерара, посвященные «сигналам»: *Nérard F.-X. Cinq pour cent de vérité. La dénonciation dans l'URSS de Staline (1928–1941)*. Paris: Tallandier, 2004 (рус. перевод: *Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941)*. М., 2011). См. также ряд публикаций, комбинирующих издание текстов писем с их анализом, напр.: *Письма во власть 1917–1927 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям*. М., 1998; *Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.* М., 1998; *1930-е годы: Общество и власть. Повествование в документах*. М., 1998.

² О методах определения социального положения и конфликте между ними в рамках советской политики присвоения классовой идентификации в 1920–1930-е гг. см., напр.: *Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации* // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология*. Самара, 2001.

³ Дело о выселении на семью Оны Ж. (LYA VRM V5/1/33556-5).

Заметим, что хотя в документах на выселение она фигурирует в качестве «главы семьи кулака» или «кулачки»¹, в ходе рассмотрения ходатайств, длящегося два года, речь о ней идет чаще всего как о члене семьи кулака, а само разбирательство посвящено прежде всего характеру ее отношений — личных и имущественных — с семьей свекра-«кулака» (кстати, избежавшего высылки). В роли ходатая за Ону Ж. выступает ее пожилая мать, оставшаяся в Литве и воспитывающая двоих из ее троих детей. Именно она, опираясь, по всей видимости, на помощь «посредников», владеющих письменным литовским, русским и «советским» языками², в нескольких ходатайствах развивает все более сложную аргументацию, в центре которой стоит «батрацкое» происхождение ее дочери, противопоставляемое положению зажиточного свекра. Социальное происхождение дочери и ее родителей, их труд в качестве исполщиков используются для того, чтобы, во-первых, показать, что дочь с мужем не были кулаками и не имели отношения к семье свекра, во-вторых, продемонстрировать, что Она Ж. сама была жертвой кулачества, наконец, чтобы доказать ее лояльность по отношению к советской власти. В первом ходатайстве, поданном 4 ноября 1951 г., через месяц после высылки, мать Оны Ж. (вернее, тот, кто пишет по ее поручению) заявляет³: «Такое действие [высылку дочери] считаю неправильным вот почему: моя дочь Она, как видно из биографии, родилась в семье безземельного крестьянина. Когда она в 1943 году вышла замуж за Ж., ныне уже мертв, ее мужа и ее родители мужа из дома выгнали, не назначив им никакого имущества, так как они сердились, что он женился на беднячке. Моя дочь получила землю только благодаря Советской власти, поэтому считать ее кулачкой неправильно. Поэтому прошу разрешить моей дочери Оне Ж. возвратиться в Литовскую ССР к своей семье, к малолетним детям»⁴.

Через год после отклонения этого ходатайства (под предлогом того, что Она Ж. с мужем прожила несколько лет на хуторе свекра после того, как тот уехал жить в Вильнюс) мать депортированной подала два новых заявления. В них сохранялось большинство выдвинутых ранее аргументов, но теперь вопрос об официальной причине высылки не ставился, что позволяло уйти от обсуждения обоснованности этой меры. Это становилось возможным благодаря смещению акцента на бедственное положение престарелых родителей, вынужденных заботиться об оставшихся в Литве внуках, и дальнейшему развитию идеи безусловной, обусловленной социальным происхождением преданности семьи Оны Ж. советскому режиму:

¹ LYA VRM V5/1/33556-5. Л. 3, 11.

² Первое заявление (1951 г.) написано на литовском языке, по всей видимости, с чьей-то помощью. На это указывает отличие очень неуверенной подписи заявительницы от почерка, которым написан весь текст (л. 14; русский перевод, выполненный органами МВД — л. 16). Второе заявление написано, видимо, напрямую по-русски, в нескольких экземплярах и адресовано в Утенский райком партии и в Верховный Совет СССР на имя Ворошилова (14 и 25 марта 1953 г., л. 47–47об., 38).

³ Заявление на литовском (л. 14) цитируется по приложенному к нему переводу на русский, выполненному сотрудниками МВД (л. 16–16об.).

⁴ Прилагаемая «автобиография» Оны Ж., написанная от третьего лица, содержит дополнительные детали, которые подтверждают ее батрацкое происхождение и ставят акцент на конфликте с семьей мужа (л. 16об.).

«Я и мой муж приходим из крестьян-батраков и всю жизнь нанимались работать на сельскохозяйственные работы к помещикам и кулакам... После так называемого “неровного брака” мы с дочерью Ж. Она были вынуждены покинуть Сирутенай, а Ж. Альгирдис, муж моей дочери получил должность учителя в бывшей Таурагинской волости. В 1949 году я со своим мужем, а также дочь моя Ж. Она вступили в сельхозартель. По какой причине дочь моя Ж. Она была выселена из территории Литовской ССР мне неизвестно, но в настоящее время в виду того, что муж мой безнадежно больной, а я сама достигла преклонного возраста, оставшиеся при мне дети дочери моей Ж. меня очень тяготают. В виду того, что по моему мнению дочь моя Ж. Она непростительного вреда для Советского строя сделать немогла и принимая во внимание, что мы как батраки нечужды Советскому Государству, прошу Районный Комитет Партии ходатайствовать о возвращении дочери моей Ж. Она в нашу семью.

Как бывшая батрачка, даю свою клятву родной Партии в том, что по возвращении дочери моей в нашу семью, я положу все свои силы для того, чтобы дочь моя Ж. Она была честным человеком, <...> детей и моих внуков воспитать честными, трудолюбивыми, преданными людьми нашей Родине»¹.

Служа доказательством лояльности и невиновности, ссылка на социальное происхождение участвовала в создании образа жертвы и подкрепляла апелляцию к жалости и снисхождению, основанную на гуманитарных соображениях.

Заметим, что представленное выше дело отнюдь не единственное, в котором обсуждается то, как инкриминируемое имущество оказалось во владении депортированных. В случае лиц, высланных в качестве «кулаков», вся аргументация порой выстраивалась вокруг вопроса о том, каким образом был приобретен участок земли, размеры которого стали основанием для высылки семьи (и параллельно могли также оспариваться). Авторы ряда ходатайств ссылались на то, что всю жизнь были бедняками и стали владельцами большого — с советской точки зрения (см. ниже) — участка земли относительно недавно, в ходе земельной реформы 1920-х гг.² или благодаря долгим годам тяжелого труда в Литве или в эмиграции³. Так социальное происхождение и тема честной трудовой жизни переплетались в ходатайствах депортированных, которые пытались разомкнуть навязываемую сталинской логикой механическую связь между социально-экономическим положением индивида и его (не)лояльностью.

«Злые люди... оклеветали нас перед Властью»⁴. В других случаях центральным аргументом — порой заслоняющим вопрос о социальном происхождении и положении — служили политические заслуги перед советской властью в прошлом или настоящем: в период «буржуазной Литвы», в годы войны или в ходе послевоенной советизации. Так, в течение 13 лет добиваясь снятия со спецучета, а затем разрешения вернуться в

¹ Дело о выселении на семью Оны Ж. (LYA VRM V5/1/33556-5. Л. 47–47об.).

² Zvinklienė A. «Réformes agraires en Lituanie: fidélité à La tradition?» // Etudes rurales. 1995. № 138. P. 103–15.

³ Дело о выселении на семью Вацлава Ш. (LYA VRM V5/1/30188-5. Л. 20, 47).

⁴ Дело о выселении на семью Ивана Г. (LYA VRM V5/1/30367-5. Л. 16об.).

Литву и получить назад конфискованный дом, Костас Д. ссылаясь на то, что до войны помогал литовским подпольщикам-коммунистам, а в войну укрывал евреев¹. А в ходатайствах семьи Ивана Г. одним из центральных аргументов была помощь, которую ее члены оказали в годы войны советским партизанам. Автором этих ходатайств был Франц, сын Ивана Г., укрывшийся от высылки в Томскую область и находившийся в Литве на нелегальном положении. Его заявление (см. приложение) обращает на себя внимание чрезвычайно развернутой и разнообразной аргументацией. В нем присутствуют: оспаривание сути обвинения (неприменение наемного труда в родительском хозяйстве); легализм («незаконный характер» высылки, так как хозяйство было исключено из списка кулацких); апелляция к снисхождению (преклонный возраст родителей); ссылка на заслуги семьи перед советской властью (помощь советским партизанам в годы войны и наличие советских медалей) и честную трудовую жизнь, в том числе в качестве колхозников; идея вопиющей несправедливости, допущенной в отношении лояльных сторонников режима; попытка заранее отместить возможные подозрения в сотрудничестве с «лесными братьями» (что было участием многих лиц, оказавшихся на нелегальном положении)².

Многие элементы этого ходатайства призваны продемонстрировать близость его автора и действующих лиц к советскому строю, их лояльность и самоидентификацию с советским обществом. Порой это делается с помощью весьма изощренных приемов: например, путем сравнения нелегального положения апеллянта с условиями, в которых вынуждены были существовать советские партизаны в годы войны, или рассуждений о политическом вреде от высылки таких преданных сторонников советской власти, как его семья (в силу использования этого факта врагами для антисоветской пропаганды).

Одним из таких приемов является переход в контрнаступление. Задав смелый риторический вопрос («почему нас так глубоко обидела советская власть?»), автор заявления объясняет, что постигшее его семью несчастье стало результатом козней замаскированных врагов режима. Поименно называя нескольких местных представителей власти, принявших участие в высылке, он приводит доказательства их коррумпированности и враждебности по отношению к советскому строю. В результате такого переворачивания логики люди, высланные из Литвы в качестве «кулаков», предстают в роли жертв, пострадавших от подлинных врагов советской власти, и превращаются в обвинителей, помогающих разоблачить предателей.

Такие контратаки (превращающие жалобу в сигнал или донос) нечасто встречаются в нашем корпусе (хотя можно упомянуть и ряд других примеров³), но зато являются характерным для советских «писем во власть» способом привлечь внимание адресата, доказать свою лояльность

¹ Дело о выселении на семью Костаса Д. (LYA VRM. V5/1/23160-5).

² Дело о выселении на семью Ивана Г. (LYA VRM V5/1/30367-5. Л. 15–18об.).

³ Заявление Стасиса Л. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 44–52); Заявление Феликса И. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 117–118); Дело о выселении семьи Вацлава Ш. (LYA VRM V5/1/30188-5. Л. 19); Заявление Михаила В. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 186); Заявление Павла Г. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 170).

и добиться положительного ответа¹. В целом этот документ несет особенно глубокий отпечаток «большевистского языка» с такими характерными для него образами, риторическими приемами и лексикой, как замаскированные враги и готовность их разоблачать, представление себя в качестве жертвы и упование на то, что «выше [есть] истинная советская власть», выражения «наши советские партизаны» и пр. Подобная концентрация «советского» тоже скорее нетипична для нашего корпуса, где эти приемы редко встречаются в таком количестве и разнообразии внутри одного документа. Но все их можно найти по отдельности и в других комбинациях; при этом, разумеется, типичной является ситуация: произвол и сведение личных счетов в ходе депортаций; люди, взятые в клещи между одним лагерем и другим и пытающиеся маневрировать, искать лазейки и прикрытия.

Следует ли трактовать этот документ как знак быстрого освоения «большевистского языка», присвоения связанной с ним самоидентификации и соответствующего набора категорий и представлений? Вряд ли можно и следует искать ответ (по крайней мере в такого рода материалах) на вопрос об искренности авторов ходатайств и, в частности, о степени интериоризации ими большевистского языка и вере в выражаемые с его помощью идеи и представления. В своем ставшем классическим исследовании С. Коткин подчеркивает, что в сталинском обществе «необходимо верить не было», но чрезвычайно важно было «демонстрировать, что ты веришь» и знать, как должно «думать и вести себя»². Именно это «знать» кажется мне особенно важным применительно к ходатайствам депортированных. Такой текст есть осуществляемая его автором проекция, прогноз ожидаемого от него в этой ситуации нарратива; он содержит информацию и аргументы, которые, как считает апеллянт, способны услышать адресаты, то, к чему они готовы прислушаться. Если анализировать заявление Франца Г. с этой точки зрения, то можно признать, что его автор весьма неплохо понимал, что и как следует говорить (а о чем умалчивать), выступая одновременно с позиций жертвы и обвинителя, скромного советского патриота, дорого заплатившего за свою лояльность. Быстрое снятие со спецучета, а впоследствии и возвращение имущества являются свидетельством эффективности избранных им и его родственниками стратегий, а также, разумеется, удачного стечения обстоятельств (как иначе можно объяснить тот факт, что после долгих месяцев проверок и поисков по всему Советскому Союзу сотрудники МВД нашли бывшего партизана, который смог подтвердить, что эта семья действительно когда-то оказала помощь его отряду).

Здесь, правда, неминуемо возникает другой вопрос. Кто, собственно, является автором заявления? Вправе ли мы считать таковым Франца Г., чья подпись стоит под ним, учитывая, что он был молодым жителем Литвы польского происхождения, а его заявления написаны на русском языке, пусть и с ошибками, но все же вполне понятно и отнюдь не ма-

¹ См. о категории «изобличительных писем»: **Нерар Ф.-К.** Пять процентов правды...; а также **Alexopoulos G.** Victim Talk...

² Цит. по изданию: **Коткин С.** Говорить по-большевистски // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001. С. 276.

логармотно. Это указывает на существование русскоязычного, владеющего грамотой «посредника». Какой была его роль? Ограничивалась ли она записью под диктовку (если предположить, что Франц Г. неплохо говорил по-русски)? Подразумевала ли перевод с польского на русский — а заодно и на «большевистский»? Включала ли конструирование истории и аргументации из предоставленного автобиографического и фактологического «сырья» в соответствии с советскими канонами обращения во власть и с использованием накопленных жителями СССР навыками «говорения по-большевистски»?

Несмотря на отсутствие прямой информации, кажется возможным, опираясь прежде всего на текст заявления, предположить, что апеллянт (Франц Г.) играл активную роль в создании этого текста, в разработке аргументации и конструировании истории. Обилие разного рода биографических деталей, из которых выстраиваются аргументы, присутствие упоминавшихся выше риторических находок — все это обеспечивает сильное индивидуальное звучание, которое вряд ли могло бы возникнуть, если бы внешний актер, «писарь» просто изложил на бумаге сообщенные ему факты, выстроив их в соответствии со своими представлениями об эффективном ходатайстве. Сам подбор фактов свидетельствует о доступном лишь непосредственному участнику описываемых событий активном и творческом конструировании аргументации из разнообразного и обширного автобиографического материала. И то, каким образом эта история выстраивается и рассказывается («воплощается в тексте»¹), свидетельствует о знакомстве с принципами «говорения по-большевистски», а не о поверхностном наложении привнесенного извне (во всех смыслах слова) языка на автономную историю.

Заметим, что другие документы, имеющие отношение к этой семье, свидетельствуют о том, что ее члены отнюдь не в первый раз сталкивались с советскими властными институтами, более того, неоднократно сами искали взаимодействия с ними, демонстрируя готовность играть по новым правилам. На это указывает хотя бы тот факт, что в их распоряжении была справка, выданная командиром партизанского отряда и позволившая в 1946 г. получить медаль «За победу над Германией»². В 1950 г. во время коллективизации семья Г. осмелилась оказать противодействие местным властям, выбрав для этого путь обращения в вышестоящие органы власти. Интересно, что о подробностях этого конфликта мы узнаем из письма депутата Верховного Совета СССР В. Кружкова, который в 1954 г., после возвращения Ивана Г. из ссылки, поддержал его борьбу за конфискованное имущество. Что лучше может свидетельствовать об успешности выстроенной семьей Ивана Г. аргументации и удачном подборе фактов и формулировок, чем почти прямое включение доводов апеллянта в письмо, с которым депутат обратился в ЦК КП Литвы? Вот как он описывает действия Ивана Г. в 1950 г., в самом начале этой истории: «[Иван Г.]... стал обращаться в уезд с просьбой вернуть ему неправильно

¹ Ср. выражение, использованное для перевода понятия «mise en récit» — «воплощение в тексте» — в монографии Ф.-К. Нерара о «сигналах» (гл. 13).

² Дело о выселении на семью Ивана Г. (LYA VRM V5/1/30367-5. Л. 19, 20, 22).

забранных у него коней, на которых он должен зарабатывать для расчета с государством. Г. обращался с заявлениями к прокурору республики, в Верховный Совет Литовской ССР, в ЦК КП Литвы¹ и просил разобрать его заявление и сообщить справедливо ли решение местной власти ломать замки, брать коней, не считаться хотя бы со скромными заслугами людей перед Родиной, не ошибка ли это политически малограмотных людей на местах, от которой могут пострадать ни один хозяин...»².

В результате Ивану Г. и его семье удалось почти невозможное: не только уже в марте 1953 г., через год после подачи первого заявления, добиться отмены высылки, но и получить назад дом и деньги за конфискованное имущество, причем добившись — путем новых жалоб — пересмотра его стоимости, заниженной в момент конфискации!³

«С первых дней освобождения Литовской ССР я активно участвовал в восстановлении народного хозяйства»⁴. В отсутствие автобиографических фактов, которые свидетельствовали бы об особых политических заслугах перед советским режимом, часть апеллянтов представляла в качестве главного доказательства лояльности свой честный труд. Как и бедняцкое происхождение, этот довод мог использоваться по-разному: как доказательство исходной невинности, свидетельство «перековки» или возможность смыть вину, обусловленную, например, нелегитимным социальным происхождением. По-разному могла конструироваться и риторика труда, приобретая большее или меньшее политическое звучание.

В силу особой идеологической нагрузки, которую нес труд в СССР, и специфики социально-политической ситуации в недавно присоединенных западных регионах у апеллянтов были различные возможности попытаться использовать свой трудовой опыт как политически значимый ресурс. Так, работа управляющим имением, которое было брошено его владельцем, ушедшим с немцами в 1944 г., интерпретировалась как доказательство «активного участия в восстановлении народного хозяйства» Советской Литвы и как знак ранее оказанного апеллянту и теперь незаслуженно отнятого у него доверия⁵. В условиях коллективизации, ускорившейся с конца 1940-х годов, добросовестный труд в колхозе, а тем более активная роль в его создании и функционировании могли приобретать политическое звучание, становясь доказательством лояльности и пусть «скромных» (как говорил депутат В. Кружков), но заслуг перед советской властью. Пытаясь противопоставить клейму «члена семьи кулака» свою работу

---

¹ Список органов власти, в которые обращалась семья Ивана Г., впечатляет: начав с уездных и быстро дойдя до основных потенциально компетентных органов власти республиканского уровня (Совет министров, Верховный совет ЛССР, ЦК КП Литвы, прокуратура, министерство госбезопасности республики), наши герои постарались выйти и на общесоюзный уровень, обратившись с жалобами на имя Н. Хрущева и депутата ВС СССР В. Кружкова.

Ф. Нерар рассматривает увеличение количества адресатов как один из важнейших способов, призванных привлечь внимание к сигналу и заставить действовать. — Нерар Ф.-К. Сигналы в Нижегородском (Горьковском) крае (1928–1935) // Общество и власть. Российская провинция. М.: Ин-т Российской истории, 2002. Т. 1. С. 418.

² Письмо В. Кружкова (Личный секретариат А.Ю. Снечкуса. LYA. 1771/192/23. Л. 160).

³ Там же. Л. 165–168.

⁴ Заявление Микола Л. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/550. Л. 15–17).

⁵ Там же.

бригадиром, молодой крестьянин представлял себя как честного труженика и жертву (одновременно субъекта самопожертвования и объекта несправедливых действий): «В колхозе работать было трудно потому, что народ был несознательный. Работал в колхозе честно и много труда положил в организации колхоза, и все такое незнаю за что меня Советская Власть оскарбила»¹.

«Спрашивается: почему награждают людей не по их собственным заслугам?»². Особое звучание подобные аргументы приобретали в случае молодежи, которая таким образом пыталась противопоставить семейному прошлому собственное, советское настоящее. Его символами служили примерная работа, учеба, членство в общественных организациях.

В одном из многочисленных заявлений молодой Чесловас Ш. последовательно описывает свое постепенное географическое, а затем и идеологическое дистанцирование по отношению к родителям (одним из проявлений которого стал разрыв с религией), приобретение независимости и выбор советского пути благодаря учебе в вузе и активному участию в жизни комсомольской организации, в «борьбе за дело партии, за дело народа»³. Описание индивидуального прошлого и настоящего, рассказ о его жизненном пути в качестве «честного и гордого сына» «советской Родины» становятся в его ходатайстве основой для развертывания центрального аргумента, который отсылает к идее невозможности отвечать за отца и права быть судимым в соответствии с собственными поступками: «Семью выслали но почему меня выслали?! Я же не могу отвечать за других людей. Я же невиноват, что родился в такой семье которую пришлось выслать. Моя семья для меня была далека. Что они заработали пускают имеют, а что я заработал пускай будет мое. На что мне чужие беды»⁴.

«Я знаю, что каждый человек должен трудиться до своей смерти, что я и делаю»⁵. Аргумент честного труда на благо родины не был уделом одной молодежи. Более того, кому-то из спецпереселенцев старшего поколения удавалось самостоятельно или с помощью посредников выстроить подобные доводы, следуя советскому канону. 50-летняя Стася З., вдова офицера литовской полиции, до революции учившаяся в одесской гимназии и хорошо владевшая русским и отчасти даже «большевистским» языком (в ее заявлениях можно встретить ссылки на «Отцов и детей» и «Как закалялась сталь»), следующим образом прочитывает свой — весьма ограниченный в силу гендерной и социальной специфики — трудовой опыт: «...когда дождалась [установления советской власти], мне подрезали крылья и я не могла принять активного участия в строительстве народного хозяйства Литовской ССР. Но все же я здесь в Сибири в совхозе работая чабаном вношу свою лепту. Даем шерсть, мясо и размножаем поголовье»⁶.

¹ Заявление Йокимаса М. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 212–212об.).

² Дело о выселении на семью Вацлава Ш. (LYA VRM V5/1/30188-5. Л. 106).

³ Дело о выселении на семью Вацлава Ш. (LYA VRM V5/1/30188-5. Л. 105–108).

⁴ Дело о выселении на семью Вацлава Ш. (LYA VRM V5/1/30188-5. Л. 107). Ср. заявление Альбинаса К. (Материалы СМ ЛССР. LCVA/R754/13/447. Л. 124об.).

⁵ Учетное дело о высылке членов семьи Натальи С. (LYA VRM V5/1/377794-5. Л. 32).

⁶ Заявление Станиславы З. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 54).

Ей вторит — по-своему, не столько прибегая к советской риторике, сколько апеллируя к общим этическим принципам — 70-летняя Наталья С., тоже сосланная в 1941 г. (как «член семьи бывшего помещика») и тоже самостоятельно пишущая ходатайства по-русски. На страницах своего пространного письма, полного дореволюционных оборотов и выстроенного как прошение о снисхождении, она неоднократно подчеркивает, что несмотря на преклонный возраст, работает и собирается делать это и впредь, в том числе в случае удовлетворения ее просьбы о переезде в Литву на иждивение к родственникам: «Я не ленюсь работать, я знаю, что каждый человек должен трудиться до своей смерти, что я и делаю...»¹.

Понятие справедливости и аргументы гуманитарного характера

В этом и других заявлениях, особенно тех, что касались немолодых людей, риторика труда переплетается с другими аргументами, отсылающими, в частности, к понятию справедливости и соображениям гуманитарного свойства. Ходатайствуя о возвращении дома в Литве, с тем чтобы туда из Иркутска могла переехать его мать, которая к тому времени (1965 г.) уже была освобождена со спецпоселения в рамках коллективного постановления, один из апеллянтов писал: «Считаю, что такое решение в отношении моей матери было несправедливым. Она и по сей день не знает причину ее переселения. Но это сейчас уже не так и важно, ибо тогда нередко брали без всяких оснований. С 1950 г. проживаем в г. Иркутск. Мать постоянно работала простым рабочим на заводе им. В. Куйбышева в лесопильном цехе. С 1957 г. работает она на мебельной фирме “Байкал”. Здесь она заслужила своим трудом славу передового рабочего и хорошего человека. Но невзгоды и нервные переживания ослабили здоровье матери. Ежедневные головные боли, повышенное давление вынуждают думать о смене места работы и климата...»².

Это отнюдь не единственное обращение, в котором используется, эксплицитно или имплицитно, понятие (не)справедливости в различных его обыденных пониманиях: несправедливость наказания как такового или его несоразмерность вине, невозможность отвечать за родителей или бывшего мужа и пр.

Последняя тема (несправедливость несения наказания за других) занимала особое место в заявлениях лиц, высланных в качестве «членов семьи», особенно, когда они были единственными среди родственников, кто подвергся депортации³. В силу произвола и беспорядков, сопровождавших депортации, часть семей оказалась разделена, причем порой происходило так, что высылке подвергались более уязвимые их члены (матери с маленькими детьми, старики — те, кто оказался дома в момент выселения), тогда как, например, кому-то из взрослых мужчин удавалось скрыться⁴. О том, что такие ситуации не были редкостью, свидетельству-

¹ Учетное дело о высылке членов семьи Натальи С. (LYA VRM V5/1/377794-5. Л. 32).

² Учетное дело на семью Анели Б. (LYA VRM V5/1/23398/5. Л. 38).

³ Заявление Антанаса М. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449 Л. 106–106 об.); Заявление Петро Р. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449 Л. 109).

⁴ Заявление Владаса З. (Материалы СМ ЛССР. LCVA. R754/13/447. Л. 105); Заявление Элеоноры Г. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 61); Заявление Эмилии Д.

ют не только встретившиеся нам заявления, но и интервью с бывшими депортированными. Так, одна из свидетельниц рассказывала о том, что, когда за их семьей пришли, отца не было дома, и он добровольно присоединился к ним, когда ее мать с тремя маленькими дочками сажали в грузовик¹. В другом интервью упоминается старший брат, ставший после смерти отца главой семьи: узнав о готовящемся выселении, он спрятался, напрасно посчитав, что в отсутствие трудоспособных мужчин немолодую мать с девочкой депортировать не станут².

О том, как это могло происходить, красноречиво свидетельствует описание высылки, которое привел в качестве главного доказательства своей невиновности и необоснованности этой меры Антанас М. В возрасте 19 лет он единственный из всей семьи подвергся депортации, при этом его немолодая мать осталась в Литве одна с пятью несовершеннолетними детьми: «В сентябре месяце когда выселяли литовцев, я в это время дома не был, был у сестры в километрах 15 от дома. В это время утром рано я возвращался домой ничего не зная, вот встречаются военные литовцы и русские, меня захватили дорогой, посадили на автомашину и обещали довести до первой деревни разобрать и отпустить, но оказывается разбираться не стали и привезли сюда ни с чем. Живу я здесь один ничего не имея, прошу министерство государственной безопасности вернуть меня домой, так как я считаю себя невиновным...»³.

«...И наша непотерпима жизнь»⁴. Депортация была тяжелейшим испытанием для всех без исключения. Но если у семей, включавших нескольких трудоспособных членов, особенно если это взрослые мужчины, были шансы — после первого, особенно трудного года — наладить хоть какое-то подобие выносимой жизни, то те, кто в ссылке оказался оторван от родных, были обречены на повседневную борьбу за выживание⁵. Тяжелобольные люди, старики, матери с малолетними детьми, подростки-сироты — их ходатайства рисуют картины страшной нужды, безысходности, физических и психологических страданий: «Я и жена старики неработоспособные, слабого здоровья, не имеем возможности заработать на прожитие, а потому терпим крайнюю нужду»⁶, «...ведь я теперь совершенно одинока и участие в моей судьбе даст мне подъем моей наболевшей душе»⁷. Заметим, что в большинстве ходатайств, касающихся одиноких

(Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 171); Заявление Ивана Б. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 149).

¹ Интервью с Марите К. Вильнюс, июнь 2011 г. [00.02.15–00.02.30] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercsec/RFI, Paris.

² Интервью с Еленой П. Братск (Иркутская обл.), авг. 2009 г. [00.05.50–00.06.20] // Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercsec/RFI, Paris.

³ Заявление Антанаса М. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449 Л. 106–106 об.).

⁴ Заявление Антанаса Я. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 137).

⁵ О том, насколько разным мог оказаться опыт ссылки (и сегодняшние воспоминания о нем) в зависимости от состава семьи, позволяют судить интервью с бывшими депортированными. См. об этом: Koustova E. Devenir soviétique? // Déportés vers l'URSS: Récits d'Européens au Goulag / A. Blum, M. Craveri, V. Nivelon (eds.). Paris: Editions Autrement, 2012. P. 238–253; Кустова Э. Труд и адаптация спецпоселенцев на примере послевоенных депортаций из Восточной Европы // История сталинизма. Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы Междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2013. С. 65–77.

⁶ Заявление Пранаса С. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 79–82).

⁷ Учетное дело о высылке членов семьи Натальи С. (LYA VRM V5/1/377794-5. Л. 7).

стариков или больных людей, подчеркивалось, что в Литве у них есть родственники, готовые взять их на иждивение, причем порой именно они выступали в роли апеллянтов¹.

Очень тяжелой могла оказаться и доля нетрудоспособных родственников, оставшихся в Литве, как это было в уже упоминавшемся выше случае Оны Ж., у которой дома остались двое детей на иждивении больных стариков-родителей, или, например, Элеоноры Г., которая, будучи высланной вместе с семьей свояка, ходатайствовала об освобождении, одновременно оспаривая навязанный ей статус «члена семьи кулака», ссылаясь на свое слабое здоровье и упоминая, что в Литве осталась ее 90-летняя мать, о которой некому было заботиться².

Добываясь разрешения вернуться в Литву для жены, в 1951 г. высланной с тремя маленькими детьми в Томскую область, автор другого ходатайства, Антанас Я., так кратко определил положение своей семьи: «Теперь нас и наших детей жизнь разбита и тяжела. Она с детьми страдает там и я здесь и наша непотерпима жизнь»³. Как узнаем мы из параллельного ходатайства жены, Вероники Я., в отличие от некоторых других избежавших выселения мужчин Антанас не мог добровольно последовать за ней в ссылку или помогать материально, потому что под впечатлением от внезапного исчезновения жены с детьми и в отсутствие вестей от них он тяжело заболел («потерял свой прежний рассудок») и «сейчас не работает в виду болезни, он никому не нужен там, а детям им он очень нужен хотя он без помощный но один кусочек в одном углу мы вместе бы разделили». В своем удивительно эмоциональном и непосредственном — несмотря на явное использование помощи русскоязычных посредников — прошении она описывает свои мучения в ссылке: слабое здоровье и невозможность одной прокормить троих детей, языковые трудности, с которыми сталкиваются в школе старшие дети, отсутствие детского сада и необходимость оставлять младшую дочку одну («бросаю одну дома под замком плачет и я буду плакать до тех пор пока не будет у меня дома мой инвалит муж...») ⁴.

Это и другие обращения, опирающиеся на доводы гуманитарного характера, в значительной мере выстраиваются и оформляются в соответствии с логикой прошения о милости, снисхождении. Эта логика диктовала, в частности, особый, доверительный тон и подразумевала попытки с помощью специфических риторических приемов установить контакт с предполагаемым читателем⁵. Порой ходатайства были адресными и содержали прямые обращения с мольбой о милости и выражением надежды на за-

¹ Заявление об отмене высылки Константину Б. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/550. Л. 120–122); Заявление Пранаса С. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 79–82); Учетное дело о высылке членов семьи Натальи С. (LYA VRM V5/1/377794-5); Заявление Ивана Б. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 151); Учетное дело на семью Юлии К. (LYA VRM V5/1/29876. Л. 11).

² Заявление Элеоноры Г. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 61); Заявление Владимира В. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 16, 35); Заявление Марьяна Б. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 14).

³ Заявление Антанаса Я. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 137).

⁴ Заявление Вероники Я. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 138–138об.).

⁵ См. о риторических структурах, призванных обеспечить «завоевание доверия адресата, установление ощущения близости и искренности коммуникации»: Тихомиров А. «Режим принудительного доверия»...

ступничество: «Прошу вас родного вождя тов. Маленкова Г.В. моему горю только вы поможете»¹, «Уважаемый тов. Ворошилов может в этом была моя вина, что я не вступил в колхоз, а в остальном я чист перед нашей Советской родиной»², «Поэтому прошу Вас Тов. Ворошилов, не только прошу, но умоляю...» и «спешу мыслями к вам с надеждой на успех»³.

При этом лишь небольшая доля обращений содержала эксплицитное признание вины. Но даже такое признание обычно сопровождалось попыткой найти смягчающие обстоятельства, а по сути — предложить иное прочтение элементов (т.е. действий индивида или социально-экономических характеристик семьи), которые стали основой для стигматизации. Такое прочтение отсылало к существенно более сложному видению мира, чем двухмерное, черно-белое изображение, проецируемое советской политико-репрессивной логикой. Признавая свою вину и ходатайствуя о разрешении вернуться в Литву, Леокадия Т., молодой девушкой в 1946 г. приговоренная к 10 годам лагерей за участие в деятельности «националистической банды», объясняла случившееся с ней «несчастье» своей неопытностью и влюбленностью в школьного учителя, который путем шантажа толкнул ее на этот путь: «Я знаю, я поняла давно что я виноватая перед советской властью, конечно если это было в теперешних моих годах этого бы неслучилось никогда»⁴.

Более того, порой такой поиск объяснений и смягчающих обстоятельств имплицитно ставил под сомнение весь, казалось бы, признаваемый и настойчиво воспроизводимый официальный советский дискурс. «Прошу меня простить в чем найдете виновной и помиловать меня», — умоляла Станислава З., но все ее длинное ходатайство, написанное согласно советским канонам, с упоминанием ее пролетарского происхождения, заслуг братьев, сражавшихся в рядах Красной армии, ссылками на Павлика Морозова и «Как закалялась сталь» и пр., демонстрировало несправедливость дискриминации ее самой, а главное — ее сына, маленьким ребенком попавшего в ссылку и несшего наказание за профессиональный статус своего отца: «Где в настоящее время находится мой муж я не знаю, а также мне неизвестно жив он или уже умер. Я с сыном в ссылке уже живем 13 лет. Причиной этому всему послужило то, что муж З.М. служил пом. начальника полиции 6-го р-она гор. Вильнюс. И вот только из-за этого мы с сыном носим это позорное имя спец-переселенцев. Когда МГБ заполняет какие-либо анкеты, никогда не спрашивает о моих родных, ни о родителях ни о братьях, а только о родных моего мужа, чем меня совершенно обезличивают. Неужели я всецело зависела от мужа, неужели считают, что я была что-то вроде обезьяны перенимающей и подражающей во всем мужу. Ведь я тоже могла иметь свои стремления, свои взгляды на жизнь, не соглашались и не сходятся взглядами с мужем и его родными. Мои же братья были борцами за рабочее дело. <...> Так почему же во мне не может кипеть та же кровь, ведь с братьями то мы одной крови, а не с мужем. Так почему же мой сын должен отвечать за отца.

¹ Заявление Вероники Я. (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 138).

² Заявление Буткявичус (Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/550. Л. 37об.).

³ Заявления Станиславы З. (Дело на арест Микаса З. LYA VRM/V5/1/38493-5. Л. 56; Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 53об.)

⁴ Учетное дело семьи Марии Т. LYA VRM/V5/1/23326-5. Л. 42.

Ведь не мог он себе выбирать отца, такого какого ему нужно, а также не мог он требовать у отца отчета в его действиях, когда он с 6-летнего возраста живет без отца и почти его не помнит, а знать так совсем не знает. Отвечать за отца ему пришлось больше, чем мне за мужа...»¹.

*

* *

Как мы уже могли убедиться, в ходатайствах использовался широкий спектр доводов, большинство из которых в той или иной мере вписывалось в советскую логику. За редчайшим исключением их авторы не ставили под сомнение законность самих депортаций и стоявшей за ними политики стигматизации определенных категорий населения. Вместо этого они оспаривали обоснованность причисления себя или своей семьи к одной из таких категорий и/или выдвигали аргументы гуманитарного характера в пользу своего возвращения из ссылки. Обращение с заявлением или жалобой в органы советской власти означало — пусть и вынужденное — согласие взаимодействовать с ними и влекло за собой попытки конструировать (контр)аргументы в навязываемой системе координат, используя — в большей или меньшей степени — принятые модели и риторические стратегии.

Сам тип стигматизации и логика репрессий, которым подверглись депортированные, определили важную и противоречивую роль, с одной стороны, семьи, а с другой — биографии индивида. Семья и родственные связи представляли собой одновременно капитал, ресурс², на который могло опираться, в частности, доказательство лояльности (ссылка на легитимное происхождение, заслуги родственников перед государством и пр.), а с другой — источник стигмы, своего рода «ящик Пандоры», резерв компромата. Принадлежность к той или иной семье послужила основанием для высылки тысяч индивидов. Более того, в дальнейшем, в ходе проверок в связи с обращением с апелляцией, выявление «неудобных» родственников (например, осужденных как «бандитов», в том числе уже после высылки данной семьи) могло послужить причиной для отказа в удовлетворении ходатайства, независимо от сути последнего.

Общая «биография» семьи проступала сквозь (авто)биографию индивида, являвшуюся неперенным элементом советского письма во власть и в разных дозах присутствовавшую в рассмотренных здесь ходатайствах. Будучи одним из центральных риторических приемов, призванных обосновать право на обращение во власть, на внимание и доверие с ее стороны³, автобиографические сведения служили одновременно важнейшим ресурсом, сырьем для конструирования аргументации. Многие апеллянты — самостоятельно или с помощью владевших письменным русским или литовским языками посредников — проявляли готовность конструировать автобиографию, описывать свой жизненный опыт с помощью категорий, понятий и

¹ Заявления Станиславы З. (Дело на арест Микаса З. LYA VRM/V5/1/38493-5. Л. 57–59 об.; Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/447. Л. 52–54).

² Ср. выводы И. Утехина о том, что в заявлениях и жалобах, касавшихся жилищного вопроса, «биография, связанная с историей страны, рассматривается как общий ресурс семьи» (Утехин И.В. Из наблюдений над поэтикой жалобы. С. 285).

³ Тихомиров А. «Режим принудительного доверия»...

образов, подсказываемых или навязываемых советским режимом («враг Советской власти» и «кулак», «батрак» и «честный гражданин», «жертва» и «эксплуататор» и пр.). В отдельных случаях можно говорить даже о явлении, отмеченном Г. Алексопулос при изучении писем «лишенцев», а именно легитимации репрессий их жертвами путем активного использования репрессивной логики в целях собственной защиты, с переносом обвинений на других лиц¹.

Но каков бы ни был масштаб и характер использования подобных категорий, и независимо от того, какой тип аргументов стоял в центре ходатайств, обращение к индивидуальному опыту и историям жизни зачастую приводило к тому, что их авторы рисовали сложную картину социальных, экономических, культурных реалий, которые не вписывались в прокрустово ложе марксистско-сталинских категорий. В этом сложном, многоцветном мире половина из 20 га земли могла оказаться непахотной, а крестьянка с пятью маленькими детьми не могла выжить без наемного рабочего...

Ряд важных вопросов остался на периферии или вне поля зрения в этой статье. Так, требует отдельного рассмотрения вопрос о роли различных посредников: от товарищей по несчастью, владеющих русским, или русских соседей (в местах ссылки) до родственников или знакомых в Литве, берущих на себя хлопоты по обращению в различные инстанции. Необходимо упомянуть и местное сообщество, бывших соседей, односельчан, которые играли разные, порой противоречивые роли (от сборщиков подписей в поддержку ходатайств до весьма «неудобных» свидетелей). Представляет интерес и такой вопрос, как эволюция аргументов под влиянием отказов и по мере накопления опыта взаимодействия с советскими репрессивными и административными органами, а также, например, сочетание легальных и нелегальных стратегий возвращения из ссылки, следы которого также можно найти в делах депортированных.

Наконец, важнейший блок вопросов связан с реакциями другого участника этого отнюдь не равного взаимодействия — комиссиями и другими государственными учреждениями, привлекавшимися к разбору жалоб. Каковы были критерии их рассмотрения и как они эволюционировали по мере расширения критики сталинской репрессивной политики в годы оттепели? Как взаимодействовали аргументы апеллянтов с бюрократическо-политической логикой, лежавшей в основе действия комиссий? Что из доводов могло быть услышано и как интерпретировано? Эти и другие вопросы стоят в центре нашего текущего исследования, посвященного индивидуальным и коллективным траекториям возвращения из ссылки.

Приложение 1

Дело о выселении на семью Ивана Г. LYA VRM V5/1/30367-5. Л. 15–18об.

Февраль 1952, заявление Председателю Президиума Верховного Совета Литовской ССР: Обращаюсь к Вам с просьбой разобрать дело незаконной вывозки моих родителей и семейства. Одновременно хочу обратить Ваше внимание на последствия высылки 80-летних стариков.

¹ Alexopoulos G. Victim Talk... С. 639 и далее.

Во-первых, как я, так и родители во время немецкой оккупации служили советской власти, а жить было тогда не легко, и как я, так и родители подвергались смертельной опасности, у нас сохранялись раненые советские партизаны, мы сохраняли командиров и держали связь и т.д.

Прилагаю копии документов.

Во вторых, как я, так и родители никогда не пользовались наемной рабочей силой, сами обрабатывали свою землю.

В третьих, наше хозяйство по злодейству поставили в кулацкое хозяйство, но когда произвели расследование, то из списков кулацких хозяйств исключены.

Прилагаю копию письма Вильнюсского областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся от дня 12 февраля 1951 г. за № 413.

Вчетвёртых, мы одни из первых вступили в колхоз и 80 летние старики отлично работали в колхозе.

И несмотря на все это однако семейство наше вывезли в Томскую обл.

Спрашивается за какую вину перед государством?

Об этой вывозке говорят, а в особенности категория плохо настроенная к советской власти которая использует этот случай для своей агитации, а именно: Вот семья Г. служила большевикам верой и правдой, а большевики все равно вывезли не стесняясь, что старикам с лишним 80 лет и знайте мол, что если бы обратно и понадобилось сохранять советских людей и им помогать, они также за всё это заплатят как заплатили Г[...] вывозкой не стесняясь, что они выдали на бумаге даже награды, вот мнения людей.

Почему нас так глубоко обидела советская власть? Потому что на нас злые люди в душе ненавидящие советскую власть оклеветали нас перед Властью, а этим делом руководил секретарь первичной организации дорожный мастер [...], который за свои незаконные действия по раскулачиванию со взломом замков получил строгий выговор и в отместку за это помогал клеветать на нас и в результате добился вывозки дряхлых беспомощных стариков, а позднее непобрезговал мелочно имуществом моих родителей.

Как стало известно подписал также на моих родителей приехавший председатель Мало-Солечнитского сельского совета П[...] Иван, который не мало вытребовал водки и продуктов, а когда у нас не стало чем его поить и кормить он подписывает материал что мы пользовались наемным трудом, а этого он в действительности как приезжий не знал.

Подписался также Т[...] Станислав Матвеевич, а он участник польской банды¹ который в деревне Жлеуктах забрал кормную свинью от В[...] Виктора и участвовал в убийстве истребителя, а у Т[...] Томаша в деревне Салках забрали имущество от Т[...] Томаша и его избили только за то что сын Т[...] был советским партизаном, кроме этого же Т[...] Станислав Матвеевич в одной из облав был ранен в ногу.

Подписал также и В[...] Иосиф Козимирович, который при польской и немецкой оккупации был их доверенным по деревне Чавшки и служил

---

¹ Здесь и далее подчеркнуто в тексте.

дорожным мастером, а его родного брата сына, как бандита армии краёвой посадили его на 25 лет.

И также подписался некто У[...], который вообще недавно явился в Чавшкли и откуда бы мог знать чем занимались мои родители.

Принимая во внимание выше изложенное должен отметить, что как я так и родители если просто выразится отбились от стада (польских кулаков) и не прибились к стаду советских граждан, нас призируют поляки соседи за службу большевикам, нас призируют и советская власть, скажите же после всего этого за что?

Я ишу правды я верю что там выше истенная советская власть и это дело, дело глубокого политического значения должно разобратся специальной комиссией в присутствием кого-либо из нас Г[...].

Я уклонился от вывозки и скитаюсь по чужих людях как и при оккупации скитались наши славные советские партизаны. Я пишу и стараюсь чтобы на месте, на воле производить старания и не думаю быть бандитом. Вот прошу войти в душу несчастного невинного скитальца Г. и несчастных невинных 80 летних стариков у которых на руках мозоли и советская награда за участие в партизанских советских отрядов.

Г[...] Франц Иванович. Прошу сообщить по адресу моей сестры Вильнюской обл. Шальчининский р-н Почта М-Солечники дер. Зеленково. Ю[...] Бронислава Ивановна. Приложений 3.

Приложение 2

Заявление Вероники Я.

(Материалы СМ ЛССР. LCVA R754/13/449. Л. 138–138 об.)

Дорогому вождю тов. Маленкову Г.В.

от гр. Я[...] Вероника Прянес 1910 г. рождения прожив.

Томская область Асин<ов>ский р-н

поселок I-Пашинский

Заявление.

Прошу разобрать мое заявление. Я гр. Я[...] Вероника Прянес 1910 г. рожд. имею троих детей по национальности литовцы.

1. Я[...] Юлия Антоновна

2. Я[...] Езас Антонович

3. Я[...] Стася — “-”

Проживала в Каунасской обл. Лаздиевский р-н Ляйполингис почта дер. Шовленай. Я жила с мужем муж мой работал за 70 км от этой деревни, его дома небыло, а меня сослали с своей земли говорили что кулаки но мы не кулаки у нас не было много земли отец наш был на производстве об этом не чего не знал хозяин дома Я[...] Антон Енус. когда возвратился с работы через четыре дня то его семьи уже дома небыло все было брошено на произвол судьбы. Не знал где-бы можно было отыскать и отыскал тогда когда уже потерял свой прежний рассудак и стал сильно болен. Он получил небольшое письмо и тогда узнал где мы находимся. Меня Я[...] сослали с детьми в 1951 г. 2-Х, а муж Я[...] Антон Енас остался один на родине и сейчас не работает в виду болезни, он никому не нужен там, а детям им он очень нужен хотя он без помощный но

один кусочек в одном углу мы вместе бы разделили прошу вас родного вождя тов. Маленкова Г.В. моему горю только вы поможете. Я прошу и надеюсь как на своего родного отца и учителя пусть мне только скажут вы гражданка без местных руководителей шаг шагнули без проса я вернусь извенюсь распрошу тогда сделаю с моей стороны ни каких замечаний не было и не будет, а моей семьи машину пополним и я здесь бедная так мучаюсь ребятам если бы дома на родном языке литовский язык мой ребенок один в 5-ом классе была; а здесь ей пришлось итти в 1ый клас изучать русский язык, а второй сын был во втором классе дочки маленькой надо детский садик здесь нет ни ясель ни дет садика бросаю одну дома под замком плачет и я буду плакать до тех пор пока не будет у меня дома мой инвалит муж но он хозяин я с ним маленькую дочьку оставлю и он будет за ней смотреть у меня у самой здоровье очень плохое но мне надо хоть сторожем но работать надо что-бы содержать семью вся семья на моем иждивении всех надо одеть и обувь на питание надо но с отцом нам надо быть в месте пусть он будет болен но с нами мы хотим жить на своей родине вас прошу не отказать в моей просьбе.

Я сослана без вины с семьей с Каунасской области Лаздиевский р-н почта Ляйполингис деревня Шовленай эта наша родина наш отец там мы сосланы без вины и мы хотим народину. просим письменного от вас разрешения о выезде на родину. Я[...].

В.В. Сарнова

МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СПЕЦССЫЛКИ

Одним из источников для получения информации о быте, повседневной жизни и настроениях спецпереселенцев являются прекращенные архивно-следственные дела (АСД). Последние заводились в том случае, если во время нахождения на спецпоселении, спецпереселенец был осужден по уголовно-политическим статьям. Значительный массив прекращенных АСД хранится в ОСД УАДААК в Барнауле, однако в данный момент он вновь закрыт для исследователей.

Архивно-следственное дело имеет сложную структуру и включает около двух десятков документов, в том числе постановление об избрании меры пресечения, протоколы обыска, анкета арестованного, протоколы допросов и очных ставок, формуляр к личному делу, приговор, учетно-статистическая карта, справка о вступлении приговора в силу, справка по личному делу, контрольно-сроковая карточка, выписки из протокола судебного (или внесудебного) органа, в случае смерти — справка о смерти и захоронении, фотография и т.п. Архивно-следственное дело является весьма информативным источником и может стать предметом отдельного серьезного исследования. Цель же данной статьи заключается в анализе приложенных к большинству АСД документов личного происхождения: собственноручных показаний, фрагментов дневников, писем, а также художественных произведений спецпереселенцев. Необходимо также уточ-

нить, что речь идет о спецпереселенцах, оказавшихся в Алтайском крае в период Второй мировой войны и принадлежащих преимущественно к польскому и литовскому контингентам.

В текстах этого рода содержится обширный материал, касающийся условий жизни спецпереселенцев, их работы, настроений, ожиданий, а также восприятия своего принудительного перемещения и нового статуса, взаимоотношений с местным населением и даже заработной платы и рыночных цен. Что касается художественных произведений (большой частью это стихотворения), то наиболее часто повторяющиеся сюжеты дают представление о том, что в наибольшей степени волновало людей на спецпоселении: снова и снова возникают воспоминания о дне депортации. В совершенно различных произведениях, принадлежащих совершенно разным авторам, описываются очень сходные события — получение известия о высылке, лихорадочно-быстрые сборы, дорога (как и с кем ехали). Вспоминаются родные места, друзья и знакомые, с которыми расстались и неизвестно, увидятся ли снова, праздники и вся привычная когда-то жизнь, которая теперь кажется сном. Почти так же часто спецпереселенцы описывали нынешнюю жизнь, какой они ее воспринимали: вначале — абсолютно беспросветное существование, некая жизнь «наоборот». Со временем в отражении действительности стали появляться элементы юмора по отношению к себе, к обстоятельствам и (не без злости) по отношению к государственному строю, виновному в том, что они и сотни их соплеменников в одночасье лишились родины. Но самое главное — это надежда на возвращение домой, к друзьям, родным и самой жизни, оставленной когда-то на железнодорожной станции.

Прежде всего определим жанры, к которым в основном принадлежат тексты спецпереселенцев, сохранившиеся в АСД, и дадим им краткую характеристику. Среди документов личного происхождения выделяются собственноручные показания, письма, фрагменты дневников, черновики обращений (как к советским властям, так и в польские делегатуры), информационные записки сотрудников польского представительства и, наконец, художественные произведения: стихотворения и проза. Работа с этими источниками усложняется тем, что большая их часть (кроме собственноручных показаний) написана на родном языке авторов, в АСД же содержатся не оригиналы, а переводы, причем выполненные переводчиками НКВД и не всегда качественные, некоторые из работ спецпереселенцев дошли и вовсе в кратком изложении переводчика.

Собственноручные показания спецпереселенцев после ареста, выполненные, как правило, на русском языке, включают описание жизни обвиняемого до депортации и на поселении, причем иногда очень подробное, начиная с детства и первых школьных лет: «В 1934 г. в сентябре я поступил в 1 класс Паневежеской мужской гимназии. Воспитание там было националистического направления... не раз из уст учителя слышал разную клевету про Советский Союз... В 1940 г. в октябре... я пришел после летних каникул в гимназию. За это лето произошла существенная перемена в Литве: она стала советской республикой. Была учреждена новая молодежная организация комсомол»¹; «Отец работал товарищем прокуро-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19707. Т. 1. Л. 24.

ра, получал 600 литов в месяц. Его служба была основным источником средств содержания нашей семьи. Но примерно через 3–4 недели после прихода Красной Армии его уволили. Это был сильный удар. Сестра весной кончила гимназию, осенью хотела поступать в университет, летом всей семьей думали поехать на курорт Паланга, а теперь на это не было средств. Пришлось нам освободить обширную квартиру в городе, в котором тоже жить не было средств дальше. Все свое имущество пришлось перевезти на свое хозяйство за 8 км от г. Паневежис, а к осени что-то придумать: где найти службу отцу, где квартиру, как учить сестру»¹.

Данный источник представляет существенный интерес для исследователя, так как дает возможность ознакомиться с условиями жизни представителей различных категорий спецпереселенцев до депортации, их образовательным уровнем, семейными традициями и пр. С другой стороны, в собственноручных показаниях часто передаются разговоры, имевшие место в спецпереселенческой среде, излагаются как собственные взгляды обвиняемого на сложившуюся ситуацию и наиболее актуальные проблемы, так и общее мнение этнической и социальной группы, к которой он принадлежал: «После демобилизации из польской армии мне в осаде Щитники Новогрудского воеводства дали надел земли в размере 15 га, где я проживал и работал в своем хозяйстве до 1939 г. ...10 февраля 1940 г. ...административно выслан в Сибирь»²; «За что я административно был выслан вместе с семьей в Сибирь я не знаю. Мне только сказали, что я за два часа должен собраться и взять с собой не более 500 кг вещей, а остальное мое хозяйство конфискуется и переходит в доход государства»³.

«Не раз в беседах в разных компаниях литовцев было воспомнено, как нас 14 июня 1941 г. забрали, как везли эшелонам, как ехали в Алтайский край. Эти воспоминания всегда приводили к выводу, что Советская власть с нами поступила несправедливо, грубо, жестоко... Также часто между собою говорили о лагерях, где умерли многие наши отцы, мужья. В этих разговорах отмечали, что Советская власть в лагерях замучила их и потому так умирают. Говорили это многие литовцы, почти все те, которых отец или муж умер в лагерях, или ничего про них не известно». Нельзя не упомянуть еще об одной особенности собственноручных показаний, вызванной обстоятельствами составления данного источника — их авторы зачастую повторяют то, что, вероятно, было им внушено: «воспитание там было националистического направления... не раз из уст учителя слышал разную клевету про Советский Союз...» и т.п. Кроме того, часто встречаются попытки улучшить свою участь полным признанием вины с указанием на непреднамеренность совершенных «преступлений»: «Еще раз хочу отметить, что все эти разговоры были только среди одних литовцев, настроенных также, как и я. Так что я никогда не думал даже, что это преступление, потому, что это ведь не агитация, а сейчас, когда мне растолковали, что это все равно преступление, я сознаю свою вину. Только добавлю, что ее совершил совершенно несознательно»⁴.

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19707. Т. 1. Л. 24–25.

² Там же. Л. 14об.

³ Там же. Д. 20526. Л. 14об.–155.

⁴ Там же. Д. 19707. Т. 1. Л. 22–23.

Следующим источником являются личные письма спецпереселенцев, которые те писали родственникам на фронт, друзьям и родственникам, оставшимся в местах прежнего проживания, сотрудникам польских представительств и посольства и т.п. В письмах очень часто встречается описание бытовых условий, работы, питания, насущных проблем, а также просьбы узнать какие-нибудь «новости» о судьбе, ожидающей спецпереселенцев в ближайшем будущем: «Дорогой наш сын скоро ли мы вернемся в наши гнезда? Или погибнем в этой проклятой Сибири, где наши деды и прадеды гибли от (не читается) воли, мы окружены врагами, которые впустили свои когти в наше тело, чтобы нас старых и малых убить и уничтожить наше племя. Будем ли мы вольными или рабочим скотом этих инквизиторов»; «Как приедете на польскую землю старайтесь, чтобы ваши родные были освобождены из неволи и вывезены на родину. До свидания на вольной Родине»¹; «...картофелем обеспечены, а хлеба нет. Говорят, что в этом году закончится война, но Бог знает, когда это будет, хотя москали [русские солдаты] хорошо бьют немца и гонят его как скотину. У нас есть слухи, что польские партизаны взяли Вильно и немцев выгнали, но это наверно неправда. Есть ли какая-нибудь связь с армией генерала Андерса, какие слухи в отношении нашей Родины, погонят ли русские немцев до Берлина или только к Польско-Советской границе 1939 г. меня очень это интересует, сдержат ли они свое слово и договор с Польшей. Ты пишешь, что формируется вторая польская дивизия чтобы бить немцев. Но поляки народ свободолюбивый и хотят быть независимым свободным народом, как были 4 года тому назад. Для нас одинаково, что фашист, что другие изобретатели, мы достаточно насмотрелись. Вы с Костей прислали удостоверения для получения льгот, это все на бумаге, а в действительности ничего нет, обещания — глупому радость. Ты там находишься, слышишь разговоры полководцев, что будет с нашей Польшей? Поможет ли армия Андерса Вам и, что говорят ваши полководцы об Андерсе. Я тебя спрашиваю, потому, что скоро кончится война, и большевистская армия уже скоро подойдет к нашим границам»².

Далее рассмотрим информационные записки сотрудников и доверенных лиц польских делегатур. Эта разновидность документов представляет серьезный интерес для исследователя, так как в ней в весьма сжатой форме содержится большое количество материалов, касающихся количества польских граждан в том или ином районе, сколько человек из их числа нуждаются в помощи, какую заработную плату получают занятые на тех или иных работах, каковы рыночные цены на продукты и т.д. Приведем отрывок из информации Доминика Вайгетнера, заведующего военным отделом польской делегатуры г. Барнаула, от 18 марта 1942 г.: «...Что касается заработков, то в большинстве случаев они не превышают 5 рублей в день, если дело касается физического труда. Опытные рабочие при извлечении смолы зарабатывают довольно хорошо. Зарботки в этой области труда достигают 1000 руб. в месяц. Однако имеется ничтожное количество рабочих так хорошо зарабатывающих. Работающие как вспо-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20526. Л. 63, 69.

² Там же. Л. 73.

могательные силы в конторах, зарабатывают в среднем до 250 руб. Время работы — минимум 10 часов. Вознаграждение выплачивается не регулярно, бывают случаи, когда рабочие ожидают зарплату от 2 до 3 месяцев, особенно на тех предприятиях, где не выполнен план, а чаще всего, выплачиваются авансами небольшие суммы. ...Для рабочих, работающих в лесхозах, химлесхозах, совхозах, опытных станциях, промышленных предприятиях и т.п., устраиваются столовые, в которых рабочие получают питание 1–2 раза в день. Чаще всего один постный суп из огурцов и капусты (так называемый рассольник) — за плату. Норма хлеба для рабочего в районном городе составляет 600 гр., в провинции от 200 до 400 гр. В Барнауле, лесхозах, химлесхозах и совхозах по 800 гр. в день. Рабочие г. Барнаула имеют членские книжки, дающие право приобретать товары в закрытых магазинах по твердым ценам. Например жиры, рыбу, макароны, сыр, мясо, селедку в количестве до 1 кг на рабочего каждого продукта в месяц. Нормы продовольствия на членские книжки являются недостаточными на скромное содержание самого владельца членской книжки, а тем более, если он имеет даже самую небольшую семью. Право пользоваться продуктами по членским книжкам имеют только лица работающие, и если владелец ч.к. имеет семью, то семья уже покупками по твердым ценам не пользуется. На рынках в частной продаже можно купить продовольственные продукты по чрезвычайно завышенным ценам, например ведро картошки (8 кг) — 150 руб., литр молока — 18–20 руб., 1 кг мяса — 120–150 руб., 1 кг масла — 140–160 руб.

...Квартирные условия предоставляются очень плохо, наши граждане проживают 90 % в бараках, подвалах и землянках кучно, по несколько семей в одной комнате. Частные квартиры являются недоступными в виду перегрузки населения и слишком высокой квартплаты. В некоторых местах, как, например, Бийск, Ойрот-Тура, наши граждане проживают в частных квартирах, которые они оплачивают по договору с хозяином дома»¹. В некоторых случаях в таких докладах встречается описание взаимоотношений польской и советской администраций, временно вынужденных сотрудничать, а также проблем, связанных с формированием польской армии на территории СССР. Приведем доклад, направленный 29 августа 1942 г. в штаб польских Вооруженных Сил: «Вопрос призыва стоит на мертвой точке. Начальник Крайвоенкомата в Барнауле заявил, что хотя они и имеют мобилизационные инструкции, но, однако дело тормозят по транспортным причинам и, что ожидают приказа из Министерства военных дел.

...Правда, время от времени в случае проезда военнослужащих с требованиями в билетную кассу, удается протащить контрабандой по несколько человек, но это движение минимально и не может иметь большого значения. К настоящему времени выехало 202 человека из 2088 зарегистрировавшихся в крае. Все без исключения, даже содержащиеся на иждивении семью, стремятся вступить на службу в польские вооруженные силы. Это же настроение держится среди меньшинств украинского, белорусского, еврейского»².

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20120. Т. 4. Л. 146–146 об.

² Там же. Л. 156–158.

Доклады составлялись не только сотрудниками делегатуры, но и их доверенными лицами, ответственными за помощь польской общине в том или ином населенном пункте. Общим для тех и других было весьма подробное изложение обстоятельств. В ходе работы, целью которой было наиболее грамотно организовать материальную помощь согражданам от имени представительства польского посольства, действительно составлялись внушительные коллекции данных. Так, делегат Малиняк в Новосибирске собрал множество данных об экономике Новосибирской области, в том числе подшивки местных газет за 3 года, различную литературу о природных богатствах и особенностях экономического развития Сибири¹. Отметим, что в ряде случаев именно доклады становились основным «доказательством» «шпионской деятельности» их составителей. В частности, в качестве такового в деле фигурирует докладная записка доверенного лица Барнаульской делегатуры в г. Ойрот-Тура Б.А. Сохонь от 28 февраля 1942 г.: «В отчетном месяце я выплатил из суммы в 2 тыс. руб. пособие 37-и лицам, но сумма эта совсем не поправила положения, принимая во внимание, что цены на продукты растут каждую неделю, а именно: ведро картошки — 25 руб., 1 л молока — 7 руб., 1 кг говядины — 40 руб., крупы, масла, муки вообще в продаже нет.

Примечаю, что, несмотря на высокую цену на картошку, за деньги купить ее нельзя, а единственно только в обмен на мануфактуру, которую не все имеют.

Общий процент работающих поляков — 5 % ввиду того, что мебельная фабрика часть своих рабочих из-за недостатка работы освободила. Заработок в феврале месяце текущего года не превышает 50 руб. по причине отсутствия материалов в организациях и фабриках. Все организации задерживают выплату зарплаты свыше двух месяцев — по этой причине я вынужден был давать пособия на покупку хлеба.

В отчетном месяце Горсовет выдал единственно 15 ордеров по полметра дров, в виду чего здешнее население было вынуждено, вследствие сильных морозов, которые господствовали в феврале... ломать заборы советскому населению подвергая себя и других неприятностям, несмотря на то, что я предупреждал об уголовной ответственности за такие дела.

Примечаю, что сообщено мне о том, что в траншеи с картошкой несколько раз вламывались лица, выпущенные из лагерей, которые, вследствие недостатка денег и вещей на обмен, вынужденные голодом доходили до этого поступка.

В феврале т.г. была организована врачебная помощь доктором Ванатом, который дает советы два раза в неделю в бюро, принимает у себя на дому, а в необходимых случаях оказывает немедленную помощь.

Примечаю, что со дня на день положение поляков в Ойрот-Туре становится более угрожающим и безнадежным, а, согласно моим предположениям и знакомству с здешними отношениями, через несколько дней будет угрожать голод в виду недостатка картофеля.

Из Ойрот-Туры в феврале т.г. выехало 9 лиц, а именно г-жа Скжыдылевска с дочерью, Клепатская с дочерью и сыном, Русаковская — ко-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20120. Т. 1. Л. 125.

торых забрали их мужья в Джалал-Абад, Гугерова, которая была призвана в армию, Куневская, которая выехала к своей семье на юге и Кауфман — в Барнаул»¹.

Разумеется, далеко не все оставались довольны оказанной помощью, об этом можно судить как по заявлениям самих доверенных лиц, так и по подобным гневным посланиям: «За время нашего пребывания в тайге много наших детей и стариков пошли на тот свет от голода и болезней. Когда просили помощь, то местные власти нам ответили “пусть подышает, зароем как собаку”. Несмотря на все имеем опекуна — доверенное лицо пани Долинскую, которая дело наше трактует не очень доброжелательно...

За последнее время получили одежду и обувь. Одежда была совершенно старая и поношенная так, что подкладка была повыдрана, ботинки советские с брезентовыми хлявками, остальные были недомерки заграничной марки так, что мужчины остались без обуви... утверждают, что это выменяли на старое паны и пани барнаульской делегатуры под началом делегата Маттошко. В данный момент наш Калманский район ничего не получил перед праздниками.

За девять месяцев не получили ни грамма муки, только дети до 15 лет получали пару раз по 1 кг. Сахара получили по 30 гр. на человека, смальцу по 400 гр. на человека, другие продукты, что так торжественно присылали польские власти пожрала свора делегата Маттошко»². Отрывков из дневников спецпереселенцев в АСД было найдено очень мало, в основном в делах совсем молодых людей, которые заносили туда свои размышления: «...в природе царствуют гармония и дружба, чего нет в мире человеческом. Сейчас я понял, что природа дает утешение и легче становится на душе, когда мы чувствуем одиночество... Люди не понимают друг друга, но самое главное они не хотят и не стараются этого достичь... Так жизнь сейчас многим кажется глупой и никому не нужной штукой. Они частично правы, ибо человек, еще до сих пор ничего лучшего не приобрел. Но нет, мне жизнь не кажется такой как многим, упавшим духом. Наконец, если эта жизнь и такая, я все равно в ней имею цель. Я стараюсь понять, и мне кажется, что мы все должны стараться и рваться к тому, чтобы жизнь не была пустой штукой...»³. Однако в некоторых случаях среди дневниковых записей можно встретить вполне серьезные попытки осмыслить происшедшее и на основе собственных наблюдений сделать выводы о целях, заставивших советское руководство решиться на насильственное переселение больших групп людей различных национальностей, социального положения и материального достатка: «Трудно установить критерий, которым руководствовались власти СССР, при выселении населения, нужно предполагать, что никакого критерия не было. Спешка, с которой проводились аресты, перевозки и погрузка, свидетельствуют о том, что нужно было вернее заполнить и использовать подготовленные вагоны, а меньше обращать внимания на

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19325. Т. 2. Л. 203.

² Там же. Д. 20526. Л. 76–77.

³ Там же. Д. 19707. Т. 2. Л. 55.

то, кто будет вывезен. Трудно предполагать, что политические причины, или же потребность в рабочих руках были причиной вывоза 93-х летней женщины, 84-х летнего мужчины, людей не способных к труду, вдовы с 6–7-ю малолетними детьми. Во время путешествия, продолжавшегося 2–3 недели, которое происходило в антисанитарных условиях, летом во время жары в вагонах, которые по несколько дней не открывались, при продолжающихся по несколько дней перерывах в обеспечении водой и продовольствием — совместные тяжелые переживания, задерживали шовинистические настроения [однако] имели место острые (польско-литовские) дискуссии, споры и даже драки между наиболее горячими единицами»¹.

Необходимо отметить, что указанные источники имеют совершенно особенный характер: как правило, они не содержат количественных или обобщенных данных, их авторы даже не претендуют на беспристрастность. Однако в данных текстах отражены настроения тех или иных категорий спецпереселенцев, их взгляды на важнейшие проблемы, их предубеждения и заблуждения, объекты ненависти и надежды. Основываясь на повторяющихся мотивах, выделим несколько тем, в наибольшей степени волновавших спецпереселенцев польского и литовского контингентов: процесс депортации (сборы, дорога, расселение, первые впечатления), тяготы жизни на поселении (работа, бытовые условия, голод, болезни, смертность, отношение администрации и местного населения), исход войны и перемена участи спецпереселенцев в связи с ним, возвращение в родные места и т.п.

С особенностями содержания источников личного происхождения связаны особенности их использования. Там, где речь идет о количественных данных и движении спецпереселенцев или о государственной политике СССР в отношении той или иной группы депортированных, все, что мы можем получить из данного источника, это домыслы, предположения и фантазии. Эти предположения бывают довольно интересными, но подчас не имеющими под собой никакого основания, в наименьшей степени это касается данных, собранных для польского посольства сотрудниками делегатур и их доверенными лицами. Но и эта информация отличается неполнотой, иногда единственным ее источником были устные сообщения очевидцев, которые нередко ошибались в своих оценках. Немаловажно и то, что сотрудники делегатур, и они сами это признавали, не имели доступа в отдаленные поселки, в основном из-за отсутствия средств связи, и не могли даже приблизительно знать, сколько граждан польского государства проживало в каждом из них, сколько среди них детей, нетрудоспособных, нуждающихся в помощи и т.п. И, несмотря на все подписанные бумаги, советская сторона, как правило, не спешила помочь польским «коллегам». Что же касается частных лиц, то данные, сохранившиеся в их письмах, показаниях, дневниках или художественных произведениях, не рассматривавшихся в данной работе, могут заинтересовать скорее как источник, дающий представление не о самой действительности, а о ее восприятии спецпереселенцами. В частности, сведения о

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 20120. Т. 4. Л. 26–27.

количестве депортированных и их смертности в дороге и на поселении, на порядок превышающие аналогичные, извлеченные из эшелонных данных и других документов официального происхождения, при том, что находящиеся в одном вагоне не могли знать того, что происходит в соседнем, не отражают реального положения вещей, но помогают увидеть образ пути в Сибирь глазами депортируемых.

Зато когда описываются подробности быта и работы спецпереселенцев, производственные нормы и то, как они выполнялись, заработная плата, цены на продукты, величина хлебных норм, т.е. то, что было им хорошо известно, письма, дневники и информационные записки сотрудников делегатур становятся незаменимыми для изучения повседневной жизни спецпереселенцев и процессов их адаптации к новым условиям. Ни один из источников официального происхождения не дает такого обилия и разнообразия материала. Даже в многостраничных докладных записках о состоянии спецпоселков, где, как правило, присутствуют разделы, посвященные жилищно-бытовым условиям и политико-моральному состоянию, к данным проблемам подходили довольно формально, указывая на общие недостатки и необходимость изменений. Только серьезное происшествие заставляло местные власти подробно описывать течение тех или иных событий. Источники, вышедшие из спецпереселенческой среды, дают возможность увидеть те же проблемы и события, но с другой стороны. Они естественным образом дополняют документы различных официальных инстанций, отложившиеся в архивных фондах.

В заключение остановлюсь на одном из дел, в котором отражаются многие аспекты жизни спецпереселенцев. В 1944–1945 гг. группа молодых ссыльнопоселенцев из Литвы предприняла попытку издавать собственный рукописный литературный журнал «Тоска о Родине». К сожалению, информация о журнале сохранилась только в архивно-следственном деле № 19707, в котором Александр Микутавичус, Альгирдас Розманас и Альгирдас Вайсюнас обвинялись в организации нелегального литературного кружка, антисоветской агитации и наличии националистического антисоветского журнала и другой антисоветской литературы.

Следствие продолжалось с 27 июля по 23 октября 1946 г. Основными фигурантами являлись уже упомянутые Александр Александрович Микутавичус, 1924 г.р., уроженец литовского города Паневежис, на момент ареста занимавший должность заместителя главного бухгалтера Загайновского хмлесхоза; Альгирдас Владиславович Розманас и Альгирдас Петрович Вайсюнас, оба 1928 г.р. Всем троим были предъявлены обвинения по ст. 58-10, ч. 2, 58-11 УК РСФСР¹. В деле присутствуют и показания остальных авторов, чьи произведения размещались в номерах «Тоски...».

Кружок начал собираться в начале апреля 1944 г., первое собрание составили в основном родственники и друзья. Идея создания журнала и его основная цель принадлежали Микутавичусу: «Литовская молодежь, сосланная на многие годы безвинно в далекую Сибирь, не имеющая никакой возможности в достаточной степени читать книги и газеты, а потому, чтобы за время ссылки не одичать мы должны организовать лите-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19707. Т. 1. Л. 4.

ратурный кружок и издавать журнал, в котором... писать рассказы и стихотворения об условиях жизни литовского населения и молодежи в Сибири», он же стал редактором журнала¹. Тематика произведений, сохранившихся в материалах дела, характерна и для спецпереселенческой и для подростковой литературы.

Членами кружка также велись весьма типичные разговоры, которые были расценены как антисоветские: «Я убежден, что в скором времени Литва будет свободным и независимым государством и в этом литовскому народу... помогут Англия и Америка...», «Литовский народ никогда не забудет той обиды, какую ему причинила Россия... Эти мучения переносят не только взрослые, но и дети, которые от такой жизни умирают и о них наш народ будет помнить веками», «Германию победить очень трудно, потому, что она имеет первоклассную технику... Если в этой войне победа будет на стороне Советского Союза то нам свободы не видать и свободной Литве не бывать, тогда придется скитаться по тюрьмам и ссылкам»².

Можно привести еще множество подобных высказываний, однако все они — следствие обиды, резко ухудшившегося материального положения и повторение слов старших. Сюда же можно отнести высказывания о «некультурности» русских, представленные как «проявления национализма». В частности, Нина Вайсюнайте отмечает: «В беседе со мной Микутавичус говорил так: Ты наверное скоро станешь русской и это я заключаю из того, что ты танцуешь с русскими и поешь русские песни. Ведь это ни к чему с русскими не дружи, потому, что эти азиаты бескультурные, неграмотные и не имеющие никакой вежливости. Советую дружить только с литовской молодежью»³.

Но подобные заявления, если они действительно имели место, не мешали Микутавичусу в тексте повести «Бабушка» с пониманием и симпатией отзываться о русских женщинах, с которыми ему приходилось работать: «...4 русские женщины и я пятый впряглись в русскую телегу, изнывали от пота, голода и усталости в жаркий июльский день... Возможно Вы видели картину Репина “Бурлаки на Волге” согнувшись, измученные, без малейшего желаня жить эти люди-лошади бредут один за другим и ташат баржу груженую хлебом сами голодные, как и мы тянем телегу груженую лесом. Я иду вместо лошади меж оглобель, две бабы задыхаясь и схватившись за них с боков, остальные толкают телегу...

Бабы не только мужчин замещают, да еще и лошадей. Заругается самым последним словом это с горя. Ведь я эту молодую, только рано состарившуюся женщину знаю прекрасно, уже несколько месяцев мы вместе работаем. Во время отдыха делимся горем, вместе стоим в очереди в магазине и в столовой и знаю, что у нее хорошее сердце... и если она ругается последними словами, это делает с привычки, а привычка с горя... В России женщина равноправна не только с мужчиной, но и с лошадей за которую она возит русские телеги с дровами»⁴.

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19707. Т. 1. Л. 5.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 7.

И при описании высылки подчеркивается, что отношение зависело от человека, а не от национальности: «Квартиру опечатаем, а через неделю все будет продано, и деньги пришлем вам. Эти деньги мы видели как свои уши... Если литовец видел что ценного: золото, серебро — хватал из рук, а русский советовал все взять с собой как ценности, так и теплые вещи.

Красноармеец — молодой парень, видно было, что он выполняет лишь свою обязанность... не чувствовалось ненависти и эта обязанность была ему неприятной. Славный парень, фамилия помню Винокуров...»¹

Можно сделать вывод, что все «националистические и антисоветские» высказывания не являлись для этих молодых людей следствием собственных взглядов, а были порождены отчасти взрослыми, отчасти обидой, а также не вполне серьезным («игровым») восприятием действительности: «Вот будет новость друзьям, когда узнают, что арестовали моего отца, я, хотя и стыдно признаться, тогда этим несколько гордился, значит, отец враг этой власти...» Или воспоминание о дне высылки: «...если бы я сейчас встретил на улице кого из знакомых я бы не стеснялся, а гордился...»² и т.п.

Причем, судя по записанным в деле воспоминаниям, некий «игровой» момент присутствовал изначально: «В 1940 г. я пришел после летних каникул в гимназию. За это время произошли существенные перемены: была учреждена новая молодежная организация — комсомол. Я понимал, что организация Атейтинкай запрещена, но однажды в гимназии ко мне подошел председатель организации Яснаускас и тихо сказал, чтобы завтра вечером я пришел на собрание... Я понял, что они хотят нелегально работать...»³. И так далее — происходящее воспринималось подростками как опасная, но игра.

У младших членов кружка, в первую очередь девушек, тем более не было никаких устоявшихся политических взглядов, что косвенно, кроме их собственных показаний, подтверждается как темой и содержанием написанных ими стихотворений, так и тем, что в качестве эпиграфа к одному из них (Дануте Розманайте «Тебе») использована строчка, принадлежащая известной своими взглядами Саломее Нерис⁴.

Как бы то ни было, в 1946 г. журнал, семь номеров которого вышли в 1944–1945 гг., уже не выпускался, его редактор и основной вдохновитель Александр Микутавичус погрузился в профессиональную деятельность, заняв пост заместителя главного бухгалтера в Загайновском химлесхозе, материальное положение ссыльнопоселенцев несколько улучшилось, они адаптировались на новом месте, а все прежние темы были уже неоднократно обсуждены. Информация о деятельности уже фактически не существовавшего литературного кружка поступила от некоего Жулиса Миндаугаса, ранее завербованного органами государственной безопасности⁵. Результат следствия вполне ожидаем — 10 лет заключения в Озерном ла-

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19707. Т. 2. Л. 219.

² Там же.

³ Там же. Т. 1. Л. 24.

⁴ Там же. Т. 2. Л. 26–27.

⁵ Там же. Т. 1. Л. 207.

гере МВД СССР (Тайшет), конфискация имущества и 3 года поражения в правах¹.

В 1989 г. на имя прокурора РСФСР поступило заявление о пересмотре дела от Альгирдаса Розманаса из Каунаса, в котором кроме всего прочего повторяются прежние аргументы: «Разве не парадоксально: мое преступление состоит в том, что я вел антисоветскую агитацию среди своих друзей — таких же ссыльных литовских юношей как и я... Обратите внимание, я не агитировал среди местного населения, т.е. не ссыльных... Я не осуждаю строго моих друзей, давших показания про мою антисоветскую агитацию, т.к. понимаю, как их пугали во время следствия...»².

13 декабря 1989 г. Президиум Верховного суда СССР отменил приговор всем троим и прекратил дело за отсутствием состава преступления³.

М. Эли

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ СОХРАНЕНИЯ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В 1953–1957 гг.

Несмотря на динамичную историографию по истории ГУЛАГа и ссылки в СССР, остается много вопросов, связанных с политическими и иными причинами демонтажа в постсталинский период масштабной и разветвленной системы принудительного труда⁴. В советской истории далеко не все решалось «сверху» и руководство даже ультрацентрализованной системы не всегда могло и/или было в состоянии управлять происходящим. Это в полной мере относится к кризису ГУЛАГа⁵. Хотя после смерти Сталина руководство страны получало от репрессивного аппарата аргументированные предложения по отмене важной составляющей ГУЛАГа — спецпоселенческой системы, но в течение длительного времени оно не могло ее ни упразднить, ни трансформировать. Учитывая бездействие политической элиты, которая старалась сохранить статус-кво на спецпоселении, сами спецпоселенцы, «голосуя ногами», развалили систему. Как понять, что новые лидеры, которые взяли твердый реформаторский курс по огромному кругу вопросов, в том числе репрессивному, в случае со ссылкой не сумели выработать проходной вариант ее контролируемого демонтажа, а

¹ ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Д. 19707. Т. 2. Л. 199.

² Там же. Л. 207 об.

³ Там же. Л. 209–210.

⁴ См., напр.: **Barenberg A.** Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. Yale-Hoover Series on Stalin, Stalinism, and the Cold War. New Haven: Yale Univ. Press, 2014; **Dobson M.** Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2009; **Гребенюк П.** Колымский Лед. М.: РОССПЭН, 2007.

⁵ Здесь термин «ГУЛАГ» используется в широком смысле, установленном авторами сборника «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах» (М.: РОССПЭН, 2004). Согласно этому определению ГУЛАГ есть вся система принудительного труда под эгидой министерства внутренних дел. Она включает в себя: лагеря (ИТЛ), колонии (ИТК), тюрьмы (в том числе детские учреждения); спецпоселение, ссылка и высылка; лагеря для военнопленных; институт исправительных работ (ИТР).

допустили ее «стихийную» дезинтеграцию? Данная статья преследует цель не раскрыть весь контекст и причинно-следственные связи политики спецпоселения в решающие постсталинские годы, а лишь осветить один аспект в сохранении статус-кво. Анализируются несколько архивных документов, которые проливают свет на мотивации политической элиты тех регионов, которые использовали труд депортированных. Именно их позиция оказала решающее влияние на политику 1953–1957 гг.¹

После смерти Сталина его наследники в первую очередь взялись за лагерь, где сложилась взрывоопасная ситуация. Они предприняли немедленные шаги по сокращению численности заключенных, мест заключения и строительных проектов МВД. На фоне хаоса в лагерной системе спецпоселение казалось им «оплотом спокойствия»; они не торопились с его демонтажом. Сами спецпоселенцы, наоборот, надеялись на изменения и коллективно обращались наверх с просьбой снять административный надзор². Но их не слушали. Когда в июле 1953 г., вскоре после ареста Берии, новый министр внутренних дел С. Круглов представил в ЦК проект обширной реформы системы ссылки, его записку отложили в долгий ящик. Круглов предложил отменить спецпоселение на среднесрочную перспективу, отказавшись от принципа вечной и унаследованной ссылки. Дети всех спецпоселенцев должны были быть освобождены (более полу-миллиона человек). Чтобы обеспечить постепенность процесса, Круглов поделил спецпоселенцев на два поколения, миллион с лишним человек в каждом. В первое вошли все те, кого депортировали до конца 1941 г.: кулаки, поляки и, главным образом, немцы. Во второе вошли спецпоселенцы, депортированные с 1943 г. из Кавказа, Крыма и новых западных территорий. Для МВД первые «прочно осел[и] на жительство в местах поселений» и могли быть сразу сняты с учета, тогда как вторые, наоборот, «еще непрочно осели на новых местах жительства» и должны были остаться «временно» на спецпоселении. Ожидалось, что при отмене спецучета первые добровольно останутся в регионах поселения, тогда как вторые захотят вернуться на свою прежнюю родину. Цель дифференцированного подхода была в том, чтобы «не допустить массового прилива освобожденных к прежним местам жительства» и «не нарушить хозяйственной жизни районов мест поселений». Круглов хотел, с одной стороны, сохранить рабочую силу для поддержания экономики принимающих регионов, а с другой — избежать проблем, которые он предвидел в случае, если освобожденные спецпоселенцы вернулись бы домой³. Но

¹ Для более широкого рассмотрения данного вопроса см.: *Dufaud G. Après Les Colonies Spéciales. La Mobilisation Des Tatars de Crimée Pour Le Retour Sous Khrouchtchev (1956–1964) // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas 57. 2009. N 4. P. 580–598; Dufaud G. Le Sort Des «Colons Spéciaux» Criméens et Caucasiens Lors Du Dégel (1954–1957) // Les Déportations En Héritage: Les Peuples Reprimés Du Caucase et de Crimée, Hier et Aujourd'hui / Ed. by Aurélie Campana, Grégory Dufaud, and Sophie Tournon. Rennes: Presse Univ. de Rennes, 2010. P. 77–94.*

² Немцы и ингуши написали коллективные обращения, которые попали на стол Берии и Маленкова в мае и июне 1953. См.: Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. / Под ред. А.Н. Артизова, Ю.В. Сигачева, В.Г. Хлопова, И.Н. Шевчук. М.: МФВ, 2000. Т. 1. С. 49, 61–62.

³ Круглов еще предложил существенно смягчить режим спецпоселения (явка только раз в три месяца, право передвижения по всей области или республики, отмена Указа от

политическое руководство не приняло эти умеренные предложения во внимание.

Однако вопрос о ссылке рано или поздно должен был вернуться в повестку дня. Ведь ссыльное население постоянно и значительно росло за счет своего естественного роста, даже без новых депортаций: только с 1945 по 1952 г. на посемейный учет было взято 360 545 родившихся детей и на персональный учет спецпоселения — 332 739 детей, достигших 16-летнего возраста¹. При Сталине казалось, что ГУЛАГ вечен: на спецпоселении большинство депортированных находилось «вечно» или без указания срока. Но после смерти диктатора система утратила свою естественность в глазах руководителей партии и правительства. Г.М. Маленков, характеризуя систему лагерей и ссылки, подытожил настроения верхов известной литотой на заседании Президиума ЦК в начале 1954 г.: «ГУЛАГ — не наш идеал»². Несколькими годами ранее принудительный труд представлялся им необходимым орудием в решении задач строительства коммунизма, а теперь они уже не могли себе представить движение вперед по историческим этапам, основанное на такой системе. Держать постоянно растущее количество людей за бортом общества, в качестве изгоев и рабов, казалось им больше несовместимым с социоэкономическим прогрессом, который они провозглашали. Но от этого сознания до конкретных политических шагов было большое расстояние. Наибольшую осторожность, медлительность и даже боязливость члены Президиума ЦК продемонстрировали именно при пересмотре спецпоселенческой политики.

Именно тогда, спустя полгода после записки Круглова, руководство вернулось к его предложению. 15 февраля 1954 г. Президиум ЦК КПСС создал специальную комиссию для рассмотрения статуса спецпереселенцев под председательством К.Е. Ворошилова. Одновременно МВД СССР отправило в регионы свои, подкорректированные предложения по реформированию системы спецпоселенчества. Чтобы понять причины нерешительности Президиума ЦК КПСС в вопросе о будущем ссылки, важно обратить внимание на реакции республиканских и региональных властей. Здесь мы рассмотрим возражения регионов, принимающих спецпереселенцев, против предложения о существенном реформировании системы³.

Реакция их оказалась преимущественно отрицательной. Они экономически зависели от принудительного труда. Так, министр МВД Круглов предложил снять с учета всех немцев, крымчан и «кулаков», на долю

---

26 ноября 1948 г. об уголовной ответственности за побег и др.). — История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 708–712.

¹ Записка комиссии ЦК КПСС под председательством К.Е. Ворошилова Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву о снятии ограничений в правовом положении спецпоселенцев, 24 февраля 1954 г. — Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 95–97.

² На заседании Президиума ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. — См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. / Ред. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 22.

³ Регионы, откуда выселялись спецпереселенцы — Кавказ, Крым и т. д., также выражали обеспокоенность возможной отменой системы: они опасались конфликтов между возвращающимися и новыми владельцами конфискованных у первых имущества.

которых приходилась половина всех спецпереселенцев, не ограничивая их выезд. Переселенцев с Кавказа предложили оставить в ссылке, но только на пять лет. Регионы согласились на эти предложения лишь на следующих условиях: главным из них было то, что снятие с учета со спецпоселения не должно было повлечь за собой массовый выезд с мест вселения. Согласие относительно освобождения от надзора МВД было достигнуто по четырем категориям спецпереселенцев: 1) члены партии и кандидаты, комсомольцы и орденосцы, ветераны войны и члены их семей, семьи погибших на фронте; 2) жены спецпереселенцев, которые не принадлежали к наказанным национальностям, но которых брали на учет по семейному принципу, а также женщины-спецпоселенки, которые были замужем за свободными гражданами; 3) старики, больные и инвалиды; 4) несовершеннолетние (младше 18 лет). Но регионы категорически отказались предоставить этим освобожденным право выехать к себе на родину. Они продемонстрировали готовность к трансформации системы, но в отдаленной перспективе. Понимая необходимость интеграции в общество ссыльнопоселенцев, региональные власти предложили ограничиться созданием из партийцев и лиц, имевших особые заслуги перед родиной, а также лиц, сотрудничавших с системой, своеобразной спецпоселенческой элиты.

Для регионов решающее значение имели не только масштабы, но также сроки и темпы освобождения. Не занимая зачастую твердой позиции в отношении сохранения ссылки как института, большинство регионов, выдвигая контрпредложения и ходатайствуя об отсрочках на освобождение, действовали исходя из собственных экономических интересов и перспектив. Например, для Алтайского края, где было свыше 140 тыс. спецпоселенцев, местные власти соглашались на массовое освобождение, поскольку в рамках программы по освоению целинных и залежных земель регион должен был стать территорией массового аграрного переселения. Региональное руководство ходатайствовало лишь об отсрочке освобождения трудоспособных вплоть до окончания уборочных работ. При этом допускалось освобождение уже весной 1954 г. спецпоселенцев — членов КПСС, комсомольцев и орденосцев, а также членов семей участников войны. Новосибирская область просила отсрочить массовое освобождение до конца года по той же причине¹. Власти Свердловской области отмечали, что миграционные настроения в значительной степени свойственны спецпоселенцам-крестьянам, рассчитывающим на возвращение изъятых имуществ, что не отмечается среди занятых в промышленности². Руководство промышленной Кемеровской области, где половину 85-тысячного контингента спецпоселенцев составляли немцы, исходя из того, что последние, как, впрочем, и «кулаки», стали кадровыми рабочими промышленных предприятий, «подавляющая часть обжила, имеет свои дома, квалифицировались на производстве и имеют хорошие заработки»³, рассчитывало, что и выезд этих категорий не будет значительным. Ожидался значительный отток из области крымчан, но так как их доля со-

¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 35. Л. 201–202, 206.

² Там же. Л. 216.

³ Там же.

ставляла менее 5 % от численности спецпереселенцев, это не было особо значимым¹. Тем не менее отток даже шестой части спецпоселенцев (15 тыс. чел.) создал бы значительный дефицит рабочей силы на производстве, что было бы трудно компенсировать оргнабором.

Промышленные регионы Сибири и Урала (Кемеровская, Молотовская и Свердловская области) придавали большое значение сохранению рабочей силы из спецпоселенцев: «...мероприятия по закреплению этой категории трудящихся на местах поселения являются для нас очень важным делом». Их руководство просило время на «проведение разъяснительной работы» среди спецпереселенцев с тем, чтобы убедить их остаться. Предлагалось отменить дискриминационные практики на рабочем месте, в частности, подписать со спецпоселенцами трудовые договоры и распространить на них «все льготы вплоть до наград за выслугу лет и безупречную работу»², предусмотреть выделение ссуд на индивидуальное строительство и обустройство приусадебных участков. Кроме того, предусматривался комплекс мер, препятствующих массовому выезду из регионов вселения. Секретарь Кемеровского обкома предлагал «не возвращать имущество, особенно дома, оставленные на прежних местах их жительства, т.к. это может тянуть обратно к месту, откуда их выселяли»³. Ему вторил секретарь Свердловского обкома, отмечая, что «намерений выезжать из области будет меньше, если освобождаемым будет сообщено о том, что ранее принадлежавшее им имущество возврату или компенсации не подлежит»⁴. Сочетание политики «кнута и пряника» должно было смягчить экономический шок от освобождения большей части спецпереселенцев и дать время на подготовку регионального хозяйства к переходу от принудительного труда к свободному.

В то же время ряд регионов, где масштабы ссылки также были значительными, крайне отрицательно отнеслись к инициативе министерства. Так, Красноярский край мотивировал свою позицию тем, что освобождение приведет к «значительному отливу рабочей силы»⁵. Узбекская республика категорически отказывалась ослабить контроль над крымскими татарами, которые составляли здесь 71 % (190 тыс. чел.) от численности всего спецконтингента⁶. Свою позицию секретарь ЦК КП Узбекистана Ниязов мотивировал не экономическими, а социальными причинами: наличием «среди этих спецпоселенцев [крымских татар] многочисленных проявлений враждебных настроений» и высокой преступности. Свои аргументы он попытался подкрепить судебной статистикой, согласно которой только за 1952–1953 гг. из общего количества 1188 осужденных спецпоселенцев за дерзкие уголовные преступления по Узбекской ССР число осужденных крымских татар составило 1020 чел. (или 86 %) ⁷. Аргумент Ниязова звучит неубедительно — ведь если крымские татары угрожали

¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 35. Л. 203–204.

² Там же. Л. 207–208.

³ Там же. Л. 205.

⁴ Там же. Л. 216.

⁵ Там же. Л. 200.

⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. С. 213–224.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 35. Л. 195–196.

спокойствию Узбекистана, то он бы имел все основания требовать их возвращения домой. Надо полагать, что проблемы с обеспечением сельского хозяйства рабочей силой играли большую роль в мотивациях Ниязова¹. В Киргизии картина была похожа на узбекскую. В республике преобладали кавказцы среди спецпоселенцев, с 82%-ной долей. ЦК республики требовал оставить их на спецучете без указания срока, а не на 5 лет, так как в противном случае «это неизбежно вызовет среди них настроения временного пребывания, повлияет на состояние трудовой дисциплины, хозяйственно-бытовое устройство и оседлость в местах их нынешнего расселения»².

Казахстан занимал особое место на карте спецпоселений, будучи второй по масштабам, после РСФСР, республикой по приему ссыльных. Депортированные (1,1 млн чел.) составляли 15 % населения республики, обеспечивая в значительной мере, вместе с заключенными, функционирование региональной экономики. Для Казахстана предложения министерства означали бы снятие с учета 90 % всех ссыльных. Руководство Казахской ССР выражало опасение, что тогда республику может покинуть больше половины спецпоселенцев. Поэтому секретарь ЦК республики Пономаренко возразил МВД, что нельзя допускать резкой ликвидации системы, по крайней мере в течение переходного пятилетнего периода. Он убеждал Москву, что «спецпоселенцы являются большим резервом рабочей силы» и «промышленные предприятия, стройки и колхозы, совхозы, МТС... особенно в районах освоения новых земель, испытывают острый недостаток в рабочей силе»³. Казахское руководство рассчитывало оставить на спецучете более 250 тыс. трудоспособных спецпоселенцев, а также надеялось закрепить не менее 304 тыс. чел., снятых с учета. Для этого предлагались как запретительные, так и поощрительные меры (ссуды, индивидуальные трудовые договоры, отмена дискриминации по социальному признаку, выдача земельных и приусадебных участков рабочим). Целью было превращение спецконтингента в стабильную профессиональную рабочую силу и максимальное освобождение при этом от нетрудоспособных.

Для дополнительной аргументации Пономаренко использовал и полицейские аргументы. Необходимость сохранения на спецпоселении «кавказцев», украинских и белорусских националистов, крымских татар, «кулацких элементов» и др. «вызывается тем, что многие из них до сих пор являются социально-опасными, проявляют враждебные настроения по отношению к Советской власти, в местах поселения ведут себя недостойно, совершают уголовные преступления»⁴. Используя ту же аргументацию, что и Ниязов, он детализирует упреки в адрес «кавказцев» и «западников», отмечая «враждебное отношение к русским и грузинам, которых они считают виновниками своего выселения», кроме того, «...большинство из них является носителями самых реакционных и враждебных настроений, организуют различные религиозные и националистические группировки, культивируют среди молодежи отсталые обычаи, отрывают юношей и де-

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 213–224.

² ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 35. Л. 197–198.

³ Там же. Л. 209–213.

⁴ Там же. Л. 211.

вушек от школы и общественной жизни»¹. По его мнению, не должно быть послаблений даже в отношении молодежи, которая «...усвоила религиозно-националистические пережитки, отсталые обычаи... ведут себя недостойно, совершают хулиганские и другие уголовные преступления и по своему поведению не отличаются от остальных спецпоселенцев»². Не вызывали у местных коммунистов доверия даже партийцы, поскольку они «фактически не отличаются от других спецпоселенцев»³, практикуя религию, национальные обычаи и язык. Таким образом, аргументация Пономаренко красноречиво свидетельствует о том, что с точки зрения местного партийного руководства ссылка не способствовала интеграции высланных народов в советское общество, как считают некоторые исследователи, а, наоборот, способствовала росту национального самосознания. Ссылка только укрепила религиозные и культурные практики и никакие советские институты (партия, комсомол, школа) не могли этому противостоять⁴.

Однако политическая аргументация, в отличие от экономической, не возымела ожидаемого воздействия на Центр. Доминирующим стал хрущевский подход, отделяющий «паразитов» от «работяг»: оставлять на спецпоселении тех, кто отказывался работать, освобождая и награждая тех, кто ударно работает⁵.

Насторожено и даже негативно к проекту МВД отнеслись регионы, ориентированные на использование принудительного труда. Мартовская амнистия 1953 г. вдвое сократила численность заключенных. Планировавшееся массовое освобождение предполагало дальнейший отток рабочей силы. Хотя целинные регионы и рассчитывали на приток добровольцев, сельское хозяйство в связи с массовым освобождением из ссылки могло столкнуться со значительно большими потерями рабочей силы, чем промышленность. Подавляющее большинство спецпоселенцев были крестьянами до депортации. Ссылка обозначила перевод большинства их в промышленность. Например, в 1949 г. уже меньше половины спецпоселенцев из Северного Кавказа были заняты в сельском хозяйстве, один из десяти выходцев из Крыма и менее трети калмыков⁶. Рабочие из числа спецпоселенцев в массе своей не были настроены на возвращение в село, в отличие от спецпоселенцев-крестьян, которые рассчитывали еще и на возвращение своего имущества или получение за него компенсации. Жизнь в городе в целом давала значительно большие профессиональные и социальные перспективы. Власти отмечали и разную степень интеграции национальных категорий спецпереселенцев. «Крымчан», «кавказцев» и «западников» относили к числу нелояльных, плохо интегрированных и

¹ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 35. Л. 211.

² Там же.

³ Там же. Л. 212.

⁴ Подробнее об этом см.: Elie M. La Vie En Déportation (1943–1953) // Les Déportations En Héritage: Les Peuples Réprimés Du Caucase et de Crimée, Hier et Aujourd'hui / Ed. by Grégory Dufaud, Aurélie Campana, and Sophie Tournon. Rennes: Presses Univ. de Rennes, 2009. P. 53–75.

⁵ См. Постановление Совета министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» от 5 июля 1954 г. № 1439-649с // Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 158–159.

⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 174–175.

склонных к скорейшему выезду в места прежнего проживания. Советских немцев и бывших «кулаков» ценили, характеризуя их как промышленных рабочих, обжившихся и довольных своей судьбой.

Итак, экономическая мотивация выступала центральным аргументом, чтобы похоронить проект МВД. Конечно, также играл роль менее четко сформулированный страх, что возвращение спецпереселенцев создаст проблемы на местах: такое возвращение считалось «нежелательным». Вероятно, боялись конфликтов и массового требования компенсаций и возвращения имущества, а также влияния возвращенцев на население западных регионов¹. Но комиссия ЦК КПСС (К.Е. Ворошилова), которой поручали подготовку первого проекта 1954 г. по реформированию спецпоселения, уже в феврале обратила особое внимание на запросы и обеспокоенность промышленников: «...вопрос о возможности освобождения от спецпоселения отдельных категорий спецпоселенцев должен быть разрешен таким образом, чтобы это не вызвало большого ухода рабочей силы из этих районов, а, наоборот, чтобы спецпоселенцы прочно закрепились в местах их настоящего жительства»².

В результате протеста руководства регионов отмена спецпоселенческой системы была отодвинута на неопределенный срок. Институт ссылки пережил лишь минимальные изменения в 1954–1956 гг. Секретное постановление правительства СССР от 5 июля 1954 г. подтвердило незыблемость системы. Освобождение коснулось только детей (до 16 лет), кроме того, несовершеннолетние получили право уезжать на учебу. В режиме содержания значительной части спецпоселенцев произошли лишь небольшие послабления, коснувшиеся свободы передвижения в пределах региона ссылки и процедуры учета³. Главное было сохранить рабочую силу.

В последующие годы ЦК КПСС старался максимально отодвинуть сроки демонтажа института ссылки. Решения об освобождении выносились исключительно по отдельным контингентам или категориям ссыльных. При этом за 1954–1955 гг. с учета спецпоселения были сняты члены партии и их семьи, греки из Грузии, ветераны войны, советские немцы. В 1956 г. очередь дошла до калмыков, всех крымчан (в том числе крымских татар), балкарцев, турок, курдов, западных «националистов», чеченцев, ингушей и карачаевцев. Но законодательные акты по снятию со спецучета запрещали освобожденным выезжать из региона вселения и просить компенсацию за изъятое имущество. Вопреки запретам началось самовольное возвращение на родину, и система спецпоселений только на четыре года пережила Сталина, хотя еще в 1954 г. о демонтаже ссылки речь не шла⁴. Предпринятые властью шаги по либерализации режима преследовали скорее цель сохранить целостность системы. От единовременного освобождения и реабилитации власть воздержалась, поскольку оставалась неготовой к массовому возвращению всех освобожденных.

¹ Weiner A. The Empires Pay a Visit: Gulag Returnees, East European Rebellions, and Soviet Frontier Politics // *The Journal of Modern History*. June 2006. Vol. 78, № 2. P. 333–376.

² Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 96.

³ См.: Там же. С. 158–159, 396.

⁴ Dufaud G. Le sort Des «Colons Spéciaux». P. 89–93.

Взамен поколенческого подхода МВД, которое в 1953 г. разделило ссыльных на «старожилов» и «пришельцев», региональные власти предлагали этнический подход, разделяющий их на «лояльные» и «враждебно настроенные» национальности. Фольклорный, культурологический эссенциализм — добротные советские немцы против озлобленных «фольксдойче», покорные советские кулаки против опасных западных буржуазных кулаков, мятежные и отсталые «горцы» — упрощал понимание социальных процессов и способствовал аналитическим просчетам и принятию неверных решений: когда начался массовый отток депортированного населения, сотрудники МВД удивились, как много бывших спецпоселенцев хотели уехать. Видимо, в 1954 г. сильно преувеличивали желание спецпоселенцев остаться в приемном регионе. В последующие годы и до конца СССР власть оказалась неспособной решить вопросы (бывших) спецпоселенцев, которые требовали уважения к своим правам и свободам, реабилитации, возвращения, автономии и компенсации; да они и сегодня отчасти не до конца решены¹.

Н.Н. Аблажей

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ:
РЕШЕНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КОМИССИИ
АРМЯНСКОЙ ССР
ПО ПЕРЕСМОТРУ ДЕЛ «ДАШНАКОВ»,
ВЫСЕЛЕННЫХ В АЛТАЙСКИЙ КРАЙ**

После смерти Сталина власть начала демонтаж системы ГУЛАГа и ссылки. На практике освобождение стало возможным после того, как была узаконена процедура пересмотра дел лиц, высланных по решениям внесудебных органов, в том числе по решениям Особого совещания при МГБ СССР. С сентября 1953 г. такого рода случаи пересматривались на основании протестных заявлений Генпрокурора СССР в Верховный суд СССР. С 14 августа 1954 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР разрешение на пересмотр дел по надзорным протестам соответствующих прокуроров и председателей судов получили президиумы верховных судов союзных и автономных республик и автономных областей. С 1954 по 1957 г. советам министров союзных республик и областей, с территории которых проводилось выселение, также было предоставлено право принимать решения об освобождении на основании распоряжений местной исполнительной власти². С мая 1954 г. право пересмотра дел осужденных и ссыльных получили специальные комиссии прокуратуры—МВД—КГБ, созданные на уровне союзного Центра,

¹ Подробнее см.: Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века): Книга-мониторинг. М.: МСНК-пресс, 2006; Dufaud G. Après Les Colonies Spéciales.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930—1960. М., 2003. С. 245.

некоторых республик (Украины, Молдавии, Армении) и ряда региональных административно-территориальных образований. С марта по октябрь 1956 г. подобным правом обладали выездные комиссии Президиума Верховного Совета СССР, созданные для рассмотрения дел на лиц, отбывающих наказание за должностные и хозяйственные преступления. В 1957–1958 гг. право освобождения из ссылки получили комиссии президиумов Верховных советов Украины, Молдавии и республик Прибалтики. Последние (прибалтийские) комиссии функционировали вплоть до середины 1960-х гг.¹

В каждом из вышеперечисленных случаев механизм принятия решения об освобождении имел свою специфику, которая определялась полномочиями конкретного органа, проводившего пересмотр дела. Несмотря на обилие предложенных властью практик пересмотра дел «ошибочно высланных», коллективное освобождение лиц, депортированных с территорий кавказских, восточноевропейских и прибалтийских советских республик, стало возможным благодаря работе комиссий прокуратуры–МВД–КГБ и комиссий президиумов верховных советов.

Несмотря на обилие публикаций по депортациям, специальных работ по анализу технологий освобождения и реабилитации ссыльных практически нет². При этом материалы комиссий прокуратуры–МВД–КГБ и выездных комиссий верховных советов, которые в 1954–1956 гг. занимались пересмотром дел ссыльных, исследователями в сущности не используются и поэтому не введены в научный оборот. Тем не менее механизм аналитической работы с документами комиссий прокуратуры–МВД–КГБ и комиссий президиумов верховных советов периода 1954–1956 гг. предложен и апробирован российским исследователем О. В. Лавицкой³. В основу его положено знакомство и последующий анализ не только материалов самих комиссий, но и надзорного производства прокуратуры.

В настоящей статье предметом рассмотрения является массовая депортация из Армянской ССР в 1949 г. Согласно секретному постановлению Совета министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214-856сс и приказу МВД СССР от 2 июня 1949 г. № 00525 в середине июня того же года в отношении ряда народов, проживавших в советских республиках Кавказа и Причерноморья, были проведены локальные принудительные переселения (чекистско-войсковая операция «Волна»), в том числе части армян. В феврале 1950 г. в Алтайский край были высланы на спецпоселение 3017 семей «дашнаков», основанием к чему стали решения Особого совещания при МГБ СССР, принятые спустя полгода после депортации.

¹ См. статью А. Блюма в наст. сб.

² Тема нашла отражение в серии выступлений Э. Кустовой и А. Блюма (в частности, в докладе «Такое долгое ожидание: возвращение спецпереселенцев на родину после смерти Сталина», сделанном на франко-российском семинаре «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы» в сент. 2013 г.).

³ Лавицкая О. Документы прокуратуры о процессе реабилитации жертв политических репрессий в 1954–1956 гг. // Отеч. архивы. 2007. № 3; Она же. Внесудебная реабилитация жертв политических репрессий в СССР в 1953–1956 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

В категории «выселенных навечно» оказалось более 17 тыс. армян, более 13 тыс. из них были высланы с территории Армении. Тогда же в ссылку в Томскую область оказалась группа армян — бывших турецких подданных, принявших советское гражданство, ставших жертвами «зачистки от неблагонадежных» Черноморского побережья Кавказа, Грузинской и Азербайджанской ССР¹.

Армянский спецконтингент квалифицировался органами МГБ и МВД как «дашнакский» и националистический. В качестве основания к высылке в 1949 г. лиц армянской национальности стали «связи в прошлом и настоящем» с дашнакской партией. В ссылку оказались лица, имевшие отношение к дашнакской партии еще в годы Гражданской войны и установления советской власти; семьи осужденных в 1930–1940 гг., прежде всего в период «Большого террора», «за принадлежность к нелегальной дашнакской организации»; члены семей советских военнопленных-армян, осужденных как участники Армянского легиона; репатрианты из числа зарубежных армян и членов их семей, которые будучи за границей якобы «были связаны с партией». Таким образом, в структуре армянского контингента оказались «дашнаки», «легионеры» и репатрианты. В ходе депортационной операции МГБ Армянской ССР было сформировано 2935 дел на выселение, по которым проходило 13 272 чел.²

Анализ динамики численности «дашнакского контингента», по данным статистики отдела спецпоселений МВД СССР, убедительно показывает, что массовое освобождение из ссылки произошло в 1955 г. Если на начало 1954 г. на учете состояло 15 590 чел., из которых находилось в наличии 15 508 чел. (88 чел. в период ссылки подверглись аресту), то спустя два года число спецпоселенцев этой категории сократилось до 355 чел. Еще через два года, в начале 1958 г., численность этой категории составляла 121 чел., в июне — 42 чел. Оставшиеся спецпоселенцы-армяне были освобождены в августе 1958 г.³

Изучение массива личных дел спецпоселенцев и материалов по выселению семей показывает, что в позднесталинский период имели место лишь единичные случаи признания выселения необоснованным. В то же время в СССР широко практиковалось применение во внесудебном порядке административной ссылки, основанием к которой становились инструкции силовых ведомств, указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления союзного и республиканских правительств. Особое совещание при НКВД СССР еще в 1941 г. получило расширенные полномочия в части применения ссылки, высылки и направления на спецпоселение лиц, «признаваемых общественно опасными по связям с преступной средой или по своей прошлой деятельности». Именно решения внесудебного

¹ Решение о высылении турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство; греческих подданных, бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство, было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 17 мая 1949 г. и реализовано по приказу МГБ СССР от 28 мая 1949 г.

² Эти дела отложились в фонде МГБ (1191, оп. № 6) Национального архива Армении; см. также: Мунукян А. Политические репрессии в Армении 1920–1953 гг. Ереван, 1999. С. 239 (на арм. яз.).

³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 210–211, 226, 256, 263, 270.

органа — Особого совещания при НКВД/МГБ СССР — легализовали массовые высылки, проведенные под флагом борьбы с националистами во второй половине 1940-х гг. на западных, кавказских и прибалтийских территориях СССР. Широкие полномочия Особого совещания относительно направления в ссылку сохранялись и в начале 1950-х гг. В 1951 г. руководство МГБ, предлагая реорганизацию Особого совещания, ратовало за расширение его полномочий в области ссылки¹.

Принятие и отмена репрессивных решений относились исключительно к компетенции все той же внесудебной инстанции. Процедура пересмотра ранее принятых внесудебными органами дел, в том числе и Особым совещанием, предусматривала наличие представления от органов Министерства государственной безопасности, Генерального прокурора СССР и его заместителей. Ходатайства Генерального прокурора СССР должны были рассматриваться Особым совещанием в течение месячного срока. Хотя процедура пересмотра дел ссыльных и была определена нормативно, процесс внесения дел на рассмотрение в Особое совещание при МГБ СССР был крайне сложен и растягивался на несколько лет. Таких случаев немного, но они все же были². Материалы ведомственного делопроизводства МГБ, да и сами свидетельства ссыльных служат тому подтверждением. Отмечены также единичные случаи освобождения из ссылки. Но чаще, в связи с бюрократической волокитой и «необходимостью дополнительного расследования», пересмотр дел ссыльных в Особом совещании при МГБ СССР чрезвычайно затягивался.

Дела, которые не были рассмотрены Особым совещанием, после его упразднения в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. передавались на рассмотрение в Прокуратуру СССР. Такого рода случаи пересматривались на основании протестов Генпрокуратуры СССР (как главного прокурора, так и его заместителей) в адрес Верховного суда СССР (пленума, Коллегии по уголовным делам), которые, в свою очередь, базировались на заключениях МГБ и прокуратуры. Верховный суд СССР мог как отменить решение Особого совещания или снизить меру наказания, так и оставить приговор в силе. На практике, даже при положительной перспективе пересмотра дела, с момента подачи первого ходатайства до собственно освобождения обычно проходило 3–4 года.

Подобные случаи наглядно иллюстрируют изменения процедуры пересмотра дел репрессированных и ссыльных. Предоставление в 1954 г. органам прокуратуры права на запрос дел осужденных и ссыльных способствовало началу их массового пересмотра, однако существующий порядок не мог ускорить освобождение из лагерей и ссылки. Толчком стал выход совместного приказа Генерального прокурора СССР, министров юстиции и внутренних дел СССР, председателя КГБ при Совете министров СССР от 19 мая 1954 г. № 96сс о создании специальных комиссий прокуратуры—МВД—КГБ³, которым и вменялась задача обеспечить массо-

¹ Письмо С.Д. Игнатъева И.В. Сталину об Особом совещании при МГБ // Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991. Справочник.

² Национальный архив Республики Армения. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 4.

³ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3284. Л. 40—41 об.

вое освобождение заключенных и ссыльных. Таким образом, решение об отмене *внесудебного* решения *внесудебной* инстанции принималось вновь *внесудебным* органом. Как и прежде, минуя судебные инстанции, прокуратура вместе с МВД и КГБ принимала решение, но в этот раз об отмене своих же внесудебных репрессивных решений.

В год смерти Сталина власть еще не была готова к отказу от ГУЛАГа и системы спецпоселений. Возможность освобождения той или иной категории ссыльных предусматривала длительные межведомственные согласования (МВД/МГБ и прокуратуры), а также окончательную санкцию на уровне ЦК КПСС. Например, из переписки МВД и ЦК КПСС следует, что первоначально «дашнаки» указывались как претенденты на освобождение: руководство министерства в августе 1953 г. в записке на имя председателя Совета министров СССР Маленкова заявляло, что считает возможным до конца года освободить всех сосланных в рамках операции «Весна». Упоминались «дашнаки» и в сентябрьских 1953 г. предложениях МВД в Президиум ЦК КПСС относительно лиц, высланных в 1949 г. из Причерноморья. Тем не менее Президиум ЦК рассмотрел предложения МВД только через полтора года, когда был разработан план мероприятий по освобождению, в частности, очередность рассмотрения дел высланных комиссией ЦК в составе Генпрокурора, министров МГБ, МВД и юстиции¹. В предложенном списке «дашнаки» не были первыми на освобождение. Об этом убедительно свидетельствует межведомственная переписка МВД и прокуратуры июня 1954 г., согласно которой оба ведомства сходились во мнении, что «дашнаки» как категория пока вообще не подлежат освобождению. Однако уже в записке в ЦК КПСС от руководителей заинтересованных ведомств от 9 сентября 1954 г. указывалось, что высылка 1949 г. в отношении как минимум 3 тыс. чел. была «необоснованной»; в прилагавшемся к записке проекте постановления ЦК предусматривался упрощенный механизм освобождения «дашнаков и членов их семей»².

Упрощенный механизм освобождения не предусматривал отмены постановлений Особого совещания, но давал специальной комиссии прокуратуры–МВД–КГБ право принимать решения об освобождении из лагерей и ссылки. Комиссии имели право отменять ранее вынесенные решения по уголовным делам и реабилитировать осужденного; переквалифицировать состав преступления; сокращать срок наказания; на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. отменять решения о ссылке на поселение и об отказе в пересмотре решения по делу³. Хотя прокурор Р.А. Руденко и утверждал, что пересмотр дел комиссиями заключается не в «амнистии, не в помиловании преступников, а в проверке дел с целью реабилитации лиц, не-

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 229–231 (со ссылкой на: ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 67–83, 246, 280–281; Д. 836. Л. 154; Д. 942. Л. 1–4).

² Записка Р.А. Руденко, С.Н. Круглова, И.А. Серова и К.П. Горшенина в ЦК КПСС о порядке освобождения со спецпоселения дашнаков и членов их семей в ЦК КПСС от 9 сентября 1954 г. // Реабилитация: Как это было. Т.1. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/6> (со ссылкой на: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3286. Л. 169).

³ Уйманов В.Н. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х — 1980-е годы // Вестник Томского университета. 2012. № 2 (18). С. 93.

винно осужденных», одновременно отказывая «в пересмотре дела в отношении преступников»¹, в итоге речь шла, скорее, именно об амнистии. Решения комиссии считались окончательными, хотя на практике повторный пересмотр дел также иногда имел место.

В соответствии с приказом Генпрокуратуры СССР, союзных министерств госбезопасности, внутренних дел и юстиции от 21 сентября 1954 г. № 168сс было принято решение поручить Комиссии Армянской ССР рассмотреть дела высланных из республики². Структура и состав комиссии описаны в приказе от 21 сентября 1954 г. Определялся порядок рассмотрения жалоб и заявлений выселенных³, структура комиссии, порядок ее работы и механизм пересмотра дел. Отметим, что вся работа комиссии должна была проходить в административном здании КГБ Армянской ССР. Председателем комиссии был назначен прокурор республики К.И. Ионнесян, членами — министр юстиции, генерал-майор А.В. Карапетян и министр МВД, генерал-майор П.В. Пискунов, начальником секретариата комиссии — Г.Б. Муратов⁴. Изменения в составе комиссии принимались на бюро ЦК Армении⁵. Прежде всего речь шла о проверке материалов, послуживших основанием к выселению. В отношении лиц, признанных необоснованно высланными, комиссия принимала решение об освобождении, которое направлялось через Первый спецотдел МВД Армянской ССР по месту ссылки для исполнения. Все освобожденные со спецпоселения подлежали снятию с оперативного учета в первых спецотделах МВД—УМВД.

Республиканская комиссия прокуратуры—МВД—КГБ Армянской ССР по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, собралась на свое первое организационное заседание 5 июня 1954 г. На заседании присутствовали не только члены комиссии, но и приглашенные сотрудники из числа высшего руководства КГБ, МВД, Военной прокуратуры, Верховного суда и ОДТК. В ходе заседания была заслушана информация о начале работы Центральной комиссии по пересмотру дел. Бурное обсуждение и многочисленные вопросы вызвал доклад председателя комиссии — прокурора республики К.И. Ионнесяна о «практическом претворении в жизнь» приказа прокуратуры, Министерства юстиции, МВД и МГБ от 19 мая 1954 г № 96сс. В конце совещания с речью «О большом политическом значении предстоящей работы по пересмотру дел» выступил секретарь ЦК КП Армении Я.Н. Заробин⁶.

На следующем заседании, 9 июня, был утвержден рабочий аппарат комиссии в составе 20 чел. Работа по предварительному рассмотрению дел возлагалась на рабочий аппарат, состоявший из судебно-прокурорских работников и оперативных сотрудников КГБ и МВД, а также на секре-

¹ Из выступления Р.А. Руденко на Всесоюзном совещании руководящих прокурорских работников в Москве 23–25 июня 1955 г. // Реабилитация: Как это было... Т. 1. С. 224.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 55.

³ НА РА. Ф. 116. Оп. 6. Д. 96. Л. 33–34.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 42. Л. 3.

⁵ Центральный государственный архив документов общественно-политических организаций Республики Армения. Ф. 1. Оп. 34. Д. 40. Л. 62.

⁶ НА РА. Ф. 116. Оп. 5. Д. 42. Л. 3.

тариат во главе с начальником 3-го отделения Первого (учетно-архивного) спецотдела республиканского МВД Н.С. Коргановым. Рабочие заседания комиссии начались 21 июня 1954 г. и продолжались по 16 июня 1956 г. включительно.

Материалы комиссий прокуратуры–МВД–КГБ, в частности протоколы заседаний 1954–1956 гг., выборочно сохранились в архивах Российской Федерации (ГА РФ и АП РФ) и ряда других постсоветских стран. Некоторые специалисты считают, что копии протоколов заседаний комиссий должны были отложиться в ведомственных архивах прокуратуры и бывшего КГБ. В Армении большой массив материалов республиканской комиссии прокуратуры–МВД–КГБ сохранился в фонде МВД, находящемся в Национальном архиве республики. Основная документация комиссии обозначена как «Протоколы заседаний Республиканской комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, находящихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР; в ссылке на поселении и спецпоселении»¹. Все материалы являются подлинниками, заверенными членами комиссии. Часть протоколов посвящена пересмотру дел репрессированных (33 протокола), другая часть — ссыльных (25 протоколов)². Дела алтайских ссыльных пересматривались в 1954 г. (13 раз), в 1955 г. (15 раз) и в 1956 г. (трижды). Основное количество дел на ссыльных было рассмотрено комиссией в 1955 — первой половине 1956 г. Количество пересматриваемых дел на ссыльных лавинообразно росло от заседания к заседанию. Абсолютный рекорд пришелся на заседание 30 апреля 1956 г., в ходе которого было пересмотрено 150 дел.

Протокольные дела формализованы, содержат повестку дня, собственно протокол и заключения. В большинстве случаев к ним подшиты обобщающие статистические справки с указанием количества пересмотренных дел и численности лиц, по ним проходящих, а также количества дел, снятых с обсуждения; статистика освобождения и отказов. В машинописных протоколах встречаются рукописные пометы с итоговой резолюцией.

«В поисках правды» репрессированные с первых дней заключения, следствия и ссылки начинали писать во все возможные инстанции жалобы и ходатайства о пересмотре дела, при том, что спецпоселенцы не были ограничены в переписке. По образному выражению Ив. Джуха, в недрах ГУЛАГа родились «тысячи, десятки, сотни тысяч писем, жалоб, заявлений руководителям страны, партии, прокурорам, судьям, родственникам»³. Согласно инструкциям, официальные письма могли быть адресованы как персонально тому или иному руководителю, так и ведомствам в целом, среди таковых обычно фигурировали высшие структуры партии, Президиум Верховного Совета СССР, правительство, МВД и МГБ, прокуратура

¹ Само название комиссии красноречиво говорит об одновременности решения властью вопроса об освобождении из ГУЛАГа и из ссылки.

² НА РА. Ф. 116. Оп. 5. Д. 43–76, 116–119.

³ Подробнее см.: Elie M. Les anciens détenus du Goulag: Libérations massives, réinsertion et réhabilitation dans l'URSS poststalinienne, 1953–1964. Paris: EHESS, 2007; Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Re-turnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 2009; Джуха И. «Пишу своими словами...» История репрессий против греков в СССР. Письма из ГУЛАГа. 1920–1950 гг. URL: http://www.greek-martirolog.ru/book_letters/book_letters_1.php

и Верховный суд. Значительная часть этого эпистолярного наследия отложилась в личных документах — на выселение семьи и персональных делах спецпоселенцев. В основе подобных обращений лежат, как правило, персональная история, просьбы «разобраться по справедливости, исправить допущенную ошибку», освободить семью со спецпоселения, разрешив всем возвратиться на родину. К примеру, с началом массового освобождения все жалобы и заявления выселенных в Алтайский край передавались для работы в аппарат Первого спецотдела МВД Армянской ССР, которому, собственно, и было поручено эти обращения рассмотреть.

Как уже отмечалось, в материалах комиссии присутствуют заключения по конкретным делам, на основании которых и выносились решения. Заключение оперативного работника Первого спецотдела МВД представляло собой типовой документ, составленный от имени сотрудника, проводившего пересмотр следственного дела заключенного и/или дела о выселении семьи на предмет проверки обстоятельств, на основании которых было вынесено репрессивное решение (с указанием наличия выписок судебных и внесудебных инстанций). После изложения сути обвинения формулировалось итоговое заключение с перечислением всех членов семьи, отправленных на спецпоселение, с формулировкой «освободить» или «оставить на спецпоселении». Помимо собственно оперативного работника, проводившего проверку, документ визируют начальники Третьего и Первого спецотделов МВД, а также помощник прокурора республики по спецделам. Именно это заключение и становилось основанием для комиссии при принятии решения.

Если в 1930–1940-е гг. внесудебные «тройки» и Особое совещание выполняли функции обвинения, то в середине 1950-х гг. они, как правило, отменяли вынесенные внесудебные репрессивные решения. В СССР за сентябрь 1954 — март 1956 г. всеми комиссиями прокуратуры–МВД–КГБ было пересмотрено дел на 337 тыс. заключенных и ссыльных, в отношении 153 тыс. чел. были приняты решения о прекращении дел, сокращении срока наказания, об освобождении из ссылки и амнистии. При этом реабилитировали чуть больше 14 тыс. чел. Осуждение же остальных почти 184 тыс. чел. было признано правильным. Принцип «внесудебности» вновь стал доминирующим. Государство применило к репрессированным процедуру массового помилования, по аналогии с амнистией осужденных за уголовные преступления в 1953 г. («птенцы Берии»). В середине 1950-х гг. полной реабилитации лиц, невинно осужденных, не произошло. Наглядно об этом свидетельствуют итоги работы комиссий прокуратуры–МВД–КГБ. Принцип отсутствия гласности позволил даже не объяснять бывшим узникам ГУЛАГа и спецпоселений, кто же вынес решение об их освобождении.

Решения комиссии направлялись в первые спецотделы и отделы спецпоселений управлений МВД регионов ссылки «для исполнения», в республиканские КГБ — «для сведения». До этого основанием для освобождения из ссылки и снятия со спецучета служили постановления Верховного суда СССР. В справке, выдаваемой администрацией мест заключения или поселения, указывалось, что заключенный или ссыльный освобожден на основании решения республиканской комиссии. На облож-

ках отдельных дел о выселении иногда встречаются пометки: «дело пересмотрено в соответствии с приказом МВД СССР № 0026 от 19 января 1955 г.»¹.

Согласно отчету министра внутренних дел Армянской ССР, генерал-майора П.В. Пискунова от 16 июня 1956 г., республиканская комиссия рассмотрела 1963 дела на ссыльных (из общего числа 2698). Таким образом, нерассмотренными остались 735 дел. Было освобождено со спецпоселения 1779 семейств, отказано в просьбе 184 семьям. Позже по прямому указанию ЦК КП Армении «отказные» дела спецпоселенцев были вторично пересмотрены и все 184 семьи в апреле–мае 1956 г. решением комиссии сняты с учета спецпоселения. К сожалению, пока нет возможности ответить на вопрос о том, чем было продиктовано это решение ЦК.

Основные отказы к рассмотрению дел и к освобождению коснулись семей легионеров. Из 888 дел на «легионеров» были рассмотрены всего 153 дела, таким образом, остались нерассмотренными 655 дел этой подучетной категории. Комиссией были рассмотрены все 350 дел на репатриантов, которые квалифицировались как «дашнаки» (за принадлежность их в бытность за границей к буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн»). Решением Республиканской комиссии 249 семейств были сняты с учета спецпоселения на том основании, что перед репатриацией в Советский Союз они подали декларации о разрыве с партией «дашнакцутюн», а после прибытия в СССР «никакой вражеской работы не производили»². С учета спецпоселения была снята 391 семья, главы которых до установления советской власти в Армении состояли в партии «Дашнакцутюн», но впоследствии отошли от этой партии, либо «состояли в нелегальной дашнакской организации, за что были осуждены и по отбытии срока наказания ни в чем отрицательном не проявили себя». Почти пятая часть дел была пересмотрена по критерию — «необоснованная высылка», так как в составе этих семей «имелись участники Отечественной войны, награжденные медалями и орденами Советского Союза и имеющие другие заслуги перед Родиной». В процессе проверки материалы, послужившие основанием для выселения, не нашли подтверждения по 695 делам, что дало основания для того, чтобы обвинить бывший аппарат МГБ Армянской ССР «в излишнем усердии» при подготовке выселения.

Согласно спецпереселенческой статистике, на начало 1956 г. в ссылке оставались 355 чел., в том числе 300 армянских националистов (членов партии «Дашнакцутюн»). Несмотря на то, что республиканская Комиссия не рассмотрела дела на 655 семей «легионеров», они были освобождены по амнистии согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г.

Тема реабилитации постоянно возникала после освобождения. Уже в 1960-е гг., на волне массовых обращений бывших осужденных и ссыльных, власть признала необходимость продолжить юридическую реабили-

¹ НА РА. Ф. 1191. Оп. 6. Д. 1378 и др. Приказом МВД СССР от 19 января 1955 г. № 0026 предписывалось уничтожение личных дел на кулаков.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. С. 57.

тацию. Прокуратуре пришлось вновь активно включиться в работу по массовой реабилитации «политических», отправляя в верховные суды запросы на отмену репрессивных решений внесудебных инстанций. Если в отношении репрессированных прокурорский протест почти всегда оформлялся в виде надзорного дела (производства), заводившегося в органах прокуратуры параллельно с ведущимися следственными органами уголовными делами в соответствии с их поднадзорностью или в связи с пересмотром, то материалы надзорного дела на бывших спецпоселенцев заводились преимущественно задним числом и только на основании заявлений и просьб о реабилитации. Надзорные дела на ссыльных сконцентрированы в фондах прокуратуры (фонд 571) и МГБ (фонд 1191) Национального архива Республики Армения.

В надзорных делах представлены ходатайства и заявления, адресованные в прокуратуру и другие инстанции, а также материалы спецдела прокуратуры, касающиеся лица, проходящего по следственному делу или делу о выселении; свидетельства проверок, содержащие переписку с МГБ и МВД, копии ответов на запросы заявителя. Большинство материалов надзорных дел на ссыльных содержит документы типового образца о ходе проверки и обращения в Верховный суд. Основное количество обращений за реабилитацией относится к концу 1960-х гг.¹ После рассмотрения дела на основании протеста прокуратуры в порядке судебного надзора оно поступало в Судебную коллегия Верховного суда Армянской ССР, которая и выносила решение о прекращении дела о выселении «за отсутствием состава преступления».

Но даже эти долгожданные решения объявлялись заявителю исключительно кулуарно, в стенах МВД и КГБ, или отправлялись почтой. Реабилитация не стала публичной и не была завершена. Осудив культ личности Сталина и «пожурив» бывшее руководство МГБ, власть так и не взяла на себя политическую ответственность за проведенные ее предшественниками массовые репрессии.

Ю.И. Шаповал

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ В УКРАИНЕ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Если вспомнить, какие народы или категории населения были депортированы из Украины в предвоенное и военное время, то только это уже даст представление об объеме и значимости данной проблемы депортаций в послевоенной ситуации.

В период до начала Второй мировой войны депортациям подверглись немцы и поляки², жившие в УССР. После присоединения Западной Ук-

¹ См., напр.: НА РА. Ф. 571. Оп. 5. Д. 4902 и др.

² Уже в 1935 г. 15 тыс. семей лиц польской и немецкой национальностей (около 65 тыс. чел.) были выселены из Украины, с территорий, прилегающих к польской границе, в Северо-Казахстанскую и Карагандинскую области.

раины оттуда начали осуществляться массовые депортации поляков, евреев, украинцев. 4 декабря были созданы западноукраинские области, а 29 декабря 1939 г. принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О Коллегии Переселенческого Управления при СНК СССР» и одобрено «Положение о спецпоселениях и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР»¹. Всю работу по подготовке и проведению акции возложили на НКВД СССР, УССР и их местные органы.

На 25 января 1940 г. на основании составленных заранее списков из западных областей Украины депортации подлежали 17 807 семей (95 193 чел.) из 2054 населенных пунктов региона. Для этого на железнодорожных станциях заранее выделили 3537 вагонов, не приспособленных для перевозки людей. 4 июня 1940 г. появилась директива Меркулова за номером 142 о переселении семей военнопленных (т.е. поляков) в Кустанайскую и Семипалатинскую области в Казахстане. Это была очередная волна депортаций. Следует вспомнить также участников бывших, как их называют в своих документах чекисты, антисоветских партий, еврейских националистов, католическое и униатское духовенство.

В соответствии с постановлениями Государственного Комитета обороны СССР от 22 сентября 1941 г. и 11 мая 1944 г. из Украины на спецпоселения было выслано более 45 тыс. немцев². 18 мая 1944 г. началась операция по выселению из Крыма татар. На спецпоселения было отправлено более 190 тыс. чел.³ 26 мая выселения были продолжены (они коснулись в первую очередь болгар, греков, армян). 4 июля Берия сообщал Сталину, что из Крыма выселено всего 225 009 чел.⁴ Как известно, Крым в ту пору не входил в состав УССР, но позже решать проблемы с возвращением депортированных после февраля 1954 г. придется именно Украине.

Смерть Сталина, постепенная и непоследовательная десталинизация, начатая Лаврентием Берия и продолженная Никитой Хрущевым, кардинально не изменили ситуацию в Западной Украине. Там продолжали действовать украинские националистические силы.

В Кремле понимали, что «умиротворить» этот регион можно, только применяя разные методы. С 1944 по 1952 г. в западных областях Украины репрессиям подвергли почти 500 000 чел., в том числе арестовано более 134 000, убито более 153 000. При этом депортации остались в арсенале репрессивных органов: более чем 20 000 чел. (из названных 500 тыс.) были высланы из Западной Украины в указанный выше период⁵.

В этом материале на основе документов Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины и Центрального государственного архива общественных организаций Украины проанализированы ключевые проблемы тех депортированных, которые получили разрешение на возвращение в родные места или на территорию тогдашней УССР.

¹ См.: «По решению правительства Союза ССР...». Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 208–209.

² Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее — ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 24. Д. 4544. Л. 4.

³ Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 206.

⁴ Там же.

⁵ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 47.

*
* *

Для начала целесообразно привести хороший обобщающий пример. Он касается Евгения Грицяка, легендарного руководителя Норильского восстания 1953 г., который воевал на 4-м Украинском фронте, был ранен несколько раз, награждался боевыми медалями. В 1949 г. чекисты обвинили его в том, что во время немецкой оккупации он был членом украинской молодежной организации в городе Снятине Ивано-Франковской области. Грицяк получил смертный приговор, замененный впоследствии 25 годами заключения. В 1956 г. его реабилитировали. Однако в 1959 г. Президиум Верховного Совета СССР отменил решение своей собственной комиссии, которая освободила Грицяка. Мотивировалось это «тяжестью» преступления. Тем самым был оставлен в силе приговор 1949 г. Почему? Официально потому, что Грицяк вел антисоветскую деятельность. На самом деле никакой организационной деятельности он не вел, но настроен был, действительно, антисоветски. Сам Грицяк вспоминал, как однажды к нему домой пришел сотрудник оперативного отдела Управления КГБ Ивано-Франковской области и сказал: «Ну что, Евгений Степанович, вы, наверное, думаете, что органы притихли и вам так все сойдет с рук? Нет, ошибаетесь...»¹.

Эта история может быть своего рода эпитафией к тому, что происходило в послевоенные годы, когда Сталина уже не было в живых и казалось, что справедливость могла восторжествовать. Однако власть априори испытывала недоверие к возвратившимся. 27 декабря 1955 г. появилась директива КГБ при Совете министров СССР за номером 161сс. Она требовала, используя агентурные и другие возможности, организовать выявление и учет лиц, отбывших наказание за шпионаж, диверсии, террор, троцкистскую, националистическую и другого рода антисоветскую деятельность. По состоянию на 20 февраля 1956 г. было выявлено 41 423 возвратившихся в Украину. Из них чекисты взяли на списочный учет (для этого заводились специальные журналы) 14 025 чел., в агентурную разработку 685 чел., а в отношении 26 713 чел. характер судимости еще предстояло выяснить². В докладной записке тогдашнему шефу КГБ СССР Ивану Серову председатель КГБ УССР Виталий Никитченко отмечал: «Изучая через агентурные возможности настроения и поведение прибывших, устанавливается, что отдельные из них продолжают оставаться на прежних позициях и намереваются возобновить организованную антисоветскую деятельность. Такая категория лиц, представляющая наибольшую опасность, не прерывает связи со своими единомышленниками, оставшимися в лагерях МВД, и устанавливает контакт с враждебными элементами, проживающими на Украине. Особенно большую активность проявляют украинские националисты, возвратившиеся в западные области Украины»³.

¹ Грицяк Євген. Норильське повстання. Харків: Права людини, 2008. С. 101.

² Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее — ОГА СБУ). Ф. 2. Оп. 21. № 6. Л. 2.

³ Там же.

Далее Никитченко утверждает, что националисты пытаются установить контакты с существующим подпольем, а также с заграницей, жалуются, что в связи с изменением политической обстановки стало сложнее проводить «националистическую деятельность». По словам Никитченко, в Волинской, Ровенской, Харьковской, Львовской, Дрогобычской, Станиславской, Хмельницкой, Днепропетровской и других областях «учтены украинские националисты, в том числе бывшие бандиты ОУН, которые вступили в иеговистские секты и занимают в них руководящее положение»¹. А троцкисты, еврейские националисты, члены бывших антисоветских партий «вынашивают враждебные планы», распространяют «клеветнические измышления» о партии и правительстве. Католическое и униатское духовенство уделяет основное внимание миссионерской деятельности среди населения, выступает с призывами к верующим воспитывать детей «в религиозном духе и прививать им националистические чувства»².

Докладная записка генерал-майора Виталия Никитченко весьма примечательна, хотя в принципе очень трудно отделить присущую чекистам шпиономанию и служебный пароксизм в оправдании собственного существования от реального положения, настроений и намерений тех, кто возвращался в родные (и не родные) места. Тем не менее эта записка дает понимание того, что, во-первых, власть не доверяет и не будет доверять когда-то осужденным; во-вторых, что власть уже не может решать судьбы покаранных людей по рецепту «маленького Марата». Именно так называл Иосиф Сталин бывшего шефа НКВД Николая Ежова, приказавшего «почистить» (т.е. массово уничтожить) тех, у кого заканчивались сроки наказания.

Еще один весьма важный момент можно проследить в документах спецслужбы. Полная реабилитация осужденных и депортированных значительно усложняла жизнь чекистов, поскольку они не могли брать на учет официально реабилитированных граждан. Точнее, не имели права. И они видели выход прежде всего в обсаживании агентурой возвращавшихся людей. Сообщениями об этом переполнены отчеты о выполнении упомянутой директивы КГБ при Совете министров СССР от 27 декабря 1955 г. После получения этой директивы рапортовали, например, из Сумской области: «на выявление лиц, возвратившихся... на территорию области... была направлена агентура, имеющаяся в отделе, и использовались другие возможности, в частности, паспортные отделы органов милиции»³.

Начавшаяся реабилитация постоянно ставила украинское руководство в довольно сложное положение и побуждала к той «амбивалентности», которая в конечном счете порождала новые проблемы. Например, надо было решать судьбу немцев, татар, греков, армян, болгар. В апреле 1954 г. тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Украины Алексей Кириченко подготовил проект письма на имя Никиты Хрущева. Он писал о том, что от семей упомянутых народов поступило более 3 тыс. заявлений об

¹ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 21. № 6. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 241.

освобождении их из спецпоселения. После проверки по разрешению МВД СССР на 1 апреля 1954 г. было освобождено из спецпоселений 805 семейств численностью 2421 чел.¹

Часть семей «наказанных народов» возвратилась в Крым и начала требовать конфискованные у них в 1944 г. постройки и возмещение стоимости изъятого имущества. Кириченко напоминал, что «личные и хозяйственные постройки были переданы переселенцам в Крым, в пользовании которых находятся в настоящее время»². Не зная, что делать в такой ситуации, партийное руководство Украины внесло неожиданное предложение: закрепить административно выселенных из Крыма по месту проживания или переселить бывших крымчан в другие области СССР, распространив на них действие постановления Совета Министров СССР от 19 февраля 1953 г. № 517 «О льготах по переселению». «Возвращение прибывшим в Крым, — писал Кириченко, — после освобождения из мест поселения конфискованного ранее у них имущества и построек считаем нецелесообразным, так как это значительно ослабит личное хозяйство многих переселенческих семейств, создаст у многих переселенцев неуверенность и может привести к их выезду из Крыма»³.

28 апреля 1956 г. с депортированных народов сняли режим спецпоселения. Это был специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР № 135/42, имевший гриф «Без опубликования в печати». Второй пункт фактически повторял предложение Кириченко: «Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены»⁴.

Тем не менее уже после этого указа начали нервничать региональные руководители. Например, забил тревогу первый секретарь Запорожского областного партийного комитета А. Гаевой. 26 октября 1956 г. он сообщал в ЦК Компартии Украины, что в область начали прибывать с семьями крымские татары, греки, армяне, болгары. От имени областного комитета Компартии Украины Гаевой предлагал запретить прописку бывших спецпоселенцев⁵.

И реакция правительства УССР была адекватной. 15 декабря 1956 г. было принято постановление, которое признавало «нецелесообразным» расселение в Херсонской, Запорожской, Николаевской и Одесской областях татар, немцев, греков, болгар, армян и всех других, проживавших ранее в Крымской области. Их предлагалось селить в других областях, а Главное управление организованного набора рабочих и переселения при Совете министров УССР должно было обеспечивать этот процесс⁶.

Однако жизнь хитрее бюрократических постановлений. Пройдет немногим более 10 лет и оргнаборы будут проводиться не для выселения, а

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 3614. Л. 3.

² Там же.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 6321. Л. 16.

⁵ Там же. Д. 3614. Л. 187–188.

⁶ Там же. Д. 6321. Л. 18–19.

для того, чтобы крымские татары работали в крымских колхозах и совхозах. Этим в 1968 г. будет заниматься Государственный комитет Совета министров Украинской ССР по использованию трудовых ресурсов. В частности, в Узбекистане набирались семьи из Ферганской, Наманганской и Андижанской областей. Но как набирались? Так, чтобы «исключить возможность проникновения в число намеченных к переселению кандидатур националистически настроенных лиц татарской национальности»¹. Именно такая задача обозначена в докладной записке упомянутого Госкомитета в ЦК Компартии Украины.

Разумеется, крымские татары не задержались с реакцией на «оргнабор» на свою родную землю. «Мы, — писали они в том же 1968 г. в одном из своих требований к крымским властям, — будем требовать своих прав, чего бы это нам ни стоило. Мы уведомляем вас об этом во избежание осложнений, заключающихся в демонстративных мероприятиях со стороны народа»².

«Войну» с татарами коммунистический режим будет вести фактически до своего падения. Будет использоваться, в частности, «оружие» прописки. Например, в 4-м квартале 1976 г. в Крыму будет прописано 79 крымских татар, в Херсонской области — 12, в Запорожской — 23³. В Одесской и Николаевской областях прописка татар производиться не будет. Тогда на это обратит внимание украинского руководства министр внутренних дел СССР Николай Щелоков, которого трудно заподозрить в симпатии к крымским татарам⁴.

13 декабря 1955 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Немцев снимали с учета спецпоселений и освобождали от административного наблюдения органов МВД, хотя и без права возвращения в места прежнего проживания. После этого в Украину на 1958 г. возвратилось 3,3 тыс. чел.⁵ Реакция режима была чисто сталинской: в письме первому секретарю ЦК Компартии Украины в ноябре 1957 г. КГБ, Прокуратура, МВД предупреждают, что нельзя селить немцев в южных приграничных и Закарпатской областях, «где расположены важные военно-стратегические объекты и в условиях Одесского, Херсонского портов и станции Чоп не исключена возможность их встреч с иностранцами...»⁶.

10 марта 1956 г. появился указ об освобождении из ссылки украинских и белорусских националистов. 15 мая 1956 г. постановлением Совета министров СССР № 644—376с были освобождены от спецпоселения члены семей «украинских и белорусских националистов». На 1 декабря 1956 г. после освобождения из лагерей и спецпоселения в западноукраинский регион возвратилось уже более 60 тыс. чел. Вот какие категории осужденных и спецпоселенцев интересовали чекистов в первую очередь: участни-

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 25. Д. 72. Л. 43.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Д. 1401. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 14—15.

⁵ Там же. Оп. 24. Д. 4544. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5.

ки ОУН, бандпособники, осужденные за недоносительство, пособники немцев и служившие в немецких формированиях, осужденные за другие «контрреволюционные преступления», не связанные с оуновской деятельностью, члены семей участников и пособников ОУН, высланные по решениям особого совещания при МВД, МГБ СССР, члены семей немец-репатриантов, высланных по решению НКВД СССР. Доминировали среди возвратившихся участники ОУН и бандпособники. Люди из ссылки на поселение и из мест спецпоселения составляли немногим более 10 тыс. чел. Наибольшая часть возвратилась в сельскую местность. Отбывшие наказание составляли около 13 тыс. чел.

С ноября 1956 г. начала работу специальная комиссия во главе с первым секретарем ЦК Компартии Украины Николаем Подгорным. В центре ее внимания был вопрос: что делать с украинскими националистами?

И проблема состояла не только в том, что возвращались те, кто не питал к коммунистическому режиму симпатий. Рельефно, до деталей начали проявляться реальные механизмы, т.е. злоупотребления, допущенные при депортациях. Очень хорошо это видно по документам спецслужб. Речь в первую очередь о жалобах тех, кого объявляли «националистами», «кулаками» и т.п.

Очень много такого типа документов сохранилось в Отраслевом государственном архиве СБУ в Киеве. Один из них касается Стефании Гловы, высленной в 1949 г. с родителями из Яворовского района Львовской области. Она написала письмо Георгию Маленкову, а чекистам довелось разбираться с этим письмом. Тут есть и травматический характер рефлексии, подчеркивание собственного вклада в развитие страны, и компонент патерналистского сознания, надежда, что держава восстановит справедливость. И конечно, используется риторика вполне лояльного гражданина.

На момент написания письма Стефании было 16 лет (она родилась в 1937 г.), жила она с родителями в Ачинске, училась в фельдшерской школе. Теперь она должна была также ходить в комендатуру отмечаться. «Почему, — писала она, — и я должна быть тоже спецпоселенцем? В чем я виновата? Разве в том, что первой в Яворовской школе надела пионерский галстук... Я мечтала стать комсомолкой. Но мои мечтания прекратились и разбились в связи с высылкой родителей»¹.

А далее Стефания рассказала историю ареста: «В четыре часа ночи к нам постучали и сказали, что идет проверка паспортов. И вот заходят в комнату шесть солдат во главе с пьяным старшиной. Приказывают одеваться и сдавать паспорта. Потом объявляют, что мы арестованы. Нам подают лист бумаги и говорят расписаться. Мы расписываемся. Нечаянно перевернув бумагу, брат заметил, что на обратной ее стороне напечатана вся семья дяди. Нас отправляют во Львов на пересыльный пункт. При проверке оказалось, что должен был быть выслан дядя, а не мы. Нам пообещали разобраться и вернуть нас обратно, а дядю выслать. Не знаю, как они разбирались, но прибыли мы в г. Ачинск опять с такой же историей»².

¹ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 112. № 1. Л. 12.

² Там же.

Оказалось, что дядя Стефании откупился, дав 5 тыс. руб., а она с родителями была арестована вместо него и его семьи, поскольку надо было выполнять репрессивный план (отца обвинили в том, что он был «кулаком» и поддерживал связь с оуновцами). В конце концов для Стефании, ее родителей, ее двух братьев все закончилось плохо, хотя доказать связь отца с националистами не удалось. Оперуполномоченный 4-го отдела Управления МВД Львовской области Полярус, рассмотрев в сентябре 1953 г. материалы архивно-учетного дела, посчитал все-таки, что отец Стефании — «кулак», а посему семью не освободили¹.

Это лишь один пример, но он показывает, как важен, как отмечал Аллен Блум, микроуровень анализа процессов возвращения депортированных.

Есть еще одна важная проблема, которая прослеживается в послевоенной Украине. Это проблема выдворения уже реабилитированных и возвратившихся на прежние места проживания. Упомянутая Комиссия во главе с Николаем Подгорным решала судьбы, указывая, кого оставлять и кого снова выселять. Особенно остро обстояла ситуация в Западной Украине. Были созданы и областные комиссии. Например, во Львовской области в июне 1957 г. областная комиссия решила переселить 345 чел. Республиканская комиссия отклонила кандидатуры 29 чел., но на тот момент уже 14 чел. уехали по собственной воле, чтобы не усугублять своего положения. Потом республиканская комиссия увеличивает «лимит»: нужно выселить 363 чел., уехало фактически 270 чел. Но что интересно, в число «уехавших» попали и 5 чел. арестованных².

В завершение хотел бы подчеркнуть важность использования документов коммунистической спецслужбы для дополнения и прояснения картины борьбы депортированных за освобождение и их адаптации к постсталинским условиям жизни.

А.Ю. Даниэль

ПАМЯТЬ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕПОРТАЦИЯХ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1950–1960-х ГОДОВ

Данная статья акцентирует внимание на теме публичности памяти о национальных депортациях и их последствиях, на материалах советской диссидентской литературы 1960-х — начала 1980-х гг. В постсталинский период «ГУЛАГ-2» был не историческим, а актуальным феноменом, поэтому для данного периода речь может идти не столько о памяти, сколько о знании. Соответственно следует рассмотреть каналы, по которым такое знание могло становиться публичным, а также возможные механизмы общественного осмысления этой темы. Прежде всего, это знание не могло не быть существенно более массовым, чем большинство других аспектов террористической политики государства.

¹ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 112. № 1. Л. 20.

² ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 24. Д. 4531. Л. 65.

Индивидуальный арест, даже осуществленный в рамках массовой кампании, обставляется, как правило, как секретная операция и окружен атрибутами, пусть ритуальными, государственной тайны. Непосредственными свидетелями каждого конкретного ареста оказывается лишь очень ограниченный круг людей: семья, соседи по квартире, иногда — сослуживцы. Почти нет мест, где эти люди могут сопоставить и сложить индивидуальные знания об арестах, обменяться впечатлениями и мнениями — разве что в тюремных приемных, в очереди к окошку передач. Дальнейшее существование арестованного также осуществляется в пространстве, строго изолированном от обычного пространства гражданской жизни: в тюрьмах и лагерных зонах. Зачастую даже родные не знают, или знают совсем немного, о судьбе лагерника, не могут представить себе подробности его быта.

Не то — с массовыми национальными депортациями.

В определенном смысле слова публичен сам акт депортации. Даже если национальная депортация является тотальной, как депортация поволжских немцев в 1941 г. или так называемые депортации возмездия 1943–1944 гг., — то ведь депортируемая этническая группа, если это не диаспора, жила не в безвоздушном пространстве, и ее внезапное исчезновение с мест компактного проживания не может остаться незамеченным ее соседями. Разумеется, все Среднее Поволжье знало о депортации немцев, все Нижнее Поволжье — о депортации калмыков, весь Северный Кавказ — о депортации карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, весь Крым — о депортации крымских татар, армян и болгар. А если кто-то и ухитрялся не заметить депортации как таковой, то уж никак нельзя было не заметить изменения названия и статуса административно-территориальной единицы, например исчезновения Калмыцкой АССР, превращения Чечено-Ингушской АССР в Грозненскую область, Кабардино-Балкарской АССР — в Кабардинскую АССР и т.д., а также массовых переименований населенных пунктов на соответствующих территориях.

Заметим, что в ряде случаев к операциям по осуществлению депортаций привлекались не только части НКВД, но и армейские подразделения; таким образом, в дальнейшем у населения в целом имелся еще один источник информации об осуществленных депортационных акциях.

Более высокая степень «публичности» «ГУЛАГа-2» по сравнению с тюремно-лагерной системой обуславливается особенностями размещения депортированных, отсутствием строгой изоляции спецпоселков от окружающего мира (зачастую функции «спецпоселений» исполняли даже отдельные районы или кварталы в небольших городах). Ясно, что наличие, например, в Центральном Казахстане спецпоселенцев, составляющих значительную часть населения региона и не отделенных от остального населения ни колючей проволокой, ни охраной с овчарками, не могло даже условно оставаться тайной за семью печатями для жителей этого региона.

Очевидно также, что непосредственное знание о национальных депортациях имелось и у той части населения, которая приехала на территории, опустошенные этими депортациями, а через 12–15 лет столкнулась с массовым возвращением туда предыдущих обитателей этих территорий. Эта ситуация зачастую была достаточно травматичной и для самих воз-

вращавшихся, и для переселенцев, обжившихся к этому моменту на их территориях; между ними возникали трения и даже прямые столкновения, как из-за плохо продуманной организации процесса, так и в силу взаимных предубеждений. Но, во всяком случае, и массовые переселения на «освободившиеся» территории, и трения, возникавшие в ходе возвращения депортированных, тоже становились источником массового знания о депортациях.

Некоторое время назад я начал опрашивать своих знакомых о том, когда и из каких источников они узнали о национальных депортациях в СССР. В ходе этого опроса выяснились два любопытных обстоятельства.

Во-первых, все (за исключением, естественно, представителей младших поколений, чье взросление проходило уже после 1987 г.) слышали о депортациях еще до всякой перестройки.

Во-вторых, каждый из опрошенных впервые услышал об этом из устных источников: от знакомых, родственников, случайных попутчиков и т.д., либо же сам успел соприкоснуться со спецпоселенцами, высланными по национальному признаку, или с какими-нибудь представителями наказанных народов уже после их возвращения (или невозвращения) на родину. Обычно, когда речь шла именно о «первом знании», это было знание о каком-то одном конкретном народе: немцах, или калмыках, или чеченцах. Что касается людей несколько более молодых возрастов, но все-таки ставших взрослыми еще в советскую эпоху, то большинство из них слышало — подчеркиваю, именно слышало — об этом от старших. Но никто не сказал, что впервые он прочитал об этих депортациях в какой-нибудь книге — официальной или самиздатской.

Устность источников отчасти снимает возможный упрек в том, что круг «респондентов» был ограничен кругом знакомств интервьюера, т.е. представляет главным образом интеллигенцию. В выявленных механизмах получения «первого знания» о национальных депортациях не обнаружилось ничего специфически «интеллигентского». Таким образом, можно предположить, что это знание являлось почти всеобщим задолго до перестройки.

Конечно, этот доморощенный «опрос» не может претендовать на научную корректность и достоверность (к слову: вероятно, было бы интересно провести на эту тему профессиональное социологическое исследование). Но он позволил сформулировать некую рабочую гипотезу, а именно: по сравнению со знанием о других формах государственного террора знание о массовых национальных депортациях можно считать для определенных поколений достаточно широко распространенным и к тому же отчасти транслированным в следующих поколениях.

Вопрос, следовательно, может ставиться не о знании как таковом, а об общественном маркировании этого знания в качестве дозволенного или недозволенного к публичному упоминанию, во-первых, и к публичному обсуждению, во-вторых.

Первый законодательный акт, касающийся жертв национальных депортаций, — указ от 13 декабря 1955 г. о снятии с немцев режима спецпоселения — таким маркером стать не мог, ибо не был опубликован. То же относится к указам от 17 и 27 марта, 28 апреля и 16 июля 1956 г. о

калмыках, греках, армянах, болгарях, крымских татарах, балкарцах, турках-месхетинцах, курдах, хемшилах, чеченцах, ингушах и карачаевцах. К тому же эти указы не содержали ни правовой, ни политической оценки самих депортаций — они решали сугубо технический вопрос о демонстрации ГУЛАГа-2. В частности, в них прямо указывалось, что бывшие спецпоселенцы «не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». (Как известно, этот запрет был снят через год-полтора, оставшись в силе в отношении лишь четырех народов — немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и хемшилов.)

Первым и основополагающим маркером стал пассаж в речи Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, посвященный депортациям периода войны:

«Товарищи! Обратимся к некоторым другим фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил».

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям.

Дополнительными маркерами стали указы Президиума Верховных Советов СССР и РСФСР 1957 г. о восстановлении национальных автономий. Заметим, во-первых, что между выступлением Хрущева и первым из этих указов — от 9 января о восстановлении Чечено-Ингушской АССР — прошло почти 11 месяцев, и, во-вторых, что еще в феврале 1956 г., дав в своей цитированной выше речи довольно полное перечисление наказанных народов, Хрущев не упомянул ни немцев, ни крымских татар, т.е. оставил за скобками именно те народы, которым, наряду с месхетин-

цами и хемшилами, так и не разрешили вернуться на родину. Это знак того, что ликвидация последствий депортаций шла трудно и противоречиво.

Упоминаний о национальных депортациях в подцензурной литературе, тем более текстов, специально посвященных этому предмету, мало. С одной стороны, эта тема воспринималась как «горячая», полузапретная (как и все, что связано со сталинским террором). Серьезная научная разработка этой тематики, ее широкое публицистическое освещение, самостоятельное политическое осмысление — все это по-прежнему находилось под запретом. Ключевые партийные документы — выступление Хрущева на XX съезде и июньское 1956 г. постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» — действительно маркируют эти тематики как разрешенные к упоминанию. Но они же — в особенности постановление ЦК — направлены на закрытие дальнейших дискуссий: все уже сказано, рассуждать больше не о чем. Именно поэтому все аспекты исторического опыта сталинизма, в том числе тема депортаций, уходят из социально-политической и научной сферы в область культуры: художественную литературу, кинематограф, театр. К художественному творчеству сложнее предъявить политические претензии (это, конечно, все равно постоянно делалось — но без особого успеха), потому что здесь трудно провести четкую границу между простым упоминанием, в качестве оправдания которого активно использовались названные выше партийные маркеры 1956 г., и самостоятельным осмыслением.

С другой стороны, будучи вытесненной в область художественного творчества, тема депортаций не приобрела самостоятельного общественного звучания. Она идеально вписалась в основную — неназываемую, но подразумеваемую — политическую формулу текущего общественного процесса 1960–1970-х гг.: сталинизм — антисталинизм. Эта вписанность как бы снимала специфику данной конкретной темы: чего тут говорить, и так все ясно.

(К слову, этот процесс банализации коснулся не только памяти о национальных депортациях, но и памяти о «кулацкой» ссылке: она тоже почти выключена из общественного дискурса, а в художественной литературе 1960–1970-х гг. представлена крайне фрагментарно. Единственные прозаические произведения, опубликованные в эти годы советскими издательствами, в которых уделяется заметное место «раскулачиванию», — это, пожалуй, всего две повести: «На Иртыше» Сергея Залыгина и «Почем в Ракитном радости» Константина Воробьева.)

Те же соображения обуславливают сравнительно малое число обращений к теме национальных депортаций и в неподцензурной литературе. Это становится особенно очевидным по сравнению с представленностью как в подцензурной, так и в неподцензурной литературе темы «ГУЛАГа-1».

Попробую предложить беглый обзор прямых или косвенных упоминаний о национальных депортациях в подцензурной, т.е. выпущенной в официальных советских издательствах, художественной литературе. (Сюда же, для простоты, отнесем и упоминания о тех депортациях, которые, быть может, нельзя однозначно причислить к «национальным», но которые были восприняты как таковые соответствующими этнотерриториаль-

ными сообществами — например, о предвоенных и послевоенных депортациях из Прибалтики.) Разумеется, этот обзор заведомо неполон, и наверняка в нем упущен целый ряд произведений, в том числе произведений заметных, сыгравших свою роль в формировании общественных представлений. Но его цель и не состоит в том, чтобы дать полный перечень, а чтобы на небольшом числе примеров представить общую тенденцию и высказать некую рабочую гипотезу, относящуюся, впрочем, не столько к истории, сколько к социокультурному процессу 1960–1980-х гг.

Одно из, по-видимому, самых ранних прикосновений русской советской литературы к запретной теме «наказанных народов» — это стихотворение Дм. Кедрина «Кайсыну Кулиеву». В этом стихотворении, написанном в 1945 г., незадолго до трагической гибели Кедрина, нет, казалось бы, ничего особенного. Правда, вполне лояльная и даже шаблонная для советской литературы тема дружбы между русским и кавказским поэтами решается Кедриним довольно неожиданно, хотя и в согласии с традициями русской классики — как тема высокой дружбы двух исторических врагов:

*...Тлела ярость былая,
Нас враждой разделя;
Я — солдат Николая,
Ты — мюрид Шамиля...*

Одно это четверостишие придавало стихотворению Кедрина оттенок крамолы, или как минимум фронды, хотя до объявления имама Шамиля «английским агентом» оставалось еще несколько лет. Но в рамках данного сообщения существенно, что Дмитрий Кедрин посвятил стихотворение поэту, представляющему сосланный народ, и, более того, решился упомянуть название этого народа, точнее, его языка (...Я не знаю, как пишут / По-балкарски «поэт»...).

Неизвестно, предполагал ли Кедрин опубликовать свое стихотворение, но в первом посмертном его сборнике (1947 г.) оно присутствует, правда, посвящение заменено криптонимом «К.К.». Это, безусловно, недоработка цензуры: упоминания о «наказанных народах» не должны были появляться в печати, разве только если совсем невозможно было без этого обойтись (так, из юбилейного собрания сочинений А.С. Пушкина 1949 г. все же не изымалось ни стихотворение «Прощай, любезная калмычка», ни соответствующий прозаический отрывок «Путешествия в Арзрум»).

Заметим, что судьба балкарского народа в стихотворении Кедрина не затрагивается ни прямо, ни косвенно, хотя в феврале 1945 г., регулярно общаясь с Кулиевым, он не мог не знать, что его друг уже решил разделить судьбу своего народа, отклонил поступившее сверху предложение «стать кабардинцем» и готовился к отъезду в киргизскую ссылку. На всякий случай Кедрин все же как бы оговорился, назвав адресата своего послания «кабардинцем», несмотря на то, что несколькими строчками выше интересовался, как будет «поэт» по-балкарски. Это, конечно, только игра: Дмитрий Борисович прекрасно знал, в чем состоит разница между кабардинцами и балкарцами, особенно в 1945 г.

Хотя о депортации как таковой здесь не говорится, общая тональность стихотворения наводит на мысль, что поэтом двигала не только

мысль о конкретном человеке, Кайсыне Кулиеве, но и сопереживание судьбе его народа.

Кажется, стихотворение Кедрина является едва ли не единственным упоминанием о «наказанном народе» в официальной художественной литературе сталинского периода.

А теперь перейдем к упоминаниям о депортациях в советской литературе послесталинской эпохи. Если сформулировать коротко — их почти нет.

Говоря о русской советской литературе, в первую очередь надо вспомнить строки из хрестоматийной поэмы А. Твардовского «За далью даль» (1959) — они получили самую широкую известность:

*О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...*

«Он» — это, разумеется, Сталин. Это четверостишие — не более чем зарифмованный вариант сказанного Хрущевым на XX съезде; его художественная невыразительность особенно бросается в глаза, если сопоставить их с великолепными строками этого же автора, посвященными «кулацкой» ссылке, в позднем, опубликованном лишь в 1966 г., варианте поэмы «Страна Муравия». Но это, кажется, и единственное прямое (хотя и крайне лаконичное), без намеков и эвфемизмов, упоминание о национальных депортациях.

Конечно, были и другие, более содержательные, более эмоционально и художественно насыщенные упоминания: например, в некоторых рассказах Ф. Искандера возникают эпизоды, связанные с послевоенной высылкой сухумских греков, в «Повести о Савве» В. Максимова появляется эпизодический, но очень ярко прописанный персонаж — ссыльный немец. В повести И. Мераса «На чем держится мир» есть эпизод, описывающий — глазами главной героини — депортацию семьи ее соседей; из контекста очевидно, что речь идет о массовой депортации жителей Литвы в июне 1941 г.

Отметим попутно, что и Искандер, и Максимов — не просто советские литераторы: это писатели, постоянно балансирующие на грани между официозом и диссидентством, и постоянно в диссидентство соскальзывающие (Максимов в конечном итоге соскользнул в него безвозвратно). До некоторой степени это относится и к Мерасу: в этом случае в качестве «полудиссидентского» воспринималось не столько само творчество этого писателя, сколько его тематика (судьба литовского еврейства). Но дело даже не в этом; главное, что «послания», содержащиеся в этих беглых упоминаниях, в состоянии прочесть и понять лишь тот читатель, который и раньше хоть что-то слышал о национальных депортациях. Иными словами, они апеллируют к знанию, предположительно уже имеющемуся у читателя.

Не думаю, что причиной тому было стремление авторов избежать цензурных придинок; во всяком случае, это не было основной причиной. Полагаю, что основной причиной была как раз осознанная или неосоз-

нанная «презумпция всеобщего знания»: ну кто же об этом не слышал — а об общеизвестном можно и не распространяться особо.

Единственное известное мне исключение (если не считать четверостишие Твардовского) относится не к русской, а к русскоязычной казахской литературе. Я имею в виду получившее в свое время широкую известность стихотворение Олжаса Сулейменова «Дикое поле», сквозная тема которого — его родной Казахстан, ставший местом ссылки еще в XIX столетии, а в XX в. покрывшийся лагерями и спецпоселками:

*...Я хотел бы родиться в горах
И не зваться казахом,
Или жить в белой хатке,
Коров по оврагам пасты.
Все равно привезли бы меня в Джебказган
Вагонзаком.
Украина, прости,
О ингуш, мою землю прости!..*

Еще раз повторяю: дело не в том, что Максимов или Искандер «боялись цензуры», а Сулейменов не боялся. Открытая публицистичность сулейменовских строк продиктована чисто художественной задачей — необходимостью поэтически отрефлексировать сложный и мучительный клубок национальных и гражданских эмоций, связанных с тем, что Казахстан, хоть и не по своей воле, был «тюрьмой народов».

Аналогичная ситуация складывалась и в национальных литературах тех народов, которые прошли через депортацию и возвращение. Разумеется, ведущие писатели этих народов — калмык Давид Кугультинов, балкарец Кайсын Кулиев и др. — не могли, да и не хотели полностью исключить тему изгнания из своего творчества. Изгнанию посвящен целый ряд стихотворений Кугультинова (впрочем, в его поэзии преобладают все же лагерные реминисценции, поскольку сам Кугультинов отбывал лагерный срок); в программной поэме Кулиева начала 1970-х гг. «Книга земли» изгнанию посвящена отдельная глава. Но, как и в русской литературе, это тоже лишь реминисценции и мотивы: читатель, который был «не в курсе дела», не мог извлечь из произведений названных авторов новое для себя знание — для того чтобы понять, о чем идет речь, нужно было уже владеть этим знанием.

Сказанное относится и к литовской литературе (независимо от того, следует ли относить пред- и послевоенные депортации из Прибалтики к «национальным» в точном смысле этого слова). На этой конференции уже звучали имена ведущих литовских поэтов, недавно умерших Юстинаса Марцинкявичюса и Марцелиюса Мартинайтиса. В их творчестве тема депортаций отчетливо просматривается в стихотворениях и поэмах еще советского периода. Но и здесь эта тема присутствует скорее имплицитно, чем явно, она прочитывается в образном ряду, в метафорике и т.д. Такая же «косвенность» и имплицитность характеризует и немногие упоминания о депортациях в латышской и молдавской литературе. В подцензурной эстонской литературе советского периода мне вовсе не встречались следы памяти о депортациях, ни косвенные, ни прямые — возможно, это просто результат моего недостаточного знания этой литературы.

В заключение коснемся неподцензурной, диссидентской литературы советского периода. Наиболее существенное отличие в освещении темы депортаций в сравнении с литературой подцензурной состоит в том, что здесь мы найдем эту тему не только в поэзии и художественной прозе, но и в публицистике, и даже в аналитических исследованиях. Впрочем, таких публицистических и исследовательских работ немного, особенно если сравнить с представленностью в самиздате лагерной темы. Существовала публицистическая работа А.Е. Костерина «О малых и забытых» (1967 г.), но эта работа не имела широкого распространения в самиздате. В «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына национальные депортации лишь бегло обозначены в общем ряду «потоков». Специально национальным депортациям посвящена монография А.М. Некрича «Наказанные народы» (1975 г.). В конце 1970-х гг. в самиздатском историческом сборнике «Память» публикуются отрывки из воспоминаний депортированных: литовки Дали Гринкявичюте, украинки Марии Басараб. В литовской самиздатской периодике («Аушра», «Литовский архив») тема депортаций и мемуары депортированных появляются регулярно. Вот, пожалуй, и все.

Что же касается неподцензурной художественной литературы, то национальные депортации являются одной из ведущих тем двух прозаических художественных произведений. Это «Декада» С.И. Липкина и «Ночевала тучка золотая...» А.И. Приставкина (последняя повесть была напечатана официально в 1987 г., в самом начале перестройки, но написана она была на несколько лет раньше, так что в определенном смысле ее можно также рассматривать как «диссидентскую»). В неподцензурной поэзии тема представлена стихотворением Б.А. Чичибабина «Крымские прогулки» (1961 г.).

Эпизоды, прямо или косвенно связанные с национальными депортациями, встречаются у В.С. Гроссмана: образ старухи-немки, арестованной по доносу соседей, в «Жизни и судьбе»; намек на надвигающуюся депортацию калмыков в этом же романе. Судьбам депортированных немцев Поволжья посвящена одна из частей «самиздатского» романа «Семь дней творения» уже упомянутого мною В.Е. Максимова.

Таким образом, представляется почти очевидным, что литературные, вербальные образы памяти о национальных депортациях в литературе советского периода, как подцензурной, так и неподцензурной, во-первых, немногочисленны, в особенности по сравнению с вербальными образами лагеря и тюрьмы, и, во-вторых, представлены по большей части не развернутыми нарративами, а фрагментарными вторичными и «косвенными» реминисценциями. И дело здесь не в «запретности» темы, что становится очевидным опять-таки в сравнении с образом лагеря и тюрьмы в литературе этой же эпохи.

Наше осторожное предположение, что одной из главных причин сравнительной периферийности депортационной темы в вербальной культуре послужило то обстоятельство, что знание о депортациях было достаточно широко распространенным и потому не могло восприниматься как информационный «прорыв», нуждается, конечно, в дополнительных обоснованиях и исследованиях. При наличии таких исследований беглые наблюдения и отрывочные соображения, изложенные выше, могли бы выстроиться в более последовательную и связную концепцию.

ДЕПОРТАНТЫ XX ВЕКА:
КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ ИЗГНАНИИ
И ВОЗВРАЩЕНИИ В СОЦИУМ

Минувший XX век с полным основанием считается эпохой глобальных катастроф, которых не избежало ни одно из крупных государств евроазиатского континента. Россия/СССР, будучи активным участником геополитических взаимоотношений, испытала на себе все тяготы и последствия войн, революций, распада государственности, формирования и укрепления недемократических режимов. И ровно в той степени, в которой изменялись формат и сущность политических режимов, столь же глубокими и разрушительными оказывались процессы деформации основного потенциала страны, ее населения. С учетом того, что Россия, несмотря на высокие темпы индустриализации и урбанизации, вступила в XX век как страна преимущественно аграрная со значительным преобладанием крестьянского и полукрестьянского населения в социальной структуре общества, именно крестьянство в наиболее рельефной степени отразило тенденции и динамику макроструктурных изменений в российском/советском социуме.

Среди историков-крестьяноведов в последние годы дискутируется вопрос не столько об основной тенденции внутрикрестьянской социальной трансформации (не оспаривается тезис о том, что в России/СССР осуществлялся *процесс раскрестьянивания*, сопровождавшийся, однако, в значительной мере принудительным, недобровольным воздействием со стороны политического режима), сколько о цене и последствиях реализации данной модели в нашей стране в сталинскую эпоху. С позиции сторонников модернизационной концепции осуществление «социалистического раскрестьянивания» в принудительной форме являлось объективно неизбежной «платой» за «догоняющую» форсированную модернизацию страны, отнесенной к разряду «сопутствующих потерь». Так, в заключении коллективной монографии «Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири» утверждается: «Страна начала переход от преимущественно аграрного к индустриальному типу развития производства, который сопровождался большими трудностями. Но в складывающихся обстоятельствах у нее не было альтернатив... Коллективизация и индустриализация в СССР в 1930-е гг. происходили как один мобилизационный процесс, необходимый для проведения в СССР модернизационных преобразований...»¹. Этому противостоит позиция значительной части социальных историков, крестьяноведов в том числе, полагающих, что советский вариант форсированного и принудительного раскрестьянивания оказался для отечественного социума тупиковым, разрушительным и неэффективным путем социокультурной трансформации. В частности, один из авторов упомянутой выше коллективной монографии В.А. Ильиных в разделе, посвященном коллективиза-

¹ Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: Проблемы и практики советского периода (1920–1980-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 374–375.

ции, отметил: «Утвердившийся в масштабах всей страны аграрный строй отличался внеэкономическим принуждением, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализацией системы налогообложения деревни, которая заключалась в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным ее формам. Колхозная система выполнила поставленные перед ней задачи тотальной мобилизации ресурсов для решения стоявших перед советским государством геостратегических задач, но в то же время в силу неэффективности принудительного труда отличалась низким развитием производительных сил»¹.

В научном изучении феномена раскрестьянивания, предполагающего исследование различных аспектов данного явления, помимо традиционных (экономическое, политическое, социальное, культурное) в последнее постсоветское 20-летие сформировалось перспективное направление — изучение социальной памяти отечественного крестьянства. Одним из наиболее плодотворно работающих в данной предметной области исследователей является И.В. Кознова². В своих работах она наметила ряд принципиальных положений, позволяющих представить различные «срезы» массовой, групповой и индивидуальной народной рефлексии сталинской эпохи: «Два образа концентрируют в себе коллективный опыт: опыт “труженика”, “кормильца” и образ “страдальца”, “жертвы”»³. Особое значение стали приобретать события периода «Великого перелома», когда с началом перестройки произошла активизация памяти о социальной катастрофе, связанной с коллективизацией, голодом, репрессиями и массовыми депортациями (раскулачиванием). Преобладающим вектором в воспоминаниях об этом периоде становится «память-разоблачение», которая вытеснила «память-оправдание». Коллективизация и раскулачивание фактически сливаются в воспоминаниях как общая трагедия деревни; в пространстве памяти формируются образы «героев» и «антигероев» (активистов и носителей низовой, местной власти). В то же время коллективная крестьянская память о катастрофе деревни начала 1930-х гг. — это рефлексия выжившего поколения, которое сумело адаптироваться и найти способы выживания и приспособления к давлению и насилию власти. И отсюда вытекал важный лейтмотив перестроечных апелляций репрессированной части крестьянства и их потомков к современной власти — восстановление некогда нарушенной сталинской властью справедливости в отношении сельских тружеников⁴. К аналогичным выводам о травматическом характере общественной памяти представителей сельского социума, где приоритетными сюжетами выступают страдания людей и опыт их выживания, приходят и другие исследователи данной темы (Н.В. Тепцов, Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова и др.)⁵.

¹ Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири. С. 126.

² Кознова И.Е. Сталинизм в памяти российских крестьян // История сталинизма: Крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сент. — 2 окт. 2010 г.). М., 2011. С. 395–402.

³ Там же. С. 395.

⁴ Там же. С. 396–398.

⁵ См.: Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях. 1929–1933. М., 2002; Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследование, воспоминания, документы / Авт.-сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 2005.

Целью данной статьи является реконструкция основных поведенческих и ментальных характеристик той части крестьянского социума, что подверглась в сталинскую эпоху депортации и принудительному пребыванию в ссылке на спецпоселении с различной длительностью — от нескольких лет до почти четверти века. *Объектом анализа* выступает историческая память отечественного крестьянства о депортации, пребывании на спецпоселении и освобождении, отраженная в письмах и кратких воспоминаниях депортантов, созданных в период с конца 1980-х до начала 2000-х гг. Источниковую основу составили две группы нарративных документов определенной территориальной локализации (преимущественно Западно-Сибирский регион): а) корпус писем (60 ед.) членов семей ссыльных крестьян автору данной статьи, написанные в 1988–1989 гг. (*первичная рефлексия на первые публикации о крестьянской ссылке*); б) корпус писем-запросов (90 ед.) в официальные органы (МВД, прокуратуру и др.) с целью получить правовую и имущественную реабилитацию в 1990-е гг. (*мотивировочная рефлексия*).

При обработке и анализе указанных групп нарративных источников мы исходили из рабочей гипотезы о том, что общим смысловым ядром данных свидетельств является *депортационная память*, т.е. рефлексия по поводу изгнания из социума, опыта выживания в экстремальных условиях и судеб репрессированных, завершавшаяся апелляцией к государственным органам о правовой реабилитации и различных формах компенсации за необоснованные репрессии. Ядро этой памяти должны составлять устойчивые, повторяющиеся поведенческие и ментальные черты, сводящиеся, по нашему мнению, к следующим:

- рефлексия всегда носит травматичный характер;
- индивидуальный/семейный опыт сфокусирован на аспектах выживания, потерь и утрат и адаптации в условиях спецпоселений;
- присутствует устойчивое противопоставление «мы — они» (в роли «чужих» выступают сельские активисты, работники карательной системы и другие агенты власти);
- присутствует мощный компонент патерналистского сознания (государство карало несправедливо, оно же должно восстановить справедливость);
- подчеркивание собственного личного и семейного вклада в развитие страны (честное выполнение своего гражданского долга).

Отсюда следует предположение, что ядро памяти находится внутри мировоззренческой системы сознания традиционного, патерналистского типа.

Краткая характеристика комплексов источников. К первой группе относятся письма в редакцию новосибирской газеты «Советская Сибирь», адресованные автору статьи и явившиеся реакцией на публикацию материала «Корни или щепки?»¹ о судьбах 200 тыс. крестьян и членов их семей, сосланных в качестве спецпереселенцев в Нарымский край в 1930–1931 гг. Редакция газеты часть писем передала автору с тем, чтобы на этой основе продолжить обсуждение данной темы. Так появилась вторая публикация², также вызвавшая значительный отклик. Таким образом, в

¹ Красильников С.А. Корни или щепки // Сов. Сибирь. 1988. 14 окт.

² Красильников С.А. Дислокация памяти // Сов. Сибирь. 1988. 20 дек.

архиве автора оказалось 60 писем преимущественно от тех, кто в составе семей оказался на спецпоселении в Нарымском крае (современная территория Томской области) в начале 1930-х гг. Как правило, это были те, кому на момент депортации было 10–15–20 лет, т.е. дети, подростки, молодежь. Подавляющая часть из них проживала на конец 1988 г. в Новосибирске и Новосибирской области (читатели областной газеты), хотя пришли отклики и от жителей Омской, Томской, Кемеровской областей. Немногие (примерно пятая часть) оказались жителями деревень или сел. В своем большинстве это были пенсионеры, трудовая деятельность которых уже не была связана с сельскохозяйственным трудом. Целевое назначение писем — повествование (либо сжатое, либо более развернутое, до 3–4 страниц), содержащее семейную историю о трагедии, постигшей сельских жителей с началом массовой принудительной коллективизации. Мы отнесли данную группу источников к «первичной рефлексии», поскольку в основе откликов лежала прежде всего эмоциональная реакция на возможность переоценки стереотипного клейма «кулак», «спецпереселенец», сопровождавшего несколько поколений репрессированных в 1930-е гг. крестьянских семей. Другим лейтмотивом писем выступала мысль о необходимости исторической и правовой реабилитации пострадавших ссыльных. Важно также отметить, что за небольшими исключениями это *рефлексия раскрестьяненного поколения*, которое после войны работало в основном вне аграрной сферы.

Второй корпус источников, названный нами *мотивировочной рефлексией*, связан с открывшимися в постсоветский период процедурами правовой реабилитации лиц, находившихся в сталинскую эпоху на спецпоселении (прежде всего крестьянская и этническая ссылки). Были нормативно определены порядок подачи заявлений в государственные органы (для ссыльных спецпереселенцев органом, принимавшим и рассматривавшим заявления, определялось МВД РФ и его территориальные подразделения по месту осуществления высылки). На основе поданных заявлений и сопутствующих этому документов, представленных самими заявителями (в частности, справок о снятии с учета спецпоселения), и ответов на запросы заявителей различных государственных служб (прежде всего архивов) работниками информационных центров Управлений внутренних дел, в составе которых создавались специальные подразделения/отделы по реабилитации пострадавших от необоснованных репрессий граждан, формировалось реабилитационное дело (РД). В нем, помимо документов от самих заявителей, отложились запросы УВД в различные государственные службы с целью проверки фактов репрессии, а также результаты судебного рассмотрения заявлений репрессированных в случае отсутствия документов об их пребывании на спецпоселении либо в случае подачи репрессированными требований о компенсации за конфискованное имущество, в том числе сохранившиеся до этого времени жилые дома. Для нашего исследования мы брали из документации РД источник личного происхождения — заявление конкретного лица (персональное или от имени других членов семьи) в УВД Новосибирской области с просьбой о государственной (правовой) реабилитации с целью его/их отнесения к категории жертв политических репрессий для осуществления выплат (компенсации)

за изъятое имущество и наделения рядом льгот. Такого рода письма-заявления носили не только формализованный характер, но в значительном числе случаев содержали и информацию событийного характера о репрессиях и жизни в режимных условиях спецпоселений, а также оценочные суждения о событиях прошлого, ответственности государства и его агентов за необоснованные репрессии и т.д.

Рассмотрение материалов РД необходимо предварить следующим пояснением. На наш взгляд, запустив после 1992 г. процессы реабилитации спецпереселенцев, государственными структурами фактически реализовывалось «задержанное»/«отложенное» на 40–50 лет признание ответственности за репрессии в отношении советских граждан, не совершавших антигосударственных деяний. Причины отложенной на полвека реабилитации спецпереселенцев имели различную природу. Среди них выделяются: *политические причины* — того требовало сохранение советского государственного строя и его идеологической парадигмы; *экономические причины* — выплаты государством компенсации в случае реабилитации со второй половины 1950-х гг. потребовали бы весьма значительных сумм (через спецпоселения в сталинскую эпоху прошли 6,2 млн чел., половина из которых — ссыльные крестьяне); *социально-психологические причины* — даже «точечное» возвращение части ссыльных крестьян в статусе реабилитированных в места прежнего проживания в 1950-х гг. способно было вызвать социальное напряжение и конфликты. Очевидно, что к началу 1990-х гг. масштабы обращений и структура претензий к государству оказывались существенно меньшими, чем если бы это происходило в послесталинский период. Из жизни ушли как минимум два поколения репрессированных, унеся с собой стигму «раскулаченных». В то же время именно данное обстоятельство придавало эмоциональную, экспрессивную окраску реакции на запоздалую реабилитацию со стороны тех членов семей, кто до этого дожил.

Рассмотрим ниже в совокупности как *первичную рефлексию*, зафиксированную в письмах лиц, направленных в редакцию газеты «Советская Сибирь» и автору статьи в 1988–1989 гг., так и *рефлексию мотивировочную* 1990-х гг. Нам представляется допустимостью такого объединения источников, поскольку в них присутствует единая событийная и оценочная основа. Так, в тех и других группах источников достаточно четко структурно выделяется ряд основных составляющих элементов: а) пролог и начало трагедии депортации; б) линия режимной жизни в условиях спецпоселения; в) освобождение из спецпоселения; г) сопутствующие жизненные обстоятельства после освобождения; д) рефлексия относительно самой реабилитации. Ниже обозначим преобладающие суждения и оценки по каждому из выделенных параметров.

Характеризуя условия жизни, быта, статуса семьи до репрессии, большинство авторов писем и заявителей либо полностью отрицают наличие и использование в семейном хозяйстве эксплуатации труда, либо говорят о вынужденном и кратковременном характере найма рабочей силы. Как правило, крестьянское хозяйство маркируется как «трудовое» или «зажиточное». Следует отметить, что, согласно новейшим исследованиям, действительно, на момент начала первой массовой депортационной волны 1930 г. (а позднее тем более) верхние, зажиточные слои крестьянства исчезают

как страта (в силу различных форм и методов давления власти и самоликвидации хозяйств), т.е. происходило бегство данной категории от опасной социальной идентификации¹.

Архивные справки о состоянии конкретных хозяйств к моменту высылки свидетельствуют о сокращении их размеров. В частности, в деле заявителя Василия Михайловича Самохина (родился на спецпоселении в декабре 1930 г.; высылалась семья деда и отца — всего 9 едоков) есть сведения о динамике потенциала хозяйства Самохиных за 1929 и 1930 гг.: посев за год сократился с 17 до 13 десятин; число рабочих лошадей — с 3 до 2; овец — с 12 до 4².

Зажиточные крестьяне предпринимали отчаянные и весьма небезопасные попытки сократить свое хозяйство таким варварским способом, как убой скота. По словам другого заявителя, Михаила Афанасьевича Федосеева (1924 г. р.), накануне высылки его отец, Афанасий Михайлович Федосеев, житель Коченевского района, был в 1930 г. лишен прав, арестован и осужден на год за то, что произвел уничтожение скота — 11 голов (данный факт подтвержден архивной справкой)³. Это была большая крестьянская семья из 11 чел., в том числе работавших членов семьи — 5 чел. Накануне 1930 г. хозяйство имело 19,45 десятин посева, 4 рабочих лошади, 3 коровы, использовались сельскохозяйственные машины — конная молотилка, жнейка, веялка. Общая сумма доходности хозяйства по оценкам налоговых органов составила в 1929 г. около 1 тыс. рублей. Драматизм ситуации усугублялся тем, что в начале 1930 г. имущество семьи было конфисковано. По ходатайству сына, вернувшегося с военной службы (участвовал в конфликте на КВЖД), оно поначалу было возвращено, однако после ареста отца вновь конфисковано⁴.

Отмечая обстоятельства (условия, причины) высылки, пережившие ее детьми и подростками депортанты в целом фиксируют отношение к депортации как к внезапному социальному бедствию. Прослежены две объясняющих позиции: а) действительно, среди крестьянства были «настоящие кулаки», репрессии в отношении которых были оправданны, но в конкретном случае конкретной семьи это были «перегибы»; б) сам мотив высылки объясняется по преимуществу «завистью бедноты» в сочетании с «местью активистов».

В письмах конца 1988 г. высылка чаще фиксируется, нежели описывается. Тем более ценными становятся свидетельства тех, кто оценивал происходившее осознанно: «А какие мы были кулаки? Из 35-ти семей[,] которые были высланы[,] у многих были жалкие лачужки[,] да полная изба детей.

Да[,] кстати[,] о моем отце[,] Имел [доход] ниже среднего крест[ь]янства, после смерти отца я в чемодане обнаружил справку[,] для чего-то он брал её за год до выселки [на] все хозяйство. Постройка[,] скот и

¹ См.: Доброноженко Г.Ф. «Кулак» в российском общественном сознании: Социально-экономическая группа или результат властной номинации? // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 127–144.

² ГАНО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 1219. Л. 1, 2.

³ Информационный центр УВД по Новосибирской области (далее — ИЦ УВД НСО). РД-1588. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 10.

вплоть до деревянных окон составляло по тем ценам 480 рублей, а сослали лиш[ь] потому хотя бы[.] что не заходили в колхоз. И в общей сложности из нашей деревни за два раза было выселено более 50 домохозяев.

И все это дело рук[.] как говорится[.] Николая Гобарова[.] в то время был мэр[ом] деревни[.] пред[.] с/с и секретар[ь] ячейки[.] Да это разве все можно описат[ь,] я написал не более четвертой [части] нашего страдания[.] если все описать[.] получилас[ь] бы книга»¹.

Ниже приведем описание заявительницы Валентины Платоновны Алтуховой (1928 г. р.) того, как проходила конфискация семейного имущества и высылка из Кочковского района Западно-Сибирского края в марте 1932 г. (описание дается дочерью, которой было в тот момент около пяти лет, со слов матери): «Когда они пришли описывать имущество, и вот надо было только видеть своими глазами. Один сидит, пишет, другие уже начали тащить, кто перину, кто самовар, другие корову, лошадь, даже полотенце. А еще мама мне говорила так: “Когда они стали все отбирать, стали выносить ларь с мукой, я схватила ведро с водой и вылила все в ларь и говорю[:] не нам и не вам”. Только что оставили то, в чем одеты. И вот мама знала, кто что брал себе: “К кому зайду, смотрю у одних мой самовар, у других моя перина, у третьих корова, даже узнала меня и замычала”. Сразу нас не отправили на поселение, а предложили пожить в бане. Вот они сказали нам: “Поживите пока, а ты[.] Марина[.] давай скорей рожай, а потом мы посмотрим[.] куда вас отправлять”. А когда мама родила и бабушка умерла[.] мама говорила[.] что подъехали на подводах[.] и нас где только не возили[.] и я подробностей не знаю, потом мы попали в Лаптевск в Пихтовский район, где были на поселении до 1935 или 1936 года»².

Линия режимной жизни распадается на несколько частей. Прежде всего дается описание дороги и первого периода пребывания на спецпоселении. Воспоминания об этом являются наиболее драматичными и травматичными. В подавляющем большинстве фиксируются негативные события — голод, лишения, смертность членов семьи и т.д. По воспоминанию одного из заявителей, Андрея Федоровича Савина (1925 г. р.), высланного в составе семьи в мае 1931 г. из Маслянинского района (юг Западной Сибири) в Нарымский край, члены семьи — отец, мать и один из братьев — умерли, «дожив до места поселения, а Савин Михаил умер на барже, когда вошли в приток Оби речку Чая, где он был выложен на берег»³. В ряде писем (10) отражен путь на спецпоселение в мае–июне 1931 г. речным путем, по р. Оби и ее притокам, весьма продолжительный и сопровождавшийся высокой смертностью. Ниже приведем три свидетельства, дающие представление о том, что тяготы и трагедии пути на спецпоселение были весьма схожими:

«У меня умерла доч[ь,] 9 месяцев ей было[.] от голоду[.] потому что мат[ь] была голодная[.] не было в грудях молока[.] И выбросили на берег

¹ Из письма Степана Евсеевича Кондратенко, высланного вместе с родителями в мае 1931 г. из дер. Шурыгино Черепановского района (территория современной Новосибирской обл.), датировано 23.12.1988.

² ИЦ УВД НСО. РД-1879. Л. 2.

³ Там же. РД-1384. Л. 2.

трупов 15[,] как скотину[,] без всяких могил. Эт[о] не доезжая до Александрово на Оби[.] Вы не можете представит[ь,] как было тяжело смотреть[ь] на эту картину[.] А потом еще двоих деда с бабушкой[.] В общем из 8 ч[ел.] мы выбросили 3 человека[,] а сколько всего за дорогу выбрасывали[,] очен[ь] ж трудно учест[ь.] Везли около месяца[,] тянули 3 баржи от Омска по Иртышу до Оби[,] потом вверх по Оби до Каргаска[,] там была комендатура ОГПУ. Тут нас направили по реке Васюган[,] довели до устья речки Нюрол[ь]ка[,] потом по речке Нюрол[ь]ка километр[а] 3[.] Нас выбросили на берег[,] кругом тайга[,] и сказали: “]Вот тут будете осваиват[ь] тайгу[”]»¹.

«Хотя мне было 13 лет я все помню. Из нашей деревни той весной 1931 года сослали много семей — может 15–20 (Деревня Усть-Каменка Мошковского р-на, сейчас Тогучинский р-н[ ]). Сначала нам сказали[,] чтобы мы приготовили муки или крупы по 1–2 мешка[,] конечно[,] каждый это сделал. На лошадях нас довели до ст. Ояш[,] а потом посадили в попутки и увезли в Томск. Из Томска на баржах довели до пристани Баранаково и выгрузили на острове[,] окруженном со всех сторон водой, чтоб не могли убежать. На борте умерла 4-х летняя сестренка, похоронили мы ее только по прибытии в Баранаково. Нас с матерью было 6 человек детей[.] Отца с нами не было[,] как и у большинства семей не было с ними главы семьи.

По месту прибытия на этот остров все продукты (муку, крупу) у нас отобрали. Вот тут и начался мор людей, умирали[,] конечно[,] не от голода, а от болезней. Поставили палатки из вещей, кто что привез (палатки, дерюжки, одеяла)[.] Это было в мае[:] земля сырая, спать ляжешь, а утром под тобой лужа. Оправлялись[,] кто где мог рядом с палатками, пошла дизентерия, воспаление легких, умирало очень много людей, а особенно дети. Хоронили тут же. Прожили мы там около месяца, а потом нас посадили в маленькие пароходы и по реке Чая довели до пристани Бакчар. В Бакчаре прожили несколько дней, здесь умерло очень много людей. С Бакчара нас повезли до реки Парбик[,] впадающей в р. Бакчар. Довели до дер. Истоминка и высадили на берег[,] где поблизости нам определили место жительства»².

«По реке Бакчар ходили весной пароходы, а для перевозки спецпереселенцев только использовались баржи. Спецпереселенцев возили баржами и высаживали на берегах р. Бакчар, а дальше от берега на гари. Нас высадили недалеко от хутора Курлымово.

Куда податься[:] май месяц — гнус заедает, ночь промаялись, о сне и думать не приходилось[,] одно спасение [–] костер. Высажено нас было семей 5. Мужики и мать пошли искать место, где-то надо жить, вернулись к обеду[,] и мы двинулись в путь, зашли в деревушку Кивары, мать променяла часть нашей одежды на хлеб и мед[,] мы все это поели, ибо были голодные. Пошли дальше, миновали речку Пиза[,] прошли через

¹ Из письма Козьмы Семеновича Гребенкина (1909 г.р.), высланного с семьей весной 1931 г. из-под Омска, датировано 25.12.1988.

² Из письма Наума Матвеевича Петькова (год рождения не указан), высланного с матерью в мае 1931 г. из дер. Усть-Каменка Мошковского района (территория современной Новосибирской области), датировано 22.12.1988.

речку по валежине, вышли на бугор, а там гари. На бугре и обосновались, стали рубить две избы. Мужики строили[,] и мать тоже с ними таскала бревна, здесь все понадорвались, ибо были голодные, но к зиме вошли в хаты. Мы тоже вошли в хату (домик был на две семьи с отдельными входами)[,] правда в нашей половине не было дверей и окон[,] и не было пола, а была печь, нары. Двери завешивались дерюгой. Наш постой против Кивар на бугре [,] и весь этот бугор был засеян, а к весне [1932 г.] половина вымерла людей. У нас умерла мать к весне, нас осталось 4, старшему 10 лет, младшей 2 года. Никто к нам не приходил[,] и заботы о нас не проявлялось[,] кроме соседей. В приют нас не взяли, сказали: “]Все равно умрут”], но через 20 дней после смерти матери пришел отец и застал нас полуживых (эти 20 дней нас поддерживала бабка [,] немного сродни нам)»¹.

В воспоминаниях о первом периоде выживания на спецпоселении присутствует обязательный акцент на бедствиях — голод, болезни, смертность близких, использование растительной пищи и суррогатов, нехватка таких пищевых компонентов, как соль, ценность которой резко возросла и т.д. Смерти близких по прошествии полувека описаны как трагическая обыденность тех дней: «Мы с собой взяли мешок пшена[,] вернее позволили взять мешок муки, этого не надолго хватило, когда настало лето, и стала расти трава, мы полностью перешли на подножный корм, особенно дикий лук[,] как его там называли (колба)[,] крапива[,] лебеда[,] молодой осот, все это шло в пищу[,] но не было соли, и мы старожилам променивали вещи на соль, хорошую вещь[ь] пришлось отдавать за 1 стакан соли, после появились грибы[,] полевой гор[о]х[,] ягоды[,] вот чем и жили, но не все могли и особен[н]о маленькие дети, летом пришел мой старший брат Николай Минович, но прожил с нами всего три месяца[,] умер с голоду, нам никакого пайка не давали совсем[,] шли разговоры[,] что продукты не были завезены, но и сейчас не перестаю удивлять[ь]ся[,] начальство[-]то жило на широку[ю] ногу, сыты были, и вот в начале зимы и отца моего отпустили к нам[,] он пришел, но прожил с нами всего три недели[,] умер с голоду, и так с августа [1931] по январь 1932 г. наших легло в могилу семь человек с голоду, брат, его двое детей, тетя, ее двое детей, и седьмой мой отец[,] всех мы ложили в одну могилу, так как легче было копать[,] а отца положили сверху[,] лиш[ь] снегом засыпали, а когда растаяло весной[,] мы с мамой неглубоко в ту же могилу [его] зарыли, мы чудом уцелели, я видела[,] как каждый день не [п]о одному хоронили, и по 6 человек...»².

Как правило, фиксируются фазы адаптации, маркируемые в терминах выживания. Сам процесс адаптации в зависимости от результата для автора письма и членов его семьи описывается в оценочных категориях трагичности или успешности данного процесса. В общем объеме писем автору статьи встретилось лишь два случая легального возвращения из

¹ Из письма М.Ф. Агалакова (1926 г.р.), высланного с родителями в мае 1931 г. (место высылки не указано), датировано 12.01.1989.

² Из письма Ольги Миновны Катусенко (Старковой) (1921 г.р.), высланной с родителями в мае 1931 г. из с. Морозовка Карасукского района (территория современной Новосибирской области), датировано 5.01.1989.

спецпоселения на прежнее место проживания, что подчеркивает нетипичность данной ситуации.

«Остались мы вдвоем с матерью (отец умер от голода весной 1933 г.[.]) и прожили до лета 1935 г. На основании постановления № 946 Президиума Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета от 8 июля 1935 г. мы были восстановлены в избирательных правах как неправильно лишенные.

Сколько пришлось пережить за эти 5 лет ссылки. А за что спрашивается? А за то, что без суда и следствия творился этот произвол и беззаконие на местах. Мы хотя были высланы с родителями, а вот с нами была выслана сиротская семья — дети несовершеннолетние. Старшей девочке было 15 лет, средней сестренке — 5 лет, а младшему мальчику 2 года (мать умерла [в] 1928 г.[.], а отец отбывал срок на Беломоро-Балтийском канале). Мальчик в первые месяцы на поселке умер, а девочки были осенью 1930 г.[.] отправлены в г. Томск в детский дом.

Мы вернулись обратно, на родину в свою деревню Ключи Алтайского края. Голыми и раздетыми вступили в колхоз. Брат полураздетый простудился и болел 2 года (у него отнимались ноги). Затем война. В 1941 году брат погибает на фронте. Я тоже был участником Отечественной войны. Дважды ранен[.] имею правительственные награды»¹.

Великая Отечественная война как судьбоносное, рубежное событие отмечена практически во всех письмах и заявлениях. Она рассматривается как процесс «возвращения» и включенности в социум — «стали как все» — в силу осуществления массовых трудовых и военных мобилизаций. Приведем фрагмент из заявления М.А. Федосеева: «После ареста отца, во избежание ссылки, семья скрылась в Новосибирске. Отец после отбытия срока заключения умер в марте 1933 г. Старший брат Василий, как лишенец, привлекался к принудительным работам на кирзаводе г. Новосибирска. 16-летняя сестра Татьяна жила в прислугах, умерла от туберкулеза в 1936 г. Мы, пятеро детей в возрасте от 3-х до 12-ти лет с неграмотной матерью, чтобы не умереть с голоду, занимались попрошайничеством. *Наша жизнь изгоев общества продолжалась до Великой Отечественной войны, когда нам нашлось место в обществе* (выделено нами. — С. К.). В Отечественной войне участвовали четверо братьев, один из них стал инвалидом. Я в период войны заканчивал учебу в топографическом училище и затем работал по заданию штаба СибВО»².

При этом фиксируются противоречия и «сшибки» в *оценках опыта спецпоселения*. Модели восприятия режимного существования разнятся. Одна половина отмечала, что дискриминационный статус блокировал возможность мобильности, прежде всего молодежи. Другая часть оценивала опыт нейтрально и отчасти позитивно: а) жили в особых условиях, но отличных от тюремных или лагерных; б) труд воспринимался как средство относительно стабильного существования (проводилось сравнение с первым, катастрофичным периодом); в) существовала возможность трудовой и образовательной мобильности (особенно для молодежи).

¹ Из письма Матвея Ивановича Габова (1923 г.р.), высланного с родителями в мае 1931 г. из дер. Ключи Алтайского края, датировано 25.01.1989.

² ИЦ УВД НСО. РД-1588. Л. 13.

Ниже приводится краткая история заявительницы Марии Васильевны Ковалевой (Рубцовой) (1918 г.р.), семья которой была выслана в 1930 г. из Бердского района, не так далеко, севернее — в Пихтовский район, пос. Пономаревка, где родители и проживали до глубокой старости. На момент высылки в семье было четверо детей (сын и три дочери): «Старшему брату Александру, рождения 1914 г. разрешили остаться в Бердске, предложив отречься от родителей, что он и сделал с их согласия. Весной 1930 г. меня отдали в няньки для детей милиционера Бусарова, а в конце 1932 г. взяли на работу в учкомендатуру вначале ученицей, а затем машинисткой при секретаре, печатать разные сводки, приказы, протоколы, отчеты. С 1934 г. по 1937, когда открыли среднюю школу, я училась, а с 1937 по 1973 г. работала, как и мои сестры, учительницей, закончив заочно Томский педтехникум и Новосибирский учительский институт. Нас в живых (заявление о реабилитации подавалось в 1995 г. — С.К.) три сестры. Все мы более 30 лет, включая годы войны, работали учительницами в школах, награждены медалями “За доблестный труд”, “50 лет победы в Великой Отечественной войне”, а я, кроме того, награждена знаком “Отличник народного образования”»¹.

«Какие преследования спецпереселенцев было от местных властей[,] даже тоже местные[,] или как тогда называемое [—] вольные[,] не имели права женит[ь]ся на девушке спецпереселенке или парень на вольной девушке. Далеко за примером ходить не надо[:] после окончания Отечественной войны герой Советского союза Голещихин решил жениться на девушке из спецов[,] сколько ему ставили препятствий[,] он все же женился[,] так его все время презирали. Он жил в г. Колпашево и работал там в милиции[,] так его из-за этого не продвинули на должности. Конечно[,] все не опишешь. Меня[,] например[,] даже в пионеры не принимали[,] Пришлось закончить всего 4 класса[,] пришлось столько пережить. Вспомнишь [—] голова кружится. Все пережили[,] пришлось повоевать и иметь награды за Защиту Родины»².

В письмах и заявлениях уделено внимание освобождению из спецпоселения, которое воспринималось практически всеми не как акт справедливости, а индивидуальное, скорее рутинное событие. Причина видится в том, что как такового массового освобождения крестьян из спецпоселков не было, а осуществлялась цепь/серия кампаний по освобождению отдельных групп спецпереселенцев (дети, молодежь, старики и инвалиды и т.д.). Это придавало самому событию освобождения характер «рутинизации». Этому же содействовали следующие сопутствовавшие обстоятельства. Во-первых, имел место феномен «ограниченного освобождения», т.е. сопровождавшегося рядом условий (невозможность проживания в режимных местностях, главным образом в крупных городах страны; невозможность возвращения в места прежнего проживания и т.д.). Во-вторых, имел место феномен «полусвободы» — после снятия с учета спецпоселения часть (возможно, не менее половины) бывших ссыльных остались в местах своего нового проживания. Основные причины для этого экономические (материально-бытовые): произошла их адаптация в местах вынужденного

¹ ИЦ УВД НСО. РД-1238. Л. 2–3.

² Письмо анонимного автора, датировано 15.01.1989.

расселения, в том числе социокультурная, т.е. «оседание», используя сталинскую репрессивную лексику; сказались результаты поощрительной политики региональных властей — бывшие ссыльные стали «постоянными рабочими кадрами», более ценными, чем давали кампании вербовки сезонной рабочей силы. Кроме того, сыграл роль фактор лишения «малой родины» — не столько невозможность возвращения в места прежнего проживания, сколько нежелание возвращаться к «пепелищу», т.е. имела место травматичность сознания.

Для заявлений в органы власти характерна рефлексия относительно реабилитации. В сознании абсолютной массы заявителей имеет место восприятие реабилитации как *акта государственной ответственности* — это четко укладывается в стереотипы патерналистского традиционного сознания (государство — это сила, которая и карает, и милует). Следует учитывать, что реабилитация протекала преимущественно в формате мягкой апелляции (прошений), где преобладающим мотивом выступали просьбы о восстановлении нарушенных прав и о получении за это от государства компенсации. Государство (Российская Федерация) приняло вариант наделения данной категории репрессированных определенными финансовыми и социальными льготами, пойдя по пути упрощенной компенсации за утраченное, конфискованное у семей имущество. Имела место так называемая монетизация ущерба, т.е. осуществлялась выплата каждому члену репрессированной семьи фиксированной компенсации — в пределах нескольких прожиточных минимумов (стоимость среднего телевизора или холодильника). Имевшие место требования о возвращении сохранившихся домов носили исключительный характер и были связаны с затяжными судами, как правило, не в пользу заявителя.

Абсолютное большинство восприняли реабилитацию как канал получения государственных льгот и некоторой компенсации за конфискованное имущество. Только единицы указали в заявлениях на нематериальный/моральный мотив — восстановление доброго имени самих заявителей и членов их семьи, ушедших из жизни родителей. В ряде писем прослеживается побочный эффект реабилитации: у некоторых групп современного социума с низким уровнем жизни и доходов пользующиеся льготами бывшие ссыльные-спецпереселенцы вызвали скорее зависть, нежели сопереживание.

Приведем отрывок из письма-заявления Зои Васильевны Гузеевой (Шаравиной) (1926 г. р.). Семья отца в составе 5 чел. была выслана весной 1931 г. из Карасукского района в Средне-Васюганскую комендатуру. В 1938 г. отец арестован и расстрелян: «Выслали в Васюганские болота, выбросили прямо в лес, потом появились поселки. Жили мы в пос. Красный Яр, Огнев Яр, с. Васюган. Хорошо помню, что мама умерла в д. Грабцево. Отец работал на сельхозработах, откуда ночью его забрали в 1938 г. и расстреляли в Каргаске, теперь реабилитировали... Я живу за чертой бедности, инвалид II группы. Если пришлете справку, подтверждающую мое переселение, мне добавят к пенсии. Я не хочу Вас разжалобить, я ищу справедливости, вернее искала. Вся семья погибла. В ссылке умерла мать, сестра, отец расстрелян, брат погиб на фронте, осталась я одна»¹.

¹ ИЦ УВД НСО. РД-1769. Л. 5–5об.

Довольно часто заявители, обращаясь в органы власти, полагали, что последние сами, в силу своего статуса, установят факты, необходимые для решения о реабилитации заявителя, компенсации за утраченное имущество и т.д. Некоторые из них, в силу преклонного возраста и недостаточного образовательного уровня, не понимали, каким путем получать необходимую информацию. Достаточно типичным следует считать заявление Нины Игнатьевны Софиенко (1923 г. р.), которая в составе семьи была выслана из Чулымского района на спецпоселение в Красноярский край (стилистика и орфография сохранены): «Мы дети репрессированных родителей в 1930 г. а нас было четверо, пережившие все ужасы голода и холода, а сейчас когда правительство смилостивилось и назначают нам компенсацию на оставшие нам прожиточные годы я нимогу добиться справки»¹.

Во многих обращениях сквозной линией проходила мысль о громадной несправедливости, постигшей репрессированные семьи, которую невозможно компенсировать чем-либо. Вот заявление Валентины Никитичны Семькиной (1935 г. р.). Семья отца в 1931 г. была выслана из с. Кочки Новосибирской области в Кузбасс (пос. Тельбесс). Заявительница родилась на поселении: «В феврале 1938 г. мой отец был репрессирован и осужден. Мы о нем ничего не знали, и только в 1958 г. получили сообщение о его смерти в местах заключения и документ о реабилитации. Мне необходимы документы, подтверждающие проживание матери и отца на поселении и хотелось бы знать, за что же был осужден отец, где же он умер или убит? Хотелось бы знать, где находятся его кости? Мать жива. И кто же она — репрессированная или жена репрессированного? А мы с сестрой, родившиеся на поселении и никогда не помнящие или даже не знавшие своего отца?»²

В других случаях, хотя и относительно редких, работники реабилитационных отделов не вполне внимательно относились к просьбам заявителей и тем документам, которые предоставлялись. В частности, один из заявителей представил заверенную копию свидетельства своего рождения — пос. Каурушка Шегарского района Западно-Сибирского края со штампом Шегарской комендатуры Западно-Сибирского краевого административного управления³. Отдел реабилитации УВД НСО уведомил просителя о том, что поскольку нет документов, устанавливающих факт высылки отца заявителя, а есть только документы о высылке деда, то ему надлежит «обратиться в суд по месту жительства для установления факта применения репрессии в отношении отца»⁴. Между тем очевидно, что сам факт регистрации рождения заявителя комендатурой уже являлся бесспорным доказательством высылки семьи его отца на спецпоселение.

Наиболее частым был диссонанс между ожиданиями членов семей репрессированных спецпереселенцев, помимо правовой реабилитации, получить существенную компенсацию за утраченное в ходе высылки имущество своих родителей и тем, что государственные органы достаточно жестко вставали на формальную позицию — вопрос о компенсации за

¹ ИЦ УВД НСО. РД-1418. Л. 12.

² Там же. РД-1323. Л. 2.

³ Там же. РД-1976. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 9.

конкретное конфискованное имущество и скот может быть рассмотрен только при наличии документального свидетельства — конфискованной описи. Но именно такие документы в архивах на местах практически не сохранились. Попытки заявителей обрисовать состав семейного хозяйства на момент высылки не имели никакой правовой силы, и даже в случае подачи жалоб от заявителей в суды, хотя последние достаточно лояльно устанавливали по показаниям свидетелей факт осуществления репрессии в отношении конкретного заявителя, решений о возврате сохранившихся кое-где домов высланных, как правило, не принимали.

В редких случаях заявители не сопровождали свое обращение о реабилитации просьбой о компенсации за утрату имущества. В частности, заявитель Владимир Сергеевич Филь (1935 г. р.) писал, что его родители были высланы в марте 1930 г. в пос. Жирновка Пихтовского района. Это была большая крестьянская семья. По данным на 1942 г., в семье было 10 чел. (муж, жена, родители мужа и шестеро детей, из них четверо родились на поселении, в том числе заявитель, родившийся в 1935 г.). Отец заявителя, Сергей Петрович, был призван в 1942 г. на фронт, вернулся с войны, затем семья в 1952 г. вернулась в Тогучин, откуда прежде была выслана. Далее В.С. Филь резюмировал: «Прошу Вас выслать мне справку о реабилитации, на большее я ни на что не претендую, что забрали у нас, теперь уже свое нажили, барахло некуда девать»¹.

Значительная часть писем и заявлений содержат определенную оценку своей индивидуальной и семейной жизни в контексте событий депортации начала 1930-х гг., подчеркивая тот груз дискриминаций и обид, которые им довелось вынести. Ниже приведем два свидетельства оценочного характера: «За плату окончил я 10 кл. в 1941 г.[,] а брат в 1943 8 кл., я окончил военное училище, в должности взводного, ротного провоевал 3 года, получил 2 ордена и 12 медалей, а брат 1 год провоевал[,] имеет 15 наград. Вот теперь и думается[,] как же это могло быть? Кто виноват в том бестолковом разгоне крестьянства? И даже после войны, некоторые еще дожившие из тех[,] кто это делал[,] шипели на нас, и по этой причине мы, многие наши земляки[,] не вернулись к крестьянской жизни... И еще скажу, что[,] кто делал коллективизацию[,] они почти все так и ничего путного в жизни не сделали и[,] проболтавшись в околоколхозных делах[,] отошли в иной мир без пользы людям»².

«Я никогда никуда не писала[,] но прочитала ваши 2 статьи [“Корни или щепки”] и решила написать[,] поди за это не посадят[,] Мы жили[:] Алтайский край[,] Алейский район[,] с. Б-Панюшово [...], сколько была жестокости к честным труженикам[,] а нас там были тысячи[,] вся тайга забита была[,] я сейчас[,] когда про это вспоминаю[,] меня начинает трясти и не могу ни одно торжество без слез смотреть[ь,] а особенно детские. Мы[,] хотя пионерами и комсомольцами не были[,] но детьми были[,] но нас везде презирали [,] когда были ещ[e] не высланы[,] и я пошла в 1 класс[,] но нас несколько детей выгнали[,] сказали[,] что ваши родители лишены голосом. Нас власть презирала [,] и жаловат[ь]ся было некуда[,]

¹ ИЦ УВД НСО. РД-1571. Л. 31.

² Письмо анонимного автора, датировано 15.01.1989.

что могли[,] то и делали с нами[,] я сейчас слушаю про Армению (речь идет о землетрясении 1988 г. в Спитаке. — С. К.)[,], хотя не дай бог быть такой жертвой и видеть эти страсти[,], но к ним отнеслись не только наша страна[,], но и зарубежные страны с таким милосердием[,], а нам в то время[,], если бы кто прислал ржанных черных один килограмм[м] сухарей[,], то мы бы до сих пор бы помнили[,], никогда не забыли того человека... кончила я 3 класса и то с перерывами[,], после войны все работали[,], кто где[,], не хуже других имеем[,], хоть не больше[,], все награды[,], кто за фронт и за тыл[,], а кто за один тыл[,], все ветераны труда...»¹.

В заключение отметим те кумулятивные черты опыта групповой памяти репрессированных крестьян и их потомков, которые отразились в письмах-заявлениях членов семей, переживших депортацию и жизнь в условиях спецпоселения: отрефлексированная память носит стереотипизированный характер (со значительным влиянием на нее стереотипов массового сознания советской эпохи в целом); память ссыльных крестьян и их потомков более «размыта», менее консолидирована, нежели у этнических ссыльных. При этом сохранились и воспроизводились традиционалистские ценности и поведенческие практики — *государственный патернализм и поведенческий и мировоззренческий конформизм. Российский социум, ранее крестьянский в своей основе, жестко переформатированный в ходе социальных и военных катастроф, перестал быть крестьянским, но остался в своих базовых основаниях податным и служилым населением.*

М. Кравери

ЕВРЕЙСКИЕ СУДЬБЫ В ГУЛАГЕ И ФОРМЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ: ЕВРЕИ ПОЛЬШИ И СТРАН БАЛТИИ*

Зачем говорить о депортации 1941 года? С точки зрения наших [т.е. евреев], мы от нее не пострадали; другие [т.е. литовцы] считают, что она нас спасла. Вот почему я никогда ни о чем не рассказывал и даже сам обо всем позабыл, хотя вся моя жизнь из-за депортации пошла по-другому.

Извр Шлемовичюс. Каунас, 2011 г.

В этой статье мы обсудим несколько гипотез о том, чем опыт депортации польских и прибалтийских граждан еврейского происхождения отличался от опыта других жертв советских депортаций 1939–1941 гг., и попробуем понять, в чем состоит специфика памяти о депортациях в контексте национальной истории Польши и стран Балтии, а также в истории Холокоста.

¹ Из письма Протасовой Екатерины Яковлевны (1926 г.р.), высланной с родителями в мае 1931 г. из с. Большепанюшево Алтайского края, датировано 18.01.1989.

* Перевод с французского языка Михаила Майзульса.

Для этого мы обратимся прежде всего к свидетельствам и мемуарам, опубликованным с послевоенных лет до наших дней в Западной Европе, и к корпусу интервью с бывшими депортированными еврейского происхождения из Польши и стран Балтии, которые были записаны в 2008–2010 гг. во Франции, Италии, Латвии, Литве, Польше и Великобритании в рамках большого проекта «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», организованного международной командой исследователей из 14 стран Европы.

Евреи из Польши и стран Балтии: различия судеб и форм меморизации

Арестованные или депортированные¹ в СССР в 1940–1941 гг. после подписания пакта Молотова–Риббентропа польские и прибалтийские евреи возвращались домой в совершенно разных условиях.

Нападение Германии на СССР изменило отношение советской власти к находившемуся в Лондоне польскому правительству в изгнании и открыло краткий период сотрудничества, когда поляки смогли взять на себя ответственность за своих соотечественников на территории СССР и организовать их возвращение домой.

---

¹ В Восточной Польше между 1939 и 1941 гг. советские органы арестовали и приговорили к принудительным работам 107 140 чел., из них 23 590 евреев: 19 382 чел. (из них 2100 евреев, 10,8 %) в 1939 г.; 75 448 чел. (из них 20 406 евреев, 27 %) в 1940 г.; 12 310 чел. (из них 1084 еврея, 8,8 %) в 1941 г. Польских евреев в основном депортировали во время двух операций в апреле и июне 1940 г. В апреле депортации затронули прежде всего бывших сотрудников государственного аппарата Польши (полицейских, жандармов, тюремных охранников, чиновников) и представителей имущих классов (домовладельцев, ремесленников, фабрикантов, торговцев), в июне же репрессии были направлены главным образом беженцев, для которых в советской номенклатуре был создан специальный термин «спецпереселенцы-беженцы». В эту категорию входили те, кто бежал из Западной Польши, оккупированной немцами, но затем, боясь, что не сможет вернуться в Польшу, где остались их семьи, отказался принять советское гражданство и обратился в советско-германскую комиссию по эвакуации за разрешением вернуться в Западную Польшу. Все, кому немцы этого не позволили, были депортированы советской властью. 80 % из 77 000 депортированных были еврейского происхождения.

Последняя операция, прошедшая в июне 1941 г., коснулась не только территории Польши, но и трех стран Балтии, а также Молдавии и, по формулировке советских документов, была призвана «очистить» их от антисоветских, криминальных и «социально опасных» элементов. Она была направлена против десяти различных категорий, которые были разделены на две группы: одних предстояло арестовать и отправить в лагерь, других — депортировать и поставить на учет в спецпоселках. 85 716 «антисоветских элементов» (37 482 чел. из Восточной Польши, 22 648 — из Молдавии и 25 586 — из стран Балтии) были депортированы в спецпоселения в Сибири и Казахстане. В Прибалтике от 12 до 15 % депортированных были еврейского происхождения.

В соответствии с решением о депортации, евреи, у которых была собственность и которые были активистами каких-либо партий, движений, культурных или политических организаций, были арестованы и осуждены на принудительный труд в ГУЛАГе. Прицельным репрессиям подвергались лидеры и члены Бунда, а также сионисты, как правые, так и левые, многие из которых как беженцы оказались в Вильно. — См.: Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: НИПЦ «Мемориал», 1997. С. 89; Сталинские депортации 1928–1953 / Под ред. Н.Л. Поболь, П.М. Поляна. М.: Материк, 2005. С. 215–216; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 90–91.

12 августа 1941 г. указ Президиума Верховного Совета СССР постановил освободить всех «польских граждан, находящихся сейчас на советской территории как военнопленные или на других основаниях»¹. Амнистированные получали удостоверение, которое позволяло им свободно перемещаться по территории Союза, и большинство из них устремилось в Центральную Азию, чтобы там присоединиться к армии Андерса², либо потому, что юг был единственным направлением, через которое можно было выехать из страны, и многие надеялись через Иран добраться до Палестины.

Из 199 865 чел.³, направленных в армию Андерса и другие, к еврейскому меньшинству принадлежали лишь 3 %. Большинство амнистированных евреев не сумело записаться к Андерсу или даже не пыталось пройти отбор, чтобы туда попасть, и оставалось жить в Центральной Азии до соглашений 1945 г. Именно благодаря этим договорам, которые были заключены между временным правительством национального единства Польской республики и СССР по поводу эвакуации поляков и евреев, депортированных в 1940–1941 гг., «спецпереселенцы-беженцы» действительно начали возвращаться.

Хотя они и вернулись в Польшу, значительная их часть покинула страну после погрома в Кельце 4 июля 1946 г., а другие — в 1968 г., во время антисемитской кампании. 250 тыс. евреев уехали из Польши в 1946–1948 гг., отправившись в лагеря для перемещенных лиц в Германии, Австрии и Италии⁴, либо пытаясь добраться до Палестины⁵.

Граждане прибалтийских стран любого происхождения, депортированные в 1940–1941 гг., не были упомянуты ни в каких соглашениях о репатриации и смогли возвратиться домой лишь после смерти Сталина в 1953 г. и последовавших за ней амнистий.

Различные обстоятельства возвращения повлияли не только на то, как по-разному сложились судьбы вернувшихся, но и на то, как по-разному они вспоминали о депортации.

Польские евреи могли либо остаться в Польше (несмотря на нестабильную, а порой враждебную и просто опасную для них обстановку в первые послевоенные годы) или отправиться в лагеря для перемещенных лиц, чтобы затем эмигрировать в Палестину, США или одну из стран Европы. Они могли в духе Бунда воссоединиться со своими семьями в какой-либо из европейских столиц или по-сионистски отправиться в Па-

---

¹ Указ касался лиц, находившихся в тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях, лагерях для военнопленных, спецпоселках и местах ссылки. См. документы в сб.: Сталинские депортации... С. 174–178.

² Сначала размещенная в различных лагерях Центральной Азии, прежде всего в Казахстане и Узбекистане, польская армия генерала Андерса смогла летом 1942 г. через Иран покинуть СССР и добраться до западного фронта, чтобы там сражаться бок о бок с англо-американскими силами.

³ Из них 76 100 военных и 43 755 членов их семей. — См.: Сталинские депортации... С. 178.

⁴ См.: Litvak Y. Polish-Jewish Refugees Repatriated from the Soviet Union at the End of the Second World War and Afterwards // Davies N., Polonsky A. (éds.). Jews in Eastern Poland and the USSR. N.Y., 1991. P. 230–238.

⁵ См.: Gross J.T. Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz: An Essay in Historical Interpretation. N.Y.: Random House, 2006. P. 81–117.

лестину, имели возможность сами выбирать, где учиться и соблюдать ли им еврейские традиции или нет¹.

Прибалтийские евреи были заперты в Сибири почти на 15 лет, большинство детей пошло там в школу, им было чрезвычайно трудно поступить в университеты из-за того, что на них висело клеймо бывших депортированных, мало кому удалось сохранить какие-то еврейские традиции, и они чаще всего постепенно утратили еврейскую культуру и усвоили советский образ жизни².

И в случае поляков, и в случае прибалтов то, насколько им удавалось передать свой опыт депортации в СССР, зависело от политической обстановки, в которой они оказались. В зависимости от конкретной страны, куда они (более или менее добровольно) переехали, и от местных политических трансформаций, поляки сталкивались с самыми разными обстоятельствами. В отличие от них у прибалтов не было никакого выбора, кроме молчания (во время депортации и после возвращения), и они были обречены носить двойное клеймо: как бывшие депортированные и как евреи.

Лишь со второй половины 1970-х гг. некоторым из них удалось покинуть СССР и эмигрировать в США, Канаду и Израиль, тогда как остальным пришлось дожидаться 1991 г.

Исследование Лоры Йокуш и Тamar Левинской³ показывает, по каким причинам евреи, пережившие депортацию в СССР, «не фиксировали свои истории на бумаге» в те несколько месяцев, когда они пребывали в Польше или затем в лагерях для перемещенных лиц. В Польше — поскольку это было «политически несвоевременно и даже опасно», в лагерях — поскольку там существовала своя «иерархия жертв», а «перемещенные евреи вспоминали о потерях и гибели, а не о выживании».

Лишь оказавшись в США, в контексте холодной войны конца 1940-х гг. и споров о преступлениях тоталитарных режимов, поляки еврейского происхождения, пережившие депортацию в СССР, начали свидетельствовать и проводить параллели между нацизмом и сталинизмом⁴.

Польские и прибалтийские евреи, которые остались в Европе, одинаково склонны преуменьшать свои страдания — эта реакция характерна именно для евреев, которые, в отличие от других депортированных в СССР, вернувшись домой или оказавшись в лагерях для перемещенных лиц, узнавали об уничтожении своих семей и общин⁵. В случае польских евреев то, когда они решались поведать о своем опыте и наступал ли этот

---

¹ Свидетельства Мишлин Херш, Й. К., Сони Панцер, Санлим Роземберг, Теодора Шанина, Генри Вельша. — См.: Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercoc/RFI, Paris.

² Свидетельства Михаила Апта, Анны Баркаускене, Дианы Кратиша, Давида Йозефовича, Абрама Леша, Рафаила Розенталя, Якоба Шаца, Изера Шлемовичюса. — См.: Там же.

³ Jockusch L., Lewinsky T. Paradise Lost? Postwar Memory of Polish Jewish Survival in the Soviet Union // *Halocaust and Genocide Studies*, 2010. Vol. 24, № 3. P. 373–399.

⁴ См., напр.: Gliksmann J. *Tell the West*. N.Y., 1948.

⁵ См. раздел «Спасенные депортацией» и страницы Рафаила Розенталя, Теодора Шанина и Генри Вельша в виртуальном музее (<http://museum.gulagmemories.eu>), а также воспоминания Р. и И. Рахлиных (Rachlin R., Rachlin I. *Seize ans en Sibérie*. Auribeau-sur-Siagne: Esprit ouvert, 2004. P. 43, 65) и М. Бегина (Begin M. *Les nuits blanches*. Mes souvenirs des camps soviétiques. Paris: Albatros, 1978. P. 237–239).

момент вообще, зависело от того, уехали ли они в США или остались в Польше, — поскольку контекст холодной войны был различен, как и степень влияния коммунистических партий в разных странах Европы.

Одной из причин того, что евреи, пережившие депортацию в СССР, ничего о ней не рассказывали, было опасение, как бы их свидетельство не использовали для того, чтобы поставить сталинский режим на одну доску с нацистским. Во Франции, когда они все же решались свидетельствовать, их поступок чаще всего был реакцией на какое-то крупное политическое или культурное событие.

История Юлия Марголина лучше всего показывает, как сложно евреям было рассказывать о пережитом в ГУЛАГе. Писатель и философ, родившийся в Пинске в 1900 г., он в 1939 г. жил в Палестине и отправился навестить родителей, оставшихся в родном городе. В июне 1940 г. он был задержан советской политической полицией и отправлен в лагерь, откуда его выпустили только в 1945 г. Вернувшись в Палестину, он начал писать книгу на русском языке о своем «Путешествии в страну зэка», которую закончил в 1947 г. Однако все его попытки опубликовать ее в Израиле ничего не дали, так как молодое государство все еще видело в СССР страну, победившую нацизм, и никто не хотел очернять ее образ.

В 1949 г. благодаря помощи Бориса Суварина во Франции вышло сокращенное издание его книги, переведенное на французский Ниной Берберовой. Никто из англоязычных издателей не хотел публиковать его «Путешествие», несмотря на поддержку Артура Кестлера, и лишь в 1952 г., вновь в сокращенной версии, оно вышло на русском языке в США по инициативе антисоветских кругов русской эмиграции.

В обеих версиях, французской и русской, главы, посвященные опыту польских евреев в ГУЛАГе, были исключены. Лишь в 2010 г. французский издатель опубликовал полную версию книги в переводе Нины Берберовой, исправленном и дополненном Любой Юргенсон¹.

Еще один показательный пример — история Джо Керфи, польского еврея, арестованного в 1939 г., осужденного на 8 лет лагерей и в 1948 г. через Польшу приехавшего во Францию. Лишь после вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. и полемики внутри французской компартии он решился нарушить молчание, которое хранил 20 лет «из деликатности, поскольку перед лицом невообразимой трагедии, [которая обрушилась на еврейское население на территориях, оккупированных немцами,] было бы неуместно свидетельствовать о моей истории». Он написал свою историю, которая была опубликована лишь в 2003 г., «поскольку никто не хотел слышать моего свидетельства. Разоблачать преступления Сталина считалось, да все еще считается, политически некорректным и даже неподобающим, поскольку якобы ты тем самым банализируешь гнусности, совершенные Гитлером. Я прихожу к ужасному выводу: я выжил зря, потому что история польских евреев, сгинувших в ГУЛАГе, все еще исключена из коллективной памяти»².

¹ Margoline J. La condition inhumaine. Cinq ans dans les camps de concentration soviétiques. Paris, 1949 (Полное издание: Margolin J. Voyage au pays des Ze-Ka. Paris: Le Bruit du temps, 2010).

² Curfy J. Destination Goulag: Quelques questions posées à Jo Curfy. Latresne (Gironde): Le Bord de l'eau, 2003. P. 137–138.

Со своей стороны, Ж. К., депортированный в Сибирь в возрасте 5 лет и после возвращения эмигрировавший во Францию, сделал там блестящую карьеру инженера и вплоть до публикации «Черной книги коммунизма»¹ рассказывал о пережитом лишь в узком кругу семьи. Прочтя предисловие Стефана Куртуа, он решил написать письмо во французскую газету «Le Monde», а потом и воспоминания, чтобы свидетельствовать о том, сколь велика разница между двумя репрессивными системами, гитлеровской и сталинской. Когда в 2010 г. он услышал по радио передачу, где говорилось о нашем проекте «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», он попросил о возможности поведать свою историю. Когда материалы музея были выложены в сеть, он, единственный из свидетелей, попросил убрать оттуда его рассказ, поскольку не был согласен с нашим решением показать ГУЛАГ как репрессивную машину Сталина, а не просто как Главное управление лагерей.

Стратегии выживания

Депортированные поляки и прибалты еврейского происхождения были в основном горожанами: квалифицированными рабочими, ремесленниками, адвокатами, журналистами, интеллектуалами, промышленниками, банкирами, политиками и религиозными деятелями. Часть из них принадлежала к состоятельным и даже очень состоятельным слоям, где женщины не работали, а домашние обязанности и воспитание детей возлагались на слуг.

Этим людям предстояло оказаться во враждебной социальной среде, чей язык им был непонятен (прибалты владели русским, поляки — нет), они были вынуждены делить бараки с множеством других семей (католических и еврейских) и заниматься сельскохозяйственным трудом, о котором у них не было ни малейшего представления, поскольку их предки уже очень давно осели в городах.

Российский историк В.Н. Земсков в своей книге о спецпереселенцах указывал, что условия депортации поляков и прибалтов еврейского происхождения были более мягкими, а их шансы выжить — выше, чем у других депортированных, поскольку они в основном принадлежали к экономической и научной элите Польши и прибалтийских стран и поэтому, добравшись до места ссылки, получали должности, обеспечивающие им условия труда и жизни лучше, чем у остальных². Однако этот тезис не находит подтверждения в рассказах наших свидетелей, которые, напротив, говорят о тяжком труде и борьбе за выживание.

Как только депортированные евреи и христиане оказались в одних вагонах для скота, культурные и религиозные барьеры, которые их издревле разделяли, стали стираться. Все свидетельства и мемуары сходятся на том, что, оказавшись в Сибири, они сплотились в одну большую семью, семью депортированных.

Эти барьеры вновь станут заметны после летней амнистии 1941 г., когда депортированным еврейского происхождения будет сложно покинуть Среднюю Азию вместе с армией Андерса.

¹ Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж.-Л. Чёрная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. С. 37.

² См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 135–139.

Для религиозных евреев депортация означала, что они должны отказаться от большинства традиций и выработать такие стратегии, которые бы им позволили сохранить хоть некоторые: если невозможно питаться кошерной пищей и соблюдать шаббат, нужно как минимум продолжать печь мацу, проводить обрезание детям и справлять бар-мицвы.

После амнистии все депортированные поляки устремились в Центральную Азию, однако здесь рассказы тех поляков-католиков и евреев, которые не смогли покинуть СССР, расходятся сильнее всего.

Еврейским квалифицированным рабочим из Лодзи было легче найти работу на текстильных фабриках Узбекистана, а ремесленникам — проще устроиться в мастерские Средней Азии, чем католикам, большинство которых было гражданскими и военными поселенцами, которые занимались земледелием в своих хозяйствах в восточной части Польши.

Еще одна стратегия выживания, о которой регулярно упоминают наши свидетели, а также говорится во многих напечатанных воспоминаниях, — это контрабанда продовольственных карточек, еды и одежды, украденных в государственных магазинах или у частных¹.

Наконец, в отличие от других перемещенных лиц, у польских и прибалтийских евреев была широкая сеть родственников за рубежом, в США, Канаде, Южной Америке, Южной Африке и Палестине. Благодаря этим связям, которые также активизировались вследствие деятельности «Красного креста», депортированные получали посылки с продуктами, одежду, строительные материалы, книги. Часть этих товаров, которые позволяли им выжить, они использовали сами, часть обменивали на продукты, а что-то продавали².

Еврейская память и национальные памяти: история одного исключения

В Польше и странах Балтии после 1991 г. в центре общественной и политической дискуссии оказалась история сопротивления советской оккупации и репрессии до и после Второй мировой войны. Осмысление этих страниц прошлого началось с создания музеев репрессий и оккупации, которые с самого начала были сосредоточены исключительно на жертвах титульной национальности. Вышло так, что репрессированные евреи были исключены из официального списка тех, кто воплощал жертву, принесенную нацией на алтарь советских репрессий.

В Польше жертвами советской власти считались военные, убитые под Катынью, а также гражданские и военные поселенцы, жившие на восточных территориях страны и массово депортированные в 1939–1941 гг. К жертвам Холокоста относились те, кто погиб или выжил в гетто, в концентрационных лагерях и лагерях смерти. Для тех, кто уцелел благодаря тому, что советская власть депортировала их на восток, не нашлось места в коллективной памяти, хотя Холокост тоже лишил их всего: семей,

¹ Свидетельства Мишлин Херш, Йозефа Киршенберга, Сони Панцер, Санлим Роземберг, Теодора Шанина, Генри Вельша. См.: Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cerccec/RFI, Paris.

² Свидетельства Анны Баркаускене и Исера Шлемовичюса. См.: Там же.

имущества и общин, в которых они жили. Они были вытеснены на обочину как в коммунистической, так и в современной Польше, и те из них, кто решался поведать свою биографию, порой прибегали к семантической подмене, систематически заменяя слово «депортация» на «перемещение» или даже «эвакуацию»¹.

В Литве и Латвии «национальными жертвами» считаются партизаны, которые продолжали бороться с советской властью, уйдя в леса после 1945 г., и крестьяне, которые их поддерживали, сопротивлялись коллективизации и были массово депортированы в 1948–1949 гг.

В вильнюсском Музее жертв геноцида в залах, посвященных депортации июня 1941 г., ничто не напоминает о массовой высылке культурной и религиозной элиты евреев Вильно, этого Северного Иерусалима, и лишь 14 лет спустя после открытия музея в нем наконец появился зал, посвященный евреям, уничтоженным айнзацгруппами. Вильнюсский Музей Холокоста, в свою очередь, рассказывает исключительно о жертвах нацизма. Примерно так же построен рассказ и в Музее оккупации Латвии в Риге.

И в Латвии, и в Литве за последние 20 лет силами музеев и ассоциаций был сформирован обширный фонд интервью с жертвами сталинизма, однако к выжившим евреям никто не обращался. Когда Фонд Спилберга начал собирать воспоминания жертв Холокоста, рассказы евреев, переживших депортацию на восток, также не были записаны.

Все свидетели еврейского происхождения из стран Балтии, которых мы интервьюировали, свидетельствовали в первый раз², в то время как другие уже имели возможность рассказать свои истории, некоторые из них — неоднократно.

Точно так же в Европе, когда создавали музеи и мемориалы Холокоста, история людей, которых во время войны депортировали в СССР, была исключена из коллективной памяти. Во Франции «депортированными» называют евреев и участников сопротивления, отправленных в нацистские лагеря, а ко всем остальным термин «депортация» не применяется. Подобное исключение обрекло их на одиночество и изоляцию и даже внутри семей установило завесу молчания, от которой страдают прежде всего их потомки³.

В заключение следует подчеркнуть, что история депортации прибалтов и поляков еврейского происхождения, в силу специфики их путей домой и их исключения из национальных нарративов как о гитлеровских, так и о сталинских репрессиях, помогает преодолеть барьеры между национальными историями и побуждает анализировать депортацию в СССР в транснациональном контексте.

Начиная наше исследование и сбор интервью, мы задавались вопросом, существует ли европейский опыт депортации, который был бы чем-то большим, чем сумма национальных историй. Рассказы свидетелей ев-

¹ Свидетельство Юлии Якубовской. См.: Archives sonores. Mémoires européennes du Goulag. Cercoc/RFI, Paris.

² Свидетельства Михаила Апта, Анны Баркаускене, Дианы Кратиша, Давида Йозефовича, Абрама Леща, Рафаила Розенталя, Якоба Шаца, Изера Шлемовичюса. См.: Там же. 2008–2010.

³ Свидетельства Жака Паскаля Брифа и Натали Оланд. См.: Там же. 2010.

рейского происхождения, которые сейчас живут во многих странах Европы, служат особенно ценным и важным источником для того, чтобы на него ответить.

И.А. Флиге

ПАМЯТЬ О СИБИРСКИХ МОГИЛАХ

Человек не связан с землей, если в ней не лежит его покойник.

Габриэль Гарсия Маркес

Предмет настоящей статьи — анализ состояния захоронений спецпоселенцев на территории России. Он основан на материалах, собранных петербургским Научно-информационным центром «Мемориал» для раздела «Некрополь террора и ГУЛАГа» проекта «Виртуальный музей ГУЛАГа», а также для проекта НИЦ «Мемориал» «Кладбища жертв политических репрессий на территории России»¹.

Приведенные в данной статье описания конкретных мест захоронений представляют собой сокращенные извлечения из этих материалов. Разумеется, мы не ставили своей целью упомянуть в этой статье все известные нам места захоронений, иллюстрирующие тот или иной авторский тезис: это всего лишь примеры, выбранные автором почти наугад.

*
* *

Сначала — несколько слов о состоянии некрополистики террора в сегодняшней России. Официального учета мест захоронений жертв советского террора и ГУЛАГа (мест захоронений расстрелянных, лагерных, тюремных кладбищ, кладбищ спецпоселков) не существует. Нет сведений и о том, что такой учет существовал в годы террора; мы полагаем, что его и не было. Большая часть мест захоронений, обнаруженная и мемориализованная силами энтузиастов в течение последних 25 лет, не только не имеет правового статуса, но даже не зарегистрирована в региональных и районных отделах культуры. В Российской Федерации нет отдельного законодательного акта, регулирующего статус мемориальных кладбищ (хотя упоминания о них в российском законодательстве встречаются); существующие мемориальные кладбища, в том числе несколько мемориальных кладбищ жертв политических репрессий, созданы и регулируются отдельными постановлениями федеральных и региональных органов власти или местного самоуправления.

---

¹ Проект «Виртуальный музей ГУЛАГа» осуществляется с 2004 г. при поддержке ряда отечественных и зарубежных фондов. Текущие результаты проекта см.: <http://gulagmuseum.org/>. Проект «Кладбища жертв политических репрессий на территории России» реализован в 2013–2014 гг. в рамках гранта, выделенного в соответствии с распоряжением Президента РФ от 29.03.2013 № 115-рп на основании конкурса, проведенного обществом «Знание». Итоги этого проекта см. по адресу: <http://www.mapofmemory.org/>

По учетным данным НИЦ «Мемориал» (СПб.), на территории России на 2014 г. известно 1238 мест захоронений жертв террора. Вот некоторые цифры¹:

Тип захоронения	Обнаруженные объекты	Современная мемориализация ²	Наличие статуса	Наличие сведений в региональных и/или районных администрациях
Захоронения расстрелянных	259	139	35	117
Лагерные и тюремные захоронения	356	176	19	144
Захоронения спецпоселенцев	597	198	11	154
Всего...	1212	513	65	415

Из таблицы видно, что мест захоронений спецпоселенцев известно больше всего (в абсолютных цифрах), и в то же время эти места захоронений в наибольшей степени обойдены общественным вниманием: мемориализация — 33 % против 53 % захоронений расстрелянных и 49 % лагерных захоронений, наличие какого-либо официального статуса — 1,8 % против 13,5 и 5,3 % соответственно.

Где лежат люди, погибшие в ходе депортаций? Где похоронены спецпоселенцы, умершие в ссылке? Кто помнит об их могилах, кто ставит на них памятники? Одна из главных интенций памяти конца 1980-х — начала 1990-х гг. относилась к поиску захоронений расстрелянных и, в меньшей степени, могил людей, умерших в лагерях. Это понятно: эти места в годы террора были либо секретны, либо неизвестны. И здесь личная, семейная потребность найти могилу родного человека была активно поддержана общественностью. А вот поиском кладбищ спецпоселенцев общественность в те годы не занималась. В отличие от расстрелянных полигонов и лагерных захоронений спецпоселенческие кладбища были обычными деревенскими погостами, действующими или заброшенными, и память о них, сохранение могил оставались семейным, а не общественным долгом. В их поиске и мемориализации в 1989—1991 гг. не чувствовалось нужды: что их искать — кладбища как кладбища. Их состояние мало отличается от состояния современных деревенских кладбищ, а также кладбищ, заброшенных в связи с ликвидацией обычных деревень и поселков.

Еще одно предварительное замечание. Особенности расселения депортируемых, отправляемых на спецпоселение, сильно варьировали от одной депортационной кампании к другой. Крестьянская ссылка 1930—1932 гг.,

¹ Таблица составлена по трем типам захоронений, однако некоторые места захоронений относятся к смешанному типу. Под словом «захоронения» подразумеваются как кладбища, целиком отведенные под соответствующий «контингент», так и отдельные участки на «общегражданских» кладбищах, а также кладбища, первоначально возникшие как захоронения ГУЛАГа-1 или ГУЛАГа-2, но с течением времени превратившиеся в «общегражданские».

² Под современной мемориализацией мы подразумеваем здесь самый широкий диапазон акций по увековечиванию: от создания на местах захоронений мемориальных комплексов до установки одиночного памятного знака.

«очистки приграничной полосы», социально-политические чистки на территориях, присоединенных к СССР в 1939—1940 гг., военные и послевоенные массовые депортации, — все они обладают собственной спецификой расселения, не только географической, но и типологической: устройство отдельных спецпоселков, размещение новых контингентов в уже действующих трудпоселках, расселение их в обычных населенных пунктах. Эти особенности расселения депортируемых существенно влияли на характер захоронений и на их дальнейшее бытование.

Кроме того, типология расселения депортированных заметно различалась в зависимости от региона, в который их определяли на жительство. В особенности это касается расселения депортированных в Казахстане, Киргизии и Узбекистане. В силу ограниченности собранного нами материала я буду далее говорить лишь о спецпоселенцах на территории РСФСР.

Смерть сопутствовала депортированным на протяжении всего их пути в ссылку. Сам процесс депортации и период обустройства переселенцев на новом месте, как правило, сопровождался массовой гибелью. В памяти депортированных закрепились чудовищные воспоминания об уровне смертности во время этапирования и в первые годы ссылки. Возможно, в воспоминаниях этот уровень преувеличен — официальная документация, ставшая доступной в 1990-е гг., содержит существенно более низкие показатели, однако нет сомнений, что и этапная смертность, и «смертность первой зимы»¹ были чрезвычайно высокими.

Путь в ссылку состоял из этапов — железнодорожных, водных и пеших; пешие этапы иногда снабжались подводами. Каждому типу этапирования соответствовала своя смерть и свои захоронения.

В железнодорожных эшелонах умирали прежде всего дети, старики и больные. Трупы выгружались на станциях и передавались в распоряжение местных дорожно-транспортных отделов НКВД, о чем составлялись соответствующие акты (аналогичные акты составлялись в отношении снятых с этапа из-за болезни). К сожалению, степень сохранности этой документации в архивах невысока. Как поступали с телами умерших сотрудники ДТО, в точности неизвестно; есть свидетельства, указывающие на то, что их хоронили в братских могилах на местных кладбищах. Однако у нас нет сведений о том, чтобы кому-нибудь удалось обнаружить хотя бы одно такое «пристанционное» захоронение депортированных, несмотря на то, что подобные попытки неоднократно предпринимались. Выжившие также ничего не знают об этих могилах по понятным причинам: родственники и друзья не имели возможности участвовать в захоронении.

Иначе дело обстоит с умершими на пересыльно-распределительных пунктах. Здесь люди задерживались на заметный, иногда довольно про-

---

¹ Говоря о «первой зиме», мы отдаем себе отчет в условности этого выражения: смертность, в зависимости от местных условий и местных особенностей режима содержания, оставалась достаточно высокой и на второй, и на третий годы пребывания в ссылке. А на Южном Урале, в Казахстане и Западной Сибири в 1932—1933 гг. для высланных туда годом-двумя раньше крестьян на условия режима содержания наложился еще и общий катастрофический голод, разразившийся в этих регионах. Аналогичным образом на условия, в которые попадали контингенты, депортированные в годы войны, заметно влияла и общая скудость снабжения тех лет.

должительный срок (а кое-кому удавалось там зацепиться насовсем). При ПРП существовали специально обустроенные территории, предназначенные для захоронений. Однако поскольку большинство ссылаемых находилось там все-таки временно, а смертность продолжала оставаться высокой в силу скученности и возникавших из-за нее эпидемий, а также недоедания (в военные годы кое-где дело доходило до настоящего голода), то на этих территориях хоронили главным образом в братских могилах. Лишь в некоторых случаях семье удавалось похоронить своего покойника в индивидуальной могиле (и то чаще всего — без гроба) и поставить на ней какой-то знак. Но семьи уезжали дальше, уход за могилой прекращался, и она очень быстро тоже превращалась в безымянную. Кладбищенские книги, насколько нам известно, на ПРП не велись, во всяком случае нам такие книги не попадались.

Кое-какие из этих захоронений в настоящее время мемориализованы.

Котлас (Архангельская обл.). Мемориальное кладбище жертв политических репрессий «Макариха» находится на северной окраине города. Кладбище в городском районе Макариха существует с начала XX в., закрыто в 1959 г. С 1930 г. здесь хоронили спецпереселенцев, умерших в накопительно-пересыльном пункте, располагавшемся рядом с территорией кладбища, а также заключенных, умерших в Котласской тюрьме. В 1940-е — начале 1950-х гг. на этом же кладбище в безымянных могилах хоронили заключенных Котласлага, ссыльных, спецпоселенцев, трудармейцев, а также военнопленных немцев, умерших в госпиталях города. Решением Городского собрания депутатов от 23.04.1998, по представлению Котласского общества «Совесть», кладбище в Макарихе объявлено Мемориальным кладбищем жертв политических репрессий. С 1995 по 2014 г. здесь установлено семь общих памятников: католический крест (открыт 17.11.1995); памятник жертвам коллективизации (открыт 13.05.1998); триптих «Погибшим в неволе» (открыт 30.10.1998); «Казачий крест» (открыт 16.08.2003) и др. Кроме того, на территории кладбища установлено более 20 личных памятных знаков.

Анжеро-Судженск (Кемеровская обл.). Горный поселок (ныне в черте города) — с 1931 г. место спецпоселения «раскулаченных» из Башкирии, Московской области и других районов страны; с 1941 г. — место расселения немцев-спецпоселенцев из Одесской области и Краснодарского края. На месте захоронения спецпоселенцев в районе выгрузки этапа установлен крест (не позднее 1991 г.).

Черемово (Иркутская обл.). Здесь, на привокзальной площади, в 2005 г. установлен памятник: стела из черного камня, полированного с лицевой стороны, с изображением серпа и колосьев и надписью: «В память о раскулаченных крестьянах-спецпереселенцах, великих тружениках и защитниках Отечества». Памятник сооружен на пожертвования по инициативе жителей дер. Сафроновка. Хотя данный случай мемориализации памяти ссыльных и не вполне релевантен теме статьи («память о могилах»), нам кажется уместным упомянуть здесь об этом памятнике, поскольку в тех местах выгрузки железнодорожных этапов, где не были оборудованы специальные пересыльно-распределительные пункты, вокзалы и привокзаль-

ные площади часто использовались для временного содержания ссылаемых крестьян, и умерших хоронили, скорее всего, где-то неподалеку.

Путь депортируемых из пересыльно-распределительного пункта к месту ссылки проходил пешим этапом или же по воде. Транспортировка спецпереселенцев водным транспортом происходила в тяжелейших условиях: ссыльных, как правило, держали в переполненных трюмах барж, не выпуская на палубу, на голодном пайке. Неудивительно, что при этом смертность продолжала быть высокой; но в пути следования тела умерших, как правило, не выгружали из трюма. Это делалось на конечном пункте назначения. Сначала высаживали этап, а затем баржу подгоняли к какому-нибудь пустынному участку берега поблизости и выгружали трупы.

Дудинка (Красноярский край). Здесь бытует легенда о том, что баржи, перевозившие заключенных и спецпоселенцев из Красноярской пересыльной тюрьмы, после высадки этапа в Дудинском порту шли к пустынному островку напротив устья р. Дудинка, в 26 км ниже порта и выгружали на берег тела умерших во время этапирования. Захоронения, если верить рассказам, не производились: перед началом следующей навигации, во время половодья и весеннего ледохода река смывала трупы и уносила их в Енисейскую губу.

Пеший этап к месту назначения также сопровождался смертями истощенных, обессиленных и больных. Умерших на переходах иногда — в зависимости от времени года, погоды и настроения конвоя — закапывали при дороге, но чаще тела грузили на подводу и везли до первого «станка», где и хоронили. Таким образом при «станках» также появлялись небольшие кладбища.

Сольвычегодск (Архангельская обл.). В августе 1991 г. на окраине города при строительстве частного дома были обнаружены останки 35 чел., захороненных в общей яме. Судмедэкспертиза установила, что захоронения относятся к началу 1930-х гг. Зимой 1930/31 г. этапы крестьян-спецпереселенцев шли от Котласа к местам, определенным для расселения, мимо Сольвычегодска; умерших на этапе или во время ночлега на перевалочных пунктах хоронили местные крестьяне в общих ямах. В 1992 г. останки перезахоронили в братской могиле на городском кладбище; в августе 1994 г. на могиле было установлено надгробие с надписью: «Жертвам пеших этапов 30-х годов».

И наконец, долгий путь заканчивался прибытием на место ссылки: в уже действующий спецпоселок или на участок в лесу или голой степи, где переселенцы должны будут для начала выкопать землянки и соорудить шалаши, или в существующий населенный пункт — село или городок, где их распределят на постой к местным жителям или отведут им на окраине место для «самостройки». Так или иначе, люди начнут обустраиваться на новом месте, где им предстоит жить, а стало быть и копать могилы.

Места захоронений при стационарных или даже временных (таких, например, как лесоучастки и лесопункты) местах поселения гораздо больше напоминали обычные сельские погосты, чем лагерные кладбища. Исключение составляли «захоронения первой зимы», когда смертность среди детей и стариков оставалась высокой, быт еще совсем не был налажен (особенно если депортированных привозили осенью — тогда они зачастую

были вынуждены зимовать в землянках и шалашах), а поселенцам приходилось тяжело трудиться ради элементарного выживания. На рытье индивидуальных могил времени и сил не оставалось, и покойников часто хоронили в братских могилах, почти всегда — без гробов. В случаях, когда спецпереселенцев размещали в уже существующих населенных пунктах, «первая зима» оставляла следы в виде братских захоронений на отдельных участках уже существующих городских и сельских кладбищ.

Именно эти захоронения в первую очередь воспринимаются в современной коллективной памяти как «могилы жертв террора».

Село Нялинское (Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО). Спецпоселок Нялинский основан в августе 1931 г. крестьянами-спецпереселенцами (35 семей). В первые две зимы многие умерли от холода и голода. Умерших хоронили на кладбище дер. Юрты Нялинские, в 1 км от спецпоселка; первоначально в братском захоронении у входа на кладбище, затем в индивидуальных могилах. На месте братского захоронения в течение десятков лет сохранялся могильный холмик, куда приходили поминать умерших. В 1999 г. по инициативе бывшего спецпоселенца В.В. Куликова и при участии учащихся школы с. Нялинское здесь была установлена латунная табличка с надписью. Не могу удержаться, чтобы не привести ее полностью: «Здесь в братской могиле покоится прах спецпереселенцев II категории, жертв советского большевистского террора. ...Их умертвил голод 1932–33 гг. Светлая вам память, вечный покой! Сталинский авторитарный режим не только физически уничтожил миллионы людей, нанес тяжелое поражение в области сельского хозяйства и в целом экономике, но морально искалечил поколения, дав нравственную мутацию, которая еще долго будет давать себя знать. Господи, спаси и сохрани нас!» В 2011 г. по инициативе председателя Совета ветеранов с. Нялинское обветшавшая табличка заменена гранитной стелой с надписью: «Светлая память умершим от голода в 30-е годы 20 века».

Село Яренск (Архангельская обл., Ленский р-н). Здесь, на сельском кладбище, с 1930 г. хоронили спецпереселенцев; захоронения производились в общих и индивидуальных могилах. Сохранились единичные надгробия. Умерших во время эпидемии тифа в начале 1930-х гг. хоронили во рву, вырытом в юго-западной части кладбища («чумной ров», по местной терминологии); в дальнейшем этот участок использовался под хозяйственные нужды кладбища. Захоронение обнаружено в 1996 г. членами школьного историко-поискового клуба «Поиск» по опросам старожилов. В том же году на средства районного Совета ветеранов, предприятий района и добровольные пожертвования жителей, при участии администрации района и клуба «Поиск» здесь установлен памятник: бетонная плита со сквозной прорезью в виде креста и надписью: «Жертвам политических репрессий 1929–1937».

Что касается документации смертей, то информация о них должна была фиксироваться в двух местах: журналах учета спецкомендатур и районных загсах. Следует при этом иметь в виду, что документы спецкомендатур сохранились в архивах довольно плохо (а в начале «кулацкой ссылки», когда эта система только начинала функционировать, далеко не во всех комендатурах велся поименный учет «контингента»). Что касается загсовских книг, то и они не всегда полны: обязанность заявить о смерти

родственника в ЗАГС возлагалась на самих спецпоселенцев, а до районного центра из спецпоселка добираться, как правило, дальше, чем до комендатуры, и, стало быть, труднее, особенно в условиях «первой зимы». Кладбищенские книги в местах проживания спецпереселенцев, как и почти повсюду в российской сельской глубинке чаще всего не велись, тем более что кладбища спецпоселков поначалу не имели никакого официального статуса: землеотвод не оформлялся, о существовании каких-либо ведомственных инструкций Отдела спецпоселений НКВД, посвященных захоронениям умерших, нам ничего не известно (по-видимому, эти захоронения, в отличие от лагерных, не рассматривались как «ведомственные»).

В дальнейшем, по мере обустройства и привыкания к новому месту жительства, спецпоселенцы начали хоронить своих умерших в гробах, в индивидуальных могилах, ставить на них кресты, вырезать имена и украшать могилы традиционной символикой. Возобновились и традиционные ритуалы погребения. В особенности тщательно соблюдались традиции, в частности религиозные, в национальных землячествах — это было частью отстаивания переселенцами своей идентичности в условиях чужбины и неволи. Эта приверженность национальным и религиозным традициям оставалась в силе даже тогда, когда речь шла не о постоянных трудпоселках, а о землянках для «вторичных переселенцев» — рыболовецких или лесозаготовительных артелях «трудмобилизованных» литовцев, финнов-ингерманландцев, эстонцев или немцев на севере Красноярского края и в заполярной Якутии, на берегах моря Лаптевых. Близ поселков, расположенных на островах Ленской дельты, сохранились кладбища этих спецпоселенцев; их могилы отмечены католическими и лютеранскими крестами и обустроены в соответствии с национальными традициями. Из воспоминаний мы знаем, что само погребение также проводилось с соблюдением традиционной обрядности, несмотря на крайне тяжелые условия существования тех, кого в 1942 г. «бросили на рыбу».

Мыс Муостах (Республика Саха (Якутия), Булунский улус). Сюда в 1942–1947 гг. были направлены на рыбозаготовки спецпереселенцы, в основном высланные из Ленинградской области финны и депортированные литовцы, а также принудительно мобилизованные жители Чурапчинского района Якутской АССР. Зимой 1942/43 г. отмечена высокая смертность ссыльных — от голода, холода и инфекционных болезней. Кладбище было устроено на высоком берегу над морем, хоронили в индивидуальных могилах. В конце 1940-х гг. промысел был свернут, спецпоселенцев перевели в другие места, кладбище было заброшено. Место захоронения под воздействием штормов разрушалось, большая часть захоронений была смыта в море. В 1989 г. экспедиция из Литвы установила на кладбище памятник. Надписи на плитах на литовском, русском, якутском и финском языках: «Насилием отторгнуты от земли родной. Павшие, но не забытые».

Когда национальные контингенты депортированных расселяли в существующих городах и поселках, среди «вольного» местного населения, «национальные» захоронения часто реализовывались в виде отдельных «эстонских», «литовских» и т.п. участков на местных кладбищах.

Село Кужура (Республика Алтай, Усть-Канский р-н). В 1941 г. в с. Кужура были доставлены более 170 депортированных литовцев. Спецпосе-

ленцы занимались полевыми работами, жили в палатках и шалашах. Умерших, в основном детей, хоронили на отдельном участке сельского кладбища по католическому обряду, на могилах устанавливали надгробия с именными табличками. Впоследствии село перестало существовать. В 1990 г. место, где находилось кладбище, посетили бывшие ссыльные и их родственники, они установили здесь деревянный католический крест. В августе 2012 г. на кладбище работала литовская молодежная экспедиция «Миссия Сибирь» под руководством исследователя Г.Алекны; участники экспедиции изготовили и установили новый крест из лиственницы, обнесли памятный знак оградой.

Самое важное для нашей темы — это, конечно, то, что родственники и друзья покойных оставались в этих населенных пунктах в течение более или менее длительного времени и, стало быть, по крайней мере, в течение этого времени за могилами систематически ухаживали; это касается как кладбищ крестьянской ссылки, так и захоронений «нацконтингентов». О захоронениях калмыков, депортированных в Сибирь, на Север и на Урал, мы знаем мало, возможно, именно потому, что традиционная похоронно-погребальная обрядность калмыков не предусматривает посещения могил. (Мы мало знаем и о захоронениях депортированных кавказских народов, турок-месхетинцев и крымских татар, но уже по другой причине: их ссылали главным образом в Среднюю Азию и Казахстан, а наши исследования, как уже было сказано, велись на территории Российской Федерации.)

Село Темное (Омская обл., Ишимский р-н). В январе 1944 г. в Ишимский район были доставлены и размещены более 200 депортированных калмыков; часть из них (какая именно — нам неизвестно) поселили в с. Темное. Умершие от эпидемии тифа спецпоселенцы были похоронены в братской могиле на окраине села. 8 июля 2010 г. на месте захоронения установлен памятный знак.

Омск. На Старо-Северном кладбище Омска с 1941 г. хоронили заключенных, умерших в городских тюрьмах; с 1944 г. на этом же кладбище хоронили умерших спецпоселенцев, в том числе калмыков. Впоследствии эти участки подверглись вторичным захоронениям. В 2002 г. в ходе экспедиций в Сибирь, организованных правительством Республики Калмыкия («поезда памяти»), на кладбище, без привязки к историческому участку, определить который не удалось, был установлен памятный знак депортированным калмыкам, погибшим на территории Омской области. На стеле выбита надпись: «Жертвам сталинских репрессий 1943–1957 от калмыцкого народа» и цитата из стихотворения Д. Кугультинова: «Я знал, что мой народ в лесах Сибири / Нашел друзей и вновь душой окреп / Среди лучших русских, среди щедрейших в мире / Деливших с нами и судьбу и хлеб...».

*
* *

Дальнейшее бытование спецпоселенческих кладбищ напрямую связано с типом населенного пункта и его последующей судьбой. «Квази-постоянные» населенные пункты при лесоучастках и местах дислокации рыболо-

вещких артелей со временем либо прекращали свое существование, либо переходили на вахтовый режим работы. И в том, и в другом случае кладбище становилось заброшенным, потому что родные умерших переставали посещать их могилы.

Бывший спецпоселок № 4 (он же поселок Соз; Кировская обл., Нагорский р-н). Был построен как лесозаготовительный поселок в начале 1930 г. крестьянами, высланными из Удмуртии. Находился на р. Соз, в 28 км от ее устья. В 1930-е гг. сюда направляли на спецпоселение крестьян из Поволжья, с 1940 г. — депортированных эстонцев. В 1942 г. с большинства ссыльных крестьян был снят режим спецпоселения и они разъехались по окрестным деревням; в пустующих домах в 1944 г. разместили высланных на спецпоселение украинцев с Волыни («оуновцев»). Часть бывших ссыльных осталась в поселке и после снятия со спецпоселенческого учета. С 1969 по 1989 г. здесь была размещена исправительно-трудовая колония, и местные жители работали в системе ИТК. В 1989 г. ИТК закрылась и Соз перестал существовать как населенный пункт. Кладбище спецпоселенцев находится в лесу, примерно в 400 м от бывшего поселка, заросло лесом; большая часть надгробных знаков утрачена.

Если же населенный пункт становился деревней, селом, поселком, а спецпоселенцы превращались в обычных граждан и постепенно растворялись в коренном населении, то и место захоронения постепенно превращалось в обычное сельское, поселковое (иногда даже городское) кладбище. В этом случае уход за могилами бывших спецпоселенцев становился семейным делом.

Судьба этих могил, их сохранность и посещаемость оказались непосредственно связаны с дальнейшей судьбой самого поселка. Он мог исчезнуть сразу после снятия режима спецпоселения, если бывшие спецпоселенцы его покинули. Он мог некоторое время оставаться обычным населенным пунктом и исчезнуть позднее, в ходе ликвидации «бесперспективных сел и деревень». Он мог, наконец, сохраниться в качестве населенного пункта до наших дней.

После снятия режима спецпоселения в регионах ссылки остались два значительных контингента бывших ссыльных: крестьяне, высланные в 1930—1932 гг., и российские немцы, депортированные в 1941 г. У этих двух категорий не было «возвращения». Вместо этого у бывших «раскулаченных» было растянутое во времени «освобождение»: сначала — постепенное смягчение режима ссылки, а затем — постепенное же снятие со спецпоселенческого учета и получение паспортов (последние контингенты ссыльных «кулаков» были сняты с учета Указом от 13.08.1954). То обстоятельство, что при снятии бывших спецпоселенцев с учета им выдавался паспорт, фактически ставило их в преимущественное положение по сравнению с их «вольными» соседями-колхозниками, повышало их мобильность и способствовало их ускоренной урбанизации. Процесс раскрестьянивания прошел для них в два этапа: сначала потеря связи с родной землей в результате депортации, а затем, после освобождения, уход в большие поселки и города, отказ жить на земле, разрыв с крестьянскими традициями. У немцев, подавляющее большинство которых составляли крестьяне из бывшей Автономной республики немцев Поволжья, тоже не

было никакого «возвращения», потому что на родину, в Поволжье, возвращаться им было запрещено. Но уровень их мобильности после снятия с учета по Указу от 13.12.1955 тоже оказался более высоким, чем у окружающего населения. Вот и остались свои покойники в «не своей» земле. Урбанизация через депортацию обеспечила разрыв и со своей землей, и со своими могилами.

Что случилось с этими могилами? Они оказались бесхозными и были заброшены. Кладбища исчезнувших поселков и деревень разрушились, заросли, потерялись в тайге. Но и те из них, которые относятся к до сих пор существующим населенным пунктам, находятся в плачевном состоянии: большая часть надгробий утрачена, старые участки ушли под более поздние захоронения, под жилую застройку или под хозяйственные нужды.

Село Песчанка (Республика Коми, Печорский р-н). Спецпоселок Песчанка образован в 1931 г. раскулаченными крестьянами из Архангельской, Вологодской, Сталинградской и Воронежской областей. По устным свидетельствам, в первые три года умерло более тысячи человек. Кладбище было устроено на северной окраине поселения. После того, как в середине 1950-х гг. режим спецпоселения был снят, на кладбище хоронили жителей деревни. Надгробия на могилах 1930–1940-х гг. сохранились плохо, уход за старыми могилами отсутствует.

Поселок Баргинский Слюдрудник (окрестности ЗАТО Зеленогорск, бывш. «Красноярск-45», Красноярский край). В заброшенный в 1921 г. рудничный поселок с начала 1930 г. направлялись крестьяне-спецпереселенцы, высланные из Канского округа Восточно-Сибирского края и Минусинского округа Западно-Сибирского края («глав семей, как правило, у этих спецпереселенцев уже не было» — замечает зам. главы администрации ЗАТО Г.В. Листвин в своем ответе на запрос НИЦ «Мемориал»). Их силами работа рудника была возобновлена, но в середине 1930-х гг. добыча здесь слюды вновь прекратилась. Трудоспособных спецпоселенцев перевели в другие рудничные поселки Восточной Сибири, прочие оставались жить в Баргинском Слюдруднике, и режим спецпоселения с них постепенно снимался. В середине 1950-х гг., в ходе «подготовки местности» к строительству «Красноярска-45», семьи бывших спецпоселенцев получили паспорта и практически все выехали из поселка. Поселковое кладбище, на котором захоронены главным образом спецпереселенцы, пришло в запустение и сегодня полностью поглощено тайгой. Не сохранилось ни могильных насыпей, ни остатков крестов. «Даже само местонахождение старого кладбища нуждается в уточнении», — пишет Г.В. Листвин.

Поселок Пшеничный Ручей (Красноярский край, Таймырский Долгано-Ненецкий р-н, г. Дудинка). Около 1942 г. в нескольких километрах от Дудинского порта был построен рыбозавод, при нем — одноименный спецпоселок, где разместили немцев, депортированных из Поволжья. Спецпоселенцы были заняты на рыбных промыслах и переработке улова. Рядом с поселком, на вершине холма, возникло кладбище; сегодня местные жители называют его «немецким». Поселок не существует с середины 1990-х гг., рыбзавод закрыт в 2004 г. На кладбище сохранились некоторые могилы 1940-х, таблички на крестах утрачены.

И только тогда, когда эти могилы окончательно стали безымянными, в общественном сознании они стали восприниматься как могилы жертв террора.

Юрга (Кемеровская обл.). Мемориальный комплекс «Жертвам войны» расположен на окраине г. Юрга на участке бывшего немецкого кладбища, на котором хоронили ссыльных российских немцев — депортированных в 1941 г. и репатриированных в 1945–1946 гг., а также немецких военнопленных, умерших здесь в 1944–1947 гг. В 1960-е гг. кладбище уничтожено, территория позднее использовалась под садоводческие участки. Первый памятник (немцам-трудармейцам) был установлен в 2000 г. по инициативе общества юргинских немцев «Возрождение» и бывшего юргинца Иосифа Церра, ныне живущего в Ганновере. Мемориальный комплекс (памятник в окружении 11 крестов) открыт летом 2003 г. Ежегодно в августе юргинские немцы проводят у мемориала траурные церемонии.

Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район (ранее — Долгано-Ненецкий национальный округ, Красноярский край). В 1940-е гг. в округе существовал станок Усть-Хантайка, на сохранившемся кладбище которого в 2005 г. был установлен металлический крест с табличкой: «Здесь, в Усть-Хантайке лежат 270 немцев Поволжья и Ленинграда, латышей, эстонцев, финнов, погибших в 1942–1944 годы от непосильного труда, холода, голода и цинги. Вечная им память. Ваккер, Петри, 2005».

Урочище Нижний Шайтан (Пермский край, Чусовской р-н). На правом берегу р. Чусовой, в устье р. Малая Шайтанка, на месте поселка Шайтан (основан как спецпоселок в 1930 г., прекратил существовать в 1974 г.) и кладбища при нем в 2002 г. установлен деревянный крест с надписью «Это память о дедах и отцах, что когда-то в 30-е годы были высланы в эти места» и самодельным стихотворением, посвященным крестьянской ссылке.

Уватский район (Тюменская обл.). В районе поставлено два памятника спецпереселенцам. Один установлен в 1998 г. в райцентре (с. Уват). Посреди поселка на массивном постаменте стоит колоколенка с крестом и колоколом. На постаменте табличка с надписью: «В 1930–1953 гг. в Уватский район с клеймом врага народа было выселено 7420 человек. Подвергнуто репрессиям в районе более 200 семей. Образовано более 40 спецпоселений. Уватская земля скорбит». Второй памятник установлен пятью годами ранее, в 1993 г., на месте ныне не существующей дер. Екимовка (60 км от с. Уват, берег р. Носка): четырехконечный крест с табличкой: «1930–1937 гг. Путник! Почти память миллионов загубленных крестьян многострадальной России. Здесь был пос. Екимовка и отбывали ссылку: Аксентьевы, Анашкины, ...Ярославцевы, Хабаровы» (всего перечислены фамилии 50 семей). Список фамилий завершается строкой: «и многие другие».

С конца 1990-х гг. в региональном краеведении началось движение по восстановлению имен умерших спецпоселенцев. Для сегодняшних жителей этих мест — «краеведов» в традиционном узком понимании этого слова, т.е. людей, пишущих историю своей земли, и «не-краеведов», людей, увлеченно эту историю читающих, — покойники, в нее зарытые, постепенно становятся «своими покойниками», и для них важно восстановить их имена. Или поставить общий памятник; в этом случае некогда

«нормальное кладбище» превращается в братское захоронение жертв террора. Их в равной степени интересуют действующие кладбища в их родном селе и заброшенные погосты уже не существующих населенных пунктов в окрестной тайге. И те и другие становятся для них местами памяти о терроре, и те и другие требуют ухода и хотя бы минимальной мемориализации.

Поселок Кузьелга (Кузь-Елга, ныне микрорайон ЗАТО «Межгорье», Республика Башкортостан, Белорецкий р-н). Был основан в 1930 г. как лесозаготовительный спецпоселок. Умерших спецпоселенцев хоронили на кладбище на окраине поселка в индивидуальных могилах. 30 октября 2013 г. по инициативе старожила города Р.Ю. Губайдуллина и при поддержке администрации города и ФГПУ «Управление строительством № 30» был открыт памятник крестьянам спецпоселения Кузь-Елга.

Село Полевое (Красноярский край, Бирилюсский р-н). Образовано в мае 1933 г. как спецпоселок крестьян-спецпереселенцев из Пензенской, Челябинской, Ростовской областей, Ставропольского края. Кладбище спецпоселка использовалось до середины 1940-х гг., затем жителей с. Полевое хоронили на новом кладбище. На части территории старого кладбища были построены ремонтно-механические мастерские. В 2003 г. сотрудниками Бирилюсского краеведческого музея с помощью старожилов села было установлено место, где находилось кладбище. 25 июня 2005 г. по инициативе музейного совета Бирилюсского краеведческого музея совместно с о. Сергием Маханько, настоятелем Свято-Троицкого храма с. Новобирилюссы, на этом месте установлен поклонный крест с мраморной мемориальной доской: «Памятный знак установлен на месте первого захоронения репрессированных в 30 годы XX в.». Летом 2008 г. ученики школы с. Полевое благоустроили площадку вокруг креста.

Деревня Сухая (Пермский край, Александровский р-н). Крестьян-спецпереселенцев, высланных сюда в 1930-е гг., хоронили на отдельном участке деревенского кладбища, в индивидуальных могилах. В 2004 г. участниками поисковой экспедиции «По рекам памяти» Пермского молодежного «Мемориала» на этом участке кладбища был установлен памятный знак — деревянный столб с табличкой: «Памяти жертв политических репрессий. Спецпереселенцам — жителям деревни Сухая 1930–50 гг.»

Сургут (Тюменская обл.). Поселок Черный мыс был основан в 1930 г. крестьянами-спецпереселенцами; позднее здесь же были размещены депортированные из Молдавии и Чечено-Ингушской АССР. Умерших хоронили на поселковом кладбище, в общих и индивидуальных могилах. С 1965 г. поселок вошел в состав г. Сургут, и кладбище приобрело статус городского; участки, на которых хоронили спецпоселенцев, подверглись вторичным захоронениям. В 2013 г. по инициативе Сургутской ассоциации жертв политических репрессий «Наша память» на ограде у входа на Черномысовское кладбище установлена мемориальная доска. Надпись: «Здесь похоронены спецпереселенцы, высланные в 1930–1940-х годах, навечно с которыми остался тяжелый груз несуществующей вины».

Отдадим должное и прямым потомкам спецпоселенцев. Известны случаи, когда через десятки лет они приезжают в места, где отбывали ссылку их отцы и деды (и откуда их отцы или они сами разъехались после

снятия с учета), разыскивают могилы или то, что от них осталось, и ставят на них памятные знаки.

Поселок Андра (Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО). Был основан в 1931 г. спецпоселенцами-крестьянами, высланными из Челябинской, Свердловской, Тюменской областей и Кубани; существовал до середины 1960-х гг. Современный поселок возник на его месте в 1982 г. Кладбище спецпоселка находится на высоком берегу р. Андринки. Надгробия не сохранились. В 2003 г. по инициативе потомков спецпоселенцев администрацией пгт Андра на территории кладбища установлен памятный крест с табличкой.

Каргасокский р-н, Томская обл. Спецпоселок Борисовка был создан в 1931 г. крестьянами-спецпоселенцами из Полтавского района Омской области. Умерших хоронили на расположенном возле поселка кладбище. Надгробия и могилы не сохранились. Летом 2007 г. эта территория была обследована краеведческой экспедицией Каргасокского района «Прощение и память». А в 2011 г. это место посетили потомки спецпоселенцев Борисовки, которые установили на кладбище бывшего спецпоселка два семейных памятных креста; на одном из них — надпись: «Памяти крестьян Обского Прииртышья, пострадавших и невинно загубленных в годы сталинских репрессий. Косов Андрей Наумович 1887–1932, Борисовка; Косова Дарья Григорьевна 1888–1946, г. Томск; Косов Степан Андреевич 1916, Борисовка; Косов Тимофей Андреевич, 1927–? Мир вашему праху. Благодарные потомки».

*

* *

Более сложно и драматично складывалась судьба кладбищ в том случае, когда бывшие спецпоселенцы возвращались на родину. В первую очередь это относится к национальным депортациям 1940-х гг. В основном я буду опираться на описания литовских и польских захоронений: в материалах нашего проекта этих свидетельств больше всего (правда, в них отсутствуют данные о польских переселенцах 1936 г. из западных областей Украины и Белоруссии, так как их переселяли в основном в Казахстан). Литовцы и поляки хоронили своих покойников по католическому обряду, на могилах ставили кресты, писали имена. В семейных архивах сохранились фотографии из сибирской ссылки. Конечно же, эти фотографии сделаны не в момент переживания главной трагедии депортации — потери родины и дома, не на этапе и не в первую катастрофическую зиму, а уже после минимального обустройства на чужбине. Среди них и фотографии похорон — похоронная процессия, семья и соотечественники стоят у гроба. В сопроводительных текстах или устных комментариях к этим фотографиям педалируются, как правило, две темы. Первая тема — память о жертвах террора (умер/умерла на чужбине, не выдержав холода, голода и болезней); вторая — «несмотря ни на что, мы похоронили его/ее почеловечески» (смастерили гроб, проводить в последний путь собрались родные и друзья). За могилами ухаживали, по возможности (если в поселке или поблизости был католический священник) служили панихиды.

После отмены режима спецпоселения, перед возвращением на родину происходило прощание с могилами. Нам известно несколько случаев, когда возвращающиеся провели специальный День поминовения — день прощания с кладбищем. Мы также знаем несколько историй установки на спецпоселенческом кладбище общего памятника всем, кто умер на чужбине.

Село Озерное (Республика Алтай, Онгудайский р-н). В 1941 г. здесь были размещены депортированные литовцы. Умерших хоронили на отдельном участке поселкового кладбища по католическому обряду, на могилах устанавливали надгробия и именные таблички. В 1965 г. бывшая спецпоселенка Юлия Чяканаускене, оставшаяся в Озерном, установила на кладбище общий памятник умершим в ссылке литовцам в виде каменного гурия с католическим крестом на нем. Сама Ю. Чяканаускене умерла в 1967 г., ее могила находится рядом с установленным ею памятником. В 1990 г. кладбище посетили бывшие спецпоселенцы и их родственники и установили деревянный католический крест. В августе 2012 г. на кладбище работала литовская молодежная экспедиция «Миссия Сибирь». Участники экспедиции расчистили кладбище, отреставрировали установленный в 1965 г. памятник, подняли и укрепили установленный в 1990 г. крест, покрасили ограду могилы Юлии Чяканаускене.

Поселок Корбик (Красноярский край, Березовский р-н). В 1948 г. сюда, в поселок лесорубов, привезли более 150 депортированных литовцев, а также несколько немецких, украинских, калмыцких и греческих семей. На поселковом кладбище похоронено от 30 до 50 ссыльных литовцев, их имена вырезаны на высоких надгробных крестах. В 1956 г. в центре кладбища была установлена деревянная статуя Пресвятой Девы. После снятия режима спецпоселения литовцы вернулись на родину. В 1970-е гг. поселок сгорел, но кладбище сохранилось. В 1989–1990 гг. родственники перевезли часть прахов в Литву. В 2007 г. на кладбище работала литовская молодежная экспедиция «Миссия Сибирь», а в 2010 г. обветшавшая статуя Девы Марии была заменена новой.

Местность Челан (Республика Бурятия, Хоринский р-н). В 1948–1957 гг. здесь существовал спецпоселок Барун, в котором жили депортированные литовцы. Кладбище было устроено на возвышенности рядом с поселком, хоронили по католическому обряду, на могилах ставили высокие деревянные кресты. В 1957 г., перед отъездом на родину, литовцы установили на кладбище памятный знак — ажурный крест из кованого металла на бетонном постаменте с надписью на литовском языке. В 2000 г. литовской экспедицией памятник был отреставрирован, установлена оградка и металлическая табличка с пояснительным текстом на русском языке.

Поселок Россохи (Архангельская обл., Шенкурский р-н). Возник в 1940 г. как спецпоселок, построенный ссыльными — польскими гражданами, депортированными в 1940–1941 гг. с присоединенных в 1939 г. к СССР областей Западной Украины и Западной Белоруссии: поляков, белорусов, представителей других национальностей. 1 января 1941 г. на учете состояло 680 спецпоселенцев. Умерших хоронили на склоне холма близ поселка. В 1942 г., после окончания польской ссылки и начала массового отъезда поляков, здесь был поставлен деревянный католический крест, под которым, по легенде, была закопана бутылка со списком ссыльных; позднее

крест был утрачен. В наши дни могилы ссыльных находятся на территории действующего кладбища пос. Россохи, для новых захоронений этот участок не используется. В 2009–2010 гг. по инициативе бывшего спецпоселенца Мечислава Гарбоя и при содействии Генерального консульства Республики Польша в Санкт-Петербурге, администрации Шенкурского района и жителей поселка на кладбище были проведены работы по благоустройству, установлен и открыт памятник погибшим родственникам Гарбоя, общий памятник всем полякам спецпоселка Россохи, территория кладбища обнесена оградой.

Нередко в воспоминаниях об отъезде из ссылки присутствует упоминание, что, помимо радости от предвкушения возвращения домой, бывшие ссыльные испытывали щемящую боль от того, что они оставляют свои могилы. Они не хотели быть ничем связанными с сибирской землей и мечтали при первой же возможности забрать оттуда своих покойников.

Но с течением времени конкретные могилы теряли значение для вернувшихся на родину, вытесняясь формулой: «он похоронен где-то в Сибири». В национальном сознании спецпоселенческое кладбище по сути ничем не отличалось от лагерного: для этого сознания спецпоселок — тот же лагерь, а кладбище при нем — не кладбище, а место захоронения в чужой земле. Бывшие ссыльные сохраняли имена, составляли списки умерших — но не старались фиксировать места их захоронений. Литовская, польская и т.п. память о депортациях на некоторое время стала походить на российскую память о «Большом терроре», в которой арестованный «умирал» в момент ареста.

После отъезда бывших ссыльных на родину могилы, о которых идет речь, практически не посещались до конца 1980-х гг., а сами кладбища были заброшены. В некоторых случаях «национальные» участки на поселковых и городских кладбищах ушли под новые захоронения.

Ситуация резко изменилась, когда в конце 1980-х гг. появилась реальная возможность перезахоронения. Бывшие ссыльные начали приезжать на места ссылки, эксгумировать и увозить домой останки своих близких. Важно отметить, что эти эксгумации иногда проводились в ходе «экспедиций памяти», организованных общественностью (не только Польши и Литвы, но и Эстонии, Латвии; известны несколько «экспедиций памяти» из Украины — украинцы, впрочем, больше занимались лагерными захоронениями, чем могилами ссыльных). Прибытие праха на родину также становилось общественным событием (в то время как церемонии перезахоронения оставались в основном семейным делом).

Примечательно, что при эксгумациях на местах первоначального захоронения, как правило, устанавливались памятные таблички с информацией об этом событии. Это, на наш взгляд, знак того, что места национальной ссылки и кладбища при них даже после эксгумаций перестают восприниматься как неведомая и совсем чуждая, «выморочная» земля и начинают превращаться в действующие места памяти о национальной трагедии.

Поселок Жешарт (Республика Коми, Усть-Вымский р-н). Место спецпоселения литовцев, депортированных в 1941 г. На местном кладбище сохранилась могила членов семьи Скирмантасов, умерших в 1943 г. В 1990 г.

останки Скирмантасов перевезли в Литву, о чем сообщает табличка на русском и литовском языках, установленная при эксгумации.

Асино (Томская обл.). Бывшее лагерное кладбище в микрорайоне «Воскресенка», на котором хоронили не только заключенных Томсинлага, но и спецпоселенцев. Здесь в 1990 г., при эксгумации и вывозе на родину останков спецпоселенки Анастасии Свалдениене, высланной из Литвы в 1947 г. и умершей в 1950 г., родственниками был установлен крест на месте ее могилы. Такой же крест установлен на могиле, откуда был эксгумирован прах спецпоселенок сестер Банкетайте.

Поселок Александровское (Томская обл.). В 1940–1950-е гг. в поселке размещали «национальные» спецпоселенческие контингенты: эстонцев, латышей, литовцев, немцев. Умерших хоронили на отдельном участке сельского кладбища, как правило, в индивидуальных могилах. Надгробия сохранились плохо — кресты покосились, имена на табличках не читаются. В 1991 г. останки некоторых из похороненных здесь эстонцев были эксгумированы родственниками и вывезены на родину. На месте эксгумированных могил Союзом «Memento» (общественная организация, созданная бывшими заключенными и ссыльными Эстонии) установлен памятный крест, на котором закреплены таблички с надписями на эстонском и русском языках.

Поселок Чиндат (Красноярский край, Тюхтетский р-н). На месте бывшей могилы сохранен старый деревянный крест, на котором была установлена алюминиевая табличка с надписью на литовском языке: «Вероника Малукиене вернулась в Литву 1990».

С середины 1990-х гг. возвращение праха постепенно сходит на нет, а национальные экспедиции приобретают мемориальный характер: их участники устанавливают на кладбищах своих соотечественников памятные знаки, занимаются благоустройством территории. Как правило, эти экспедиции работают в сотрудничестве с местными российскими организациями или отдельными краеведами. «Место гибели на чужбине» трансформировалось в «место национальной памяти».

Поселок Усть-Локчим (Республика Коми, Корткеросский р-н). До 1940 г. в поселке располагались колонии-поселения Пезмогского комбината и один из ОЛПов Локчимлага, затем, с 1940 г., сюда направляли на спецпоселение «национальные контингенты». На кладбище хоронили до первой половины 1950-х гг.; в начале 1980-х гг. кладбище ликвидировано, его территория отдана под жилую застройку. В 1994 г. Вильнюсским обществом бывших ссыльных и политзаключенных на месте кладбища устроена мемориальная площадка, установлен памятник. Надпись на плите на русском и литовском языках: «Здесь, на бывшем кладбище в 1940–50 гг. похоронены многие устьлокчимцы, среди них 60 ссыльных из Литвы. Имена их Ты, Господи, веши...»

Это относится и к памяти местного населения о национальной ссылке. Конечно, память о ссыльных у местных жителей никогда не исчезала, существуя в двуединой ипостаси: кладбище иноземцев, какое-то время бывших нашими соседями, и кладбище людей, за какие-то грехи или просто так, по недоразумению, сосланных в наши края. При этом национальная окраска оказалась первичной по отношению к исторической па-

мяти о терроре, которую национальная специфика кладбищ пробуждает и поддерживает. Литовские, польские, молдавские и т.п. кладбища (зачастую современные жители этих районов называют их скопом «польскими») одновременно отчетливо маркированы в сознании местного населения именно как кладбища ссыльных. Это двуединство отчетливо просматривается в памятных знаках, которые местные жители с некоторых пор устанавливают на местах захоронений «национальных контингентов» ссыльнопоселенцев. Места ссылки депортированных и в особенности их кладбища воспринимаются ими как «места памяти двойного назначения» — чужой национальной памяти и собственной исторической. Это восприятие получило новый и сильный импульс в ходе «экспедиций памяти», с которыми местные жители — не только краеведы — как правило, охотно сотрудничают.

Поселок Нюрдор-Котья (Республика Удмуртия, Вавожский р-н). Был создан в 1942 г. для торфоразработки завербованными в деревнях Вавожского района. В 1945 г. сюда было переведено 220 семей депортированных ранее в Мордовию и Чувашию немцев Поволжья. Умерших спецпоселенцев хоронили на отдельном участке поселкового кладбища. В 1970-е гг. кладбище было разрушено при земляных работах. Единственный сохранившийся могильный холмик жители поселка оградили и установили крест с мемориальной доской: «Здесь захоронены те, кому пришлось испытать на себе ужасы депортации 1940-х годов, в результате которой принудительному выселению подверглись миллионы людей разных национальностей, в том числе и немецкое население, проживающее в районах Поволжья и других областях СССР. В то трудное время они трудились плечом к плечу, преодолевая все тяготы военного времени, и стали нашими родными земляками. Они были ни в чем не виноваты. Их вина была лишь в том, что по национальности они были немцы... Простите нас и покойтесь с миром».

Село Гыда (Тюменская обл., Ямало-Ненецкий АО). В 1940-е гг. село, расположенное на Гыданском полуострове Карского моря, было местом ссылки украинцев, молдаван, немцев и представителей других национальностей. Полных данных о численности спецпереселенцев не существует; по материалам ГА РФ, только на рыбозаводе в Гыде работало 197 ссыльных. Умерших спецпоселенцев хоронили на отдельном участке сельского кладбища. В конце 1990-х гг. р. Гыда подмыла этот участок кладбища, захоронения обнажились. В 2001 г. силами сельской администрации было проведено первое перезахоронение останков спецпоселенцев в братскую могилу. Впоследствии перезахоронения проводились регулярно, раз в 3–4 года. На участке перезахоронений установлен деревянный памятный крест.

Спецпоселок Скачек (Спецпоселок № 8, Кировская обл., Верхнекамский р-н). Находился восточнее пос. Пушья, на берегу р. Кужва недалеко от впадения в нее р. Ашкашер. Был построен спецпереселенцами-крестьянами между 1932 и 1934 гг. В феврале 1940 г. был освобожден от прежнего контингента, и в нем были расселены 111 семей депортированных польских граждан (519 чел.). Позднее (видимо, вскоре после конца польской ссылки) прекратил свое существование. В наше время настоятель Свято-Никольской церкви в пос. Рудничный о. Леонид Сафронов разыскал в

тайге место, где находилось кладбище спецпоселка, установил там памятный крест и время от времени приходит туда служить панихиды.

Безусловно, и возвращение прахов, и мемориализация кладбищ были актом общественной, а не только семейной памяти. На символическом уровне это стало знаком окончательного возвращения ссыльных на родину и обеспечило переход памяти о национальных депортациях из актуальной травматической в историческую память о советском терроре.

Впрочем, так ли это на самом деле? Действительно ли на этой умиротворяющей ноте заканчивается драматическая история бытования кладбищ «национальной ссылки» в исторической памяти народов — как за рубежом, так и в самой России?

Саяногорск (Красноярский край, Республика Хакасия). Сюда, в пос. Майна (ныне входит в состав города), в августе 1950 г. были привезены от 250 до 500 украинцев из Ровенской области, обвиненных в «пособничестве УПА», и несколько семей из Прибалтики. В долине Бабик ими был выстроен одноименный спецпоселок; ссыльных использовали на лесоповале и на добыче медной руды на рудниках Енисейстроя. После снятия в 1956–1957 гг. режима спецпоселения часть бывших ссыльных осталась в Саяногорске. При поселке существовало кладбище; к настоящему времени сохранилось около 30 могил. В августе 2000 г. по инициативе саяногорского «Мемориала» недалеко от кладбища установлена скульптурная композиция «Берегиня», посвященная памяти украинских спецпоселенцев: четырехугольный крест и стоящая перед ним женская фигура; на постаменте закреплена доска с посвятельной надписью и гербом Республики Украина. Ежегодно, 28 августа, в день прибытия украинского этапа, у памятника проводились траурные церемонии. Скульптура была разрушена неизвестными вандалами в 2009 г., частично восстановлена в 2011 г., вновь подверглась осквернению, по состоянию на март 2012 г. не восстановлена. В 2014 г. ежегодные траурные церемонии 28 августа были отменены. В прессе сообщалось, что решение было принято совместно городской администрацией и саяногорским «Мемориалом», поскольку предыдущее решение — о ежегодном отмечании городом 28 августа — было «не вполне правильным». Восстановление разрушенного памятника также было признано «нецелесообразным». Однако появились и публикации, свидетельствующие, что внутри самого саяногорского «Мемориала» имели место ожесточенные дискуссии как по поводу памятника, так и по поводу отказа от отмечания даты 28 августа.

Возможно, мы еще станем свидетелями того, как историческая память о национальных депортациях обретет новое политическое звучание и актуализируется в массовом сознании, как в России, так и за ее пределами.

Часть 2

ДЕПОРТАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ

С.В. Кретинин

ИНТЕРНИРОВАНИЕ И ДЕПОРТАЦИИ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Когда речь идет о миграционных процессах периода Второй мировой войны, то в центре научного и общественного дискурса находятся депортации советских немцев и других «репрессированных народов» в сталинском СССР, массовые «изгнания» немцев из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы после 1945 г. Между тем отправной точкой вынужденных миграций стали события 1939 г., в ходе которых интернированию и переселению в глубь страны подверглись этнические немцы в Польше.

По закону, принятому польским сеймом в феврале 1937 г., на случай войны предусматривался арест и последующая депортация (интернирование) в глубь страны тех лиц, которые потенциально могли быть враждебными польскому государству. В частности, «активные представители» украинского, немецкого, белорусского, литовского и еврейского национальных меньшинств¹. В списки включались священнослужители, учителя, врачи и ветеринары, аптекари, журналисты, руководители банков, юристы, председатели кооперативов, крупные собственники и предприниматели, руководители немецких организаций и объединений всех типов. Всего 10–15 тыс. немцев. Сами списки должны были составляться на местах, в старостатах².

Об этом свидетельствует отчет Вальтера Бааске из Норденхама (Западная Пруссия), который был арестован 12 августа 1939 г. под тем предлогом, что читал «Майн Кампф» Гитлера. Бааске вспоминал в августе 1953 г., что в его области польские крестьяне еще в июне провели тайное собрание, о котором поведал своему соседу-немцу поляк по имени Ян Седчизский: «Да, дорогой сосед, у твоих ворот будет отныне находиться наш пост. Ты хороший человек и хороший сосед, но кто знает, как ты себя поведешь. Сегодня мы провели тайное собрание... Там мы решили составить списки тех немцев, которые должны быть тут же расстреляны

---

¹ Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit in Polen im September 1939 // Quellen und Darstellungen zur Geschichte Westpreussens. Muenster/Westf. Nicolaus-Copernicus-Verlag, 2012. N 35. S. 47.

² Аналогичные действия были предприняты руководством нацистской Германии, в частности, 25 августа 1939 г. аресту подверглось руководство Союза поляков в Германии. Тысячи поляков оказались заключенными в концлагеря Захсенхаузен и Бухенвальд. Граф Сераковский с супругой был застрелен германскими солдатами 1 сентября 1939 г.

в случае начала войны, и тех, которые должны быть сразу же выселены...»¹.

Аресты и интернирование польских немцев началось, таким образом, еще до начала войны, с августа 1939 г., и его объектами стали видные представители немецкой общины, настроенные прогермански. В бывшем Царстве Польском (Средней Польши) 28 августа 1939 г. аресту и интернированию подверглось руководство Немецкого народного объединения Средней Польши во главе с Людвигом Вольфом. 1 сентября 1939 г. Вольф был переведен из лодзинской тюрьмы в Варшаву, а через неделю депортирован на восток страны, в тюрьму города Минск Мазовецкий и в Брест-Литовск. 13 сентября Вольфу удалось бежать из-под стражи, а 15 сентября его подобрал авангард наступавших частей вермахта. Окружным путем, через Восточную Пруссию и Берлин, Вольф вернулся 5 октября 1939 г. в оккупированную нацистами Лодзь, где стал одним из руководителей национал-социалистической организации. Он был удостоен золотого партийного значка НСДАП и в ноябре 1939 г. произведен Гиммлером в оберштурмбанфюреры СС. Работал в Имперском комиссариате по вопросам консолидации немецкого народа. Был депутатом германского рейхстага. С 1942 г. участвовал в боевых действиях в частях СС. В 1945 г. бежал в Западную Германию, где входил в правление Землячества Вайхель-Варте².

Во второй половине августа 1939 г. польскими властями были арестованы лидеры Младонемецкой партии, стоявшей на национал-социалистических позициях: Рудольф Виснер и Макс Вамбек. Однако, благодаря вмешательству британских и французских дипломатов, оба вскоре были освобождены. Виснер сразу же бежал в Данциг, а Вамбек укрывался в лесах и 3 сентября 1939 г. примкнул к частям вермахта. В оккупированной Польше лидеры младонемцев стали членами НСДАП, вступили в СС, получили посты в управленческом аппарате Третьего рейха, принимали участие в боевых действиях. Так, Вамбек был награжден Гитлером Крестом за военные заслуги 2-й степени. После 1945 г. оказался на территории Нижней Саксонии, а затем — в Кёльне. Был активистом Землячества Вайхель-Варте³.

После завоевания Польши нацистами Виснер вернулся в свой регион, в Билиц. В 1940 г. ему присвоили звание оберфюрера СС, с июля 1940 г. Виснер — депутат рейхстага. Его былые заслуги не были приняты в расчет нацистами, да и сам он не был готов покинуть родные места ради высоких постов в Берлине. В 1945 г. Виснер бежал из Польши и до 1965 г. жил под фальшивыми именами в Граце и Гессене, где открыл архитектурное бюро⁴.

Превентивным арестам и депортациям накануне Второй мировой войны подверглись не только правые, националистически ориентированные

¹ Dokumentesammlung des Herder-Instituts Marburg (DSHI). Müller August. 100. 5. Walter Baaske. Bericht über meine Verhaftung durch die Polen... 25.08.1953. S. 1.

² Chu Winson. The German Minority in Interwar Poland. Cambridge Univ. Press: Cambridge, N.Y., Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo, Delhi, Mexico City. 2012. P. 248.

³ Von Reval bis Bukarest. Statistisch-biographisches Handbuch der Parlamentarier der deutschen Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1945. Kopenhagen, 1991. Bd 1. S. 201.

⁴ Ibid. S. 200–201.

политики и общественные деятели немецкой национальности, но и представители антифашистов. Примером тому является судьба лидера немецких социал-демократов Лодзи Эмиля Цербе, который был арестован польскими властями, но отпущен после вмешательства влиятельных польских политиков, поручившихся за него. Весь период национал-социалистического господства он жил под Лодзью, не подвергаясь преследованиям и поддерживая контакты с движением Сопротивления. После освобождения Польши в 1945 г. Цербе дважды на короткий срок подвергался арестам, но как антифашист остался на территории страны и до конца жизни работал на частном торговом предприятии в Лодзи (умер в 1954 г.)¹.

Таким образом, в августе 1939 г. имели место избирательные антинемецкие акции с целью изоляции наиболее активных политиков и общественных деятелей в Польше, представлявших угрозу в качестве потенциальной «пятой колонны». Этот процесс затронул и рядовых граждан немецкой национальности в стране и не носил массового характера. Полякам не удалось решить поставленную задачу. Более того, антинемецкие акции в августе 1939 г. вызвали нарекания со стороны западных союзников (Великобритании и Франции) и дали дополнительный импульс антипольской пропаганде со стороны нацистской Германии. Политика польских властей способствовала отчуждению местных фольксдойче и росту у них прогерманских настроений, что облегчало Гитлеру задачу завоевания Польши.

Сигналом к началу массовых арестов и депортаций польских немцев послужила Инструкция № 59, которая была приведена в действие в ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 г. Сама акция была хорошо подготовлена. Детально расписывались действия полиции и придаваемых ей отрядов добровольцев (в основном из числа допризывной молодежи). Интернируемые получали некоторое время на сбор документов и предметов первой необходимости, им рекомендовалось взять с собой продукты на три дня. Немцев доставляли в ближайший полицейский участок, откуда после проверки начиналась собственно депортация. На практике в распоряжении польских сил правопорядка не было в достаточном количестве транспортных средств. Чаще всего использовались подводы, запряженные лошадьми, или велосипеды. Имели место и трагикомичные случаи, когда, например, поляки конфисковали автомобиль интернируемого немца Курта Шленке, а его самого использовали в качестве шофера!²

Депортация осуществлялась в ночное время и пешим порядком. За время пути немцы подвергались насилию со стороны поляков, что закрепило за этими событиями название «марши смерти». Поначалу польские власти пытались не допускать расправ над интернированными немцами, однако с каждым часом неудачной для Польши военной кампании антинемецкие настроения все крепили, а антинемецкие акции становились повсеместными. Участие в них принимали и представители польских сил правопорядка.

¹ Blachetta-Madajczyk P. Klassenkampf oder Nation? Deutsche Sozialdemokratie in Polen 1918–1939. Düsseldorf, 1997. S. 289–290.

² Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit... S. 54.

Основные «марши смерти» коснулись польских немцев на западе страны, где они компактно проживали в таких регионах, как Познань и Померания. Характерным примером является история интернированных немцев из Кульма (Хелмно, Померания), в котором проживало более 1000 немцев. В числе других «марш-групп» колонна из Кульма прибыла на сборный пункт в Торн (Торунь). Здесь некоторые немцы были жестоко избиты.

Вечером 3 сентября 1939 г. колонна в количестве 500 померанских немцев двинулась из Торна в направлении Варшавы. Среди них 20 чел. были назначены ответственными за свои «землячества». 30–40 вооруженных поляков двигались вперемешку с немцами, обеспечивая порядок и наблюдая, чтобы никто не сбежал. Первую остановку колонна сделала в местечке Александрово. Здесь немцам позволили приобрести продукты питания, которые, впрочем, были конфискованы начальником колонны для конвоиров-поляков. В ночь на 5 сентября колонна двинулась дальше. Но через час пути молодые польские добровольцы (стрельцы) не совладали с нервами и расстреляли около 50 немцев-мужчин.

После этого инцидента колонна дошла до Влоцлавлека, где интернированные получили по 2–3 картофелины на человека и немного воды. Вечером 6 сентября «марш смерти» продолжился через Брест Куявский, в направлении города Хоцень. Здесь находился перевалочный лагерь. Однако в результате авиаудара германских люфтваффе этот лагерь был разрушен, и колонна померанских немцев была заперта в коровнике, навоз из которого не убирался уже много дней. В этих условиях, практически без еды и питья, немцы провели день 6 сентября¹.

Несмотря на то, что интернирование осуществлялось в вечернее и ночное время, колонна регулярно подвергалась атакам со стороны поляков, которые забрасывали немцев камнями, избивали прутьями. Нередко дело заканчивалось убийствами. В частности, трагически сложились судьбы двух бывших немецких депутатов польского парламента Ойгена Наумана и Бертольда Морица. Мориц погиб во время «марша смерти» в районе Ловиша при невыясненных обстоятельствах. Так же доподлинно неизвестны и подробности смерти Наумана, депортированного из Померании. По одной из версий, он отпустил по домам работников своего имения, желавших сопровождать его в ссылку, и когда остался один на один с польской стражей, был застрелен. По другим данным, Науман пал жертвой напавшей на него толпы поляков².

И Мориц, и Науман были пожилыми людьми, давно отошли от активной политической деятельности и были противниками национал-социализма. Однако в условиях войны мало кто из поляков считал возможным делить немцев на «хороших» и «плохих». Понятия «немец» и «нацист» стали синонимами для большинства населения Польши, а также других стран, ставших жертвами агрессии со стороны гитлеровской Германии.

¹ Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Posen-Pomerellen im September 1939. Bonn, 1990. S. 49–50.

² Von Reval bis Bukarest... Bd 1. S. 195–196, 228–229; Weigelt F. Eugen Naumann, 1874–1939 ein Nationalitätenpolitiker von europäischem Rang // Von unserem Art. Vom Leben und Wirken deutscher Menschen im Raume von Weichel und Warte. Wuppertal, 1963. S. 103–111.

Что касается колонны интернированных немцев из Померании, то вплоть до вечера 7 сентября она оставалась в Хоцене, куда прибывали депортированные немцы из других регионов. Затем они поочередно отправлялись на железнодорожную станцию Жихлин, где были посажены в товарные вагоны группами по 75 чел. Однако через два часа пути немцам вновь пришлось двигаться пешком: железнодорожное полотно было разрушено ударами германской авиации.

Только 15 сентября торнская колона прибыла в Варшаву и была размещена в крупнейшей тюрьме Павяк. Здесь немцы пробыли две недели, но когда германские войска вплотную подошли к польской столице, их неожиданно отпустили на волю и даже вернули паспорта! В ходе временного перемирия, 28 сентября 1939 г. депортированные немцы перешли линию фронта и оказались в расположении частей вермахта!¹ Этот пример показывает, что ужасы войны ожесточили далеко не всех польских руководителей, и они нередко относились к депортированным немцам с сочувствием и пониманием. Однако подобные примеры были скорее исключением из правил.

Во время «маршей смерти» с запада Польши имели место многочисленные случаи физического насилия в отношении фольксдойче, нередко заканчивавшиеся смертельным исходом. Примером такого рода может служить история интернирования немцев из Познани. Колонна около 3 тыс. чел. 8 сентября 1939 г. была этапирована в Силезию, и на следующий день поляки расправились с теми из немцев, которые были слабы физически. В частности, была расстреляна семья кузнеца Шмольке. Жертвой расправы стали сам глава семейства — инвалид с ампутированными ногами, его жена, 16-летняя дочь и полугодовалый сын. Были убиты еще один инвалид и две женщины. Выживший немец Отто Адам из Познани сообщал, что был свидетелем расстрела более чем 30 чел. Он также видел массовое место расстрела еще 42 немцев². Всего из познаньского «марша смерти» не вернулся 1451 чел.: половина депортированных!³

Среди интернированных из Познани и других западно-польских регионов было много видных общественно-политических деятелей из числа фольксдойче, предприниматели, журналисты, врачи, учителя. В частности, немецкий предприниматель, создатель немецких товариществ в Польше Фридрих Сварт, редактор и лидер социал-демократической организации Бромберга Артур Панкрац, немецкий учитель, церковный деятель, депутат польского парламента Фердинанд Ланг, журналист и социал-демократ Артур Крониг, немецкий землевладелец, один из политических лидеров немцев Познани и Померании Берндт фон Зенгер, германский политик и землевладелец, один из лидеров немцев в Познани Георг Буссе, руководитель Немецкого объединения в Познани и Померании Ганс Конерт, сенатор Эрвин Хасбах и др. Этим людям посчастливилось остаться в живых, но пережитые ими невзгоды и лишения явились, на наш взгляд,

¹ Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Posen-Pomerellen im September 1939. S. 52.

² Ibid. S. 127.

³ Ziegler A. Posen 1939–1945. Anfang und Ende einer Reichgauhauptstadt. Schönaich, 2009. S. 26.

одной из причин перехода на службу национал-социалистическому режиму.

Подтверждение тому — судьбы немецких депутатов польского сейма. На начало войны на территории Польши оставалось 24 немца, которые в разные времена занимали посты депутатов и сенаторов. Еще двое незадолго до этого покинули Польшу (Курт фон Греббе и Мориц Кербер). Из этих 24 чел. 12 были арестованы и/или интернированы польскими властями в конце августа — начале сентября 1939 г. Погибли двое (Мориц и Науман). После оккупации Польши нацистами в ряды НСДАП, СС и вермахта вступили 16 бывших депутатов польского парламента из числа этнических немцев! И лишь двое подвергались гонениям из-за своих антифашистских взглядов: Юлиан Вилль и Вильгель Шпитцер (в итоге вступил в ряды СС)¹.

Период массовых депортаций этнических немцев Польши позволяет нам привести несколько примеров, которые изменили жизнь целых семей. По воле истории в сентябре 1939 г. переплелись судьбы семейств Брейеров и Роде, сыгравших выдающуюся роль в общественно-политической и культурной жизни немцев во Второй Республике, в период оккупации Польши и послевоенные годы (уже в Западной Германии).

Выходец из старинного рода из Нижней Саксонии Альберт Брейер родился и вырос в Царстве Польском. Добровольцем вступил в польскую армию и сражался с большевиками в 1920 г. Стал учителем и проявил себя также на поприще общественно-политической деятельности в качестве исследователя истории и культуры немецкого меньшинства. Вместе с другим видным исследователем, Адольфом Айхлером, Брейер одним из первых взялся за историю немцев в Средней Польше. Его исторические и общественно-политические воззрения можно квалифицировать как умеренно-националистические. Брейер выступал в защиту немецких школ, критиковал польское руководство за национальную дискриминацию. В своих трудах, отдельные из которых были изданы только в период национал-социалистического господства в Польше, историк доказывал, что немецкие колонисты внесли важный вклад в индустриальное и культурное развитие среднепольского региона, Польши в целом². Одно время он был членом Младонемецкой партии, но идеи национал-социализма не разделял.

1 сентября 1939 г. Брейер, как офицер запаса польской армии, отбыл на сборный пункт в Кутно. Он так и не узнал, что был внесен в список лиц, подлежащих интернированию (вместе со старшим сыном Рихардом). 2 сентября Альберт Брейер был тяжело ранен во время налета люфтваффе и 11 сентября скончался в варшавском госпитале. Он был похоронен в братской могиле в Варшаве на военном кладбище вместе с другими польскими офицерами. В 1940 г. его прах был перенесен в Познань. Альберт Брейер оставил после себя богатый архив, находящийся в Познани.

По другой версии, Брейер был мобилизован в польскую армию против своей воли, во многом для того, чтобы избежать ареста и интерни-

¹ См.: Von Reval bis Bukarest. Statistisch-biographisches Handbuch der Parlamentarier der deutschen Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1945. Bd 1.

² См., напр.: Breyer A. Die deutsche Dörfer der Umgegend von Lodz // Deutsche Monatshefte in Polen. 1935. S. 185–198.

рования. Исследователь А. Каргель приводил следующие прощальные слова Брейера: «Я предпочту погибнуть от немецкой пули, нежели буду стрелять в своих братьев-немцев!»¹. После 1945 г. Рихард Брейер утверждал, что его отец добровольно пошел на фронт, повинувшись долгу польского гражданина².

Сам Рихард был интернирован наряду с другими познанскими немцами и оказался в одной «марш-группе» с Фридрихом Свартом и Артуром Роде. Суперинтендант немецкой евангелической церкви, 70-летний Артур Роде стойчески перенес 320-километровый «марш смерти» и благополучно вернулся в ставшую центром нацистского гау Познань. Он прожил почти 100 лет и скончался в 1967 г.! В живых остался и Рихард Брейер, а также его однокашник по Бреслаускому университету, будущий друг и коллега-историк Готхольд Роде³.

Как и семья Брейеров, семья Роде не избежала потерь: старший сын Артура Роде Генрих, будучи солдатом польской армии, оказался на территории СССР, где, по неподтвержденным данным, был отправлен на строительные работы на Кубань и умер при невыясненных обстоятельствах⁴.

В годы войны и послевоенное время судьбы Рихарда Брейера и Готхольда Роде оказались тесно связаны. Оба занимались историческими исследованиями в Бреслау, но были призваны в ряды германской армии. Принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте. После 1945 г. они оказались в Западной Германии, где продолжили свои исторические штудии, избрав в качестве предмета исследования историю немцев в польских землях. Приняли деятельное участие в создании таких признанных центров германского «остфоршунга», как Институт им. Гердера (Марбург) и Отделение восточноевропейских исследований университета Майнца. Сыграли видную роль в создании и деятельности Историко-краеведческой комиссии по Познани и немцам в Польше⁵.

Показательный факт: многие видные польские немцы, пережившие интернирование, «марши смерти», период нацистской оккупации, приобрели хорошие адаптационные способности, что позволило им прожить очень долгую жизнь. А. Роде, Г. Роде, Р. Брейер умерли в возрасте далеко за 70 лет.

Интернирование коснулось даже тех польских немцев, которые в первые дни войны открыто заявили о своей лояльности. Характерный случай произошел с Готхольдом Штарке, главным редактором бромбергской газеты «Дойче Рундшау». 2 сентября 1939 г. он опубликовал комментарий к обращению Президента Польской республики к гражданам, в котором

¹ Kargel A. Albert Breyer // *Deutschum im Aufbruch. Vom Volkstumskampf der Deutschen im östlichen Warteland* / Hrsg. Von A. Kargel u. E. Kneifel. Leipzig, 1942. S. 296.

² Breyer R. Albert Breyer // *Ostdeutsche Gedenktage* 1989. S. 10–11.

³ Готхольд Роде накануне Второй мировой войны находился на территории Германии, в Бреслау, где был научным сотрудником Восточно-Европейского Института. — См.: Eckert E. *Zwischen Ostforschung und Osteuropahistorie. Zur Biographie des Historikers Gotthold Rhode (1916–1990): Einzelveröffentlichungen des Deutschen Historisches Institut Warschau*. Bd 27. Osnabrück, 2012. S. 128–129.

⁴ Rhode A. *Erinnerungen an die Kriegszeit in der Provinz Posen 1914–1920*. Herne, 2003. S. 19.

⁵ Eckert E. *Zwischen Ostforschung und Osteuropahistorie*. S. 148–150.

подчеркивал, что польские немцы, как «верные сыны своей родины», должны встать на ее защиту вместе с поляками. Спустя несколько часов после публикации Штарке был арестован и отправлен в числе прочих интернированных немцев на восток страны, о чем оставил воспоминания под характерным заголовком: «9 дней лишений, страданий и смерти»¹. После оккупации Польши Штарке был призван нацистами на службу в аппарат Министерства иностранных дел и до 1941 г. работал в посольстве в Москве. Затем возглавлял Восточноевропейский отдел в Берлине. В 1945–1955 гг. находился в плену, в 1955 г. вернулся на работу в Министерство иностранных дел теперь уже ФРГ, где проработал до 1962 г. советником по Восточной Европе.

Основным центром размещения интернированных немцев должен был стать концентрационный лагерь Береза Картузская под Брестом Литовским, созданный режимом санации еще в начале 1930-х гг. для политических заключенных². Положение в этом лагере было ужасающим. Интернированные практически не получали еды и медицинской помощи. Об этом свидетельствуют воспоминания фольксдойче из восточных регионов Польши.

Этнические немцы из Волыни и Галиции были интернированы еще в конце августа 1939 г.: поодиночке и небольшими группами на автомобилях они доставлялись в близлежащие города, а оттуда — пешим ходом в луцкую тюрьму. 3 сентября интернированных автобусами и поездами отправили в Березу Картузскую. В их числе был и пастор Гуго Карл Шмидт, который вначале был интернирован в Ровно, где какое-то время был заперт в пустом спортивном зале. Затем вместе с другими немцами и украинцами он оказался в Березе Картузской, где, по его подсчетам, находилось около 2 тыс. уголовников и около 8 тыс. политических заключенных³.

В ночь на 18 сентября 1939 г. перед наступающей Красной армией охранники и персонал покинули концлагерь. Освободившиеся немцы разбились на две группы: для Восточной и Западной Галиции. Первую возглавил Зепп Мюллер, вторую — пастор Рудольф Валлошке. Они попытались пешком вернуться назад, к местам проживания в Западной Украине, которые переходили под юрисдикцию СССР. Германские оккупационные власти переместили бывших узников в Восточную Пруссию, откуда они сами выбрали дальнейшее место пребывания. З. Мюллер перебрался к

---

¹ См.: *Starke G. Neun Tage Misshandlungen, Qual und Tod // Auf der Strassen des Todes. Leidensweg der Volksdeutschen in Polen. Leipzig, 1940. S. 61–70.* Показательную лояльность национал-социалистическому режиму демонстрировали и поляки, объединенные в Союз поляков в Германии, издававшие речи Гитлера накануне войны. — См., напр.: *Hitler A. Reden. Zur Eingabe der polnischen Volksgruppe im Deutschen Reich. Bund der Polen in Deutschland. [1937].*

² См.: *Śleszyński W. Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej: 1934–1939. Białystok, 2003.* В секретном сообщении польских правых политиков о положении в концентрационном лагере Береза Картузская положение узников характеризовалось как плачевное. «Большим предписывается диета, и узники, с утра отправляющиеся на принудительные работы, получают обед только в 5 часов вечера». Сравнивалась сибирская «каторга» и этот лагерь. *Bundesarchiv (Berlin). NS 43/31/ Fol. 1 Bl. 348–349.*

³ *Döring S. Die Umsiedlung der Wolhynien deutschen in den Jahren 1939 bis 1940. Frankfurt am Main, 2001. S. 39.*

родственникам в Верхнюю Силезию, откуда в 1939 г. был призван в Берлин, для работы в переселенческой комиссии¹.

Перед наступающими советскими войсками вместе со своей польской стражей бежал бывший сенатор Э. Хасбах, арестованный 1 сентября 1939 г. и этапированный в Волынь (Ровно). В ноябре 1939 г. Хасбах получил от Гитлера золотой значок НСДАП, но активного участия в деятельности нацистского аппарата управления Вартеландом не принимал. В 1940–1944 гг. отошел от серьезной политической деятельности и управлял своим поместьем. В начале 1945 г. бежал в Меклендорф, где имел небольшое земельное владение. В 1947 г. переселился в Берлин, а затем в Вюртемберг. До 1956 г. был земельным председателем Западно-пруссского землячества в Баден-Вюртемберге².

Нужно отметить, что не все немецкие «марш-группы» достигли Березы Картузской. Наступавшие части вермахта фактически сорвали депортацию немцев из Верхней Силезии. 16 сентября 1939 г. под Сточеком германские войска «отбили» колонну из 600 лодзинских немцев.

Таким образом, массовое интернирование и депортации на восток Польши затронули все основные немецкие этнические группы и регионы. Общее число принудительно перемещенных польских немцев составило 10–12 тыс. чел. Депортации, как правило, осуществлялись пешим ходом, организованными «марш-группами», в темное время суток. Этот факт предопределил значительное количество смертей среди интернированных немцев, что было вызвано как тяготами и лишениями многокилометровых пеших маршей и отсутствием должных питания и медицинской помощи, так и репрессивными действиями польских конвоиров и местного населения.

Поляки видели в своих согражданах немецкой национальности диверсантов, представителей пятой колонны нацистской Германии. В первые дни войны в западно-польских городах произошло несколько массовых расправ над этническими немцами.

1 сентября 1939 г. в городе Лисса (Лешно) под Познанью неизвестными лицами были обстреляны польские солдаты. Подозрение пало на местных фольксдойче, из числа которых польскими властями были отобраны 20 заложников. Их планировали депортировать в Березу Картузскую, но в итоге расстреляли на месте. Об этих событиях свидетельствует одна из выживших — Анна Кранц. Она вспоминала, что 1 сентября 1939 г. польские солдаты явились к ним домой и потребовали покинуть дом. «Когда мы вышли во двор, то увидели там солдат и вооруженных гражданских. Нам приказали построиться в шеренгу и приготовились расстрелять. Солдаты вскинули ружья. Я успела бросить взгляд на прекрасное голубое осеннее небо. Тут появился офицер, и приказал “не стрелять!” Солдаты опустили оружие. ...Нас стали избивать прикладами, и мы упали на землю. Вильгельм Венер стоял возле столба для сушки белья, бледный как смерть и весь покрытый испариной. Я услышала щелчок и увидела, как Венер рухнул как подкошенный и больше не шевелится. 88-летняя мать теребила его за плечо, но он не реагировал. Мои ноги были черными от облепивших их насекомых, которых привлекла

¹ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Galizien. Berlin, 1999. S. 191.

² Von Reval bis Bukarest. Bd 1. S. 216–217.

кровь. Между тем во дворе появилось несколько человек, которые выкрикивали в наш адрес оскорбления и бросали камни. К счастью, мы не понимали этих обидных слов... Позже надо мной наклонился один из солдат, приоткрыл мои глаза и сказал: "Она еще жива!" и ударил меня солдатским ботинком по голове...»¹.

После занятия Лиссы частями вермахта германские власти расстреляли в ответ 20 польских заложников, невзирая на протесты местного немецкого священника Мартина Руца².

Жертвами антинемецкого психоза становились фольксдойче не только на западе Польши, но и в других регионах. Показательна в этом плане трагедия немцев из галицийского городка Ной Зандеца (Новы-Сонч), которых обвинили в шпионаже. Среди арестованных была школьная учительница, две гимназистки, студенты. 10 человек в итоге пали жертвами самосуда, в том числе одна гимназистка и учительница, которую поляки забили до смерти³.

Наиболее известной и резонансной из числа антинемецких акций начального периода Второй мировой войны явилось Кровавое воскресенье в Бромберге (Быдгощи), жертвами которого стали мирные этнические немцы, преимущественно женщины, дети и старики, проживавшие в этом западнопольском городе.

Основанный в 1346 г., Бромберг был наряду с Познанью и Торунью одним из крупнейших западнопольских городов, в котором немцы составляли значительную часть населения. После разделов Речи Посполитой город отошел Пруссии (Германии). До 1914 г. подавляющее большинство его населения составляли немцы (77,4 %). Однако после того как в 1920 г. город вошел в состав Польской республики и стал называться Быдгощ, удельный вес немецкого населения резко снизился: с 27 % в начале 1920-х гг. до 6,4 % по данным на 1939 г. К началу Второй мировой войны в городе проживало 7–8 тыс. немцев.

Бромберг являлся крупным центром машиностроения и деревообработки и занимал стратегически важное положение у начало канала, соединявшего реки Висла и Одер. 1 сентября люфтваффе нанесли бомбовый удар по портовым сооружениям города. До польско-германской границы было достаточно близко, и уже к вечеру 2 сентября войска вермахта стояли в 10–15 км от Бромберга. Основные польские войска армии «Поморье» находились севернее города. В самом Бромберге фактически стоял один 82-й батальон и части резервистов, т.е. сил для обороны города у поляков практически не было. Ситуация усугублялась неразберихой, которую вносили следовавшие через город беженцы и отступающие солдаты польской армии. К тому же к югу от Бромберга была замечена группа вооруженных местных фольксдойче, хотя к утру 3 сентября из города были депортированы активисты немецкой общины в количестве 200 чел.⁴

В этой ситуации утром 3 сентября группа горожан обратилась в городской совет с просьбой организовать для защиты и обороны Бромберга

¹ DSHI. Müller August. 100. 5. Anna Krantz. Bericht über ersten Septembertage 1939. S. 1–2.

² Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit in Polen im September 1939. S. 75.

³ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Galizien. S. 186.

⁴ Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit in Polen im September 1939. S. 86.

гражданскую гвардию. Городской староста, который не располагал ни оружием, ни достаточными в условиях военного времени полномочиями, отослал депутацию к командиру батальона майору Славинскому. Однако последний также не смог помочь горожанам, так как свободного оружия у него не было¹.

Как уже было отмечено выше, Бромберг представлял собой важный опорный пункт в междуречье Вислы, Нотець и Варты. Дело в том, что отступавшие перед танками Гудериана части польской армии «Поморье» могли воспользоваться только переправой через реку Брда в Бромберге: мосты через Варту были уже уничтожены. Это привело к скоплению в городе отступавших польских солдат, которые были дезорганизованы и раздражены.

Теплым, солнечным воскресным утром на Данцигской улице раздались первые выстрелы. Поводом послужили слухи о том, что в город уже вошли германские передовые части при поддержке местных немцев. В Бромберге в это время было оживленно: помимо польских солдат и беженцев с утренней службы возвращались прихожане. С первыми выстрелами началась паника.

Польские солдаты открыли беспорядочный огонь, часто вступая в перестрелки со своими же товарищами. Гражданское население бросилось врассыпную, ища укрытия у подъездов домов и в подворотнях. Поползли слухи о том, что в городе уже видели немецкие танки, о предательстве местных немцев. Раздавались призывы к мести...

Польское военное руководство не смогло взять ситуацию под контроль. Разрозненные отряды польских солдат, резервистов и всех, кто сумел раздобыть оружие, разбрелись по городским улицам, открывая огонь по крышам, чердакам, верхним этажам зданий — по всем местам, откуда велась (или могла вестись) стрельба. Жертвами антинемецкой истерии стали преимущественно мирные граждане немецкой национальности. Их численность с тех пор является предметом научных и политических споров и дискуссий.

Впервые о «Бромбергском кровавом воскресеньи» публично информировал печатный орган «Дойче Рундschau», в котором приводились завышенные данные о числе жертв². Германские власти в сентябре — октябре 1939 г. по горячим следам провели расследование не только бромбергских событий, но и антинемецких акций во всей Польше и пришли к выводу, что общая численность погибших фольксдойче составила 5800 чел.³ Однако для достижения большего пропагандистского эффекта Й. Геббельс распорядился десятикратно увеличить это число, и официально было объявлено о 58 тыс. трупов среди этнических немцев.

После окончания Второй мировой войны историки неоднократно предпринимали попытки сделать беспристрастные расчеты количества по-

¹ Schubert G. Das Unternehmen «Bromberger Blutsonntag»: Tod einer Legende. Köln, 1989. S. 9.

² Deutsche Rundschau. 8.09.1939.

³ Die polnischen Gräueltaten an den Volksdeutschen in Polen. Berlin, 1940; Rhode I. Leid, Weh und Mord von Bromberg bis Stanislau. Essen, 1939; Hepke M. Der Bromberger Blutsonntag. Die letzte Station eines zwanzigjährigen Leidensweges // Auf der Straßen des Todes. Leidensweg der Volksdeutschen in Polen. Leipzig, 1940. S. 5–46.

гибших фольксдойче. Так, германский исследователь Гюнтер Шуберт насчитал в Бромберге всего 103 могилы жертв 3 сентября 1939 г. Но при этом признал, что это дает лишь приблизительное представление об истинном числе жертв¹.

Другой германский историк, Отто Хайке, который назвал польских немцев «первыми жертвами Второй мировой войны», пришел к выводу о том, что в самом Бромберге погибло 366 немцев. Еще 457 жертв было обнаружено им в окрестностях города, и 68 чел. числилось пропавшими без вести. Таким образом, общее число жертв Бромбергского кровавого воскресенья составило, по Хайке, 891 чел. Что касается общего числа немцев, лишившихся жизни в сентябрьские дни 1939 г., то после 1945 г. польская сторона передала правительству ФРГ данные на 5792 чел., из которых установленными считались 3315 смертных случаев, 1796 чел. числились пропавшими без вести, и плюс к этому 564 чел., оказавшихся на территории СССР. В 27 случаях было отмечено, что об указанных персонах не удалось получить сведений. Не оспаривая этих данных, Хайке приводит собственные выкладки, из которых следует, что общее число погибших и пропавших в первые дни войны немцев было 5292. При этом большинство пострадавших автор находит в Познани и Поморье — 3231².

Еще один исследователь, Август Мюллер, после тщательного анализа документов, касающихся событий сентября 1939 г. в Польше, пришел в январе 1973 г. к заключению, что «точное число реальных жертв событий сентября 1939 г. в Польше в настоящее время установить невозможно»³. В целом изначальные цифры в 5800 погибших фольксдойче в Польше в сентябре 1939 г. адекватно отражают размах антинемецких репрессий. Тем не менее до сих пор не утихают споры об их достоверности, которые усугубляются вопросом о степени вины польских фольксдойче в подготовке и осуществлении агрессии нацистской Германии.

После 1945 г. в польской историографии утвердилась точка зрения о том, что главной причиной антинемецких репрессий в сентябре 1939 г. стала деятельность «пятой колонны» нацистов из числа местных фольксдойче (в первую очередь в Бромберге). Насильственные действия польских военных и граждан в отношении немцев трактовались как ответная реакция на провокации, а число жертв в 5800 чел. признавалось завышенным⁴.

¹ Schubert G. Das Unternehmen «Bromberger Blutsonntag»... S. 153.

² Heike O. Die deutsche Minderheit in Polen bis 1939: Ihr Leben und Wirken kulturell, gesellschaftlich, politisch; eine historisch-dokumentarische Analyse. Leverkusen: Selbstverl. des Verf., 1985. S. 443–445.

³ DSHI. Müller August. 100. 4. Bericht über die bisher geleistete Forschungsarbeit an der «Dokumentation September 1939». 12.01.1973. S. 3.

⁴ В польской историографии число жертв среди этнических немцев определяется в количестве 3841. Сходной точки зрения придерживается и американский историк В. Чу, который полагает, что события «кровавого воскресенья» в Бромберге и прочие антинемецкие акции первых дней войны были использованы национал-социалистической пропагандой для еще большего разжигания антипольских настроений, а данные о жертвах среди этнических немцев были многократно преувеличены. — Chu Winson. The German Minority in Interwar Poland. P. 249. См. также: Пятая колонна в Польше / Ред. А. Лесьневски. Познань; Варшава, 1960; Cygański M. Hitlerowska V kolumna w województwie śląskim i krakowskim w 1939 roku. Opole, 1972; Mazur G. Niemiecka «piąta kolumna» we Lwowie 1938–1939 // Zeszyty

В германской историографии доминирует точка зрения о том, что «резня в Бромберге» и другие антинемецкие акции были делом рук дезорганизованных солдат армии «Поморье» и неуправляемых групп польского гражданского населения. Сами же акции носили стихийный характер¹.

Иной точки зрения придерживается ряд авторов, в частности Г. Шуберт, который пришел к выводу о том, что «выстрелы в Бромберге были произведены из тыла, а именно — с немецкой стороны»². Он полагает, что инициаторами бойни в городе были группы немецких диверсантов, которые при поддержке местных фольксдойче заняли позиции на верхних этажах, чердаках, в подвалах зданий, и оттуда утром 3 сентября открыли огонь по польским солдатам и беженцам.

Существующие документальные свидетельства достаточно убедительно доказывают, что накануне нападения на Польшу и в первые дни войны гитлеровские спецслужбы организовали в рамках «акции Танненберг» множество диверсионных групп, которые опирались на агентуру из местных немцев (а частично и состояли из них). Целью этих «Айнзатцгруппен» была в том числе и организация диверсий. В этом плане их проникновение в такой важный стратегический пункт, как Бромберг, вполне объяснимо. При этом следует учесть тот факт, что с началом войны многие бромбергские немцы были выселены из города. Естественно, что без знания местности и без помощи местных немцев гитлеровским агентам было бы нелегко находить удобные места для атак, аналогичной бромбергской. В пользу версии о германской провокации свидетельствуют факты о том, что беспорядки вспыхнули лишь в отдельных районах города, преимущественно в северных кварталах.

Польские историки приводят большое количество примеров деятельности диверсионных групп в районе Бромберга. Как правило, это рапорты и доклады офицеров, принимавших непосредственное участие в боевых столкновениях. Усомниться в их достоверности нет поводов, однако при внимательном анализе их содержания возникает ряд вопросов. Например, гауптман К. Боббе докладывал о том, что 3 сентября 1939 г. его часть двигалась с запада на восток в районе Бромберга, где была обстреляна укрывшимися в здании школы диверсантами. Они быстро отступили, а на месте их дислокации, в школьном подвале, гауптман обнаружил записку по-польски: «Прошу прощения, что я приветствовал вас огнем,

---

Historyczne. 2004. T. 526; Chinciński T. Niemiecka dywersja w Polsce w 1939 r. w Świelcie dokumentów policyjnych i wojskowych II Rzeczypospolitej oraz służb specjalnych III Rzeczy, część (sierpień–wrzesień 1939 r.) // Pamięć i sprawiedliwość: Pismo instytutu pamięci narodowej. 2006. 1 (9).

¹ См., напр.: Vormann von N. Der Feldzug 1939 in Polen. Weissenburg, 1958. S. 45; Breyer R. Die deutsche Volksgruppe in Polen und der Kriegsausbruch 1939 // Westpreußen Jahrbuch. Bd 19. Münster, 1969. S. 5–13; Ders. Die Septemberereignisse 1939 in polnischer Sicht // Jahrbuch Weichsel-Warthe. 1969. S. 28–34; Die Verschleppung der Deutschen aus Posen und Pommerellen im September 1939. Eine Dokumentation. Berlin; Bonn, 1990; Rhode G. Deutsche und Polen von der Reichsgründung bis zum Warschauer Vertrag // Osteuropa und die Deutschen: Vorträge zum 75. Jubiläum der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde. Berlin, 1990.

² Schubert G. Das Unternehmen «Bromberger Blutsonntag»... S. 151. См. также: Jastrzębski W. Der Bromberger-Blutsonntag. Legende und Wirklichkeit. Poznań, 1990; Urban T. Deutsche in Polen: Geschichte und Gegenwart einer Minderheit. Muenchen, 1993. S. 41–43.

но этим я выполняю долг перед родиной»¹. Польский офицер не располагал временем для поиска диверсантов и продолжил свой путь. При этом он отмечал, что вдоль дороги ему встречались говорившие по-польски мужчины с нарукавными повязками и в фуражках железнодорожников, которых он идентифицировал как заградительные отряды. Одного диверсанта гауптман обнаружил в лице передвигавшегося на велосипеде немца, которого передал пехотной части.

Подобные реляции дают основания критикам версии антипольского восстания в Бромберге утверждать, что именно польские партизаны участвовали в диверсионных акциях. Одним из главных представителей данной точки зрения является В. Ястшембский, который издал в 1990 г. в Познани книгу «Кровавое воскресенье 1939 года в Бромберге: Легенда и действительность». В ней польский историк рассматривал события 3 сентября как ответную акцию польских военных на немецкую диверсию в городе, но при этом признавал недостаточность источников для окончательного вывода о сущности самой диверсии и роли в ней местных фольксдойче². Эта работа Ястшембского считалась с тех пор классикой историографии «кровавого воскресенья», причем не только в Польше, но и в Германии. Тем не менее в начале XXI в. этот польский историк кардинально поменял свою позицию. Ястшембский отстаивает точку зрения о том, что данные об особой операции германских спецслужб в Бромберге при поддержке местных фольксдойче являются не более чем мифом. Согласно предпринятым польским историком архивным изысканиям отсутствуют сколько-нибудь достоверные данные об «операции “Кровавое воскресенье”», якобы организованной германской стороной. Более того, автор приводит сенсационные данные о том, что именно польские силы безопасности и стали инициаторами «резни в Бромберге».

В качестве доказательства своей правоты профессор Ястшембский приводит дневниковые записи начальника штаба 62-й польской пехотной дивизии майора Болеслава Рассальского, которые тот вел в лагере для военнопленных в Пренцлау. Этот дневник передал автору книги сын майора Рассальского в 2007 г., и до этого был не востребован исследователями³. Согласно записям Рассальского, еще накануне войны он получил распоряжение о проведении «зачистки» прифронтовой полосы в районе Бромберга от фольксдойче, чтобы предотвратить со стороны последних диверсии и теракты. Исполнение этой задачи было возложено на партизанские отряды, в состав которых входили как кадровые польские военные, так и не подлежащие призыву цивилисты.

Таким образом, именно польские партизаны и были, по мнению Ястшембского, инициаторами истребления немецкого гражданского населения в Бромберге. «Из анализа акций по зачистке прифронтовой зоны от местных фольксдойче в начале сентября 1939 г. в Бромберге и его окрестностях ясно следует, что в них принимали участие не одни только мародеры, дезертиры и искавшие приключений юноши, но также дисципли-

¹ Bydgoszcz 3–4 września 1939: Studia i dokumenty / Red. nauk. T. Chinciński, P. Machcewicz. Warszawa: Inst. Pam. Narod., 2008. S. 241–243.

² Jastrzębski W. Der Bromberger-Blutsonntag. Legende und Wirklichkeit. Poznań, 1990. S. 101.

³ Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit... S. 100–101.

нированные солдаты польской регулярной армии»¹, — делает вывод польский историк. Жертвами этой акции пали невинные женщины, дети и старики из числа фольксдойче, которые не планировали никаких диверсий и антипольских акций.

Выводы Ястшембского произвели в Польше эффект разорвавшейся бомбы и вызвали волну критики, в частности со стороны сотрудников Института Национальной Памяти Польши Т. Хинциньского и П. Махцевица, которые в конце 2008 г. опубликовали сборник документов и материалов, посвященных событиям 3–4 сентября 1939 г. в Бромберге. В частности, они упрекают Ястшембского в избирательном подходе к источникам, что делает его выводы недостаточно аргументированными². Ястшембский пишет, что все документы, относившиеся к операциям польских иррегулярных формирований против фольксдойче были засекречены и практически сразу уничтожены их инициаторами, а приказы в большинстве случаев отдавались устно. Данная точка зрения подтверждается, например, отсутствием документов о нахождении интернированных немцев (а также украинцев, белорусов, литовцев) в концентрационном лагере Береза Картузская в сентябре 1939 г. Лагерное руководство либо не вело документации в это период, либо полностью ее уничтожило. Это, кстати, не позволяет историкам привести точное количество депортированных фольксдойче, находившихся в этом лагере на тот момент, когда его охрана бежала.

Несмотря на размах массовых депортаций и репрессии в отношении польских фольксдойче, значительная часть из них оставалась лояльными гражданами Польши. 15–20 тыс. этнических немцев приняло участие в войне на польской стороне. Накануне войны число немцев в польской армии составляло 0,8–0,9 %, и еще 0,3 % числились в запасе. 1 сентября 1939 г. перед этими солдатами встала дилемма: остаться верным присяге и воинскому долгу или встать на сторону исторической родины? В начале 1939 г., во время польской «малой мобилизации», многие фольксдойче из приграничных районов бежали от призыва в Германию. Более того, под влиянием агитации национал-социалистов и младонемцев они вступили во фрайкоры, которые затем участвовали в войне на стороне Германии. Например, в Верхней Силезии из фольксдойче был создан фрайкор Эббинхаус в количестве 500 бойцов³. 2628 чел. дезертировало из Познаньского воеводства и 5506 — из Верхней Силезии, итого — 8134 немца. При этом неучтенными являются фольксдойче, уклонившиеся от призыва в центральных польских областях, а также в районах Волыни.

Массы польских немцев, особенно из восточных регионов страны, оставались верными присяге. Например, только в Познань после войны не вернулось 1057 солдат-немцев. Все они погибли или пропали без вести. При этом имели место случаи, когда польские солдаты расправлялись в казармах со своими сослуживцами-немцами.

Среди польских фольксдойче были также и такие, которые предпочли скрыть свое немецкое происхождение даже в советском плену, в том числе в печально знаменитом лагере в Катыни. Здесь, по подсчетам В. Яст-

¹ Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit... S. 174.

² Bydgoszcz 3–4 września 1939: Studia i dokumenty. S. 886.

³ Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit... S. 33.

шембского, погибло 108 этнических немцев, а всего в советских лагерях оказалось не менее 1200 польских офицеров немецкого происхождения¹.

Немало польских немцев не только сохраняли лояльность Польскому государству, но после его оккупации оставались активными антифашистами. Социал-демократ Эмиль Цербе, левые социалисты, а позднее — коммунисты Вильгельм и Йозеф Дильнеры, Артур Линке, Генрих Шайблер оставались на польской территории, принимая участие в движении Сопротивления. Небольшая группа немецких социалистов из лодзинской организации (Оскар и Альфред Зайдлеры, Отто Абель и Вильгельм Цинзер) в сентябре 1939 г. попала в застенки гестапо. Двое последних были вскоре отпущены (позднее Цинзер был вновь схвачен, и, несмотря на членство в национал-социалистической организации, приговорен к смерти и расстрелян в декабре 1943 г.). О. Зайдлер умер в 1941 г. в концлагере от сердечного приступа².

Таким образом, массовые депортации и репрессии против этнических немцев в Польше накануне и в начале Второй мировой войны носили характер превентивных, предупредительных мер, разработанных польским руководством на случай войны с нацистской Германией. Антинемецкие акции, в том числе убийство ни в чем не повинных немцев и уничтожение их имущества, носили не спонтанный характер, а явились следствием проводимой польским руководством планомерной пропаганды, направленной против собственных граждан польской национальности. Это был первый акт в большой драме периода Второй мировой войны, приведшей к массовым депортациям, изгнаниям, уничтожению лиц немецкой национальности на территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

В.Ю. Башкуев

ТРАНСПОРТИРОВКА И РАССЕЛЕНИЕ ЛИТОВСКОГО СПЕЦКОНТИНГЕНТА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР ЛЕТОМ 1948 ГОДА

В изученном нами массиве архивных источников по истории литовского спецконтингента в Бурят-Монголии пласт документов, раскрывающих особенности первых нескольких месяцев ссылки, относительно невелик. Однако его информативная роль в общем контексте значительна. Именно эти источники рассказывают нам о процессе подготовки к принятию большого количества выселенцев, начавшемся на местах за несколько месяцев до самой операции «Весна» (22 мая 1948 г.). Кроме того, в архивных фондах МВД Республики Бурятия сохранились подробные отчеты начальников эшелонов, осуществлявших транспортировку депортированных литовцев в Бурят-Монгольскую АССР. Они дают не только точные маршруты эшелонов, но и детальное описание особенностей транспорти-

¹ Jastrzębski W. Die deutsche Minderheit... S. 42.

² Heike O. Die deutsche Arbeiterbewegung in Polen 1835–1945. Dortmund: Ostdeutsche Forschungsstelle, 1969. S. 118–120; Blachetta-Madajczyk P. Klassenkampf der Nation? S. 262–263.

ровки большого количества людей почти через всю территорию СССР. Приложениями к отчетам начальников эшелонов являются списки депортированных с указанием имен, фамилий, места выселения и социального статуса. Документы треста «Бурмонголлес», основного «бенефициара» литовской ссылки в БМАССР, отражают особенности расселения спецконтингента, а отчеты и докладные записки инспектирующих ведомств, главным образом Отдела спецпоселений МВД БМАССР, позволяют понять, в каких условиях оказались спецпоселенцы в первые недели ссылки.

В данной работе основное внимание будет уделено событиям первых двух месяцев спецпоселения: с момента депортации до расселения литовских высленцев в Заиграевском аймаке Бурят-Монголии и первых недель, проведенных в спецпоселках. В этот короткий период произошли события, кардинальным образом изменившие всю дальнейшую жизнь людей, надолго определившие их положение в советской системе, сломившие и погубившие многих, но вместе с тем выявившие самые сильные человеческие стороны и черты национального характера у выживших литовцев. В статье, на основе архивных материалов МВД Республики Бурятия и Государственного архива Республики Бурятия, а также устных свидетельств бывших спецпоселенцев, будет описан процесс депортации и транспортировки литовского спецконтингента из ЛССР в БМАССР, особенности расселения литовцев в автономной республике и пространство жизнеобеспечения спецпоселков.

На пути в ссылку: операция «Весна» 22 мая 1948 г. и ее последствия

Насильственное переселение части литовского народа в Сибирь и другие отдаленные регионы СССР осуществлялось волнами с 1941 по 1953 г. В основе решений о массовом выселении формально лежали соображения государственной безопасности — в недавно аннексированной Прибалтике не утихала партизанская война против советской власти. Однако инструкции о подготовке к приему больших спецконтингентов, рассылавшиеся по министерствам и ведомствам союзных и автономных республик задолго до начала депортационной операции, не оставляют сомнений и в том, что долговременной целью депортаций было экономическое использование спецпереселенцев в регионах, остро нуждавшихся в дополнительной рабочей силе. Одним из таких регионов была Бурят-Монгольская АССР.

8–10 июня 1948 г. на станции Новоильинск, Илька, Онохой и Челутай Заиграевского аймака Бурят-Монгольской АССР один за другим прибыли эшелоны со спецпоселенцами из Литовской ССР. Эти люди, высленные как «пособники бандитов и националистов» из Паневежиского, Плунгенского, Пасвальского и Шауляйского уездов ЛССР, направлялись на предприятия местного лесопромышленного треста «Бурмонголлес». Так началась более чем десятилетняя история спецпоселения литовцев в Бурят-Монголии, объединившая два географически и культурно дистантных региона в контексте репрессивной политики сталинского режима.

Депортация из Литвы в мае 1948 г. была крупнейшей акцией подобного рода за всю историю советизации Прибалтики. В течение одних

суток — с 22 по 23 мая 1948 г. — войска МВД–МГБ СССР выселили из мест постоянного проживания 11 345 литовских семей, или 39 766 чел.¹ Операция под кодовым названием «Весна» была санкционирована указами Совета министров Союза ССР, ЦК ЛКП(б) от 21 февраля и Совета министров Литовской ССР от 18 мая 1948 г.² Направлялась она против еще сохранявших относительную экономическую независимость литовских крестьян, многие из которых имели связи с националистическим подпольем. Выявленные или мнимые «бандпособники» выселялись со всеми домочадцами, включая грудных детей и стариков³.

Как и предыдущие депортации, операция «Весна» тщательно разрабатывалась заранее. В ней было задействовано более 23 тыс. чел., из которых 2 тыс. составляли советские и партийные работники, специально откомандированные ЦК ЛКП(б)⁴. К этому времени МВД и МГБ Литовской ССР накопили достаточный опыт по проведению подобных акций. По отработанной схеме, оперативными работниками МВД–МГБ ЛССР и советскими органами заранее составлялись списки лиц, подлежащих депортации.

В городах Вильнюс и Каунас операция началась в полночь, в уездах в 4 часа утра. В дома подлежащих депортации людей приходили представители местных органов власти в сопровождении вооруженных сотрудников МВД и объявляли решение о выселении на основании вышеупомянутых указов. Как правило, людям давалось некоторое время на сбор и упаковку самых необходимых вещей. Затем они доставлялись на близлежащую железнодорожную станцию и грузились в глухие товарные вагоны. Погрузка проводилась в 46 пунктах по всей Литовской ССР⁵.

Операция «Весна» была проведена четко и без сбоев. Сказался наработанный войсками МВД–МГБ опыт депортаций целых народов в 1943–1944 гг., а также фактор неожиданности. Поднятые с постелей люди были очень напуганы и подавлены. Бывший спецпоселенец П.Ю. Свилис, несмотря на свой малый возраст, хорошо запомнил утро 22 мая 1948 г. Он рассказывал, как вооруженные люди, пришедшие за ними, поставили братьев лицом к стене, велели отцу запрягать подводу, а женщинам — собирать самое необходимое. На сборы давался всего один час, после чего семья была вывезена в пункт погрузки⁶.

В мае 1948 г. все литовские выселенцы направлялись на спецпоселение в Сибирь. По данным В. Кашаускиене, 23 734 чел. были выселены в Красноярский край, 11 644 — в Иркутскую область, а 4014 чел. — в Бурят-Монгольскую АССР⁷. Некоторые семьи все-таки сумели скрыться. Однако

¹ Справка-расчет по делу «Весна» // Красноярское отделение общества «Мемориал». URL: <http://www.memorial.krsk.ru> (дата обращения 10.02.2014).

² Kašauskiene V. Deportations from Lithuania Under Stalin. 1940–1953 // Lithuanian Historical Studies. 1998. № 3. P. 78.

³ Согласно Справке-расчету по делу «Весна», в ходе операции было выселено 8385 семей кулаков, 2388 семей середняков, 256 семей бедняков и 316 «семей прочих» (Красноярское отделение общества «Мемориал»).

⁴ Kašauskiene V. Deportations from Lithuania Under Stalin. 1940–1953. P. 78.

⁵ Там же.

⁶ Воспоминания бывшего спецпоселенца П.Ю. Свилиса. Текст интервью от 16 марта 2005 г. находится в архиве автора.

⁷ Kašauskiene V. Deportations from Lithuania Under Stalin. 1940–1953. P. 78–79.

уже в июне 1948 г. отдел «А» МГБ ЛССР располагал точными сведениями о количестве невывезенных из Литвы членов семей «бандитов и бандпособников». Большая их часть была отправлена на вечное поселение в Сибирь и на Крайний Север в 1949–1951 гг.¹

Отсутствие на месте включенной в списки на выселение семьи не являлось неразрешимой проблемой для МВД–МГБ ЛССР. Намеченные масштабы операции требовали неукоснительного соблюдения, однако критерии, по которым определялись «бандпособники» или «кулаки», были весьма расплывчатыми. В подобных случаях места беглецов в эшелонах занимали люди, не имевшие никаких контактов с лесными партизанами. Некоторые из них вообще не являлись крестьянами.

Бывший спецпоселенец Адельбертас Недзельскис рассказал, что в мае 1948 г. он заканчивал 3-й класс гимназии в городке Ретавас Тельшяйского уезда ЛССР. Его семья была сугубо городской. Отец — парикмахер, мать — домохозяйка, швея и мастерица на все руки. Ни земли, ни собственности в деревне у них не было. В городе семья Недзельскис проживала на съемной квартире.

29 января 1946 г. глава семьи Станисловас Недзельскис был арестован по доносу трех горожан, с которыми вместе рос. В июне того же года он и еще 24 жителя г. Ретавас были осуждены по ст. 58-1а-11. Каждому дали по 10 лет. Срок С. Недзельскис отбывал в лагерях в Коми АССР, Омске и Красноярске.

После ареста отца его жена, двое сыновей и престарелая бабушка переселились в комнату на чердаке дома, в котором проживали раньше. Казалось бы, по своему социальному статусу эта семья никак не могла быть причислена к разряду кулаков и тем более «пособников бандитов и националистов». Однако судьба распорядилась иначе. Днем 22 мая 1948 г. семья Недзельскис была депортирована в Сибирь вместе с тысячами других литовских семей.

Возвращаясь к событиям того трагического дня, А. Недзельскис вспоминал: «22 мая у нас был письменный экзамен по литовскому языку... С утра знал, что увозят в Сибирь людей. Хотя о себе мыслей не было, настроение было подавленное, тяжелое. В наш класс собрались уже не все, в школе не хватало многих, царило напряжение, писалось трудно. Дорога в соседний городок, где была железнодорожная станция, проходила почти под окнами класса и когда груженные машины с ревом поднимались на пригорок, наверное, не только у меня сжималось сердце.

Когда вернулся домой, в городке было уже тихо, казалось, что «операция» завершена. Сел обедать... Вскоре во двор въехал грузовик. В нашу маленькую чердачную комнату по узкой лестнице поднялись двое. Что-то прочли, видимо, чтобы создать иллюзию законности. Дали 15 минут на сборы. Мать засуетилась, стала солдатам объяснять, что она швея, взяла

---

¹ Согласно опубликованной на сайте Красноярского отделения общества «Мемориал» справке о количестве невывезенных из Литвы членов семей бандитов и бандпособников за 1948 г., подписанной начальником отдела «А» МГБ ЛССР подполковником Гришиным и датированной июнем 1948 г., таковых насчитывалось 8679 чел. (2955 мужчин, 3625 женщин, 2099 детей). Из этого числа 7184 чел. подлежали выселению (2690 мужчин, 3072 женщины, 1482 ребенка) (Красноярское отделение общества «Мемориал»).

у соседей материю и не может ее увезти, должна вернуть. Дети знают, отнесут... Разрешили отнести. И мы оба (с младшим братом. — В. Б.) ушли...

Пошли по знакомой улице, нашли дом, зашли, рассказали, что и как. Нам дали кусок сала... и мы вернулись. Потом еще какое-то время грузовик стоял у здания милиции, КГБ. Мимо проходил одноклассник, сын моего учителя рисования, попросили, он сбегал домой, принес буханку хлеба. Врезались в память высокие, до неба, башни костела напротив, на другой стороне базарной площади. У их подножия проходило мое детство. Потом дорога в Плунге, погрузка в красный товарный вагон»¹.

Еще в апреле 1948 г. МГБ СССР был составлен подробный расчет потребности подвижного состава для транспортировки большого количества людей из Литовской ССР. Для перевозки приблизительно 36 тыс. чел. требовалось 1,5 тыс. людских вагонов. По предварительной оценке специалистов Главного управления охраны МГБ на транспорте, каждый вагон должен был вмещать 24 чел., или восемь семей. Стандартный эшелон состоял из 58 людских вагонов и 4 вагонов для прикрытия (два вагона для домашнего инвентаря, по одному вагону для охраны и изолятора). Общая потребность в подвижном составе для обеспечения перевозок определялась в 1604 вагона, что составляло 26 эшелонов².

Доставка спецконтингента из Литвы в Бурят-Монголию производилась в трех эшелонах под № 97908, 97912 и 97913, которые формировались на разных узловых станциях Литовской ССР. Первые два состава были сформированы и погружены на станции Паневежис, в то время как эшелон № 97913 состоял из нескольких партий спецпоселенцев. Часть людей, в составе 100 семей, была погружена на станции Павенчай. Затем к поезду были прицеплены вагоны со спецпоселенцами из Плунгенского уезда (300 семей), отправленные со станции Плунге³. Большинство депортированных были жителями Паневежиского, Шауляйского, Пасвальского и Плунгенского уездов, что подтверждается повагонными списками спецпоселенцев.

Подробная информация о пути следования составов со спецпоселенцами отражена в отчетах их начальников, переданных представителям МВД БМАССР вместе с актами сдачи и приема спецконтингентов по прибытии на станции назначения. Содержание отчетов значительно варьируется, однако все три документа представляют собой ценный исторический источник. Их сопоставительный анализ позволяет исследователю не только восстановить особенности трехнедельного пути спецпоселенцев из ЛССР в Бурят-Монголию, но и судить об отношении офицеров МВД к выполнению своих обязанностей и к спецконтингенту в целом. В этом плане особенно интересен детальный рапорт начальника эшелона № 97912 подполковника Скобочкина. Сравнивая этот канцелярский шедевр с отчетами начальников двух других эшелонов, можно с большой степенью

¹ Воспоминания бывшего спецпоселенца А. Недзельскис. Текст письменного интервью от 2 июня 2014 г. находится в архиве автора.

² Красноярское отделение общества «Мемориал».

³ Группа спецфондов Информационного центра при МВД Республики Бурятия (далее — ГСФ ИЦ МВД РБ). Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Т. 1. Л. 188–191, 198, 217.

уверенности определить наиболее типичные проблемы, возникавшие в пути следования, а также те недочеты в организации транспортировки спецконтингента, о которых другие сопровождающие предпочли не информировать свое начальство.

Эшелоны № 97913 и 97908 отправились со станции Паневежис практически одновременно, 23 мая 1948 г. в 23:45 и 23:57 соответственно. Каждый состоял из 50–60 вагонов разной величины¹. Первый эшелон вмещал 387 семей, или 1376 чел., второй принял 388 семей, или 1257 чел.² Штаб эшелона, охранная команда, медпункт, кухня и изолятор занимали по четыре дополнительных вагона в каждом составе³.

Эшелон № 97912, как отмечалось выше, был сборным и также отправился со станции Павенчай 23 мая, но без указания точного времени отбытия. В то время как маршрут двух первых поездов проходил по станциям Бологое — Шарья — Пермь — Свердловск — Ишим — Омск — Новосибирск — Нижнеудинск — Иркутск — Улан-Удэ и далее в Заиграевский район, эшелон № 97912 два раза переадресовывался. В конечном итоге состав проделал приблизительно тот же путь, что и два предыдущих. Количество спецпоселенцев, сланных по прибытии эшелона, составило 1497 чел., или 399 семей⁴.

Согласно документам Отдела спецпоселений (ОСП) МВД БМАССР, социальный состав литовцев, депортированных в мае 1948 г., был относительно однородным. Все они были либо крестьянами, либо жителями сельской местности, так или иначе связанными с деревенскими общинами. К сожалению, в списках спецпоселенцев в графе «социальное положение» нет намека на род деятельности высланного, несмотря на то, что среди крестьян всегда наблюдалось четкое разделение по профессиям и материальному положению. Все спецпоселенцы обозначены стандартно, как крестьяне-кулаки, причем одинаковые определения присутствуют как в повагонных списках, так и в выписках из протоколов заседаний Особых совещаний при МГБ СССР (ОСО). Часть спецпоселенцев имела только начальное образование. Были среди них и более образованные люди. При изучении наблюдательных дел с отчетами секретных осведомителей иногда встречаются упоминания о литовцах, владевших двумя или даже четырьмя иностранными языками, а также имевших опыт работы за границей, главным образом в США⁵. Но независимо от степени грамотности все высланные состояли на подозрении у начальников эшелонов — так, начальник эшелона № 97913 капитан Коростелев отмечал, что среди вве-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Т. 1. Л. 188–189. По плану транспортного отдела МГБ каждый эшелон должен был состоять из 62 вагонов, вмещавших по 24 чел. каждый. Однако в действительности вместимость вагонов была различной, к примеру, двухосный вагон позволял разместить 28–30, а четырехосный вагон — уже 50–60 спецпоселенцев. Крупногабаритные вещи спецконтингента, например мешки с продуктами, транспортировались в отдельном вагоне. Также см.: Там же. Л. 198.

² Возрастно-половой состав спецпоселенцев был следующим: эшелон № 97913 — 404 мужчины, 552 женщины, 420 детей; эшелон № 97908 — 368 мужчин, 548 женщин, 334 ребенка; эшелон № 97912 — 478 мужчин, 554 женщины, 465 детей. Там же. Л. 188, 198, 218.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 217, 218.

⁵ См., напр.: Там же. Д. 91. Т. 2. Л. 141.

ренных ему спецпоселенцев имелось много немецких пособников и лиц, связанных с националистическими бандами¹.

Авральная работа по комплектации эшелонов дополнительным контингентом приводила к фактам нарушений порядка проведения операции, таким как вычеркивание в списках отдельных фамилий без указания каких-либо причин, отсутствие указания пункта, из которого была выселена семья, непонятные подписи, отсутствие официальных печатей, а также наличие в эшелонах «семейств», не имеющих ни одного взрослого члена. Начальник эшелона № 97912 лично снял с поезда две такие «семьи» (старшие члены которых не достигли даже 16 лет, но тем не менее значились их «главами») и сдал их на попечение охраны станции Павенчай².

Впоследствии, уже по прибытии в места расселения, проверками представителей МВД БМАССР были обнаружены десятки детей, не имевших взрослых родственников, а также люди, непригодные ни к какой работе по состоянию здоровья или по старости. Органы МВД ЛССР и местные ответственные работники, не задумываясь, выселили их для выполнения планов спецоперации или чтобы скрыть несанкционированные изменения в заранее составленных списках. Это косвенно подтверждается и тем фактом, что несовершеннолетние дети, бывало, определялись в поезделонных списках как «главы семейств», ведь учет спецпоселенцев шел не только по числу выселенных людей, но и по общему количеству семей.

В пути спецпоселенцы обеспечивались горячим питанием на определенных пунктах, однако сложно судить, насколько его качество соответствовало данным отчетов начальников эшелонов. Например, уже упомянутый капитан Коростелев утверждал, что питание и обслуживание спецконтингента на узловых станциях были организованы исключительно хорошо. Однако дата отправления эшелона (23.07.1948) и дата первой раздачи горячего питания (25.07.1948) на станции Бологое наводят на мысль о том, что спецпоселенцы находились отнюдь не в увеселительной поездке, ведь они провели без еды (а возможно и без воды) более суток³. На станции Ишим состав был задержан на час из-за отсутствия встречающих сотрудников местного РО МВД. Начальник эшелона № 97908 майор Гришин в своем отчете отмечал, что, несмотря на удовлетворительное питание для спецпоселенцев и хорошее обслуживание состава в пути следования, на некоторых участках наблюдались халатность и невнимательность со стороны местных властей и органов МВД, что приводило к задержкам эшелона и прочим проблемам. Так, на станции Омск не были заверены документы на продукты, что вызвало задержку в раздаче питания⁴.

Начальник эшелона № 97912 подполковник Скобочкин, в свою очередь, дает критическую оценку организации питания и обслуживания спецконтингента в дороге. По его словам, за 17 суток пути питание выдавалось только 14 раз, т.е. менее чем раз в сутки. На станции Бологое администрация буфета пыталась недодать 15 обедов. На станции Пермь-2 работники местного буфета «пытались зажилить 23 банки консервов», од-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 189.

² Там же. Л. 219.

³ Там же. Л. 189.

⁴ Там же.

нако вскоре инцидент был исчерпан¹. На протяжении всего остального пути работники общепита либо старались обмануть начальника снабжения эшелона и послать состав на следующую станцию для получения питания, либо очень безответственно относились к своим обязанностям, что свидетельствовало об их безразличном отношении к сопровождающим эшелон сотрудникам МВД и, конечно, к самим спецпоселенцам. Исключение составили только работники буфетов на станциях Иланская и Зима, добросовестно и без задержек обеспечившие людей горячим питанием².

Охрана спецконтингента также не отличалась рвением в выполнении возложенного на нее задания. На станции Резекня-1 в Латвии из эшелона № 97913 сбежал спецпоселенец Казис Пукис, причем его бегство явилось результатом неудовлетворительной дисциплины в охранной команде. Пукис бежал, когда стрелок вывел его из вагона в туалет, что строго воспрещалось инструкциями. Капитан Коростелев отмечал, что подобное пренебрежение приказом было обусловлено отсутствием контроля со стороны начальника охраны эшелона, который в тот момент находился в «похмельном положении»³.

В эшелоне № 97912 наблюдались несколько фактов подлома стен и пола вагонов, два человека бежали, в пяти случаях побеги были предотвращены. Удачные побеги произошли, когда эшелон все еще находился в Прибалтике. Литовец П. Шимкус проломил стенку вагона и скрылся близ станции Ликанчай в ЛССР, а другой спецпоселенец, фамилия которого не приводится, прыгнул в люк вагона у станции Пирма в Латвии⁴. Все удавшиеся и неудавшиеся побеги и попытки к бегству были следствием недосмотра охранной команды поезда, большие претензии к которой высказывал начальник эшелона Скобочкин в своей докладной записке. В эшелоне № 97908 побегов и отставаний не отмечалось.

Охрана состава № 97912 не напрасно вызывала нарекания со стороны начальника эшелона. Подполковник Скобочкин неоднократно приводит примеры неподчинения солдат его приказам и отсутствия у них уважения к окружающим гражданским и военным лицам. Хулиганство, вольное обращение с женщинами, нецензурная брань, присвоение вещей спецпоселенцев и систематическое воровство продуктов питания были основными нарушениями воинской дисциплины в охранной команде этого эшелона. Так, сразу после выезда со станции Павенчай в рации солдат появилось сало, которое, скорее всего, было украдено из общего вагона, куда были сложены продукты спецпоселенцев. Также охранники похищали у выселенцев горох, крупу и даже одежду, которая потом продавалась на станциях или выменивалась на водку⁵.

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 223.

² Там же.

³ Там же. Л. 190.

⁴ Там же. Л. 218.

⁵ К примеру, по словам подполковника Скобочкина, после одной из остановок среди солдат охраны распространился слух, что некая спецпоселенка пыталась доставить к милиционеру «солдата с корявым лицом», которого она заподозрила в краже и перепродаже ее платья. Несмотря на то, что заявительницу обнаружить не удалось, словесное описание солдата указывало на стрелка К., характеризовавшегося как дезорганизатора среди солдат охранной команды. См.: Там же. Л. 221, 222.

В эшелоне № 97912 имели место не только побеги, но и таинственные исчезновения спецпоселенцев. Так, под охраной солдат ушли и не вернулись Генрихас Новгородскис, Зигнас Гириес, Регина Варнелайте и Симас Вернелис. Трое последних, по показаниям родственников, ушли с ведрами за водой под конвоем солдат, но к моменту отправки так и не появились. Нет указания станции, на которой пропали данные спецпоселенцы, однако можно предположить, что они совершили побег, пользуясь халатностью охраны. Также странным остается исчезновение психически больной девушки Стаси Норвелайте, которая пропала из вагона ночью на перегоне Рыбинск – Всполье. По словам охранников, никто не видел, как Норвелайте покинула состав, не заметили они и факта выпрыгивания из вагона. Родственники предположили, что девушка могла спрыгнуть на полной скорости ночью, пользуясь тем, что все вокруг спали. Так или иначе, Норвелайте, скорее всего, погибла под колесами состава, однако была ли ее смерть результатом несчастного случая или нет, так и остается неясным¹.

В тесноте и духоте товарных вагонов одной из наиболее распространенных опасностей была инфекция. Возможность ее появления была высока. Транспортировка переселенцев проходила в начале лета, когда на территории Сибири устанавливается жаркая и засушливая погода. Особо угрожающей могла стать кишечная инфекция, вызванная употреблением сырой воды и царившей в вагонах антисанитарией. Острые заразные заболевания, передаваемые насекомыми, также представляли значительную опасность. Во избежание распространения инфекционных болезней в эшелонах проводилась санобработка. Спецконтингент из состава № 97913 прошел ее 30 мая 1948 г. на станции Свердловск. Эшелон № 97908 был подвергнут дезинфекции в Новосибирске, а эшелон № 97912 проходил санобработку на станции Омск, и на этот раз также не обошлось без курьезов. Подполковник Скобочкин в своем отчете отмечал, что на эту операцию были израсходованы сразу все средства, выделенные для подобных целей. По тону его замечаний можно предположить, что за 17 суток пути предписывалось делать несколько дезинфекций, но в действительности была проведена только одна. Кроме того, из-за «непродуманности вопроса железнодорожной администрацией и глупой принципиальности представителей УМВД» состав был поставлен не там, где следовало, а у станционного буфета, на расстоянии 2,5 км от санпропускника. Прибывший же эшелон № 97910, которому не требовалась санобработка, был поставлен напротив уже упомянутого санпропускника, так что Скобочкину пришлось водить своих спецпоселенцев за 2,5 км на обработку. Одновременно майор Сидоренко, начальник эшелона № 97910, был вынужден получать питание за 2,5 км от своего состава, в буфете. Такие бессмысленные прогулки под дождем в холодную погоду впоследствии привели к распространению гриппа в эшелоне № 97912².

Однако в целом транспортировка обошлась без серьезных вспышек инфекционных заболеваний. В эшелонах не хватало медикаментов, отсутствовали хирургические иглы при наличии шелка и иглодержателей, не

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 230.

² Там же. Л. 223.

было препаратов для инъекций, хотя разнокалиберных шприцев запасли достаточно. Ситуацию спасали хорошо подготовленные врачи и медсестры, сопровождавшие составы. В эшелоне № 97912, например, отличились врач Кузьмина и медсестры Зайцева и Газина, которые оказывали больным профессиональную медицинскую помощь на протяжении всего пути¹.

К сожалению, полностью избежать потерь среди спецпоселенцев не удалось. В эшелонах находилось много грудных детей, молока и питания для них не хватало. В составе № 97913 от энтероколита умер грудной ребенок, заболели и были оставлены в больницах семь человек, из них один мужчина, одна женщина и пять детей. Всего отстали от эшелона 10 человек — три матери были оставлены со своими малолетними детьми в больницах. Кроме мужчины и одного ребенка диагноз заболевших людей был общим — дизентерия². В эшелоне № 97908 также умер грудной ребенок, женщина с четырьмя малолетними детьми и мужчина были госпитализированы. В поезде № 97912 умерли пожилая женщина и грудной ребенок, был оставлен в больнице в Свердловске мужчина с двусторонним воспалением легких³.

Трехнедельный путь из Литвы в Бурят-Монголию стал тяжелым испытанием для выселенных литовцев. В наспех переоборудованных товарных вагонах, весь интерьер которых состоял лишь из дощатых нар вдоль стен, двух узких оконных отверстий и лестницы-стремянки, в тесноте и духоте ехали малолетние дети, старики, женщины и мужчины⁴. По свидетельствам Барбары Армонас, депортированной 22 мая 1948 г. в Иркутскую область, семьи, имевшие на руках грудных детей и больных стариков, столкнулись с самыми большими проблемами. Пытаясь хоть как-то оградить младенцев от грязи и инфекции, некоторые родители ухитрились сушить мокрые пеленки на собственных телах⁵. Однако далеко не всем семьям удалось в конечном итоге сохранить здоровье и жизни своих малолетних детей. Приведенная выше статистика по умершим, заболевшим и снятым с эшелонов № 97908, 97912 и 97913 спецпоселенцам показывает, что именно дети в возрасте до 3 лет составили большинство потерь от транспортировки. В тяжелом состоянии находились и одинокие престарелые спецпоселенцы, многие из которых не могли обеспечить свое существование в дороге и всецело зависели от добровольного участия и помощи своих соотечественников.

Воспоминания переживших ссылку литовцев дают современному исследователю возможность «заглянуть» внутрь вагонов, увозивших выселенных литовцев в Сибирь. А. Недзельскис, которому на момент депортации было почти 15 лет, детально запомнил события тех трех недель. Вот что он рассказал:

«Когда нас привезли к эшелону, день клонился к вечеру. Все вагоны (красные товарные пульманы) уже были закрыты, двери закручены толстой проволокой. Пришлось солдатам много раз откручивать ее, откры-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 223.

² Там же. Л. 190.

³ Там же. Л. 231–232.

⁴ См. сайт Красноярского отделения общества «Мемориал»: www.memorial.krsk.ru

⁵ Armonas B. Leave your Tears in Moskow. Philadelphia; N.Y., 1961. P. 45–46.

вать двери. Открыв и убедившись, что вагон заполнен до отказа, шли к следующему. В “нашем” вагоне предприимчивые крестьяне уже навели порядок: узлы были аккуратно сложены, в углу вагона из мешков сложены две “стенки”. В отгороженном тамбуре прорубили в полу дыру. Таким образом, у двери образовалась небольшая площадка. Наши сопровождающие обрадовались. Быстро выбросив все наше богатство на перрон, они отпустили машину и велели все вещи сложить на этот пятачок. Пока собирались, мать с испуга всю свою лучшую посуду сложила в мешок. Солдат с размаху выбросил его на перрон. Там на бетоне черепки и остались.

Прошла ночь, утром эшелон тронулся. Плакали все, и звук этого хора был громче стука колес.

В концах вагона были полки. На одной из них, у маленького окна, мне удалось устроиться. Сидел там целыми днями, глядя на пролетающие мимо пейзажи. Написал письмо отцу, но когда выпускали на больших станциях по нужде (сразу всех в небольшом оцепленном солдатами кругу), послать письмо не было никакой возможности. Раз стояли в каком-то тупике. Такое случалось часто. Увидел рядом с вагонами идущую в мою сторону женщину в телогрейке и сером платке. Когда она подошла близко, тихонько окликнул. Женщина пугливо посмотрела вверх. Я показал ей белый треугольник письма. Кивнула, да. Бросил вниз, подняла, спрятала за пазуху и ушла. Отец письмо получил. Спасибо ей.

Везли нас 21 день. Когда поезд останавливался, люди осматривались. При виде пустых полей, землянок все начинали плакать. Поезд трогался и хоть увозили нас еще дальше, все успокаивались и опять жили уже привычной жизнью. В нашем вагоне было более 30 человек, от старцев до грудного ребенка. Бабушке было около 70 лет. Она была больна и мне казалась очень старенькой. Всю дорогу пролежала на узлах у дверей. Когда поезд резко тормозил, люди с полок падали на нее.

В Омске всех водили в баню: по улицам города, колонной, оцепленной солдатами с винтовками. Чем дальше нас увозили, тем меньше охраняли. На станциях солдаты стояли цепью на перроне, а около вагонов можно было походить, размять ноги. На одной станции бежал от вагона к вагону, спрашивая, нет ли у кого карты СССР. “Есть”, — ответил паренек моего возраста, тоже в шортах, непохожий на деревенского. Быстро перерисовал всю Восточно-Сибирскую железную дорогу до Владивостока и потом уже знал, где мы и какая будет следующая большая станция»¹.

Транспортировка большого количества людей на такое значительное расстояние была сопряжена с массой трудностей и для обслуживавших спецэшелоны команд. Основной груз по обеспечению нормальной перевозки спецконтингентов ложился на плечи начальников эшелонов. На протяжении всего пути они должны были следить за соблюдением порядка во вверенных им составах, отвечать за своевременную выдачу питания и оказание медицинской помощи нуждавшимся в ней спецпоселенцам, предотвращать хулиганские выходки со стороны охранявших эшелон

¹ Воспоминания бывшего спецпоселенца А. Недзельскис. Текст письменного интервью от 2 июня 2014 г. находится в архиве автора.

стрелков и местных жителей на промежуточных станциях. Как видно из рапортов, в дороге у начальников эшелонов № 97908, 97912 и 97913 было немало поводов для серьезного беспокойства.

Интересен и тот факт, что подробное описание проблем, с которыми сотрудникам МВД и спецпоселенцам довелось столкнуться в пути, присутствует только в рапорте начальника эшелона № 97912, носившего весьма подходящую в данном случае «говорящую» фамилию Скобочкин. В двух других отчетах отмечены только некоторые трудности, а в целом описание процесса транспортировки носит оптимистичный характер. Значительные отличия в рапортах начальников эшелонов наводят на мысль о том, что проблемы, скрупулезно описанные подполковником, просто не были отражены в отчетах двух других офицеров, однако имели место в пути следования всех трех составов. Иначе очень сложно представить, что три эшелона, отправившиеся из Литвы почти одновременно и фактически следовавшие одним и тем же маршрутом, минуя одни и те же станции, встречали абсолютно разное отношение местных органов МВД, администраций и обслуживающего персонала¹.

Тем не менее, несмотря на все тяготы трехнедельного пути, транспортировка литовских спецпоселенцев в Бурят-Монголию летом 1948 г. в конечном итоге прошла относительно благополучно. На этот раз обошлось без огромных людских потерь, характерных для тотальных депортаций военного времени. Выселяя из Литвы «бандпособников» и «кулаков», войска МВД—МГБ на сей раз не разделяли семьи по принципу первой массовой депортации 14—17 июня 1941 г., отправляя мужчин в лагеря, а женщин с детьми — на поселение. Литовцы ехали в ссылку целыми хуторами и имели возможность поддерживать друг друга в трудные минуты морально и материально. Многие семьи до депортации были соседями, односельчанами, друзьями. Присутствие в вагонах знакомых людей, этническая однородность спецконтингента и уверенность в своей невиновности давали выселенцам дополнительные духовные и физические силы, помогавшие переносить сложные условия транспортировки. Хочется верить и в позитивную роль некоторых членов команд прикрытия, сохранивших порядочность и честность и не запятнавших себя в ходе транспортировки воровством и насилием над беззащитными людьми.

Расселение литовского спецконтингента и пространство жизнеобеспечения спецпоселков

Развоз спецконтингента по поселкам треста «Бурмонголлес», основного «заказчика» подневольной рабочей силы в Бурят-Монгольской АССР, производился на автомашинах и железнодорожных платформах по мест-

¹ Доклад начальника эшелона № 97912 интересен не только очень подробным описанием всех встречавшихся на пути проблем, но и вариантами их решения, предложенными Скобочкиным в его заключительной части. Например, он предлагает заранее инструктировать начальников эшелонов по поводу их прав и обязанностей и особенно на предмет разрешения различных столкновений с железнодорожной администрацией, которая не только не выполняла свои функции, но и грозила разными последствиями при попытках начальника эшелона разрешить возникшие разногласия. — См.: ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 226.

ной узкоколейке. Доставка до мест поселения прошла организованно и без эксцессов.

Вот как описывал свои первые дни на новом месте бывший спецпоселенец А. Недзельскис: «Первое впечатление: огромные штабеля бревен и рядом ветка-узкоколейка. На миниатюрные платформы и перегрузились. Сказали, что повезут в глубь леса, где и будем работать. Измученная дорогой бабушка была в очень тяжелом состоянии. Глядя на огромные бревна, я не представлял, как смог бы их рубить и передвигать. Нужно было что-то делать. Собрав весь скудный запас русских слов, мы с братом подошли к человеку в гимнастерке, командовавшему погрузкой, и попытались объяснить наше состояние и опасения. Подвели его к платформе, где была наша и другие семьи из вагона, в котором вместе ехали долгие три недели. Вчерашний военный в гимнастерке с орденом Суворова, другими наградами и левым глазом, перевязанным чистой белой повязкой, выслушал нас и все осмотрел.

Когда человек попадает в экстремальные, подавляющие все его существо ситуации, меняется шкала ценностей и даже малый лучик человеческого участия и душевной теплоты запоминается и подкрепляет. Так было со мной при встрече с упомянутым человеком. Когда всех погрузили, маленький паровозик свистнул, запыхтел и двинулся в путь. Ехали долго, кругом сопки, пни от вырубленного леса. Первая остановка — у двух небольших деревянных домиков. Здесь нас и оставили. Кроме нас выгрузили еще две семьи... Из десяти оставленных на полустанке 11 километр литовцев трое были работоспособными взрослыми. Они и вошли во вскоре созданную ремонтную бригаду. Нашей матери была поручена должность обходчика пути. Проработав какое-то время, она заболела.

Потом я узнал, что человека, к которому мы обратились, звали Андреем Степанович Мурга. Первый год, пока жили на 11 километре, мы несколько раз с ним встречались. Даже были у них дома в Новоильинске, где меня чем-то угощали. Запомнилась его человечность и доброта»¹.

Проблемы начались по мере вселения литовцев в предназначенные им помещения. В ряде случаев руководство предприятий провалило задание по обеспечению нормального расселения спецконтингента. Люди были помещены в землянки, старые двухосные вагоны, бараки бывшего лагеря военнопленных и другие, мало приспособленные для проживания места.

Пространство жизнеобеспечения литовцев на спецпоселении в Бурят-Монголии было настолько ограниченным и скудным, что не только отпечаталось в памяти ныне живущих бывших спецпоселенцев, но и нашло отражение в отчетах советских проверяющих. И. о. начальника ОСП МВД БМАССР лейтенант Нагаслаев в своем отчете подчеркивал, что при заселении на участки Эрийского мехлесопункта значительная часть литовцев (111 семей) была размещена во временных палатках, которые «...не приспособлены по своим качествам даже для временного жилья, так как в некоторых из них не имеется полов и покрытия их плохие»². По данным отчетов представителей МВД БМАССР, не менее 50 % спецпоселенцев в

¹ Воспоминания бывшего спецпоселенца А. Недзельскис.

² ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 56Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 136.

поселках Хандагатайского мехлесопункта были размещены скученно. На участке Верхняя Аракорка на 20 кв. м жилплощади вселялись две семьи общим числом семь человек. Во многих квартирах на участках Верхняя Аракорка, Хутор и в поселке Тарбагатай не имелось стекол в рамах, печных очагов, кладовых, а в последних двух местах не было даже крыш. Еще более неприятная ситуация наблюдалась в землянках, где не было ни печей, ни освещения и где, по словам уполномоченных МВД БМАССР, «...продолжительный период прожить невозможно»¹.

В суровых климатических условиях Бурят-Монголии выживание людей напрямую зависело от способности жилища удерживать тепло. Зимой в бараках насквозь промерзали стены, отчего приходилось не только спать полностью одетыми, но и каждый час бегать греться к единственной печке-буржуйке². Выдержать такое мог не каждый. Плохие жилищные условия вкупе с недоеданием, болезнями и неблагоприятным воздействием резко-континентального климата привели к повышенной смертности среди стариков и детей в первые два года спецпоселения³.

Домашнее пространство спецпоселенцев, формирующее передний край защитного психологического барьера между человеком и чуждым социумом, было сужено буквально до пары квадратных метров. Его наполнение, призванное обеспечить бытовой комфорт, было настолько скудным, что шокировало даже бывалых советских чиновников и проверяющих из МВД. Вот что писал в своем отчете о проверке жилищно-бытовых условий предприятий треста «Бурмонголлес» в Заиграевском аймаке от 27.11.1948 замминистра здравоохранения БМАССР Л.М.Резницкий: «В ЛЗУ “Челан” Хандагатайского леспромхоза литовцы размещены в старых бараках, очень скученно, комнаты загромождены большим количеством вещей и продуктами питания (помещений для хранения овощей и продуктов, а также складов для хранения продуктов они не имеют) в силу чего воздух в помещениях чрезвычайно тяжелый от преющих вещей и гниющих продуктов»⁴.

Отметив грубые нарушения нормативных документов Минздрава СССР и Минлесбумпрома СССР, Л.М.Резницкий резюмировал, что подобная ситуация создает все предпосылки для заноса и развития крупных эпидемических вспышек сыпного тифа и других опасных инфекций.

В отчете замминистра, оказавшегося по специальности эпидемиологом, особо отмечено и отсутствие в спецпоселках простейших санитарно-гигиенических сооружений. Так, на лесозаготовительных участках Эрия (Хандагатайский МЛП), Харакутул (Хандагатайский МЛП), Мостовка (Челутаевский ЛПХ) отсутствовали бани, о наличии которых писали в своих отчетах представители Минлесбумпрома и МВД СССР. В поселке Тиб-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 56Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 107.

² Воспоминания бывшего спецпоселенца П.Ю.Свилиса. Аудиозапись интервью от 25 марта 2013 г. находится в архиве автора.

³ У всех спецконтингентов превышение рождаемости над смертностью отмечалось не ранее чем через пять лет после прибытия на спецпоселение. У литовцев, высланных в 1945–1948 гг., в период 1948–1949 гг. смертность превышала рождаемость более чем в 6 раз (2425 чел. умерло и 396 чел. родилось). — Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД–МВД СССР) // СОЦИС. 1990. № 11. С. 12–13.

⁴ Государственный архив Республики Бурятия (далее — ГА РБ). Ф. 248с. Оп. 3. Д. 238. Л. 56.

гугы Эрийского мехлесопункта пропускная способность имевшейся бани была недостаточна. Совершенное отсутствие даже простейших дезокамер наблюдалось на участках Шабур, Нижние Бойцы, Белая Речка, Мойса и Мостовка Челутаевского леспромхоза, Харакутул и Мойга Хандагатайского мехлесопункта, Эрия, Старый и Новый Барун, а также Верхние Тальцы Хандагатайского мехлесопункта и на участках Эрийского мехлесопункта. В поселках Нижняя Аракорка и Тибигугы дезокамеры были не достроены и не функционировали¹.

Таким образом, на спецпоселении зачастую отсутствовали элементарные условия для ухода за собой. Между тем в экстремальной атмосфере ссылки, когда личное пространство каждого спецпоселенца сжималось до минимума, а тяжелый труд и недоедание ослабляли иммунитет, тела спецпоселенцев нуждались в особом внимании. Помимо отсутствия бань и дезинфекционных камер, на спецпоселении ощущалась острая нехватка медицинского персонала для оказания квалифицированной помощи заболевшим или травмированным литовцам.

На участке Тибигугы медицинское обслуживание спецконтингента проводил спецпоселенец-врач, которому местные медработники не хотели выдавать лекарства. На лесоучастке Верхняя Аракорка начальник отказывался предоставлять врачу Ивановой, в ведении которой находились девять участков в радиусе 6–7 км, лошадь и провожатого. В больнице поселка Новоильинск не было топлива, в то время как, по меткому замечанию Л.М. Резницкого, весь поселок находился «буквально в окружении дров». Множество подобных примеров с мест расселения спецконтингентов сохранилось в архивных фондах.

Следствием такой ситуации стало распространение инфекционных болезней и ухудшение здоровья спецпоселенцев. Возникновению эпидемических очагов также способствовала геомедицинская ситуация в Заиграевском аймаке БМАССР, неблагополучном по малярии, брюшному тифу и дизентерии. Сухое и жаркое лето, наличие естественных мест размножения комара анофелес, основного переносчика малярии, плохая вода, необходимость адаптации к непривычным природно-климатическим условиям и эпидемическому фону существенно усложнили выживание литовцев на спецпоселении.

Сами спецпоселенцы пессимистично оценивали свое положение. «У нас если здоров — хорошо, но если заболел, то все, — говорили литовцы, имея в виду исход тяжелой болезни, а затем делали неутешительные выводы, — пока работаешь, так им нужен, но если заболел, никто о тебе не беспокоится... но ничего, умирать-то один раз, а не два». В письмах на родину были такие слова: «Не дай Бог такой судьбы никому, такой жизни не желаю даже врагу... Наша Янина тяжело болеет, неделю уже лежит в постели, температура 40 градусов, стала худая, остались одни кости. Лекарств здесь нет, никто не лечит, врачей нет...» «Никто о тебе не беспокоится, какой болезнью не болел бы, дают всем одинаковое лекарство от головной боли. Больше никаких лекарств они не имеют...»².

¹ ГА РБ. Ф. 248с. Оп. 3. Д. 238. Л. 55.

² Там же. Д. 278. Л. 49.

Основу здоровья человека составляет правильное сбалансированное питание. Отсутствие в рационе привычных продуктов приводит к дефициту витаминов и полезных веществ и, соответственно, выливается в целый ряд заболеваний, включая цингу и пеллагру. На спецпоселении литовцы вплотную столкнулись с возможностью голодной смерти. По мере того как заканчивались взятые в дорогу продукты длительного хранения, на первый план выходила проблема пропитания.

Бывший спецпоселенец П.Ю. Свилис вспоминал, что в первую осень ссылки литовцы очень бедствовали без продуктов. Люди собирали бруснику и варили ее без сахара, стараясь делать запасы на зиму. Детям и подросткам приходилось ходить по убраным картофельным полям в поисках оставшихся в земле клубней, собирать щавель и другие съедобные дикоросы¹. Мобилизованные на сельхозработы женщины тайком складывали зерно в спрятанные под одеждой мешочки, чтобы приготовить пищу детям. Поимка спецпоселенок за этим занятием грозила лагерным сроком по «закону о колосках». Случалось, что именно в такие моменты проявлялось сочувствие простых людей друг другу, выражавшееся в вовремя отведенном взгляде, молчании и недоносительстве властям².

В пространство жизнеобеспечения спецпоселков входил и лесоповал — практически безальтернативное место «трудоиспользования» литовцев и в то же время основной источник доходов, позволявший хоть как-то прокормить себя и семьи. Лесосека одновременно была местом эксплуатации спецпоселенцев, вынужденных мириться с тяжелыми условиями труда, поборами, бытовой неустроенностью и хамством начальства, и своеобразным «горнилом», в котором их жизненные силы подвергались серьезному испытанию на прочность. Работа являлась и пространством социализации, так как в лесу литовцы часто контактировали с местным населением, перенимая опыт и неформальные экономические практики бывалых сезонных рабочих.

Распределение труда в литовском контингенте в самом общем виде выглядело следующим образом. Мужчины в основном трудоустраивались в качестве вальщиков и пильщиков, женщины — сучкорубами, бракерами, заготовителями чурок для газогенераторных двигателей (большая часть использовавшейся на лесоповале техники была оснащена «газгенами», т.е. работала на дровах), учетчицами, возчиками и т.д. Часто на лесоповале появлялись подростки — совсем юные парни и девушки, вынужденные пойти работать, чтобы помочь своим семьям.

Деньги на лесоповале зарабатывались изнурительным трудом. Вставить на работу приходилось в пять часов утра. Обычно на лесосеках рабочие жили по 30–40 человек в бараках, разделенных на мужскую и женскую половины. После протапливания печи и завтрака (чай, вяленое мясо, капуста, мерзлая картошка, иногда копченое сало) спецпоселенцы надевали всю более или менее теплую одежду и уходили на работу. Долгое время заготовка древесины производилась вручную, поперечными и лучковыми пилами. Бензопилы в заиграевской тайге появились только в 1950-е гг.

¹ Воспоминания бывшего спецпоселенца П.Ю. Свилиса. Текст интервью от 16 марта 2005 г. находится в архиве автора.

² Воспоминания бывшего спецпоселенца Б.С. Разгуса. Аудиозапись интервью от 12 марта 2011 г. хранится в архиве автора.

Валить деревья двуручной пилой было нелегко. Полотно часто зажимало. Приходилось выбивать его клиньями или, нагрев топоры на костре, забивать их в распил, чтобы высвободить пилу. Пильщики от такой работы выматывались, теряли силы. Особенно тяжело приходилось женщинам. Борьба с непослушной пилой часто доводила до слез, но иного выхода, кроме как продолжать работу, у них не было. Замерзнув, лесорубы отогревали руки и ноги у костра, после чего возвращались к работе.

Однако спилить и свалить дерево означало выполнить только половину дела. Нужно было еще обрубать сучья, раскреживать древесину и на своих плечах перетаскивать бревна в штабеля. Все это требовало огромных усилий. Освоение «тонкостей» лесоповала проходило медленно, шаг за шагом. Со временем литовцы научились обходиться имевшимся инструментом, считать кубатуру, стали больше получать зарплату¹.

Пространство спецпоселка и его инфраструктура представляли минимальный набор жизнеобеспечения для спецпоселенцев. В большинстве случаев имевшихся средств было совершенно недостаточно для выживания, что отмечалось инспекторами из различных ведомств. В таких условиях спецпоселенцы испытывали на себе целый спектр неблагоприятных воздействий, от естественных медико-географических особенностей региона до искусственно созданных проблем, например, отказов в медицинском обслуживании спецконтингента и дефицита продуктов или дров. Лишения были связаны как с общей сложной социально-экономической ситуацией послевоенного периода, так и с откровенным пренебрежением некоторых представителей советской власти к «бандитам и националистам», стремлением показать «кто в доме хозяин» и привести их к повиновению с помощью принудительного труда, голода и бытовой неустроенности.

*
* *

Операция «Весна» 1948 г. являлась самой крупной, но, к несчастью, отнюдь не последней, депортацией из Литовской ССР. «Встраивание» новых территорий в советскую систему сопровождалось ожесточенным сопротивлением части населения, вставшего на путь вооруженной борьбы против советской власти. Всплески этой «войны после войны» сопровождалась широкомасштабными карательными операциями, в ходе которых гибли как повстанцы, так и мирные люди, а тысячи литовских семей безжалостно выселялись в отдаленные районы СССР.

Детальные описания процессов транспортировки и расселения литовцев в местах ссылки, сохранившиеся в архивных фондах Отдела спецпоселений МВД СССР, позволяют историкам воссоздать важные аспекты жизни на спецпоселении — трудности, с которыми пришлось столкнуться людям на пути в ссылку и в первые ее месяцы, особенности пространства жизнеобеспечения и жизнедеятельности спецпоселенцев. Понимание того, что испытали выселенцы, оказавшись в незнакомом месте с существенно отличавшимися от родины климатическими и природными условиями, социальным окружением и повседневной жизнью, необходимо для

---

¹ Воспоминания бывших спецпоселенцев А.В. Арефьевой, С. Марцинкивине, К.Б. Петраускаене. Тексты интервью, проведенных Н.Д. Гребенщиковым в 2004–2005 гг., находятся в архиве автора.

более глубокого осмысления выработанных ими в дальнейшем стратегий выживания и сохранения своей этнической и религиозной идентичности.

Парадоксально, что система принудительного труда, репрессивная и разрушительная по своей сути, предназначалась сталинским руководством для «благих» целей перевоспитания политически неблагонадежных элементов. На деле же все, что происходило внутри этой машины, рано или поздно приобретало деструктивный для нее же самой характер. Незаконный характер депортации и откровенная экономическая эксплуатация вкуче с ограничением прав и навешиванием несмываемого ярлыка поднадзорного отвращали от советской власти даже социально близких ей литовских бедняков, не говоря уже о бывших богатых фермерах и сельской элите. Вместо «перевоспитания» система принудительного труда порождала в среде спецпоселенцев глухое, ни на минуту не затихающее недовольство, сознательное отрицание основных советских догм и повседневных ритуалов, а также неистребимую надежду на возвращение на родину.

Ж. Дени

МЕЖДУ «БОРЬБОЙ С БАНДИТИЗМОМ» И РАСКУЛАЧИВАНИЕМ: ОПЕРАЦИЯ «ПРИБОЙ» В ЛАТВИИ (март 1949 г.)*

В конце 1940-х гг., с появлением новой угрозы «холодной войны», во всем СССР политика сталинского режима ужесточается¹. На новых территориях, форпостах внутреннего сопротивления, где существовал риск влияния извне, «поздний сталинизм» в целом воспроизводит черты, некогда свойственные «зрелому сталинизму». Перенеся в Латвию свою классическую и давно отработанную политику, советская власть покончила с колебаниями первых послевоенных лет². В 1947 г. центральные власти начали сплошную коллективизацию деревни, которую в первый раз отложили в 1940 г., а потом вновь — в 1944–1945 гг. Для того чтобы справиться с реальным или чудившимся им сопротивлением со стороны «кулаков» и «бандитов», которые появились в отдельных районах, они задумали новую депортацию, направленную преимущественно против сельских жителей. Она была проведена в марте 1949 г. при поддержке республиканских властей и органов правопорядка³. Эти меры были теснейшим образом связаны: не только потому, что коллективизация немислима без раскулачивания, но и в силу того, что изгнание кулаков, чье имущество отходило

* Перевод с французского Михаила Майзульса.

¹ Khlevnjuk O., Gorlizki Y. Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005; Zubkova E. Russia after the War. Hopes, Illusions and Disappointments, 1945–1957. N.Y.: M.E. Sharpe, 1998.

² Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН, 2008. С. 130, 165–190; Statiev A. The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 139–194.

³ Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1986.

коллективным хозяйствам, способствовало росту числа колхозов¹. Здесь Литва, где первая депортация состоялась уже в 1948 г. (операция «Весна»²), опередила своих соседей; в марте 1949 г. депортация обрушилась на нее вновь, на этот раз параллельно с Эстонией и Латвией.

В Прибалтике сталинский «Великий перелом», который сначала затронул Литву, а затем Латвию и Эстонию, соединяет старые и новые принципы категоризации и стигматизации, преследование антисоветских элементов и «возрождение» классовой борьбы. Он свидетельствует о новой фазе советизации, чьи отзвуки болезненно отзывались как минимум до 1950 г.: за этот период Латвия была окончательно переустроена по советскому образцу. Изучение латышского «фронта» операции «Прибой» поможет оценить многообразие опыта депортации и позволит его сравнить с предыдущими репрессивными волнами (раскулачиванием 1930-х гг., операциями 1940–1941 гг., репрессиями послевоенных лет). Современная историография представляет мартовскую депортацию 1949 г. либо как один из аспектов коллективизации (раскулачивание по образцу крупных волн экспроприации и насильственного переселения 1929–1932 гг.), либо как один из радикальных инструментов умиротворения деревни, где шла партизанская война³. Как это часто бывает, в обеих интерпретациях есть доля истины — свидетельство тому и противоречивая категоризация лиц, подлежащих ссылке, и объяснения причин депортации, которые по ходу событий звучали со стороны советских инстанций и из уст самих жертв ссылки. Депортация была направлена в первую очередь против кулаков, но заодно должна была покарать последних «предателей» и навсегда искоренить «бандитизм» — вооруженное националистическое сопротивление советской власти, которое продолжало быть головной болью для МГБ–МВД⁴. Она возникла в точке пересечения двух различных стратегий по отношению к деревне, которые были призваны очистить сельскую местность от всех потенциально враждебных элементов. Однако, несмотря на свои масштабы, депортация 1949 г. не стала для ее жертв, арестованных и депортированных, столь жестоким ударом, как предыдущая операция 14 июня 1941 г. Через судьбы ссыльных, которые нам известны прежде всего благодаря свидетельствам, собранным в рамках проекта «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» (<http://museum.gulagmemories.eu/ru>), мы попытаемся оценить специфику этой операции в рамках истории советской коллективизации, послевоенных советских репрессий и других волн депортации, обрушившихся на Латвию.

Против кого была нацелена операция «Прибой»? Александр Статиев в своих работах перечислил те категории населения, против которых была направлена операция: враги, которых органы до того не трогали; гражда-

¹ Кивимаа Э.Х. Переломные годы в прибалтийской деревне. Деятельность коммунистической партии Литвы, Латвии и Эстонии по коллективизации сельского хозяйства. Таллин: Ээсти рамаат, 1986. С. 99.

² Сталинские депортации 1928–1953. Документы / Под ред. Н.Л. Поболь, П.М. Поляна. М.: Фонд Демократия, 2005. С. 641–643.

³ Kott M., Strods H. The File of Operation «Priboi»: A Reassessment of the Mass Deportation of 1949 // Journal of Baltic Studies. 2007. Vol. 33, № 1. P. 1–36.

⁴ Statiev A. Motivations and Goals of Soviet Deportations in the Western Borderlands // Journal of Strategic Studies. 2005. Vol. 28, № 6. P. 984.

не, помогавшие бандитам; выпущенные по амнистии и, в первую очередь, кулаки¹. В этом плане депортация оказывается продолжением коллективизации, сбавившей темпы в 1944 г. и вновь набравшей обороты в 1947 г. В 1930–1940-х гг. советская коллективизация была немыслима без раскулачивания. Однако определение «кулака» до и после войны, на старых и на новых территориях не было одним и тем же². После 1947 г. фигура кулака, классического классового врага 1930-х гг., начинает мутировать и интегрирует стигмы, связанные с оккупацией и сопротивлением советизации³. Такой поворот дела не остался незамеченным латышскими крестьянами, которые опасались, как бы их не записали в этот проклятый класс⁴.

Фигура кулака никогда не исчезала с политической повестки дня советской Латвии, однако ее роль в категоризации населения за десять лет успела измениться. Если в 1940–1941 гг. о «кулаках» почти не вспоминали, в период немецкой оккупации эта категория вновь оказалась востребована, а в послевоенный период выходит на первый план. Определение кулака, конечно, включало те же элементы, что и в 1930-е гг., однако в нем заметна и «латышская» специфика. После войны, как мы видели, кулак — это одно из возможных обозначений «предателя» повсюду в СССР и особенно на новых территориях, где кулаки еще не подвергались коллективным репрессиям и не были ликвидированы как класс. С началом подпольной антисоветской борьбы слово «кулак» на всех территориях, где действовало антисоветское сопротивление, все чаще использовалось как синоним «пособника бандитов». Эти категории максимально сближаются в 1947 г. с началом коллективизации. Ее подготовка и проведение способствовали возрождению словаря 1930-х гг. и переносу на новые территории социальных схем того времени⁵. Можно ли дать какое-то политическое и социально-экономическое определение прибалтийского и тем более конкретно «латышского» кулака? Во всех трех республиках оно было официально выработано весной 1947 г. Поскольку после перераспределения земель площадь возделываемого участка уже не могла служить критерием, «кулака» стали определять по тому, каким трудом он занят и какую рабочую силу использует: есть ли у него сельхозрабочие, владеет ли он сельскохозяйственным инвентарем и скотом, который за плату одалживает другим крестьянам, получает ли заработок от продажи урожая. Количественные оценки имущества и форм эксплуатации, используемых кулаками, варьировались от республики к республике, и в каждой были свои нюансы. В Латвии определение кулака окрашивается в политические тона, поскольку к ним приравнивали землевладельцев, которые в период оккупации вернули свои конфискованные наделы⁶. В Латвии заметней, чем в соседних республиках, возрождение классовой борьбы в духе 1930-х гг.

¹ Statiev A. The Soviet Counterinsurgency... P. 165.

² Marples D.R. The Kulak in Post-War USSR: The West Ukrainian Example // Soviet Studies. 1984. Vol. 36/4. P. 560–570.

³ Statiev A. The Soviet Counterinsurgency... P. 147.

⁴ РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 23. Л. 13 (цит. по: Zubkova E. Russia after the War. P. 171).

⁵ Lewin M. Who Was the Soviet Kulak? // Soviet Studies. 1966. Vol. 18, № 2. P. 189–212.

⁶ Кивимаа Э.Х. Переломные годы... С. 54–55.

стремились связать с последствиями оккупации. Существует много гипотез, способных объяснить эту специфику: особенности немецкой оккупации, в ходе которой «богатым крестьянам» были возвращены земли, ранее у них экспроприированные; последствия послевоенной аграрной реформы, которая, перераспределив землю и лишив кулаков имущества, подорвала «классическую» базу этого класса. Наконец, критерии «богатства» варьировались от области к области, от района к району. Административное дробление сельской местности и социальные различия между регионами требовали бесконечной подгонки имущественных критериев, необходимых для выявления «кулаков»¹. Помехи в проведении коллективизации, вину за которые сразу же возлагали на кулаков, спровоцировали вмешательство Москвы. Первый залп критики в адрес Коммунистической партии Латвии прозвучал 15 ноября 1948 г. 28 ноября была принята резолюция Совета министров СССР «О мерах по помощи колхозам, МТС и совхозам Латвии» — следующим шагом (9 января 1949 г.) стало уже решение о депортации кулаков. МГБ, которому центральные власти поручили его реализацию, назначило операцию «Прибой» в Эстонии и Латвии на 25 марта 1949 г.

Следующий ниже список потенциальных ссыльных показывает, насколько широко толковались категории «сообщников бандитов» и «кулаков», которые зачастую накладывались друг на друга. Счет депортируемых велся по «семьям кулаков/националистов» либо по «кулакам с их семьями, семьям бандитов и националистов». Кулаков ссылали, не разбивая семей, тогда как отъявленных «бандитов» и «националистов» арестовывали и приговаривали к лагерным срокам, а их семьи ссылали (по модели, опробованной в 1941 г.). Целями операции также стали семьи убитых бандитов, тех, что еще оставались в подполье, были осуждены или даже «легализованы» (если они «продолжали вести враждебную [СССР] деятельность»), а также сообщники бандитов, однако их долю в общем числе депортированных оценить трудно. Отметим «ретроактивный» характер операции, которая также затронула семьи коллаборационистов и бандитов, арестованных или амнистированных в предыдущие годы². Один из таких примеров — семья некоего Кришьяниса Куплана, арестованного в 1944 г. за членство в местных вспомогательных силах, участие в арестах подозреваемых в просоветских симпатиях и охоте за партизанами. Он был осужден по ст. 58-1а на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах с конфискацией имущества. Несмотря на это, его жена и дочь остались жить на хуторе. Они были объявлены кулаками и в 1949 г. занесены в список на депортацию³.

В 1949 г. классовый враг, предатель и бандит соединяются в одном и том же лице. Националистическая герилья отныне толкуется как классовая война в деревне, где главным противником советской власти продол-

¹ Saleniece I. (ed.). 1949. gada 25. martā izvesto balsis. Dažu Daugavpils un Ilūkstes apriņķa deportēto ģimeņu likteņi mutvārdū vēstures avotos un arhīva dokumentos (Голоса депортированных 25 марта 1949 г. Судьбы депортированных семей из районов Даугавпилса и Илуксте по устным и архивным источникам). Daugavpils: Saule, 2008. P. 48.

² Сталинские депортации... С. 645–648.

³ Saleniece I. (ed.). 1949. gada 25. martā izvesto balsis. P. 219–222.

жают быть кулаки¹. «Семьи кулаков и националистов» воспринимаются как основные зачинщики беспорядков, главная помеха для коллективизации и подпитка угасающего сопротивления² (что, конечно, не соответствует социальному составу «банд» и их «сообщников»³). Хотя в 1944–1946 гг. большинство характеристик участников вооруженного националистического сопротивления основывалось не на социальных, а на политических критериях, с приближением депортации их определение начинает «социализироваться». Кроме того, операция 1949 г., связавшая воедино борьбу с бандитизмом и классовую борьбу, была задумана как кульминация всех репрессий, развернувшихся в Латвии после войны. Истории многих людей показывают, как различные стигмы накладываются друг на друга. Свекор Ирины из Даугавпилса был кулаком, который даже после аграрной реформы продолжал использовать труд сельхозрабочих, которые у него трудились без договора. Двое его сыновей служили в немецкой армии. Сам он во время войны ездил в Третий рейх. Он был попросту образцовым «врагом»: предатель, отец предателей, богатый крестьянин, чье имущественное положение, возможно, уже ретроспективно было истолковано как дополнительное отягчающее обстоятельство⁴. Образцовое поведение семьи во время войны могло спасти «кулака» от депортации. Несколько примеров, которые приводит МВД, охотно фиксировавшее ошибки, совершенные МГБ: в списки на депортацию неправомерно попала гражданка, у которой четверо сыновей служили в Красной армии, а в другом месте — гражданин, имевший правительственные награды⁵. В отдельных случаях депортация касалась лиц, относящихся одновременно ко всем подлежащим ссылке категориям, а кого-то порой освобождали благодаря «смягчающим обстоятельствам».

Эксперименты и нововведения: организация депортации. Депортация 1949 г. по многим параметрам отличается от кампании 1941 г. Во-первых, хотя точечные аресты проводились в Риге и других городах, в географическом плане основной целью операции была сельская местность⁶. Во-вторых, кампания 1949 г. была намного более массовой, чем в 1941 г.: с территории Латвии в Сибирь было выслано в 3 раза больше народа (15 тыс. в 1941 г., 43 тыс. в 1949 г.). В 1949 г., спустя пять лет после отвоевания Латвии, советские инстанции лучше знали территорию и помехи, которые могли там возникнуть, чем в 1941 г., всего через год после аннексии. Об этом свидетельствуют инструкции и меры предосторожности, принятые в ходе депортации и призванные учесть как местный контекст, так и возможную международную реакцию. Однако, несмотря на масштаб депортации, на индивидуальном уровне она была не так жестока, как в 1941 г. Это связано прежде всего с тем, что изначально было решено не разделять семьи, а депортировать их целиком; кроме того, условия жизни в Сибири оказались не так чудовищны, как во время войны.

¹ Statiev A. Motivations and Goals... P. 989.

² Кивимаа Э.Х. Переломные годы... С. 88–89.

³ Saleniece I. (ed.). 1949. gada 25. martā izvesto balsis. P. 643.

⁴ Ibid. P. 70, 72–76.

⁵ Сталинские депортации... С. 652–659.

⁶ Riekstiņš J., Bleire D. The second mass deportation of the inhabitants, March 25, 1949. Riga: Latvian State Archive, 2008.

Еще одно отличие от предыдущих лет: в 1949 г. главным распорядителем депортации, через свои различные подразделения, стало МГБ¹. Оно руководило операцией и контролировало ее ход. В ней участвовали и другие силы: служащие транспорта и связисты, которые требовались для быстрой транспортировки депортированных и координации операций². Помощь со стороны МВД была нужна лишь время от времени и на отдельных этапах. Она ограничивалась прежде всего логистикой: транспортом, охраной, административным поселением и, главное, распределением в районах ссылки³. В решении этих задач участвовали все подразделения МВД: центральное министерство рассчитывало, сколько высланных сможет принять тот или иной регион, МВД Латвии отвечало за инфраструктуру депортации, а сибирские подразделения министерства — за прием и расселение контингентов. Конечно, МВД вовсе не было в восторге от того, что оказалось на вторых ролях у МГБ, тем более что МГБ использовало всю его инфраструктуру, телефонные линии и местные кадры. Доходило до того, что в своих докладах латышское МВД жаловалось на недостатки в работе МГБ, которому не хватало рук и эффективности, и нахваливало собственные части, необходимые для планомерного проведения арестов⁴. Депортация вновь пробудила соперничество между двумя министерствами и провоцировала напряжение между ними, уже возникшее в предыдущие годы в ходе борьбы с бандитизмом или в процессе паспортизации⁵.

Депортация была проведена стремительно, гораздо быстрее, чем в 1941 г. Без сомнения, тут сказалась практика, наработанная во время высылки народов Кавказа, крымских татар и калмыков. Поголовная депортация «наказанных народов» в тяжелых условиях войны или выхода из нее дала центральным властям необходимый опыт в сфере массовой переброски населения. Да и по сравнению с почти миллионом депортированных с Кавказа, сотня тысяч балтийских крестьян выглядела просто смешно...⁶ Операция «Прибой» потребовала мобилизовать колоссальные силы, намного лучше экипированные и более опытные, чем в 1941 г. Всего задействованные в операции ведомства привлекли 8850 солдат: 4350 было отправлено в Эстонию и 4500 — в Латвию. Как отмечают Г. Стродс и М. Котт, участие первой моторизованной дивизии им. Дзержинского, которая обычно базировалась в Москве и отвечала за ее оборону, показывает, сколь большое значение центральные власти придавали успеху этой операции⁷. Была обеспечена вся необходимая инфраструктура: телеги (реквизированные на месте?) и грузовики для транспортировки семей до вокзалов, где на три республики было выделено 108 поездов (они были

¹ Kott M., Strods H. The File of Operation «Priboi»... P. 7.

² Ibid. P. 10, 16.

³ Сталинские депортации... С. 645–648.

⁴ Там же. С. 652–659, 658.

⁵ Statiev A. The Soviet Counterinsurgency... P. 174.

⁶ Denis J. De la condamnation à l'expulsion: la construction de l'image de collaboration de masse durant la Grande Guerre patriotique (Crimée, Nord Caucase, République kalmouke) // Campana A., Dufaud Gr., Tournon S. (dir.). Les Déportations en Héritage. Les peuples réprimés du Caucase et de Crimée hier et aujourd'hui. Rennes: Presses Univ. de Rennes, 2009.

⁷ Kott M., Strods H. The File of Operation «Priboi»... P. 17.

рассчитаны на «контингент» до 150 тыс. чел.)¹, готовых отправиться в сибирские спецпоселения. Как и в 1941 г., основные силы и посланцы Москвы не могли обойтись без помощи местных кадров как минимум для того, чтобы не потеряться на деревенских дорогах, ведущих в тот или иной «хутор». Для этого были привлечены «традиционные» помощники: «активисты», комсомольцы и члены партии... В Латвии силы, задействованные в операции, были разделены на группы по 9–10 чел. (всего 3250), каждая из которых отвечала за депортацию четырех семей. Хотя депортация их соседей порой не вызвала у местных активистов ни малейшего энтузиазма, они покорно выполняли возложенную на них миссию. Однако сомнения в их надежности, которые не оставляли МГБ, объясняют, почему было приложено столько сил, чтобы сохранить операцию в секрете.

Секретность и побег. Одержимость «секретностью», намного более острая, чем в 1941 г., объяснялась не только местными условиями, но и международными факторами. Само собой, центральное руководство МГБ извлекло уроки из ошибок, допущенных во время операций 1941 г.: слишком много местных кадров было извещено о приближающейся депортации и смогло сообщить ее дату своим подопечным. Хотя в 1949 г. часть латышей продолжала бояться того, что их, как и до войны, ждет депортация, мало кто мог предположить, что она состоится именно в марте. Многих жертв и свидетелей она застала врасплох², тем более что после арестов, амнистии и раскулачивания насильственное изгнание казалось уже ненужным. МГБ приложило максимум усилий, чтобы сохранить информацию в тайне: его план по обеспечению секретности предусматривал, что солдаты, прибывшие из России и Белоруссии, а также члены их семей, не должны были знать ни о месте их дислокации, ни о целях пребывания в балтийских республиках. Вплоть до дня Д разворачивание столь масштабных сил должно было преподноситься как «весенние учения». Дезинформация, ставшая со времен войны обычным инструментом военных или репрессивных операций³, свидетельствует о постоянном подозрении, которое государство питало по отношению к собственным гражданам, войскам, внутренним и внешним врагам. В 1949 г. страх перед международной реакцией на депортацию требовал действовать осмотрительно. Так, Бурмак, высокопоставленный офицер МГБ из центра, запретил командирам подразделений использовать слово «операция», которое следовало систематически заменять на «учения». Этот термин был подхвачен главой латышского МГБ Новиком, который 15 марта, за десять дней до начала операции, передал своим подчиненным «план по борьбе с бандитизмом», который также должен был объяснить присутствие такого количества солдат и милиции в сельской местности. В некоторых районах телефонные линии милиции были отключены. Авто- и железнодорожные конвои, посланные из Риги, прибывали максимально незаметно и должны были оставаться в «изоляции... от местного населения»⁴. Что касается

¹ Kott M., Strods H. The File of Operation «Priboi»... P. 12–13.

² Skultans V. The expropriated harvest: narratives of deportation and collectivization in North-East Latvia // History Workshop Journal. 1997. Vol. 44. P. 179.

³ Denis J. De la condamnation à l'expulsion...

⁴ Сталинские депортации... С. 653, 656.

представителей местных властей (администрации, активистов, комсомольцев), их предупредили лишь за несколько часов до начала операции¹. Как и в 1941 г., они принадлежали к самым широким кругам: от членов партии до тех, кто служил в истребительных батальонах, от местных управленцев до «активистов», вплоть до библиотекарей деревенских клубов или молодых комсомольцев. Для некоторых из них, как и для их будущих жертв, переброска населения на другое место жительства, о которой секретари местных партийных ячеек объявили в сам день операции, могла быть полной неожиданностью.

Несмотря на все усилия, разворачивание таких сил не осталось незамеченным и, как и в 1941 г., вызвало самые разные толкования. Одни видели в нем указание на то, что вскоре начнется новая война. Хотя в 1949 г. этот слух казался намного менее правдоподобным, чем в 1941 г., он свидетельствует о том, что среди латышей все еще жила, пусть и слабая, надежда на то, что вспыхнет война против СССР, и они вновь обретут независимость. Для других появление таких масс солдат и разворачивание транспортной инфраструктуры пугающе напоминало о том, что случилось в 1941 г. Какие бы меры предосторожности ни принимало МГБ, новость стала понемногу распространяться. МВД не упускало случая поймать своего могущественного конкурента на утечке информации. Так, сотрудник рижского МГБ лейтенант Рубин отправился в Даугавпилс к своему двоюродному брату, кулаку Рубину, и тот, как вполне можно было ожидать, за две недели до операции скрылся, спрятав часть своего имущества². В сельской местности вокруг Риги 30 % мужчин, занесенных в списки на депортацию, удалось спрятаться³. В других районах кулаки продавали свое добро и уходили в бега. Список таких инцидентов, который приводится в докладе МВД, требовался прежде всего для того, чтобы заклеить некомпетентность МГБ, и потому его следует использовать с осторожностью: да и в целом число скрывшихся по сравнению с общим числом депортированных оказалось крайне невелико. Спротивление коллективизации, а затем депортациям было очень незначительно: мало побегов, единичные случаи физического сопротивления. В Риге (где было задержано всего 700 семей) один человек попытался отстреливаться; в деревне несколько глав семейств скрылись. Лишь в отдельных местах вновь отмечены случаи бандитизма⁴. Наконец, несмотря на дошедшие до кого-то слухи о грозящей опасности, многие крестьяне не желали спасаться бегством. Рассказ Ирины, родившейся в 1920 г. в Даугавпилсском районе, в семье мелких землевладельцев и коммерсантов, показывает, откуда шла утечка информации и почему семьи отказывались бежать. «Мы знали, мы знали! — отвечает она на вопрос интервьюера Ирены Салениеце. — Племянница моего мужа работала в Варкаве, в волости (вероятно, в администрации. — Ж. Д.). Она все знала». И, конечно, проинформировала своих родных. Муж Ирины попытался срочно вступить в соседний колхоз, чтобы избежать депортации. Однако его не приняли — председа-

¹ Kott M., Strods H. The File of Operation «Priboi»... P. 13–15.

² Сталинские депортации... С. 652–659, 654, 657.

³ Statiev A. The Soviet Counterinsurgency... P. 178.

⁴ Сталинские депортации... С. 652–659, 653–654.

тель велел ему «возвращаться домой». Списки на депортацию уже были готовы, участь занесенных в них — предreshена. Ирина с мужем не стали скрываться. «Да и куда нам было бежать со всей семьей? У нас был маленький ребенок»¹. Однако порой, как это случалось и в 1941 г., главы семейств прятались, а их жен и детей депортировали. Некоторые из них затем объявлялись уже на вокзале и просили, чтобы их отправили вместе с родными. Другие готовились к тому, что их арестуют и заранее паковали вещи, которые носили с собой на работу. В Илукстском и Лудзском уездах за несколько дней до депортации в магазинах резко вырос спрос на товары первой необходимости: соль, спички, теплую обувь и другие вещи, которые будущие депортированные рассчитывали захватить с собой в Сибирь. Паника и отдельные инциденты были связаны скорее не с утечкой информации, а с продолжительностью самой операции². Тем не менее в целом она прошла, как было запланировано, а люди, не зная куда бежать, покорились. 25 марта было сослано от 90 тыс. до 94 тыс. чел., из них 41 862 латыша (т.е. 13 624 семьи): 11 529 мужчин, 19 414 женщин и 10 919 детей. По утверждениям МВД, эти данные лишь приблизительны (из-за некомпетентности МГБ)³. Точное число депортированных по-прежнему неизвестно: между цифрами, звучавшими в момент депортации, оценками 1980-х гг. и нынешними подсчетами остаются расхождения. Да и сама советская и постсоветская статистика, с ее манерой точности и стремлением указать число жертв вплоть до «последнего крестьянина», традиционно вызывает сомнения.

Новые спецпоселенцы в Сибири. Архивные документы описывают прибытие в спецпоселки гораздо подробнее, чем в 1941 г. Это вовсе не удивительно: более тщательная предварительная подготовка, не столь чудовищные условия в местах ссылки свидетельствуют о том, что к моменту депортации в условиях мирного времени органы успели наработать необходимый опыт. На всем протяжении пути была предусмотрена кормежка депортированных. Так, остановка в Свердловске была продумана до малейших деталей (запасы воды, пищи, горючего, медикаментов, отправка больных в госпиталь)⁴. Организаторы учли сезонные условия и возможности транспортировки в зависимости от морозов. На всем пути от Латвии до Сибири в самих конвоях или поблизости от железнодорожных станций была обеспечена медицинская помощь⁵. Региональные власти, деревенское или колхозное начальство озаботились трудоустройством и размещением новоприбывших⁶. Они стремились их рациональнее распределить по районам. Архивы сохранили пространную переписку между центральным МВД и его сибирскими подразделениями, где еще до депортации оценивалось число семей, которые они могут взять на содержание и обеспечить работой (список занятий тоже стал разнообразнее, чем в 1941 г., и помимо лесозаготовок включал также рыболовецкий промысел и работу в шах-

¹ Saleniece I. (ed.). 1949. gada 25. martā izvesto balsis. P. 62.

² Сталинские депортации... С. 652–659, 656–657.

³ Statiev A. Motivations and goals... P. 659.

⁴ Сталинские депортации... С. 660–661.

⁵ Там же. С. 652–659, 656.

⁶ Там же. С. 645–648.

тах¹). Если в 1941 г. переселенцы воспринимались местными властями как лишний груз, который требуется прокормить в условиях войны с Германией и хронической нехватки продуктов, в 1949 г. все обстояло принципиально по-иному. Сибирские власти были рады прибытию новых рабочих рук и даже ходатайствовали об увеличении контингентов. Перспектива того, что им достанутся мужчины-крестьяне, а не женщины и дети городских буржуа не могла не радовать председателей сибирских колхозов. Даже в рядах МВД многие в 1949 г. воспринимали депортированных как будущих колхозников. Например, когда по пути в Сибирь один из глав семейств совершил побег, МВД сетовало не на пропажу врага народа, а на потерю работника!² Кроме того, указ о депортации разрешал ссыльным брать гораздо больше поклажи, чем в 1941 г. (вдобавок количество мест багажа указывалось на человека, а не на семью в целом). Эта мера облегчила участь депортированных во время транспортировки, а потом в местах ссылки: жертвы смогли взять с собой продукты, одежду, посуду, домашнюю утварь и орудия труда. Да и местные сибирские власти были рады такому раскладу событий, так как вдруг получили некоторый приток товаров первой необходимости и скромный, но необходимый набор сельскохозяйственных инструментов³. Вот почему на долю депортированных в 1949 г. не выпали ни такие семейные катастрофы, ни такая нужда, ни такая политическая и национальная стигматизация, как на долю их предшественников 1941 г. На всех этапах депортация была гораздо лучше организована, а ее условия были не такими чудовищными. География спецпоселков 1949 г. тоже отличается от расселения сосланных в 1941 г. Латышских ссыльных отправляли в более отдаленные места: в основном в районы Иркутска и Омска, некоторые оказались в Новосибирской области и Красноярском крае. Факт прикрепления к спецпоселку фиксировался в двух документах: расписке и удостоверении. Первая бумага, которую подписывал сам спецпоселенец, означала, что он признает свой статус принудительно высланного на неопределенный срок; вторая заменяла ему внутренний паспорт. Конечно, как и другие спецпоселенцы до них, депортированные 1949 г. должны были по меньшей мере раз в месяц — под угрозой осуждения на двадцать лет лагерей⁴ — являться в комендатуру⁵. Их трудоустраивали в сибирские колхозы, и, как всегда, чрезвычайно суровые условия требовали времени на адаптацию. Однако поскольку они не были разлучены с семьями, им было проще смириться с новыми обстоятельствами⁶. Да и сами условия жизни в сибирских колхозах успели измениться: времена войны и голода прошли. Смертность спецпоселенцев того времени не превышала среднюю по СССР⁷.

¹ Сталинские депортации... С. 643–645.

² Там же. С. 654.

³ Там же. С. 645.

⁴ Saleniec I. (ed.). 1949. gada 25. martā izvesto balsis. P. 84–85, 92–94, 98–101.

⁵ Kott M., Strods H. The File of Operation «Priboi»... P. 21; Saleniec I. (ed.). 1949. gada 25. martā izvesto balsis. P. 83.

⁶ Сталинские депортации... С. 652–659, 657.

⁷ Statiev A. The Soviet Counterinsurgency... P. 190–191.

Местные власти высоко ценили доставшуюся им продуктивную рабочую силу. Например, латышские и литовские крестьяне считались усердными и квалифицированными работниками. Конечно, спецпоселенцы 1949 г. были со всех точек зрения лучше приспособлены и экипированы для тяжелой работы в полях и в лесу, которая требовалась сибирским колхозам: большинство из них было родом из сельских районов Латвии, а рубка леса — привычное для крестьян ремесло. Их умения и инструменты, которые они привезли, позволили им без труда влиться в «рабочие бригады». В некоторых районах происходил даже обмен опытом, только на этот раз новые колхозники учили старых: прибалтийские крестьяне делились с местными своими навыками и инструментами, что облегчало труд всей бригады¹. Появление «новых спецпоселенцев» не осталось незамеченным спецпоселенцами предыдущей волны. С прибытием новых контингентов жизнь в изгнании стала налаживаться. Депортированные 1941 г. восприняли новую депортацию чуть ли не как возрождение. Сочувствуя своим изгнанным соотечественникам, ссыльные 1941 г. тем не менее были рады, что их община получила столь явное материальное и психологическое подкрепление. Хотя география депортаций 1941 и 1949 гг. не полностью совпадает, многие из переживших довоенную ссылку стали свидетелями того, как прибывали новые контингенты, состоявшие из их соотечественников-латышей, а также эстонцев и литовцев, которых приняли так же радушно. Для всех латышских изгнанников конец 1940-х гг. стал временем, когда условия их существования значительно улучшились: депортированные 1941 г. интегрировались в местную деревенскую среду, им платили скудную зарплату, которой, впрочем, было достаточно, чтобы выжить, а порой и купить товары, символизирующие новую жизнь, например фотокамеру, о чем свидетельствуют многочисленные снимки Сибири, сделанные после 1948–1949 гг. Новые латышские спецпоселенцы быстро адаптировались к изменившимся социальным и профессиональным условиям. Несмотря на тяготы насильственного изгнания, потерю их ферм и ностальгию по утраченной родине, рассказы бывших депортированных явно свидетельствуют о том, что жизнь в ссылке вновь стала входить в свою колею. Были открыты школы, работали колхозные клубы, молодежь проводила кинопоказы и танцы... Сильва, которую депортировали в 1941 г., когда она была еще маленькой девочкой, восхищенно рассказывает о новых литовских друзьях, девушках и особенно юношах, которые не были осуждены на лагерный срок и влили в сообщество депортированных свежую кровь². В количественном отношении депортация 1949 г. была кульминацией сталинских репрессий в Латвии. В масштабе республики это был жестокий удар, но для его жертв это насильственное изгнание со всех точек зрения было менее тяжким, чем предыдущие волны репрессий в Прибалтике и по всему СССР. Что касается сибирских спецпоселков, то депортация 1949 г. консолидировала их население, состоявшее из местных жителей и депортированных первой

¹ Политика оккупационных властей в Латвии, 1939–1991: сб. документов / Под ред. Э. Пелкаус. Рига: Нордик, 1999. С. 291–292.

² Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. Интервью (при участии Алена Блюма) с Сильвой Линарте, Даугавпилс, 13 января 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/fr/salle/silva-linarte>

волны, которым пришлось пройти через тяжкие испытания военного времени. Тем не менее для Латвии (из-за небольшого размера республики) депортация стала демографическим ударом, а для сосланных — крушением устоявшегося уклада жизни¹.

Операция 1949 г., которая явилась кульминационной точкой репрессий в Латвии, была проведена спустя четыре или пять лет после отвоевания республики. Подобная «пауза» связана с рядом факторов. Перед центральными советскими институтами и местной латышской властью стояла задача послевоенного восстановления, а всевозможные трудности, которые приходилось преодолевать, препятствовали разработке рациональных и централизованных планов в экономике и административной сфере. Кроме того, самые радикальные меры сдерживал неисчезавший страх перед «внешним» (пусть это были только слова) вмешательством. Наконец, первые послевоенные годы позволили отобрать «надежные» кадры, на которые режим рассчитывал опереться в ходе будущих кампаний. Другими словами, внутренние и внешние обстоятельства и потребность в кадровых ресурсах объясняют, почему отмщение, обрушившееся на некоторые категории населения (семьи «бандитов»; амнистированных, которых органы до тех пор не трогали; «кулаков», на которых вечно писали доносы, но еще не арестовали), было столь «запоздалым».

То, как в конце 1940-х гг. сложилась судьба Латвии, отражает одновременно глубинные тренды в истории сталинизма и конкретные обстоятельства военной и послевоенной обстановки в республике. Можем ли мы говорить о том, что Латвия, в уменьшенном масштабе, воспроизвела все этапы насаждения сталинизма, через которые СССР прошел в 1930-е гг.? Вслед за «переходной» фазой, в ходе которой жесткий удар обрушился на «предателей» и «бандитов», были введены в действие ставшие к тому моменту привычными консервативные меры по репрессивному контролю за населением². Методы, применявшиеся в 1930-х гг., были актуализированы и адаптированы к контексту новоприсоединенной территории. Несмотря на всю их жестокость и радикальность, в Латвии конца 1940-х гг. они оказались не столь смертоносны, как большие волны репрессий, обрушившиеся на страну в 1930-е гг., или как предыдущие депортации и политические чистки в самой Латвии. В первые годы после установления сталинизма в прибалтийских республиках меры, которые раньше рассматривались как революционные (всеобщая коллективизация), превратились в реакционные и намного менее смертоносные формы контроля над населением, адаптированные к условиям послевоенной поры. Перераспределение земли, коллективизация способствовала умиротворению деревни. Она вела к резкому сокращению числа личных хозяйств, которые служили препятствием как для экономического планирования, так и для контроля над сельской местностью³. Мартовская депортация 1949 г. была призвана очистить общество и от «политических врагов», и от классово чуждых

¹ Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе. Интервью (при участии Алена Блюма) с Казимиром Генделем, Даугавпилс, 13 января 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.gulagmemories.eu/salle/kasimir-gendels>

² Swain G. *Between Stalin and Hitler: Class war and Race war on the Dvina 1940–1946*. London; N.Y.: Routledge Curzon, 2004. P. 215.

³ Kott M., Strods H. *The File of Operation «Priboi»...* P. 4.

элементов. Она должна была одним махом решить две проблемы и тем самым придать новый импульс коллективизации (за счет изгнания недозволенных и использования их земли как фонда для колхозов), а также помочь в умиротворении сельской местности (через колхозную рационализацию землепользования и ликвидацию народной — не всегда добровольной — поддержки антисоветских банд). Однако сквозь все эти меры, сосредоточенные на деревне, явно просматривается более широкий замысел — установить контроль над всей республикой, чьи города уже были советизированы: благодаря кампаниям конца 1940-х гг. вся Латвия оказалась под крепким контролем советской власти.

Т.В. Волокитина

БОЛГАРСКИЕ ТУРКИ: ПРОБЛЕМА ДЕПОРТАЦИЙ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ (конец 1940-х — начало 1950-х гг.)

История Болгарии начиная с последней трети XIX в. связана с весьма значительными для небольшой балканской страны перемещениями населения. После создания нового независимого государства в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. началось массовое переселение православных болгар из соседних Фракии, Македонии и Добруджи, а проживавших в Болгарии мусульман — в Турцию. Крупные миграционные потоки, причем во встречных направлениях, были зарегистрированы после Первой мировой войны, когда в Болгарию прибыли более 250 тыс. жителей фракийской части Греции, а на греческую территорию из Болгарии выехали около 40 тыс. чел.; в сентябре 1940 г. в связи с передачей Румынией Южной Добруджи в Болгарии оказались еще примерно 300 тыс. чел. Одновременно накануне и в годы Второй мировой войны был зарегистрирован существенный рост числа эмигрантов — этнических турок.

После Второй мировой войны процесс перемещения продолжался, хотя и в относительно меньших масштабах, определяясь во многом внешнеполитическими факторами. Так, в 1946–1947 гг. Болгарию покинули около 5 тыс. армян, репатриированных в Советскую Армению; в 1948–1954 гг. на историческую родину в Израиль вернулись 45 тыс. болгарских евреев¹.

В настоящей статье рассматриваются вопросы переселения и депортаций турецкого населения Болгарии как часть сложной и отягощенной негативными проявлениями «мусульманской проблемы» в стране. Она и ныне остается одной из наиболее болезненных для болгар и не решенных ни на уровне международного права, ни во внутригосударственной практике.

Среди мусульманского населения наибольшей по численности являлись сформировавшаяся на развалинах мультинациональной Османской империи этнорелигиозная масса (в современной литературе она определяется этнонимом «болгарские турки»), а также помáки — мусульмане или магометане болгарского этнического происхождения. Помимо них, в му-

¹ Подробнее см.: <http://www.dic.academic.ru/dic>; <http://onlinedcs.ru/s/>; <http://obolgarii.ru/commo>.

сульманскую этническую общность входили цыгане, татары, гагаузы и пр. По первой официальной переписи населения 1880 г. в Княжестве Болгария насчитывалось 750 тыс. мусульман, что составляло 28 % всего населения¹. Основными местами расселения тюркоязычных мусульман, т.е. тех, для которых турецкий язык был родным или разговорным, были северные, часть центральных и юго-восточных районов страны — Шуменская, Старо-Загорская, Бургасская, Плевенская и Пловдивская области. Болгароязычные помаки сосредоточивались в основном в Родопских горах на сопредельной с Грецией южной территории Княжества. Отдельные анклав-ы их имелись и в центральных районах (горный массив Стара Планина).

Толерантное в целом отношение болгарского государства к своим гражданам мусульманской веры соответствовало действовавшей в стране модели сосуществования и взаимодействия разных национальностей. От турецкого «комшия» — сосед она получила название «комшилук» и предполагала сожителство и даже сотрудничество. Вместе с тем границы между этническими и религиозными общностями оставались не просто прочными, но и, как правило, непреодолимыми.

После освобождения болгарские турки воспользовались возможностью свободно переселяться в Турцию. Характеризуя политику властей в целом, следует подчеркнуть, что мусульманское население пользовалось значительной внутренней автономией и не испытывало на себе какого-либо направленного интеграционного воздействия со стороны государства.

Переселенческий вопрос актуализировался в связи с провозглашением соседней Турции республикой (октябрь 1923 г.) и ее вступлением на путь модернизации и европеизации, поскольку в соответствии с принятым курсом на укрепление турецкой нации и идеями пантюркизма Турция заявила, что является родиной всех турок, независимо от мест проживания. Официальная София, воспринимая кемалистские (пантюркистские) идеи как опасное средство усиления турецкого национализма и, следовательно, как угрозу государственной безопасности Болгарии², с энтузиазмом согласилась содействовать добровольному переселению болгарских турок. По Соглашению 1925 г. в течение 10 лет предполагалось переместить примерно 600 тыс. чел., притом не более 10 тыс. в год. Обе стороны систематически нарушали договоренности. Болгарская сторона в целях достижения «массовости» прибегала к принуждению, а турецкая пыталась контролировать людские потоки «географически»: всячески поощряла переселение из придунайских районов на северо-востоке Болгарии и препятствовала оттоку болгарских турок с пограничных с Турцией южных территорий, противореча тем самым громким заявлениям о готовности принять всех своих «братьев».

Активное поощрение Анкарой националистических настроений «внешних» турок серьезно повлияло на формирование двуединой политики

¹ Хаков Д. История на Турция през XX век. София, 2000. С. 144.

² Подробнее о распространении кемалистских идей в Болгарии см.: Яльмов И. Кемализмът и отражението му в България. София, 2005; Он же. Влияние на кемалисткия модернизъм върху турското малцинство в България // Турция. Балканите. Европа. История и култура. Изследвания в чест на професор Дженгиз Хаков. София, 2003. С. 31–43.

болгарских властей: противодействуя утверждению *национальной идентичности* турецкого населения (это выразилось в сокращении числа национальных школ и печатных изданий на турецком языке, препятствовании замене арабицы латиницей, ограничении участия турок в органах власти), болгарские «верхи» одновременно всячески поддерживали *религиозную идентичность* болгарских турок. В этом они опирались на поддержку исламского духовенства, резко выступавшего против лаицизации общественной жизни в Турции и «безбожного» кемализма. Религиозная обособленность означала сохранение в Болгарии некоей анонимной мусульманской общности и блокировала процесс развития национального самосознания болгарских турок под влиянием кемалистских идей. Активно поощряя переселенческие настроения и, более того, вынуждая болгарских турок эмигрировать (на это, в частности, были направлены меры по их экономическому разорению¹), официальные болгарские власти проводили также целенаправленную политику по ограничению образовательных стандартов в турецких школах. В 1935 г. Министерство народного просвещения предложило «официально представлять дело так, что делается все возможное... чтобы поднять турецкие школы на подобающую высоту, но не допускать при этом, чтобы они сравнились по результатам обучения с народными (т.е. болгарскими. — Т. В.) школами... Одно подчиненное национальное меньшинство, проживающее компактными массами... будет представлять собой серьезную опасность для безопасности нашего государства, если путем просвещения поднять его на ту же ступень». Еще более четко формулировалась задача в одном из докладов полицейского ведомства в 1941 г.: «Следует сделать все возможное, чтобы турки утонули в невежестве, их культурный уровень был как можно ниже, а в материально-экономическом отношении не позволить им твердо встать на ноги. Таким образом, они окажутся в положении, когда не смогут и не будут иметь времени заниматься политическими вопросами»². Особая задача (как подчеркивалось в одном из официальных документов, — «скорее разведывательная, нежели чисто педагогическая») возлагалась на учителей-болгар, преподававших болгарский язык, историю и географию. Они должны были «незаметно следить» за всем происходящим в каждом турецком селе, стать «глазами и ушами государственной власти»³.

Накануне Второй мировой войны *предполагаемая* угроза со стороны «национально осознавшего себя» турецкого населения сменилась *реальной* угрозой безопасности страны со стороны других государств, развернувших дипломатическое сражение за Болгарию. Подметивший эту особенность ситуации болгарский османист Д. Хаков указал на первостепенное значение для Софии укрепления отношений с Турцией⁴. Подписанная 17 февраля 1941 г. двусторонняя декларация о ненападении и взаимных гаран-

¹ Подробнее см.: Мемишев Ю. Участието на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. 1919–1944. София, 1977. С. 120, 125.

² Там же. С. 123, 168.

³ Там же. С. 123.

⁴ Хаков Д. Българо-турските отношения и турското население в България // *Studia balkanica* 23. Изследвания в чест на чл.-кор. професор Страшимир Димитров. София, 2001. Т. 2. С. 698.

тиях территориальной целостности стала основополагающим документом, регулировавшим в целом отношения двух стран в военное время. При этом нельзя не согласиться с выводами историков о том, что положение мусульманского населения, в частности болгарских турок, в период Второй мировой войны доныне остается почти неизученным¹.

Война, в которой Болгария участвовала на стороне стран «оси», принципиально изменила расстановку сил на мировой арене. Ко времени ее завершения все отчетливее определялась перспектива перехода страны в сферу интересов Советского Союза и, как следствие, усиления воздействия советского фактора на все сферы жизни общества. В сентябре 1944 г. в результате государственного переворота была установлена левоориентированная власть Отечественного фронта (ОФ). На протяжении 1944–1948 гг. в стране существовал политически вариативный, переходный режим народной демократии, характеризующийся борьбой различных альтернатив общественного развития². На этом этапе, в условиях реализации коалиционной системы власти и неурегулированного международного положения Болгарии как бывшего сателлита фашистской Германии, от болгарского правительства требовались аккуратные, тщательно выверенные шаги во внутренней, в том числе национальной, политике. Вместе с тем болгарские коммунисты, последовательно укреплявшие свои позиции и постепенно наращивавшие представительство в органах власти, не скрывали своей ориентации на советскую общественную модель. Сфера конфессиональной и национальной политики не была при этом исключением.

В целом непосредственно после смены власти в стране отношение к мусульманской общности на основе демократических принципов соседствует с определенным недоверием к болгарским туркам и намерением воспрепятствовать оживлению турецкой националистической пропаганды. В связи с этим уже 9–10 февраля 1945 г. на конференции актива болгарской компартии, работающего среди болгарских турок, была озвучена принципиальная установка — отдельных турецких организаций не создавать, а имеющиеся влить в Отечественный фронт³. В основу решения легла полученная из Москвы от Георгия Димитрова инструкция, в которой указывалось: «Национальным меньшинствам следует предоставить полные права, но с турками необходимо быть осторожными. Они должны быть равноправными, иметь те же политические и гражданские права, что и болгары, возможность учиться на своем языке, иметь школы, мечети. Но как турки они не должны представлять какое-либо обособленное турецкое национальное движение, в противном случае будут созданы условия для деятельности турецкой агентуры в стране. А мы хотим прогнать Турцию из Европы, пусть отправляется в Азию. Любое турецкое национальное движение в стране станет раной на теле болгарского народа. Турки не должны организовываться в национальный союз, не должны избирать»

¹ Бюксеншютц У. Малцинствената политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци. 1944–1989. София, 2000. С. 123.

² Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? Общественные процессы в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг. М., 1993.

³ Яльмов И. История на турската общност в България. София, 2002. С. 283–285.

ся в парламент как представители турецкой национальной группы, а только на общих основаниях — как болгарские граждане турецкого происхождения. В Национальном комитете [ОФ] можно создать турецкую комиссию для пропаганды и агитации в духе ОФ среди турецкого населения. Туркам следует прямо заявить: те, кто хотят жить в Болгарии вместе с болгарями, должны иметь и равные обязанности. Те, кому это не нравится, *пусть отправляются в Турцию* (курсив мой. — Т. В.). Болгарский язык в турецких школах должен быть обязательным. Турецкий национализм мы не признаём...»¹.

Эта установка прозвучала в то время, когда власть ОФ, стремясь отграничиться от национальной политики прежних буржуазных правительств, официально не рассматривала вопрос о переселении болгарских турок². Хотя конкретными материалами, подтверждающими, что Димитров напрямую выразил точку зрения Москвы, исследователи в настоящее время не располагают, однако определенное сходство некоторых приведенных формулировок со сталинскими³, безапелляционность и агрессивная тональность переданных в Софию указаний свидетельствуют, по нашему мнению, о факте обсуждения национальной политики советскими руководителями и Димитровым. Косвенные подтверждения этому проявятся и позднее.

В соответствии с полученными указаниями корректируется прежняя политика по отношению к турецкому меньшинству: школы переведены на государственное финансирование, обучение в них, как и в болгарских, стало бесплатным, обеспечен доступ турецкой молодежи в вузы, создана сеть детских садов для турецких детей, библиотек-читален, разрешен выпуск газет и другой печатной продукции, а также организовано радиовещание на турецком языке, и пр. Болгарским туркам стали доступны административные должности, крестьяне стали получать пенсии наравне с болгарями. В принятой в декабре 1947 г. Конституции НРБ было закреплено определение «национальные меньшинства» и их право учиться на родном языке, развивать свою национальную культуру (ст. 79), хотя при этом декларировалось обязательное изучение болгарского⁴. Отсутствие в Основном законе конкретного упоминания турецкого меньшинства дела не меняло: фактически национальный статус болгарских турок был подтвержден, и в официальных публикациях того времени постоянно использовалось определение «турецкое национальное меньшинство». Показательно, что одним из внешних признаков обретения турками права

¹ Указания на Георги Димитров от Москва, прочтены на заседание на ЦК на БРП(к). 6 февруари 1945 г. // «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век). София, 2009. Т. 1. С. 45–46. Док. № 5.

² Калинова Е. Насилието в политиката на българската държава към българските турци. 30-те — 80-те години на XX век // История. 2004. № 3. С. 55–56.

³ На встрече с Димитровым в Москве 25 ноября 1940 г. Сталин, оглашая советское предложение заключить пакт о взаимопомощи с Болгарией и указав на цель политики Москвы в отношении Турции — «иметь там базы, чтобы Пролетарии не были использованы против нас», пообещал: «Мы прогоним турок в Азию». — Георги Димитров. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 203.

⁴ Конституция на Народна Република България, приета на 4 декември 1947 г. // Български конституции и конституционни проекти / Съставители: Веселин Методиев и Лъчезар Стоянов. София, 1990. С. 50–51.

нацменьшинства стало активное изменение ими фамилий: отпадение характерного для болгарских фамилий окончаний *-ов, -ев*. Так, парламентарий Сабри Демиров в 1948 г. превратился в Сабри Демироглу, тырновский муфтий Исуф Али Османов — в Акифа Османоглу (Османолу) и пр.¹ Вместе с тем проявлялись и определенные ограничения принципа равноправия. Например, продолжало действовать решение Политбюро ЦК БРП(к) от 12 февраля 1945 г. о работе среди турецкого меньшинства, содержавшее отказ в требовании турок допустить молодежь к службе в регулярной болгарской армии. Было признано целесообразным «пока с этим подождать, хотя это требование справедливо»². Несомненно, это было связано с унаследованным от прежних режимов страхом перед влиянием на болгарских турок южной соседки и возможным превращением их в дестабилизирующий фактор в стране. Для властей главным раздражителем при этом являлось наличие компактного турецкого населения в стратегически важных пограничных с Турцией южных районах. Оно рассматривалось как потенциальная «турецкая агентура» и «пятая колонна» при возникновении опасных для Болгарии зигзагов турецкой политики.

Болгарские историки сообщают, что на протяжении 1944–1945 гг. турки не стремились покинуть страну. Первое при новой власти переселение пришлось на 1946 г., когда в Турцию, по некоторым данным, выехали 493 чел. Характерно, что почти все они являлись сравнительно зажиточными представителями городских сословий и надеялись быстро и безболезненно интегрироваться в турецкое общество³. В октябре 1946 г. на выборах в Великое Народное собрание болгарские турки массово проголосовали за ОФ, о чем свидетельствовали поступившие в VII Управление ГлавПУРККА подробные материалы, в том числе статистические, по районам компактного проживания болгарских турок⁴. Главную причину, по которой их основная масса отдала свои голоса за кандидатов Отечественного фронта, военные политработники усматривали в «политике равенства», проводимой правительством. Отмечены были также и «хьюкюметские» настроения части турок (от турецкого «хьюкюмет» — правительство), т.е. привычка турок голосовать за официальную власть⁵. Показательно, что в своем большинстве болгарские турки в то время равнодушно отнеслись к возможности переселения, что исследователи объясняют в первую очередь существенным улучшением их культурно-бытовых условий⁶.

Принципиальные коррективы в национальную политику государства были внесены в условиях разгоравшейся «холодной войны» и складыва-

¹ Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998. С. 98–99.

² Протокол от заседание на Политбюро на ЦК на БРП(к) «за работа сред турското малцинство». 12 февруари 1945 г. // «Възродителният процес»... Док. № 6. С. 47. Решение о службе в армии болгарской молодежи независимо от национальности было принято Политбюро ЦК БКП 20 октября 1950 г. — Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 64. А. е. 103. Л. 1.

³ Христов П. Изселването на турци от България в периода 1950–1951 г. // История. 1996. № 6. С. 50.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 269. Л. 5–15.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Стоянов В. Турското население... С. 95.

ния биполярного послевоенного мира. В июле 1947 г. был подписан договор между США и Турцией об экономической и военной помощи, обострились советско-турецкие отношения по вопросу о режиме Проливов. Общее ухудшение международного климата к середине 1947 г. затронуло и болгаро-турецкие отношения. Официальная Анкара усилила пропагандистскую деятельность среди болгарских турок. В мае 1947 г. было объявлено, что Турция готова принять турок-переселенцев на основе прежних соглашений. Обвинив болгарские власти в нарушении прав турецкого населения на свободное переселение (оно осуществлялось с разрешения СКК) и на беспрепятственный вывоз эмигрантами движимого имущества, Анкара инициировала также и постановку вопроса о положении турецкого меньшинства в Болгарии перед мировым сообществом. В конце 1947 г. возросло количество инцидентов на болгаро-турецкой границе, где дело дошло до перестрелок и нападений на болгарские погранпосты. Имелись случаи нарушения воздушного пространства Болгарии турецкой авиацией. При одной из таких попыток два турецких военных самолета были сбиты в районе г. Созопол, в юго-восточной части страны, после чего отношения с Турцией достигли критической точки. Все это не способствовало снижению напряженности в мусульманском вопросе в самой Болгарии, где власть ОФ стремительно теряла коалиционный характер и сосредоточивалась в руках коммунистов. После раскола послевоенного мира на два лагеря Болгария открыто восприняла советскую модель общественно-политической трансформации с ее основополагающей триадой — индустриализация, коллективизация, культурная революция. В этих условиях менталитет, традиции и уклад жизни болгарских турок (большинство их, как и прежде, составляли крестьяне и низшие городские слои) вступали в противоречие с характером перемен в стране, стимулировали переселенческие настроения. В частности, турки опасались, что в школах их дети не смогут изучать Коран, противились идее равенства мужчин и женщин, острое сопротивление вызывало начавшееся кооперирование деревни. Определенное влияние на настроения турок оказало и массовое переселение болгарских евреев в Израиль.

Изучение обстановки в южных околиях Старо-Загорской области, проведенное сотрудниками 7-го отдела Политуправления Южной группы войск, выявило значительное число случаев перехода болгарскими турками болгаро-греческой границы с намерением затем переправиться в Турцию. Только за февраль — апрель 1947 г. покинуть страну, по неполным данным, удалось 138 туркам; 150 чел. были задержаны болгарскими пограничниками и еще 23 перебежчика — греческими партизанами. Среди причин перехода границы назывались материальные трудности, голод, нежелание служить в строительных («трудовых») войсках и пр. У одного из задержанных было найдено письмо-обращение к турецкому консулу в Гюмюрджине от имени 30 помаков с просьбой помочь им переправиться в Турцию¹.

Тщательно проанализировав ситуацию, межведомственная комиссия при Министерстве иностранных дел Болгарии пришла к выводу, что турецкое население «никогда не будет лояльным и надежным элементом», что «нет ни одной турецкой семьи, в которой не говорилось бы о пере-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 269. Л. 25–26.

селении, ни одного турка, в голове которого не засела бы глубоко эта идея»¹. И уже на январском пленуме ЦК БРП(к) 1948 г. Димитров предельно откровенно сформулировал основную задачу политики в отношении турецкого населения: «Хочу сказать вам — пусть это останется между нами, — что есть один вопрос, который возник не вчера. Он заключается в том, что вдоль нашей южной границы мы имеем, в сущности, неболгарское население, представляющее собой подлинную язву для нашей страны. Перед нами, партией и правительством, стоит вопрос, как найти способ убрать его оттуда, переселить на другое место, а туда заселить наше собственное, болгарское население. В различных [стратегически] важных районах страны, как в Шуменской, Разградской и других областях, мы имеем компактное турецкое население. При нашем режиме, который предоставил полную свободу [нац]меньшинствам, начали поднимать голову муфтии, турецкие агенты; молодежь начала проявлять турецкий национализм, смотрит на Цариград и Анкару. Мы должны принять соответствующие меры. Эту проблему необходимо решить в 1948 г. С этой точки зрения в Национальном комитете ОФ следует создать комиссию из представителей меньшинств, с помощью которой и провести эту сложную операцию. Мы не можем оставить Народную республику Болгарию в том положении, в каком она пребывала до 9 сентября»².

Обращает на себя внимание сходство этой установки с советской практикой депортаций «провинившихся» народов, причем первой, довоенной, волны депортаций, основной мотивацией которой для сталинского руководства было укрепление обороноспособности государства. Да и в болгарской истории депортации также имели место: еще свежи были воспоминания болгар о насильственном выселении их соотечественников турецкими властями из Восточной Фракии и Малой Азии в 1913 г. безо всякой имущественной компенсации. Отметим, что уже в послевоенные 1946–1947 гг. с призывами избавиться от болгар в Эгейской Македонии (их насчитывалось там от 60 до 70 тыс. чел.) активно выступала греческая печать. Сравнивая болгарское население с «занозой, которая в скором времени загноится», и «раковой опухолью в легких Греции», газеты напоминали о принудительном выселении немцев в соответствии с решениями «большой Тройки» и подчеркивали, что «точно так же следует поступить и со славянами»³. Иными словами, в вопросе о депортациях болгарские коммунисты не изобрели ничего нового и шли в ногу с XX столетием с характерным для него, помимо прочего, проявлением силового синдрома в мышлении и конкретной политике.

Полные данные о реализации плана Димитрова отсутствуют. По сведениям турецкого историка Б. Шишмира, в июле 1948 г. 50 вагонов переселенцев были направлены из района Родоп в Добруджу, а в октябре

¹ Калинова Е., Баева И. «Възродителният процес» — върхът на айсберга. Българската държава и турската етническа общност в страната (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век) // «Възродителният процес»... С. 14.

² Из изказване на министър-председателя Георги Димитров на заседание на ЦК на БРП(к) по въпроса за турското население. 4 януари 1948 г. // «Възродителният процес»... С. 48. Док. № 8.

³ Цит. по: Даскалов Г. Българите в Егейска Македония: Мит или реалност. Историко-демографско изследване (1900–1990 г.) София, 1996. С. 254–255.

1949 г. и сентябре 1950 г. еще 91 вагон из Златограда и Крумовграда — соответственно в Северную Болгарию, Разград и Шумен¹. Конфиденциальные партийные источники указывали, что до августа 1948 г. в принудительном порядке из районов Неврокопа, Смоляна, Девина, Златограда, Крумовграда и Момчилграда были депортированы 415 семей, или чуть более 2300 чел.² И. Ялымов сообщает, что в 1948 г. на основе нескольких постановлений Совета министров только из километровой зоны вдоль южной границы были насильственно выселены более 685 семей «политически неблагонадежных элементов» (примерно 3700 чел.). К середине 1950 г. с южной и западной границы дополнительно были депортированы 1550 семей. Их дома, земли и виноградники передавались в государственный поземельный фонд, причем предусматривавшаяся компенсация неоднократно откладывалась, растянувшись на годы, а кое-где вообще не была выплачена³. Депортации, как установили сравнительно недавно исследователи, с самого начала задумывались как акция, затрагивавшая и других мусульман, поскольку незадолго до нее более 100 тыс. помаков, татар и цыган зарегистрировались как «турки»⁴. Этот факт явился неожиданным для болгарского руководства, месяцем ранее, в июле 1948 г., записавшего в решении Политбюро, что «помаки — это болгары, а не турки или нечто среднее между болгарами и турками», «...это болгарское население в далеком прошлом [было] насильственно отуречено... в его интересах отбросить всякое влияние турецкой реакции и полностью присоединиться к болгарскому народу»⁵. Переселения обернулись огромными трудностями, привели к значительной смертности, особенно детской, явились дополнительным стимулом для распространения переселенческих настроений среди мусульманского населения.

Сосредоточившись на внутренних депортациях, болгарское руководство вплоть до середины лета 1949 г. стремилось пригасить переселенческий энтузиазм своих граждан. Оно опасалось, что массовый исход болгарских турок, рвавшихся на историческую родину, негативно скажется на международном имидже Болгарии. Важную роль играл при этом и экономический фактор — необходимость обеспечить сбор урожая табака, поскольку турки являлись отменными табаководами.

Летом 1949 г. вопросы национальной политики, в том числе переселенческий, обсуждались болгарскими с советскими руководителями. На встрече В. Червенкова, Г. Дамянова и А. Югова со Сталиным в Москве 29 июля⁶ гости получили «совет» «освободиться от турок» как «неблагонадежного элемента» при возможном военном конфликте. Бегло поинтересовавшись их экономическим состоянием, Сталин заметил: «Пусть тур-

¹ Немецкий исследователь У. Бюксеншютц, который привел эти сведения в своей книге, указал на отсутствие у турецкого автора каких-либо ссылок на источники (Бюксеншютц У. Малцинствената политика... С. 127).

² ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 520. Л. 11.

³ Ялымов И. История на турската общност... С. 306.

⁴ Бюксеншютц У. Малцинствената политика... С. 194.

⁵ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 637. Л. 5.

⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949–1953. С. 192–201. Док. № 60.

ки поедут в Турцию, там им зададут, там они почувствуют разницу»¹. Вспомним приведенное выше димитровское пожелание «пусть отправляются в Турцию», относящееся к началу 1945 г. и подтверждающее, по нашему мнению, обсуждение болгарской национальной политики в Москве на самом высоком уровне. Из советского альтернатива записи беседы следует, что во время встречи болгары затронули также и вопрос о помаках. Сообщив, что в пограничных районах проживают 150 тыс. болгар-магометан, А. Югов подчеркнул, что «придется их переселять внутри Болгарии»². Судя по опубликованному советскому документу, вопрос о помаках был на этом исчерпан, однако, как оказалось, он имел тогда продолжение. 4 августа 1949 г. на пленуме ЦК БКП Червенков, информируя делегатов о встречах в Москве, сообщил, что Сталин во время беседы «посоветовал попытаться начать движение по переводу помаков в православие, создать с этой целью [инициативную] группу». На высказанные болгарскими гостями сомнения Сталин возразил: «Не говорите так, у нас в Грузии мы предприняли такую попытку, и она увенчалась успехом»³. Думается, что советский лидер руководствовался, помимо прочего, и опытом «решения» униатской проблемы в некоторых странах Восточной Европы путем перевода в православие греко-католиков⁴. Эта акция напрямую была связана с решением широкого спектра общеполитических задач в конкретных странах региона (от обеспечения национально-государственной консолидации румын в новых границах после присоединения Трансильвании до подавления легальной оппозиции складывавшемуся тоталитарному режиму в Чехословакии) и укреплением там советского влияния, для чего использовались разные, в том числе и церковные, каналы.

После возвращения болгарских руководителей из Москвы Политбюро ЦК БКП 18 августа 1949 г. специально обсудило переселенческий вопрос, исходя из основополагающей установки, что болгарские турки являются частью турецкой нации, а их родиной — современная Турция. В основу принятого решения, помимо «совета» Москвы, был положен доклад члена Политбюро Д. Терпешева, совершившего по поручению ЦК в июле инспекционную поездку по Кырджалийскому округу. Отметив, что в большинстве турецких кварталов из 2–3 или 5–10 домов болгарская власть «почти не чувствуется», Терпешев констатировал: «Эта компактная турецкая масса, в которой нет ни единого болгарина, живет полностью чувствами к Турции и настроена враждебно к нам. Их мы никогда не сможем приобщить»⁵. Особенно уязвим этот край был бы при возможных драматических собы-

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... С. 198.

² Там же.

³ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 42. Л. 46.

⁴ Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций (40-е — 50-е годы XX века). М., 2008. С. 421–480.

⁵ Под понятием «приобщение» длительное время понималось привлечение болгарских турок к идеям и практике социалистического строительства в стране. Основным методом приобщения являлись позитивные изменения в социально-культурной сфере. Впоследствии «приобщение» все определеннее стало проявляться в устранении этнической и религиозной специфики турецкого населения. Пиком явился «возродительный процесс» середины 80-х гг., в ходе которого широко применялись насильственные методы.

тиях и конфликтах. ...Мы должны обдумать вопрос, как и когда выселить турок, кем их заменить и какие преобразования следует осуществить в этом крае, чтобы получить оттуда табак и одновременно защитить границу». Терпешев предлагал проводить выселение «поэтапно и по группам», в первую очередь освобождаясь от «реакционеров и подстрекателей»¹. В решении Политбюро указывалось, что если Турция откажется принять всех желающих, то они до конца года будут переселены в северные районы Болгарии, а их место займет болгарское население². В конце декабря 1949 г. Министерство иностранных дел Болгарии поставило перед турецкой стороной вопрос о принятии примерно 250 тыс. болгарских турок-переселенцев (примерно треть всего турецкого населения) *из южных районов страны* (курсив мой. — Т. В.), причем в кратчайший, трехмесячный, срок.

Охватившая болгарских турок переселенческая эйфория, однако, быстро разбилась о непреклонность позиции турецкой стороны, не спешившей раскрыть свои объятия эмигрантам. В мае 1950 г. по дипломатическим каналам из Анкары в Софию поступила информация, что турецкие власти предпочитают иметь в Болгарии «на неопределенное время» компактное турецкое население «чуть ли не с двойным гражданством», ощущающее свое пребывание в Болгарии временным и глядящее одним, а то и обоими глазами на Анкару³. В августе 1950 г. болгарское правительство официально выразило свое беспокойство в связи с явным нежеланием Анкары принять всех желающих: из 54 тыс. чел., получивших к тому времени болгарские выездные визы, турецкая сторона, в свою очередь, предоставила въездные визы только 15 тыс. чел.⁴ Нажим болгар подействовал: до конца 1950 г. количество въездных виз достигло 71 тыс.⁵ Эта интересная статистика отразила, на наш взгляд, двойные стандарты переселенческой политики обеих сторон. Анкара действовала вопреки многократным пропагандистским заявлениям в защиту болгарских турок, стремившихся вернуться на «родину-мать». София всячески поощряла выселение с последующим выездом в Турцию болгарских турок непосредственно из пограничья, но в то же время не отказалась от намерения максимально «обезвредить» часть турецкого населения путем депортаций в Северную Болгарию.

Одновременно стараниями болгарских властей обострился вопрос о собственности эмигрантов. Был взят курс на ограничение возможностей вывоза ими движимого имущества, покупавшегося на полученные от распродажи недвижимой собственности средства: составлялись и уточнялись списки разрешенных к вывозу вещей, искусственно снижались цены на землю и срывались сделки по ее продаже. Эти мероприятия способствовали поддержанию ненормального положения, когда, как образно формулировала турецкая сторона, переселенцы начали массово прибывать в Турцию «голыми и босыми»⁶.

¹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 637. Л. 26.

² Там же. А. е. 653. Л. 4–5.

³ Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие на българската външна политика (1944–1955). Лекционен курс. София, 2003. С. 206.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Стоянов В. Турското население... С. 113.

⁶ Тодорова Р. Българо-турски отношения след Втората световна война (40-те — 60-те години) // Исторически преглед. 1994–1995. № 5. С. 37–38.

Следует учитывать, что в вопросе переселения Анкара столкнулась с объективными трудностями, главная из которых заключалась в невозможности «переварить» в сжатые сроки огромные массы переселенцев. Кроме того, турецкие власти опасались проникновения в страну «коммунистических агентов». Последовали официальные протесты Анкары против предложенных болгарскими властями темпов переселения; по требованию турецкой стороны переселенцы должны были предоставлять декларации о своих политических взглядах, а также подтверждать наличие родственников в Турции, способных содержать прибывавших в страну в течение года. В августе 1950 г. Турция вообще закрыла границу, прервала в одностороннем порядке железнодорожное сообщение и потребовала от болгарской стороны принять обратно своих граждан, не имеющих на руках правильно оформленных документов. В основном это коснулось 360 семей болгарских цыган. Болгарская сторона пошла на уступки, что позволило через два месяца возобновить переселение. Всего в 1950 г. страну покинули около 56 тыс. переселенцев¹.

В декабре 1950 г. на заседании Политбюро ЦК БКП с участием первых секретарей окружных, околийских и городских комитетов партии был подведен итог бурным событиям года и подтверждена политика государства в отношении болгарских турок. Выступивший с докладом министр иностранных дел М. Нейчев был предельно лаконичным: «Мы, насколько возможно, должны освободиться от турецкого элемента в нашей стране. Наша политика не должна сводиться к тому, чтобы убеждать турок остаться в нашей стране или мешать этому. Но мы не должны и вынуждать их покидать страну. ...Мы должны вести нашу политику таким образом, чтобы все больше и больше турок выселялись и притом из пограничных областей»². Очевидное внутреннее противоречие выступления Нейчева не мешает выявить главное — фактически речь шла о «выдавливании» турок из Болгарии, создании условий, делавших их пребывание в стране невозможным и подводящих к «добровольному» решению о выезде. (Интересно, что много позднее, в 1980-е гг., для обозначения аналогичной по своей сути политики существовала «для внутреннего пользования» болгарского руководства аббревиатура «ДД» — «дискретный дискомфорт».)

Обе стороны, и болгарская, и турецкая, заботились о «качественной» составляющей переселенческого потока. Турки, исходя из критерия полезности эмигрантов, отдавали предпочтение умелым ремесленникам, людям, обладавшим какой-либо квалификацией, и вообще, как прозвучало на упомянутом заседании Политбюро ЦК БКП, «более прогрессивным». Болгарские власти, в свою очередь, стремились освободиться от «наиболее реакционной и отсталой части» турецкого населения³.

Историки уже задались вопросом о роли советского фактора в возникновении переселенческого кризиса 1950 г. Существует мнение, что массовой организацией переселения Москва попыталась решить задачу коммунистической инфильтрации в Турцию и политико-экономической дестабили-

¹ Стоянов В. Турското население... С. 115.

² Доклад на Минчо Нейчев, министър на външните работи, при съвещанието на Политбюро на ЦК на БКП с първите секретари на окръжните, околийските и градските комитети на партията. 2 декември 1950 г. // «Възродителният процес»... С. 52–53. Док. № 13.

³ Там же. С. 52.

зации страны. Подтверждением этой версии ее сторонники считают совпадение по времени сильной эмиграционной «волны» с наступлением китайских войск в Северной Корее (Турция участвовала в корейской войне своим воинским контингентом)¹. Не только официальная Анкара, но и многие болгарские турки — члены БКП считали, что вся переселенческая эпопея 1950 г. является результатом «подстрекательских» действий Москвы. В целом этот вопрос нуждается в дополнительной проработке с обязательным привлечением новых источников. Так, желательно установить, какие указания получил Червенков от Сталина в 1950 г. «по вопросам положения в Турции, Греции и Югославии» (об этом болгарский руководитель сообщил послу в Софии М.Ф. Бодрову 23 февраля 1953 г.)². Пока же с определенностью можно констатировать лишь то, что болгарские власти продолжали политику массового переселения, а Турция вновь попыталась уменьшить масштабы переселения, предложив ввести переселенческую квоту — 10–12 тыс. чел. в год. В этой сложной для болгарской стороны ситуации подоспели очередные «советы» Москвы.

В январе 1951 г., после еще одной встречи со Сталиным (Червенков был в Москве 9–12 января 1951 г. на совещании партийных лидеров и министров обороны народно-демократических стран) болгарский руководитель сообщил Политбюро ЦК БКП о том, что советские товарищи «очень интересуются турками — сколько их имеется, каковы их земли и пр.»³. Из ограниченного на сегодня круга источников и информации о московском совещании известно, что советское руководство инициировало на нем обсуждение проблемы усиления общей обороны «социалистического лагеря» в условиях войны в Корее и развернувшейся милитаризации Западной Германии с перспективой ее включения в военные структуры Запада⁴. Помимо намеченного развертывания армий и резкого роста военно-промышленного потенциала, речь шла о военно-оперативной подготовке территорий народно-демократических стран к возможным военным действиям. В этом контексте становится понятным настойчивый интерес московских «друзей» к положению и настроениям турецкого населения в Болгарии. По словам Червенкова, болгары были вынуждены выслушать критику со стороны московских товарищей. «Мне задали вопросы, из которых видно, что наша работа среди турок ведется недостаточно хорошо, — рассказывал Червенков. — ...Турки и их агенты работают лучше нас. Посоветовали нам — турок следует расколоть», т.е. изолировать тех, кто не воспринимает социализм. В районах компактного проживания болгарских турок было рекомендовано создавать крепкие кооперативные хозяйства, оснащать их

¹ Стоянов В. Турското население... С. 112.

² АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 185. Д. 8. Л. 4–5. Из журнала записи посетителей кремлевского кабинета Сталина узнаем, что в 1950 г. Червенков дважды, 26 апреля и 24 июля, встречался с советским лидером. В этих встречах участвовали соответственно дипломаты и военные (Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 // Ист. архив. 1997. № 1. С. 12, 16). Балканские дела могли обсуждаться в обоих случаях.

³ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 1217. Л. 3.

⁴ Егорова Н.И. Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947–1953 гг.) // Холодная война. 1945–1953 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. М., 2003. С. 201–202; Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. М., 1997. С. 375.

техникой, чтобы они сами своей успешной деятельностью «агитировали» за кооперирование сельского хозяйства. Москва советовала еще шире использовать советский опыт, а для ознакомления турецкого населения с жизнью трудящихся в СССР и преимуществами социализма призывала направить в Болгарию делегацию из Азербайджана¹.

Таким образом, переселенческий кризис еще набирал обороты, когда советская сторона предложила болгарскому руководству избрать новый вектор политики в отношении турецкого населения: не выселение и освобождение от него, а перевоспитание и привлечение к решению целого ряда задач режима. В качестве примера выступал советский опыт построения «многонационального» государства на основе национальной терпимости, признания национальных особенностей (культурная автономия), стимулирования культурного и экономического развития, активного участия разных национальностей в построении социализма.

Болгарский исследователь И. Яльмов считает, что в основе этого замысла лежала сталинская идея «экспорта революции», в соответствии с которой болгарских турок следовало использовать для вовлечения Турции в орбиту СССР, противодействовать ее все более активной прозападной политике и втягиванию в НАТО².

Болгарское руководство приступило к выполнению «советов» Москвы. 26 апреля 1951 г. по докладу Тодора Живкова на Политбюро ЦК БКП было принято решение «Об улучшении работы партии среди турецкого населения», по которому начала активно претворяться в жизнь политика «приобщения». Финансовые средства, стройматериалы, продовольствие, товары широкого потребления, «отвечающие быту и нуждам» турок, мощным потоком потекли в проблемные районы, произошло реальное значительное улучшение условий жизни турецкого населения³. Однако традиции и сильные религиозные чувства болгарских турок привели вместо ожидавшейся интеграции к еще большей их обособленности, осознанию себя чем-то отдельным от болгар. В силу этого интенсивность переселенческого процесса практически не сокращалась: в 1951 г. ежедневно страну покидали по 800 чел., среди которых было немало цыган. Турецкая сторона воспользовалась этим обстоятельством и в ноябре 1951 г. вторично закрыла границу, вызвав так называемый переселенческий кризис. В результате 1500 чел. были вынуждены вернуться непосредственно с пунктов перехода болгаро-турецкой границы, а примерно 111 тыс. подавших документы на выезд не смогли получить выездные болгарские визы⁴. Граница оставалась закрытой вплоть до 1968 г. За это время число переселенцев можно было буквально пересчитать по пальцам (23–24 чел.)⁵, хотя в

¹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 1217. Л. 3–4.

² Яльмов И. История на турската общност... С. 311–312.

³ Подробнее см.: Волокитина Т.В. Задолго до «возродительного процесса»... О политике болгарского государства по отношению к турецкому национальному меньшинству (1940-е — 1950-е гг.) // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 121–123.

⁴ Яльмов И. История на турската общност... С. 310.

⁵ Михайлов Ст. Възрожденският процес в България. София, 1992. С. 238; Баева И. «Възродителният процес» в България като национален и регионален конфликт (Причини за възникване и начини за преодоляване) // Гранични и етнонационални конфликти в Средна и Югоизточна Европа. София, 2008. С. 102.

отдельные годы наблюдался определенный рост числа нелегальных переходов.

Подытоживая сказанное, заметим, что в начале 1950-х гг. ни одна из поставленных ранее болгарским руководством задач не была решена. Хотя в кризисные 1950–1951 гг. число переселенцев превысило 156 тыс. (по другим данным, составило более 154 тыс.)¹, резкого сокращения численности болгарских турок не произошло, как не было достигнуто и их полное перемещение из районов южного пограничья. Более того, все более ясно давали о себе знать обусловленные переселенческой политикой трудности в болгарской экономике, прежде всего в сельском хозяйстве (равноценной замены туркам, особенно в табаководстве, не нашлось), возникла проблема освоения пустовавших земель, проявилась нехватка рабочих рук в добыче полезных ископаемых, отчасти в строительстве и прочих традиционных сферах использования турецкой рабочей силы.

И еще один важный момент необходимо отметить: улучшение условий жизни привело к стойкому повышению рождаемости в турецких семьях, что поставило болгарское руководство перед проблемой будущего этнодемографического развития страны и недопущения нежелательного для титульной болгарской нации дисбаланса.

Г.П. Мурашко, С.М. Слоистов

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛИВШИХ ПОСЛЕВОЕННУЮ ПОЛИТИКУ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ЧСР В ОТНОШЕНИИ ВЕНГЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В СЛОВАКИИ (1944–1949)

В фондах российских архивов (в первую очередь в АВП РФ и РГАСПИ) имеются материалы, позволяющие проследить процесс формирования государственной политики ЧСР в отношении национальных меньшинств, населяющих приграничные регионы страны. Значительная часть этих материалов стала доступна для исследователей после публикации сборников документов, подготовленных в Институте славяноведения РАН и изданных в 1997–2002 гг.² Они активно используются исследователями, изучающими новейшую историю Чехословакии и Венгрии. В настоящее время в Институте славяноведения совместно с Культурным центром Венгерской республики в Москве проводится активная работа по выявлению новых архивных документов, раскрывающих послевоенную политику правящих кругов Чехословакии и Венгрии в отношении как венгерского меньшинства в Словакии, так и словацкого населения в Венгрии. Сопоставление известных на сегодняшний день материалов с новыми

¹ Трифонов С. Мюсюлманите и политиката на българската държава (1944–1989) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 212; Стоянов В. Турското население... С. 116.

² См.: Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953: В 2 т. Новосибирск, 1997, 1998; Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953: В 2 т. М., 1999, 2002.

ми фактами и документами позволяет расширить ракурс видения казалось бы уже изученных событий.

Вторая мировая война, как известно, породила в чешском и словацком обществе устойчивый синдром боязни национальных меньшинств. Его появление, закрепленное в исторической памяти этих народов, было вызвано тем, что немецкое и венгерское население, проживающее на территории довоенной Чехословацкой республики, использовалось государствами фашистского блока в качестве инструмента экспансии и ликвидации территориальной целостности страны. Прямым следствием этого и стало стремление сложившегося в ходе антифашистской борьбы Национального фронта чехов и словаков ликвидировать проблему национальных меньшинств и возродить послевоенное государство как государство двух этнически родственных славянских народов — чехов и словаков.

Чехами и словаками война заслуженно воспринималась кульминацией заложенных версальской системой противоречий. Ввиду объективных причин реализация ими законного права на самоопределение в форме независимого государства неминуемо вела к определенному ущемлению прав их соседей. Выделение из состава Венгрии Словакии поставило задачу безболезненного разграничения их территорий. Сильным упрощением было бы сводить вопрос об определении границы лишь к труднореализуемому на практике размежеванию территории по этнонациональному принципу. Даже если допустить, что удалось бы найти приемлемое для обеих сторон решение по определению статуса населенных пунктов со смешанным населением, этнических анклавов, учесть динамику этнонациональной идентичности в пределах жизни одного или нескольких поколений и т.п., то это не сняло бы накала венгеро-словацкого территориального вопроса, поскольку отрыв от Словакии ее южных земель, районов массового проживания венгров, лишал словаков возможности организовать на оставшейся территории самостоятельное независимое государственное образование. В первую очередь это было обусловлено причинами экономического и военно-стратегического характера:

— необходимость иметь минимальную продовольственную базу для обеспечения собственного населения;

— важность наличия транспортных коммуникаций, которые бы не прерывались другими государствами и связывали разные части страны;

— требования военных располагать условиями, позволяющими с учетом ландшафта, естественных характеристик местности организовывать эффективную оборону своей территории и др.

Понимание одинаковой важности этих двух факторов (этнонационального размежевания и учета целостности слагающих пространство регионов), составляющих суть территориального спора, существовало и у советской стороны. Ведущая активную работу под председательством заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства старалась привлекать для разрешения трудных, требующих комплексного подхода вопросов лучших отечественных специалистов.

В фондах Института этнографии АН СССР отложилась переписка, свидетельствующая о предоставлении в начале 1944 г. для работы Комис-

сии рабочих материалов¹. Консультативная работа института еще более активизировалась, когда произошло долгожданное освобождение Красной армией от фашизма стран Восточной Европы и командование испытывало нужду в точной, объективно поданной информации о национально-территориальных проблемах в регионе.

В мае 1944 г. Генеральный штаб попросил подготовить и снабдить подробными картографическими материалами очерк о народах Чехословакии. Заказчика интересовали «границы расселения» и «историко-государственные судьбы народов (до образования Чехословакии...), «территория» и «население (общий состав и по национальным группам, районы расселения основных народностей)». Информацию по экономике Чехословакии в Генштабе просят осветить «кратко, как основной фактор, определяющий жизнь народа и его культуру». Особое значение имеет третий раздел запрашиваемого очерка, который должен был описать историю развития этнографических границ чехов и словаков в прошлом и актуальное их положение, в том числе «внешние границы распространения языка чехов и словаков»². В октябре 1944 г. очерк известного этнографа С.А. Токарева «Чехословакия» с приложением этнографических карт был отправлен в Генштаб³. Там в целом положительно оценили проделанную работу, особенно подчеркнув, что автору удалось «сочетать историческую и этнографическую части». В то же время, по мнению Генштаба, представленная информация нуждалась в доработке. Необходимо было «сопоставить различные точки зрения иностранных ученых на исторические границы расселения чехов и словаков и соответственно резюмировать их»⁴. Особые требования относились к картографическому материалу. «Приложенная к очерку карта не позволяет установить необходимую ясность о границах народностей, населяющих Чехословакию, а дает лишь языковые границы. По языковым же границам, причем в условиях их частого перемежения между собой, трудно определить точные границы расселения народностей»⁵.

Схожие проблемы определения границы касались также и западных рубежей СССР⁶. В этом вопросе советское руководство пыталось найти оптимальное решение, позволяющее, с одной стороны, учесть этнонациональный состав населения разграничиваемой территории, с другой — не кроить имеющие устойчивые экономические и социокультурные связи регионы, не отрывать их от более крупных территориальных комплексов, к которым данные регионы имели тяготение. Учитывались также и требования военных, чтобы формируемая таким образом конфигурация границы обладала достаточным потенциалом для обороны.

Заинтересованное в наличии вокруг своих рубежей пояса дружественных между собой и по отношению к СССР государств, советское руководство, по-видимому, ждало со стороны своих соседей применения дан-

¹ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 15, 22.

² Там же. Л. 56–57.

³ Там же. Л. 132.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 1.

⁵ Там же.

⁶ О роли отечественной этнографии в решении этой трудной задачи см.: Алымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006. С. 138–156.

ных подходов в определении государственных границ как с Советским Союзом, так и между собой. Высшее руководство было информировано о стратегическом значении для Словакии ее южных районов. Это наглядно иллюстрирует эпизод принятия решения о помощи чехословацкому правительству со стороны СССР по организации сопротивления в Словакии. Самым слабым звеном в предложенном в начале 1944 г. чехословацким правительством в Лондоне плане восстания в Словакии было отсутствие возможности организовать эффективную оборону на юге. «Что же касается границы с Венгрией, где местность была доступна для вторжения вражеских войск на всем своем протяжении, то тут чешские генералы из Лондона предполагали не пустить противника с помощью авиации американцев и англичан: бомбардировками с больших высот рассчитывали удержать противника от вторжения в Словакию, — вспоминал своей разговор с заместителем начальника Генштаба А.И. Антоновым генерал С.М. Штеменко в процессе подготовки предложений Верховному Главнокомандующему на план Э. Бенеша. — Из опыта трех лет войны для нас с Антоновым было совершенно очевидно, что выполнить этот план противник не позволит»¹.

Территория Словакии имела определяющее значение в обеспечении безопасности Чешских земель после войны. Утвердившаяся среди чешских политических элит концепция одновременной и равнозначной ориентации как на Запад, так и на Восток могла быть реализована лишь при условии совместной границы чешского государства и СССР. Хотя с чисто экономической точки зрения гораздо выгоднее было использовать потенциал словацкой рабочей силы, традиционно мигрировавшей в более развитые чешские земли, не возлагая на себя заботу по развитию словацкого народного хозяйства, не неся бремя по социальному обеспечению бедного словацкого населения. Конфигурация, при которой чехи и словаки оставались в едином государстве, в практическом, не идеологическом, плане определялась в первую очередь соображениями безопасности, важностью иметь территорию, соединяющую чешские земли с СССР и обладающую экономической самодостаточностью и потенциалом для развития. Без плодородных земель юга Словакии нехватка продовольствия, особенно в условиях конфликта, могла дестабилизировать ситуацию в горных районах Словакии и стать критической нагрузкой для экономики Чехии. Контроль над крупнейшим в Восточной Словакии городом Кошице со стороны Венгрии лишал крайне отсталый восток страны своего традиционного центра, ядра для возможного развития этого региона. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что даже незначительные территориальные уступки Венгрии перерезали стратегические транспортные коммуникации, связывающие Чехию с переданной СССР Подкарпатской Русью. Еще живые, совсем недавние события антифашистского сопротивления в Словакии свидетельствовали о ключевом значении южной границы. Эффективно оборонять словацкую территорию было возможно лишь при условии: — границы по Дунаю, с частичным включением и его правобережья в наиболее уязвимых местах, например плацдармов для возможного форсирования реки в районе Братиславы;

¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2-я. М., 1974. С. 320.

— контроля за входами в словацкую дорожную сеть, ведущую в ее горные районы;

— удерживания за собой примыкающих к границам территорий, например Восточнословацкой низменности, с целью недопущения использования их в качестве плацдармов вероятным противником.

При ориентации в поиске союзников как на Западе, так и на Востоке населенные венграми южные районы Словакии теряли свое стратегическое значение в обеспечении безопасности Чехословакии только в двух случаях. Во-первых, если Венгрия настолько бы интегрировалась в экономическом и политическом плане с Чехией, что с ее территории невозможно было бы ожидать каких-либо военных акций, включая мероприятия третьей стороны. Стоит подчеркнуть, что просто международными договорами и гарантиями такой союз невозможно было обеспечить. Венгрия должна была бы организовать с Чехией практически единое экономическое и военно-политическое пространство, естественно разорвав имеющиеся связи с Германией. Второй вариант — это контроль над Венгрией со стороны СССР, ради связи с которым, собственно, и нужна была Словакия. Советское влияние на Венгрию не могло строиться лишь на жестком военном регулировании. Его долгосрочный характер должен был быть обеспечен посредством формирования просоветской венгерской политики, лояльности венгерских элит, экономической заинтересованности и пр.

Несмотря на то, что дело не пошло дальше благих намерений, идею о федерации в Центральной Европе можно рассматривать как одну из попыток найти приемлемое решение накопившихся территориальных споров. Чешское руководство в Лондоне было открыто к самым широким переговорам с Венгрией по всем спорным вопросам при условии однозначного признания последней домюнхенских границ Чехословакии. Такой подход находил определенный отклик в среде демократически настроенной венгерской эмиграции на Западе. Однако к концу войны у чехословацкого правительства сложилось представление об ограниченном влиянии демократического направления на события в Венгрии, что определило политику Бенеша в вопросе венгерского меньшинства. Для чехов судьбу словацких венгров предпочтительнее было решать не путем двухсторонних венгеро-чехословацких переговоров, а с помощью Великих держав. После получения в конце декабря 1944 г. Бенешем меморандума от советской стороны о намерении заключить перемирие с Венгрией чехословацкое руководство официально информировало СССР о своей позиции. Наряду с требованием признания Венгрией домюнхенских границ появляется предложение организовать переселение словацких венгров из Чехословакии¹.

Исключительно славянский (государство чехов и словаков) характер послевоенной Чехословакии был также закреплен в Кошицкой программе правительства Национального фронта. В ней фиксировалось, что возрожденная Чехословацкая республика будет государством двух славянских народов — чехов и словаков. «Гражданам Чехословацкой республики немецкой и венгерской национальности, являющимся чехословацкими под-

¹ Подробнее о венгерском направлении в политике чехословацкого правительства в Лондоне см.: Čierna-Lantayová D. Tradícia a dejiny: Vybrané otázky zo slovensko-maďarských a slovensko-ruských vzťahov (1934–1949). Bratislava: Historický ústav SAV, 2009. S. 11–18.

данными перед Мюнхеном в 1938 г. будет утверждено подданство и обеспечено возвращение в Республику, в том случае, если они были антинацистами и антифашистами, вели еще до Мюнхена, в период Чехословацкой республики активную борьбу против Генлейна и против венгерских ирредентистских партий, если они после Мюнхена и после 15 марта 1939 г. за свою борьбу против существовавшего тогда антинародного режима и за верность Чехословацкой республике преследовались немецкой или венгерской государственной властью...»¹.

Проект этой программы, разработанный коммунистической эмиграцией в Москве, как свидетельствуют документы российских архивов, проходил экспертизу в ЦК ВКП(б) и в Министерстве иностранных дел СССР. С ним знакомилась Г.М. Димитров, В.М. Молотов, В.А. Зорин.

Пожалуй, наиболее обстоятельными были замечания Зорина, подготовленные в марте 1945 г. В них отмечалось, что в предложенном проекте программы практически отсутствуют обязательства правительства по обеспечению прав национальных меньшинств. При этом Зорин подчеркивал, что речь идет прежде всего об украинцах и русинах. Что же касается других меньшинств, в частности венгров и немцев, то суть замечаний Зорина сводилась лишь к тому, что для лиц венгерской и немецкой национальности нельзя автоматически утверждать чехословацкое гражданство. «Очевидно требуется персональный подход в каждом отдельном случае»².

Однако реальная политика в области национальных отношений оказалась весьма далекой от программных установок, разработанных весной 1945 г. Идея необходимости ликвидации в Словакии как немецкого, так и венгерского меньшинства уже отчетливо превалировала в национальной политике ЧСР. Записи бесед чехословацких политиков с советскими руководителями и дипломатами показывают, сколь настойчиво чехословацкое правительство, буквально с момента, когда встал вопрос о заключении соглашения перемирия с Венгрией, добивалось от советской стороны фиксации своего права на выселение с территории ЧСР всех венгров, а также фиксации обязательства венгерского правительства принять этих переселенцев. Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер 9 января 1945 г. в беседе с В.А. Зориным убеждал последнего, что «обстановка в Чехословакии может сложиться так, что венгры сами будут вынуждены перебираться в Венгрию и могут оказаться в тяжелом положении»³. Чехословацкая сторона считала необходимым внести в соглашение о перемирии специальный пункт о том, что «венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство, и будучи лишены его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет нести заботы об этих лицах с момента перехода ими венгерской границы и заботиться об их устройстве»⁴.

Однако советская сторона, учитывая позиции своих западных союзников, особенно Великобритании, официальные круги которой на завер-

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2000. Т. 1. С. 176.

³ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 1997. Т. 1. С. 134.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 07. Оп. 10. П. 15. Д. 195. Л. 1а.

шающем этапе войны весьма сдержанно относились к идее массовых переселений, не считала возможным поддерживать такие инициативы чехословацкого правительства. Советские дипломаты, на это следует обратить особое внимание, настоятельно рекомендовали чехословацкой стороне отложить рассмотрение вопроса о переселении венгров до заключения мирного договора¹.

Более сложной оказалась и реальная обстановка в самой Чехословакии, ко времени завершения освобождения ее советской армией. Уже в апреле 1945 г. В.А. Зорин, назначенный послом в Чехословакию, срочно сообщал в Москву, что по сведениям, полученным от министра внутренних дел коммуниста В. Носека, Словацкий национальный совет (СНС), являвшийся фактически высшим органом власти в Словакии, предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии. «Причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает неправильным»², — подчеркивал Зорин. Он подробно информировал Москву о расхождениях в позициях по этому вопросу СНС и министра центрального правительства В. Носека. Последний, по словам советского дипломата, исходил из того, что в первую очередь следовало выселять лишь тех венгров, которые прибыли в Словакию после ее оккупации Венгрией в 1938 г. Таких венгров, по мнению Носека, насчитывалось около 3–4 тыс. «Остальных венгров, — считал он, — нельзя сейчас выселять, не проделав предварительной работы, в частности надо объявить трудовую повинность для всех немцев и венгров, находящихся в Словакии, затем создать концлагеря, куда направить тех венгров, которые были не лояльны по отношению к Чехословацкой республике, а затем уже из них отобрать тех, кого надо выселить за пределы Чехословакии»³. Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров — таков был вывод Зорина.

Однако со стороны президента страны Э. Бенеша позиция СНС находила значительно большую поддержку, чем со стороны министра внутренних дел правительства — коммуниста Носека. Э. Бенеш уже с первых месяцев 1945 г. в своих выступлениях ставил вопрос о необходимости выселения из страны не только немцев, но и 550 тыс. венгров. Такая позиция главы государства была отнюдь не случайной. Он располагал информацией, с одной стороны, о наличии сильных антивенгерских настроений в словацком обществе, а с другой — об определенном недоверии к нему, Бенешу, ряда ведущих словацких политиков. Для укрепления своего влияния в их среде он и шел им на уступки по вопросу о судьбах венгерского меньшинства, опираясь на пока еще неофициальное согласие советского руководства. Об этом, в частности, свидетельствует письмо А. Керра В.М. Молотову от 11 апреля 1945 г., в котором Керр пишет: «Когда президент Бенеш был в Москве, я узнал от него, что советское правительство согласилось с его предложениями о выселении примерно двух третей германского и венгерского меньшинства из Чехословакии...»⁴.

¹ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 15. Д. 195. Л. 1а.

² Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 199.

³ Там же. С. 99.

⁴ Архив Президента РФ (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 725. Л. 6.

Выступления Э. Бенеша, и особенно принятие декрета о наказании военных преступников от 19 мая 1945 г. стимулировали активность местных словацких властей. Свидетельством тому является весьма любопытный документ, поступивший в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Димитрова от начальника УП управления ПУРККА генерала Бурцева. Последний сообщал 19 июня 1945 г.: «В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с. г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания»¹. К этому времени Словацкий национальный совет, обсудив вопрос о выселении венгров, принял решение провести эту акцию «возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом. Словацкий Национальный Совет подготавливает выселение в течение трех месяцев до 400 тыс. венгров из южных районов Словакии»².

Генерал Бурцев, информируя ПУРККА о ситуации в Словакии, сообщал: «Прием венгров в партию (имеется в виду компартия Словакии. — *Авт.*) приостановлен. Новым членам партбилеты не выдаются. О старых членах ЦК решает в индивидуальном порядке... Происходит активизация шовинистических элементов. В Левице комендант чехословацкого гарнизона капитан Куница велел напечатать и расклеить лозунги: “Кто не хочет говорить по словацки, будет выселен за Ипель! Мы у себя здесь дома, мы господа! Словаки говорите громче!” ...Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, будучи не в состоянии прекратить незаконные действия местных властей, уезжают в Венгрию»³. В заключение Бурцев отмечал, что действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендатурами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям комендантов. Нередки случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе препятствуют применению грубых методов по отношению к венграм.

Такая информация уже вторично, как отмечалось в сопроводительном письме от 30 июля 1945 г., Г. Димитровым была направлена В.М. Молотову. В нем Димитров писал: «В отдел международной информации ЦК ВКП(б) поступило из различных источников несколько сообщений, свидетельствующих о том, что Чехословацкое правительство и Словацкий Национальный Совет благосклонно относятся к неправильным методам, применяемым местными органами Словакии по отношению ко всему венгерскому населению, проживающему в Словакии. По этому вопросу мы направляли Вам информацию начальника 7 Управления ПУРККА... В последние дни тов. Ракоши сам лично посетил г. Прагу и пытался урегулировать этот вопрос с т. Готвальдом. Но как сообщил об этом тов. Ракоши положительных результатов он не добился... Через несколько дней

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224.

² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17.

³ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224–225.

чехословацкое правительство принимает закон о лишении всех венгров чехословацкого гражданства и предложит венгерскому правительству обмен всех венгров...»¹.

Чтобы избежать нежелательных последствий «грубых методов обращения к венгерскому населению», применяемых в Чехословакии, Г. Димитров считал целесообразным направить на имя руководителей компартии Чехословакии — К. Готвальда и В. Широкого — специальную телеграмму за подписью И.В. Сталина.

Текст этого документа представляет для исследователей безусловный интерес, поскольку свидетельствует о весьма существенной трансформации позиции советского руководства в решении проблемы венгерского меньшинства в Чехословакии. «Огульные действия по отношению ко всем венграм, по нашему мнению, могут лишь нанести вред дальнейшим взаимоотношениям народов демократических Чехословакии и Венгрии и, несомненно, усилят позиции внутренней реакции в этих странах.

Желательно было бы продумать примерно следующий подход к разрешению вопроса о венгерском населении в Чехословакии:

1. Быстрее привлечь к ответственности венгров, борющихся на стороне немцев против союзников так же, как предателей и изменников других национальностей.

2. Вопрос об остальных венграх решить на основе взаимной договоренности двух правительств — Чехословацкого и Венгерского, т.е. этот вопрос решить таким путем, каким решили вопрос Советское и Польское правительства в отношении поляков и евреев (польское подданство) с одной стороны и украинцев и русских — с другой.

Такой государственный подход в решении этого вопроса несомненно укрепил бы позиции демократии в Чехословакии и Венгрии и нанес удар по шовинистическим реакционерам...»².

Вышеприведенный документ свидетельствовал о существенной корректировке позиции Москвы в решении проблемы переселения венгерского населения из Чехословакии, которая не могла не вызвать в Венгрии острой реакции всех политических партий, включая коммунистов.

Некоммунистические партии напрямую связывали готовившиеся акции по переселению «с рукой Москвы», называя их «пробным шаром Молотова»³. Некоторые материалы российских архивов, хотя и не дают прямых подтверждений такой оценке, тем не менее «высвечивают» и проясняют трансформацию позиций советского руководства. На встрече И.В. Сталина и В.М. Молотова с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером и заместителем министра иностранных дел В. Клементисом, состоявшейся 28 июня 1945 г., в ходе обсуждения ситуации в Закарпатской Украине и Тешинской области чехословацкой стороной был поставлен вопрос о выселении немцев и венгров. В протоколе беседы записано: «Фирлингер спрашивает, как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии. И.В. Сталин говорит: “Мы мешать Вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими”. Фирлингер

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 53.

² Там же. Л. 31.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 28. Д. 32. Л. 71.

просит в связи с этим дать указание советским военным о содействии этому выселению немцев и венгров. И.В. Сталин спрашивает «А разве наши военные препятствуют этому?» Фирлингер говорит, что препятствий нет, но хотелось бы иметь активное содействие». Однако, как вытекает из протокола, Сталин уходит от прямого ответа, переключив внимание собеседников на проблему необходимости урегулирования отношений с Польшей в районе Тешина¹. На основе этой записи можно сделать вывод, что Сталин летом 1945 г. по существу еще ставил знак равенства между акциями по выселению немцев и венгров. Но приведенный выше документ, адресованный К. Готвальду и В. Широкому, позволяет говорить, что во второй половине 1945 г. в советском руководстве стала вызревать позиция отложить решение вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии до будущей мирной конференции, с тем, чтобы вывести его из одной плоскости с решением вопроса о немцах. Думается, важную роль в этом сыграло соглашение между Чехословакией и Венгрией об обмене населением, заключенное в феврале 1946 г. Его принятием проблема венгерского меньшинства в Словакии была переведена в плоскость двусторонних отношений и четко отделена от решения немецкого вопроса.

Однако на практике реализация заключенного соглашения столкнулась с большими трудностями, поскольку стороны, подписавшие его, стояли на позициях, существенно различавшихся по конечным целям. Чехословацкая сторона рассчитывала провести обмен населением таким образом, чтобы превратить районы компактного проживания венгров в чисто словацкие. Венгерская же сторона категорически отказывалась принять то количество переселенцев, на которое рассчитывали словацкие власти. Венгры мотивировали свою позицию тем, что не смогут обеспечить для 650 тыс. переселенцев соответствующих экономических условий жизни. Они настаивали на предоставлении остающемуся в Словакии венгерскому меньшинству равных со словаками гражданских прав, которых оно было лишено сразу после окончания войны.

Создавалась по существу тупиковая ситуация. Соглашение об обмене населением фактически не выполнялось. Дело доходило до открытых конфликтов. Чехословацкая сторона, стремясь ускорить процесс переселения венгров, в ответ на отказ Венгрии принять транспорт с переселенцами, запретила пропуск через свою территорию эшелонов с немецким населением, переселяемым из Венгрии в советскую зону оккупации Германии².

В условиях такого острого чехословацко-венгерского противостояния Москва получала весьма выгодную роль арбитра. Поддерживая то одну, то другую сторону, советское руководство использовало «национальную карту» для того, чтобы влиять на проходящие в обеих странах политические процессы постепенного усиления позиций коммунистов в системе власти, способствуя тем самым продвижению их к установлению властной монополии.

По мере приближения сроков мирной конференции нажим советской стороны и на Чехословакию, и на Венгрию стал усиливаться. В апреле 1946 г. Сталин принял венгерскую делегацию во главе с Ф. Надем. Этой

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 232.

² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 31. П. 150. Д. 31. Л. 17.

встрече предшествовала беседа Молотова с министром иностранных дел Дьендеша, где вопрос о положении венгерского населения в Словакии был представлен венгерской стороной как требующий неотложного решения. На встрече со Сталиным венгерская делегация дала аргументацию своей позиции «о судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии». Для решения данного вопроса венгерские представители предлагали советским лидерам два варианта. Первый — мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства условия полного равноправия, чтобы «венгры могли свободно жить и развиваться, как это осуществлено в Югославии и в соответствии с тем, как решен национальный вопрос в СССР». Думается, такая аргументация была или наивной идеализацией национальных отношений в СССР, или это был тонкий дипломатический ход, обращенный к Сталину, считавшему себя теоретиком по национальному вопросу. В ходе беседы Ф.Надь акцентировал внимание собеседников на том, что со стороны государственных деятелей ЧСР неоднократно делались заявления о намерениях ликвидировать венгерское меньшинство. Учитывая это, венгерская сторона предлагала второй вариант решения рассматриваемой проблемы. Теперь речь шла о том, «чтобы часть чисто венгерских областей, населенных компактными венгерскими массами... вернуть Венгрии, с тем, чтобы в случае дальнейшего стремления Чехословакии ликвидировать национальные меньшинства, иметь возможность разместить там население»¹. Ф.Надь уверял советскую сторону, что правильная реализация любого из этих решений успокоит венгров и создаст базу для установления добрососедских отношений между двумя странами.

Сталин же в ходе беседы предложил венгерской стороне все-таки осуществить обмен населением, подчеркнув при этом, что здесь дело не только в количественном равенстве: «количество не играет роли, — говорил он. — Кто хочет, тот может вернуться на Родину, а кто остается, тот должен пользоваться свободой и правами»². В ходе обсуждения Сталин изложил свое понимание позиций чехословацкой стороны, разъясняя венгерским собеседникам: «чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправиться с венграми, а чехи не препятствуют этому. Это несправедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т.д.», — заключил Сталин свои рассуждения и вновь возвратился к идее обмена населением. «Обмен населением мог бы быть произведен, такой подход был бы аналогичен разрешению вопроса между Польшей и Литвой... для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут денационализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики целесообразнее получить венгров», — подвел он итог обсуждению вопроса³.

Насколько позволяют судить доступные на сегодняшний день документы, реализация мер, предлагаемых Сталиным венгерской делегации, началась незамедлительно. 30 апреля Молотов в Париже говорил с полномочным представителем чехословацкого правительства В.Гайду по вопросам

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 413–414.

² Там же.

³ Там же. С. 415.

переселения венгерского населения из южных районов Словакии. Гайду информировал Молотова, что чехословацкое правительство не видит никакой другой возможности, кроме как постановки этого вопроса на мирной конференции. Молотов в свою очередь настаивал на том, что по вопросам переселения немцев и венгров следует делать различия. Он настойчиво рекомендовал чехословацкой стороне принять энергичные меры, чтобы договориться с венграми об обмене населения на той же основе, на которой СССР договорился о переселении населения с Польшей. Гайду, ссылаясь на опыт прошлого, упорно доказывал, что между венграми, живущими в Чехословакии, и немцами нет разницы. «Венгры проявили себя также не лояльно по отношению к Чехословакии, как и немцы, ратуя за расчленение Чехословакии. С чехословацкой точки зрения венгры в Чехословакии будут всегда представлять опасность для чехословацкого государства»¹. В ходе обмена мнениями Молотов настойчиво выяснял у чехословацкого дипломата, какой информацией последний располагает относительно позиции США и Англии. Гайду вынужден был признать, что «представители чехословацкого правительства неоднократно делали демарши перед послами Англии и США, но до сих пор не получено официального ответа». По сведениям Гайду, английская сторона высказала сомнение, что подобный вопрос должен быть включен в проект договора с Венгрией. Получив такую информацию, Молотов в конце беседы делает заключение: надо было более энергично действовать после окончания войны. Такая позиция советского министра иностранных дел по существу перечеркивала те рекомендации, которые давались чехословацкому правительству советскими дипломатами ранее, во время заключения перемирия с Венгрией.

Было очевидно, что чехословацкой стороне не удастся добиться на мирной конференции согласия Великих держав на тотальное переселение венгров из Словакии. Оставался лишь путь обмена населением через договоренности с венгерским правительством. Но он, по-видимому, чехословацким политикам представлялся малоэффективным для достижения их целей. Поэтому не случайно Готвальд говорил, что после окончания обмена «мы будем продолжать добиваться, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выслена в Венгрию, а южные границы Словакии стали снова словацкими»².

В такой напряженной обстановке в течение 1946–1947 гг. власти Праги и Братиславы стали расширять начавшиеся еще в 1945 г. акции по принудительному переселению венгерского населения из мест их компактного проживания в западные и северо-западные районы Чехии³. Здесь создавались так называемые трудовые поселения. Для юридического обоснования этой акции был использован декрет президента о трудовой повинности лиц, не занятых полезным трудом. В соответствии с этим декретом по данным, поступившим в МИД СССР, около 50 тыс. венгров было отправлено на работу в промышленность и сельское хозяйство Чехии⁴.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 431–432.

² Там же. С. 849.

³ Подробнее эти сюжеты см.: Šutaj Š. Nútené presídľovanie Maďarov do Čiech. Prešov: Universum, 2005.

⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102.

Идея по переселению венгров в Чешские земли имела характер внешнеполитической акции, призванной воздействовать на венгерское руководство, заставить его принять словацких венгров на своей территории, поскольку для Венгрии представляло интерес лишь компактно проживающее в приграничных с ней районах венгерское население. Однако переселение венгров в Чехию имело и экономическую подоплеку. Оторванные присоединением к Венгрии от своего традиционного рынка аграрные области юга Словакии из динамично развивающегося региона начали превращаться в отсталые, периферийные области внутри перенасыщенного сельскохозяйственной продукцией венгерского рынка. Из 4 млн ц собранной в южной Словакии пшеницы на местном рынке можно было реализовать лишь 2 млн¹. На то, что принудительной трудовой миграцией чехословацкие власти пытались решить экономические проблемы в регионе, также указывает социальная структура переселенцев. Из более чем 9 тыс. переселенных с сентября по декабрь 1945 г. почти половину составляли сельскохозяйственные рабочие². Ситуация не изменилась и в дальнейшем. С ноября 1946 по февраль 1947 г. было переселено более 41 тыс. чел. Из них большинство (32 тыс.) составляли малоземельные крестьяне³. Этими лишними для юга Словакии трудовыми ресурсами власти пытались восполнить недостаток рабочих рук в Чехии, который особенно чувствовался после выселения немцев.

Советское посольство в своем политическом отчете за 1946 г., анализируя состояние межнациональных отношений в Чехословакии, вынуждено было констатировать «бесправное положение венгерского меньшинства». «Это, — как отмечали советские дипломаты, — вызывало возмущение народно-демократической Венгрии. Сама Венгрия проводила совсем другую национальную политику в отношении словацкого меньшинства на венгерской территории. Она дала словакам все права и требовала от ЧСР такого же решения вопроса»⁴.

Венгрия и ЧСР по сути оказались в состоянии конфликта, в разрешение которого попробовал включиться и венгерский католический епископат. Об этом наглядно свидетельствует письмо эстергомского архиепископа Йозефа Миндсенти министру иностранных дел СССР В.М. Молотову от 22 июля 1946 г. «Чехословакия, под угрозой высылки, конфискации имущества и арестов, принудила 200.000 венгров из 750.000 находящихся на ее территории объявить себя словаками, а 400.000 венгров, по официальным заявлениям, она собирается прогнать из страны», — такими словами начиналось письмо Й. Миндсенти в Москву⁵. Далее он сообщал: «Съезд венгерских епископов на своем заседании от 21 июля протестует перед всем культурным миром против этих бесчеловечных мероприятий и просит прекратить произвольные гонения против тех, предки которых жили с девятого века на этой территории и которые, будучи людьми — облада-

¹ Sabol M. Dopad Viedenskej arbitráže na poľnohospodárstvo, priemysel a infraštruktúru na južnom Slovensku // Juh Slovenska po Viedenskej arbitráži 1938–1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2011. S. 231.

² Šutaj Š. Nútené presídľovanie Maďarov do Čiech. S. 28.

³ Ibid. S. 69.

⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102.

⁵ Там же. Ф. 06. Оп. 8. П. 27. Д. 420. Л. 26.

ют человеческими правами. А в настоящее время даже в церквях запрещен их родной венгерский язык». Далее следовало предложение, как правильно с точки зрения венгерского епископата разрешить сложившуюся непростую ситуацию: «Ввиду того, что Чехословакия не желает предоставить этому блоку венгров человеческих прав — пусть эта территория будет возвращена обратно Венгрии. Таким образом прекратится несправедливость с одной стороны и страдания с другой стороны и мир будет водворен в Средней Европе»¹. Если судить по пометам на документе, советская сторона оставила это письмо архиепископа Миндсенти без ответа.

Между тем напряженность отношений между ЧСР и Венгрией продолжала нарастать. М. Ракоши с весны 1947 г. стал предпринимать весьма энергичный нажим на советское руководство, добываясь помощи СССР в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии. Беседуя с Молотовым 27 апреля 1947 г., он подчеркивал, что отношения с Чехословакией очень плохие: «Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это стоит нам 200 млн форинтов, что составляет 7 % бюджета. Чехословаки берут у нас пролетариев, а нам присылают крестьян-богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается... Венгерских коммунистов в Чехословакии преследуют... Чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область, но потом отказались от этого. Тогда они стали использовать венгров как чернорабочих. Дело зашло в тупик. Контакта с компартией Чехословакии у нас нет»². В российских архивах хранятся письма Ракоши на имя Сталина, Молотова, записи его бесед в ЦК ВКП(б). Везде красной нитью проходила одна идея: чехословацкие коммунисты политикой преследования венгерского меньшинства в Словакии наносят вред политическим позициям венгерских коммунистов в стране. В некоторых письмах он доходил до прямой политической клеветы на отдельных наиболее тогда популярных в Словакии коммунистических политиков, таких как Г. Гусак, В. Клементис, Л. Новомеский, обвиняя их в словацком национализме и антисемитизме³.

Запоздалые попытки Готвальда осенью 1947 г. получить поддержку своих позиций в Москве оказались малоэффективными. Москва теперь твердо исходила из того, что Праге более целесообразно будет добиваться договоренностей об обмене населения с новым венгерским правительством, в котором к этому времени наконец-то существенную роль стали играть коммунисты. К сожалению, мы не располагаем материалами о тех конкретных шагах, которые были предприняты ЦК ВКП(б) по урегулированию отношений между руководствами двух компартий в вопросе о положении венгерского меньшинства в Словакии. Но о том, что такие шаги предпринимались, косвенно свидетельствует тот факт, что на рубеже 1947–1948 гг. официальная позиция руководства КПЧ стала заметно меняться. В январе 1948 г. венгерская сторона получила неофициальную информацию из международного отдела ЦК КПЧ, что после парламентских выборов в Чехословакии, которые должны состояться в мае 1948 г.,

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 27. Д. 420. Л. 26.

² Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 618.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.

венгерскому населению Словакии будут предоставлены равные с чехами и словаками права, и вопрос о выселении будет вообще снят. К этому же времени относится и беседа посла СССР в Праге М.А. Силина с Р. Сланским и В. Широкиным. В ходе беседы последние рассказывали, что их недавно вызывал Готвальд и «предложил окончательно решить венгерский вопрос... венгерцам (так в тексте. — *Авт.*) дадут все конституционные права, им предоставят возможность вступать в компартию, но не разрешат вступать в другие партии»¹.

Однако, несмотря на такие обнадеживающие обещания, даже после установления властной монополии КПЧ в феврале 1948 г. не произошло сколько-нибудь заметного снижения напряженности в межнациональных отношениях словаков с венгерским меньшинством. Это было связано с рядом существенных моментов. Один из них — это курс на ресловакизацию венгерского населения, который имел поддержку новой политической элиты, закрепившейся в системе власти. А ведь именно о таком, как весьма возможном варианте, предупреждал венгерскую сторону Сталин еще в 1946 г.

Весной 1948 г. советское посольство в Праге информировало Москву, что венгерские власти находятся на распутье: «они должны или согласиться с предложением словаков и передать в словацкое гражданство 250 тыс. из числа венгров, имевших словацкое происхождение, а остальных забрать, или согласиться на оставление венгерского меньшинства и заставлять его поддерживать мероприятия коммунистического правительства»².

По данным, поступившим в МИД СССР к началу 1949 г., уже 20 тыс. венгров объявили себя словаками. Словацкие историки приводят данные о том, что всего в ходе этой кампании поменяли свою национальность (ресловакизировались) 326 697 венгров³. Что же толкало людей на этот шаг? Думается, немалую роль играло то обстоятельство, что в словацком обществе продолжало превалировать стремление добиваться выселения венгров из Словакии. Об этом со всей очевидностью свидетельствует предпринятый еще летом 1948 г. опрос словацкого населения. В ходе него на вопрос: «Вы за переселение мадьяр?» утвердительно ответило 55 % опрошенных, отрицательно — 21, «не знаю» — 24 %⁴.

Поэтому неудивительно, что и в 1948 и в 1949 гг., несмотря на то, что еще 28 октября 1948 г. чехословацким правительством было принято решение о восстановлении всех прав венгерского населения, на практике продолжал реализовываться курс на расселение компактно проживающего венгерского меньшинства. Но теперь он стал воплощаться в жизнь в явно завуалированной форме — под лозунгами борьбы с классовыми врагами. В 1949 г. советские дипломаты сообщали из Братиславы, что «длительное время идет подготовка к выселению из южных районов Словакии в чешские области некоторых категорий венгерского населения»⁵. К октябрю

¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 150. Д. 31. Л. 17–18.

² Там же. П. 47. Д. 9. Л. 13.

³ История Словакии. М., 2003. С. 339.

⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 164. Д. 43. Л. 106.

⁵ Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

1949 г. было подготовлено к переезду 600 венгерских семей. Как информировал советское посольство Г. Гусак, возглавлявший тогда словацкое правительство, «больше половины этих людей составляли венгерские кулаки, кустари и мелкая буржуазия»¹. Таким образом, теперь национальный аспект акции по выселению венгерского меньшинства формально исчезал.

На венгров, оставшихся в Словакии, оказывался весьма жесткий нажим и на чисто бытовом уровне. В советское консульство в Братиславе поступали сведения о том, что «Венгерское культурное общество в Словакии» вынуждено было обращаться с жалобами к уполномоченному по делам школ в правительстве Словакии о насильственной записи венгерских детей в словацкие школы.

Столь напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений в Словакии давала повод Ракоши для обращений в ЦК ВКП(б) с предложениями обсудить этот вопрос на одном из заседаний Коминформбюро. Еще в 1948 г. Й. Реваи и М. Ракоши добивались согласия М.А. Сулова на такую акцию. Но их предложение не получило прямой поддержки советской стороны. Сулов в состоявшейся беседе убеждал венгерских собеседников в желательности и необходимости урегулирования отношений с Чехословакией на основе взаимных договоренностей, без вмешательства извне. Однако было бы наивно полагать, что получаемая из Будапешта информация оставалась без внимания главного идеолога ЦК ВКП(б). Когда весной 1948 г. под его руководством развернулась в Москве интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех стран — Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии, материалы, получаемые из Будапешта о словацко-венгерских отношениях, оказались весьма востребованными. В многостраничном документе, названном «О некоторых ошибках коммунистической партии Чехословакии», имелся специальный раздел, посвященный анализу политики КПЧ в сфере национальных отношений. В нем весьма жестко констатировалось, что, несмотря на произошедшие серьезные изменения во внутривнутриполитическом развитии Чехословакии и радикальные изменения положения дел в Венгрии, позиция компартии Чехословакии (а также и компартии Словакии) относительно положения венгров в республике фактически не изменилась. «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще находящихся в стране, основных демократических свобод, то есть по существу реализовывалась официальная программа дискриминации венгров...»². И хотя этот документ не был Кремлем использован так, как аналогичный документ об ошибках КПЮ, и сформулированные в нем обвинения в адрес руководства КПЧ не стали предметом публичного обсуждения в Коминформбюро, он, бесспорно, представляет большой интерес для исследователей. Именно он позволяет выявить в полной мере эволюцию взглядов советского руководства по вопросу о судьбах национальных меньшинств на конкретном примере венгерского меньшинства в

¹ АВП РФ. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

² Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 850.

Словакии. Если в 1945 г. исходная позиция определялась словами Сталина «гоните их, мы мешать не станем», то в апреле 1948 г. речь шла уже об обвинении чехословацких коммунистических политиков в «шовинистическом угаре». Такая трансформация советской позиции показывает, что для руководства СССР проблема судеб того или иного национального меньшинства никогда не рассматривалась как самостоятельная. Ей отводилась только роль подсобного инструмента в решении какой-либо другой, более приоритетной с советской точки зрения, задачи.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в 1945–1947 гг. вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Словакии, безусловно, рассматривался Москвой прежде всего через призму продвижения коммунистов к власти, поэтому подходы советского руководства к проблеме переселения венгров из Словакии постоянно менялись. Если в 1945 г. Кремль, учитывая общественные настроения в Чехословакии, гласно или негласно, в разном словесном оформлении все же отдавал предпочтение переселению венгров из Словакии, то к концу 1948 г., когда компартии в Восточной Европе стали монопольно правящими, ситуация изменилась. Теперь на первый план выдвигалась в качестве главной задача формирования «лагеря мира и социализма», находящегося в капиталистическом окружении. Модель ускоренного построения «социализма по Сталину» провозглашалась универсальной. Реализовываемая в Словакии политика в отношении венгерского меньшинства, вызывающая напряженность в межгосударственных отношениях ЧСР и Венгрии, не сопрягалась со сменой стратегического курса советского руководства. Она была квалифицирована им теперь как «буржуазный национализм». Носителями его объявлялись словацкие коммунистические политики тех лет: Г. Гусак, Л. Новомеский, В. Клементис, ставшие жертвами репрессий на рубеже 1940–1950-х гг.

Сегодня, по прошествии более чем полувека со времени тех событий, ситуацию вокруг венгерского национального меньшинства в Словакии нельзя считать полностью разрешенной. По крайней мере в сфере исторической памяти. Данные обширных статистических исследований показывают, что позиции представителей титульной словацкой национальности и венгерского меньшинства разнятся по ключевым эпизодам их совместной истории¹. Полярные ответы принадлежащих к разным национальностям граждан Словакии свидетельствуют о неполном и фрагментарном взгляде на свою историю. Во многом это объясняется отсутствием единого подхода к событиям тех лет в словацкой и венгерской историографии. Успешным компаративным исследованиям, способным дать более полную картину прошлого, препятствуют в том числе и объективные трудности. К главным из них можно отнести доступность источников, хранящихся в архивах разных странах. Это не только архивы Чехии, Словакии и Венгрии, но и архивы великих держав, вершивших судьбу послевоенного мироустройства. Надеемся, что новые документы из российских архивов смогут помочь ответить на многие, до сих пор вызывающие острые дискуссии, вопросы.

¹ Данные различных социологических опросов см.: Šutaj Š. Nútené presídľovanie Maďarov do Čiech. S. 3–10.

ИНОСТРАНЦЫ, АПАТРИДЫ И РЕПАТРИАНТЫ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ В СССР*

За период существования в СССР массовой системы спецпоселений через нее прошло более 6 млн чел. Насильственные высылки в формате депортаций и иных принудительных переселений использовались советским режимом как важнейший элемент национально-государственной и репрессивной политики. Несмотря на обширную историографию по истории спецпоселенчества в СССР, в том числе этнической ссылки, высылка иностранцев, бывших иноподданных и апатридов, как самостоятельный сюжет не рассматривается. В контексте изучения массовых политических репрессий сюжет о выселениях иностранцев лишь фрагментарно попадал в поле зрения специалистов. Проблема национально-гражданского статуса ссыльных (за исключением депортированных граждан Польши и высланных греков) также не стала темой отдельных исследований. Темы послевоенных репатриаций и депортаций до недавнего времени вообще не соотносились как взаимосвязанные. В связи с вышеизложенным ощущается потребность в изучении масштабов депортации иностранцев, лиц без гражданства и репатриантов. В данной статье предпринята попытка через анализ практики реализованных в СССР этнических депортаций и сформированных в результате контингентов ссыльных указать численность оказавшихся на спецпоселении иностранцев, апатридов и репатриантов, оценить их правовой статус, дать характеристику масштабов натурализации и репатриации.

На протяжении всей своей истории Советский Союз эффективно использовал институт гражданства как базовую политико-правовую категорию, определяя через него границу между «своими» и «чужими», т.е. собственно гражданами и не-гражданами.

Первые попытки ведения учета иностранцев в Советской России относятся уже к 1919 г., хотя первое массовое статистическое обследование было проведено только в 1926 г. Учет иностранцев и их паспортизация, прежде всего выдача видов на жительство, которые, собственно, и обусловливали статус иностранца в Советской России (СССР), первоначально оказался в ведении ОГПУ. В 1935 г. паспортно-визовые функции от ОГПУ перешли к милиции, во всех регионах СССР появились отделы, отделения и группы виз и регистрации иностранцев (ОВиР).

Уже первая советская конституция 1924 г. была призвана ликвидировать феномен «бесподданства», идентифицируя лиц без гражданства, не подтвердивших свой статус иностранца, в качестве граждан СССР. В отношении лиц, не имевших прямых доказательств иностранного статуса, предусматривалась в качестве временной меры выдача вида на жительство для лиц, заявивших о принадлежности к иностранному государству. Со-

---

* Поисковая работа в архивах по данной теме осуществлена при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве.

гласно инструкции НКВД 1926 г., к гражданам следовало относить всех, кто не получил вида на жительство для иностранца. В начале 1930-х гг. выдача вида на жительство иноподданным (заявлявшим о принадлежности к иностранному государству) была окончательно прекращена.

Конституция 1936 г. и Закон о гражданстве 1938 г. четко отделили граждан СССР от иностранцев и лиц без гражданства. К последним были отнесены все те, кто проживал на территории СССР, но не обладал советским гражданством, а также не имел доказательств принадлежности к иностранному государству. Другими словами, закон о гражданстве 1938 г. реанимировал статус апатрида — лица без гражданства. Отныне наличие статуса бывшего подданного иностранного государства или лица без гражданства служило основанием для ограничения в правах и даже репрессий, хотя Конституция гарантировала для них все права, за исключением политических. Постановление Совнаркома от 29 июня 1939 г. № 963-162 с вводило правила проживания иностранцев и лиц без гражданства в СССР, содержащиеся в них ограничения в очередной раз подстегнули натурализацию. Новые ограничения в отношении иностранцев и апатридов были приняты в СССР в 1947–1949 гг. Так, закон от 1947 г. запрещал браки между иностранцами и советскими гражданами; также ужесточался контроль за перемещением иностранных граждан и апатридов, вводился запрет на проживание в приграничных и режимных местностях СССР.

Вопрос о численности иностранцев в СССР довольно сложный и дискуссионный, прежде всего в силу отсутствия полной статистики, спорности критериев, кого именно относить к иностранцам и бывшим иноподданным (в частности, следует ли относить к иностранцам реэмигрантов, лиц без гражданства и лиц со спорным и двойным гражданством) и динамичной внешней миграции. Несмотря на быстрое формирование института советского гражданства, значительных шагов по натурализации населения, перемещенного по итогам Первой мировой войны и смежных с ней событий в Россию/СССР, предпринято не было, в связи с чем их гражданско-национальный статус оказался неурегулированным. Росту иностранцев в стране в начале 1920-х гг. способствовали массовая трудовая иммиграция, политэмиграция и существовавшие возможности подтвердить иностранное гражданство через действующие в стране иностранные консульские учреждения. По сведениям Отдела виз и регистраций Главного управления милиции, в СССР на начало 1937 г. проживало около 99 тыс. иностранных граждан¹. Среди иностранцев доминировали постоянно проживавшие в стране представители иранской, греческой, польской, китайской, корейской и иных диаспор. В отношении именно таких иностранцев в нормативной практике 1930-х гг. чаще всего использовался термин «иноподданные» или «бывшие иноподданные». Отличие данной категории населения страны от иностранцев определялось тем, что вид на жительство в СССР им не выдавался — по причине просроченных или отсутствующих национальных паспортов. Кроме того, использование тер-

¹ Журавлев С.В. Иностранцы в Советской России в 1920–1930-е гг.: Источники и методы социально-исторического исследования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. М., 1999. С. 71.

минов «иноподданные» и «бывшие иноподданные» давало значительные возможности расширительного толкования национально-гражданского, а соответственно и правового статуса.

Репатрианты и реэмигранты в советской нормативной практике также выделялись как особая категория иммигрантов. Возвращение на историческую родину обычно сопровождалось восстановлением или приобретением еще за границей статуса советского гражданина, хотя на практике среди реэмигрантов и репатриантов находилось значительное число тех, кто не имел никаких документов советского образца и фактически являлся лицом без гражданства или иностранцем.

Сложившаяся к середине 1930-х гг. нормативно-правовая практика в области гражданства, в том числе статуса иностранцев и лиц без гражданства, проявлялась не столько в сугубо юридическом смысле, сколько в дискриминации этой категории населения. Вслед за ужесточением законодательства в области гражданства в отношении «не-граждан» последовали репрессии, которые приняли самые различные формы — политического террора, принудительных отселений в отдаленные районы страны, принуждения к эмиграции и высылки за пределы страны.

Первая волна массовых этнических выселений в СССР стала частью масштабной зачистки границ. В 1930-е гг. в СССР провели серию этнических высылки поляков, украинцев, немцев, финнов, ингерманландцев, корейцев, китайцев, иранцев, курдов, армян (хемшинов) и турок, отнесенных властью к «инонациональностям» и «инородным этническим элементам». Паспортизация населения СССР спровоцировала одновременно с советизацией и рост числа заявлений на получение иностранного гражданства, а также масштабные высылки иноподданных. Например, кампании по выселению «инонациональностей» с дальневосточных и южных границ в отделенные районы страны сопровождалась как массовой натурализацией, так и массовым выселением за границу. Впервые практика высылки иностранцев в Советской России была опробована еще в 1918 г., а в 1921 г. в связи с принятием декрета СНК высылка иностранцев стала элементом советского законодательства. Отныне НКВД получило право высылать из страны по политическим мотивам не только иностранцев, но и лиц, не получивших советского вида на жительство. Самые массовые выселения иностранцев относятся к периоду «Большого террора». По нашим оценкам, в 1937–1938 гг. из СССР было выслано не менее 20 тыс. греков, китайцев и иранцев. Что касается перемещенного в административную ссылку контингента, то власть характеризовала его как советских граждан, при этом среди ссыльных 1930-х гг. фиксируются также иностранцы, бывшие иноподданные и лица без гражданства¹.

---

¹ Иранская диаспора Азербайджана накануне депортации составляла порядка 40 тыс. чел. В начале 1938 г. среди иранского населения СССР прошла кампания по натурализации, сопровождавшаяся массовыми репрессиями. В феврале 1938 г. около 3 тыс. иранцев выслали из страны, а в октябре 1938 г. депортировали в Казахстан ок. 6 тыс. чел. Подробнее см.: Бугай Н.Ф. О депортации иранцев из Азербайджана в Казахстан // Восток. 1994. № 6. С. 146–154.

В 1938 г. с территории Дальнего Востока выслали в Казахстан 10–11 тыс. чел., из них 7,9 тыс. чел. (преимущественно интернированные китайские военнослужащие) репатриировали в Сындызан. Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Вытеснение китайцев с Дальнего

Очередная волна зачисток приграничья, в первую очередь новых западных границ СССР, пришлось на 1940–1941 гг. Основной приток иностранцев на спецпоселение дали четыре польские депортации, проведенные на бывших восточных территориях довоенного польского государства, в ссылку в отдаленные районы СССР попало около 320 тыс. чел. Национально-гражданский и правовой статус польских граждан в СССР за годы войны неоднократно менялся в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры. Имели место две амнистии (1941 и 1944 гг.), масштабная колонизация (1941 и 1945 гг.) и советизация (1943 г.) контингента. Фактически происходило своеобразное условное освобождение, поэтому статус поляков в ссылке частью исследователей определяется закавыченным словосочетанием «вольные поляки¹; с нашей точки зрения, в данном случае более корректен термин «иностранцы в трудармии». Первой массовой репатриацией поляков из СССР стала переброска в Иран в 1942 г. 120-тысячной армии Андерса, сформированной из заключенных и ссыльных. По репатриации 1945–1946 гг., проводившейся в рамках советско-польского соглашения от 6 июля 1945 г., в Польшу выехали 250 тыс. бывших польских граждан, перемещенных в 1940–1941 гг. во внутренние регионы Советского Союза с территории бывшего польского государства². Репатриацией поляков из СССР в Польшу занималась советско-польская смешанная комиссия. После этой масштабной репатриации, по оценкам польской стороны, на спецпоселении осталось не более 0,5 тыс. этнических поляков³. Советские компетентные органы (в частности, Управление уполномоченного по репатриации) оценивали численность поляков на спецпоселении после массовой репатриации в 2 тыс. чел.⁴

На фоне тотальных депортаций периода войны были проведены и две высылки иностранных подданных. В январе – июне 1942 г. прошла депортация иностранных подданных с Керченского полуострова (итальянцы — 438 чел., греки и румыны — 202 чел.)⁵. Следующее выселение стало частью так называемых тотальных депортаций «возмездия» с Северного Кавказа и из Крыма в 1943–1944 гг. В июне 1944 г. депортировали 3652 иностранных подданных — жителей Крыма турецкого (105 чел.), греческого (3531 чел.) и иранского (16 чел.) происхождения, сохранивших национальные паспор-

---

Востока и депортация 1938 г. // ПДВ. 2008. № 4. В литературе встречаются данные, что из СССР в 1937–1938 гг. было выслано 63 тыс. китайцев, но пока они не подтверждаются источниками. — Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858–1938 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Благовещенск, 2009. С. 43 (со ссылкой на: Lockwood D. Border Economics Versus Border Mentality: the Politics of Russia // China Border Trade. Melbourne, 2001. P. 4).

¹ «Вольные граждане»: август 1941–1944 гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 5 / Сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2002. С. 359.

² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 490. Л. 17. Параллельно с репатриацией шла массовая оптация, в ходе которой в 1944–1946 гг. в Польшу из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы выехало более 1,4 млн поляков.

³ Там же. Д. 173. Л. 120–121.

⁴ Там же. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 414. Л. 17.

⁵ Цифры приведены по: Грабовский С. 27 июня 1944 года — одна из трагических дат в истории Крыма. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/2830350> (со ссылкой на Отчет о работе НКВД Крыма на Керченском полуострове за период с 1 января по 14 мая 1942 г. и директиву № 157 НКВД СССР от 4 апреля 1942 г.).

та, к тому времени просроченные¹. По более поздним данным, численность греков из числа иноподданных, выселенных в 1942 и 1944 гг., оценивалась Отделом спецпоселений МВД почти в 5 тыс. чел.²

На заключительном этапе войны и в послевоенные годы рост численности иностранцев в лагерях и ссылке произошел в основном за счет интернирования и репатриации. Еще одним каналом перемещения иностранцев в СССР стали войсковые операции «по зачистке тыла» Красной армии, проведенные НКВД в 1944–1945 гг. После войны на спецпоселение поступили четверть миллиона человек, которые побывали за границей³.

Репатрированными в СССР оказались жители западных областей Украины и Белоруссии — бывших восточных территорий Польши, Северной Буковины, Бессарабии и Прибалтики, в том числе и оспаривавшие советское гражданство. В условиях сложно проходившей репатриации граждан прибалтийских государств и массового невозвращения власти этих республик стремились максимально аккумулировать репатриационный поток и направить его исключительно в сами республики. Союзным правительством было принято постановление № 843-342 сс от 13 апреля 1946 г. о возвращении на родину репатриированных граждан Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, согласно которому все репатриированные граждане стран Прибалтики из числа спецконтингента подлежали освобождению из мест поселения, снятию с производств истроек вне территорий республик и направлению в течение 1946 г. на промышленные объекты и стройки в свои республики. Несмотря на значительный поток возвратной миграции из лагерей МВД, массового возвращения со спецпоселения статистика не фиксирует, хотя обращения о переводе спецпоселенцев-репатриантов на жительство и работу в республики Прибалтики встречаются⁴.

В 1944–1945 гг. на спецпоселении появились фольксдойче. Как известно, немецкое население оккупированных территорий получало статус фольксдойче, фактически приравненный по объему прав к гражданам Рейха (рейхсдойче), им также было присвоено немецкое гражданство. Через ссылку прошла лишь незначительная часть интернированных в СССР немцев-фольксдойче, главным образом попавших в систему лагерей МВД и используемых на угольных шахтах и предприятиях черной металлургии. Депортированные в СССР немцы Чехословакии, Венгрии, Югославии и Болгарии в апреле–мае 1945 г. в структуре обширного немецкого спецконтингента характеризовались как «мобилизованные интернированные» и «мобилизованные арестованные». Немцы-репатрианты, имевшие советское гражданство, направлялись в ссылку из репатриационных лагерей и обозначались как «репатриированные немцы»; их численность превысила 210 тыс. чел.⁵ На спецпоселение поступили также репатрианты из числа представителей других «репрессированных народов».

Численность фольксдойче обычно суммировалась с группой лиц, проходивших как «немецкие пособники», что суммарно составляло 6,5 тыс. чел.

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 227; Д. 597. Л. 26.

² Там же. Д. 725. Л. 224.

³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 177.

⁴ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 420. Л. 2, 19.

⁵ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 393.

В 1949 г. численность фольксдойче составляла 3,2 тыс. чел., в ноябре 1951 г. — 2,6 тыс.¹ Выявляемых на освобожденных территориях фольксдойче в соответствии с указанием НКВД СССР от 7 января 1944 г. арестовывали, все они на основании решений Особого совещания при НКВД СССР получали по 5 лет ИТЛ, а члены их семей на основании распоряжений НКВД были направлены на спецпоселение без указания сроков². Первые немцы этой категории (300 семей) попали в ссылку уже в 1945 г., в первую депортацию из Литвы, поскольку все фольксдойче подлежали обязательной репатриации в СССР³. Об этом убедительно свидетельствуют как инструкции Управления уполномоченного по делам репатриации при СНК (СМ) СССР, так и репатриационная практика. К категории фольксдойче отнесли и часть немцев, выехавших по советско-германским соглашениям 1939–1941 гг., но репатриированных после войны в СССР. По более поздним свидетельствам руководства Отдела спецпоселений, довольно большую часть поданных Германии, репатриированных в СССР, причисляли к категории «репатриированные немцы»⁴. Немцев, даже отнесенных к контингенту фольксдойче, органы МВД зачастую регистрировали как советских граждан или лиц без гражданства. Возможность репатриироваться в Восточную Германию у этих ссыльных появилась только во второй половине 1950-х гг.

Крупным контингентом ссыльных из числа репатриантов стали «власовцы» и «белоземгранты». За 1946–1951 гг. на спецпоселение из их числа поступило 177,5 тыс. чел. После прохождения фильтрации контингент оказывался либо в лагерях МВД для военнопленных, либо на спецпоселении. В отношении рядовых «власовцев» из числа советских граждан после прохождения фильтрации по решению ГАКО № 9871с от 18 августа 1946 г. предусматривалась ссылка в отдаленные районы страны. Директива МВД СССР № 97 от 20 апреля 1946 г. распространила это положение на весь контингент⁵. Перевод «власовцев» из категории военнопленных и интернированных в статус ссыльных завершился весной 1948 г. Около 36–40 тыс. от численности контингента — это эмигранты разных национальностей и члены их семей. Основу этой группы составили русские казаки и гражданские беженцы, ушедшие с немцами с Терека, Кубани и Дона, переданные союзниками СССР в Австрии (Лиенц и Юденбург) в 1945 г. В СССР действовали нормы, согласно которым военные и гражданские лица, бежавшие за границу, а также их семьи, подлежали суду Военного трибунала или высылке в отдаленные районы страны. По окончании срока ссылки, в 1952 г. «власовцы» за исключением лиц из числа «репрессированных народов» были переведены в постоянные кадры промышленности, оставаясь до амнистии 1955 г. на учете спецпоселения.

По оценкам исследователей, в СССР было интернировано 39–48 тыс. поляков, которые преимущественно прошли через систему ГУПВИ и

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 19–20.

² Там же. Д. 372. Л. 224.

³ См., напр.: ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 367. Л. 356.

⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 227.

⁵ См. подробнее: Аблажей Н.Н., Маркдорф Н.М. Власовцы на спецпоселении в СССР // Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. С. 126–133.

ГУЛАГ¹. В распоряжение МВД СССР поступали интернированные граждане Польши немецкого происхождения, задержанные при зачистках тыла, а также польские граждане Белостокской области. Немногочисленный контингент спецпоселенцев — «интернированные с территории Польши» — появился весной 1951 г. По постановлению Совета министров СССР № 684-343сс от 6 марта 1951 г. советские граждане, интернированные и взятые в плен на территории Польши, были освобождены из лагерей ГУПВИ².

Еще одним каналом притока поляков в СССР стала репатриация. Вопрос о репатриации поляков для советского руководства был далеко не простым. Основываясь на ялтинских договоренностях, советская сторона настаивала на безоговорочной репатриации всех поляков из «коренных» областей СССР, а в отношении поляков-«западников» предлагала следующую меру: лицам, добровольно признавшим советское гражданство, предоставить возможность репатриации в СССР. Представители советских репатриационных служб официально неоднократно заявляли, что являются последовательными сторонниками репатриации всех поляков в Польшу, поэтому не заинтересованы в репатриации поляков с территорий послевоенной Польши в Советский Союз, что, однако, не исключало случаев по перемещению лиц, ранее проживающих на востоке довоенной Польши, в СССР³.

Рост численности «польского» контингента на спецпоселении в послевоенный период оказался обусловлен сразу несколькими факторами. Во-первых, имело место перемещение в ссылку интернированных и репатриантов. Во-вторых, в ходе депортаций с Западной Украины, помимо украинцев, в ссылку попали и поляки, в том числе формально имевшие право на репатриацию в Польшу в 1945–1946 гг., но не воспользовавшиеся им в связи с арестом или выселением (по данным МВД, число тех, кто не воспользовался правом на репатриацию в Польшу, а оказался в ссылке, составляло на 1955 г. 2320 чел.)⁴. И в-третьих, в середине 1950-х гг. имело место восстановление этничности, что позволяло претендовать на смену национально-гражданского статуса, а вслед за этим и на репатриацию в Польшу.

В 1951 г. из Литовской, Украинской и Белорусской ССР на спецпоселение поступили 4,5 тыс. «андерсовцев» и членов их семей. Армия Андерса (2-й польский корпус) в 1946 г. была переправлена из Италии в Англию, а в 1947 г. расформирована. В том же году англичане провели массовую репатриацию бывших военнослужащих в Польшу. Поскольку советская сторона настаивала на наличии в составе польских вооруженных сил на западе около 5 тыс. советских граждан из числа выходцев с Западной Белоруссии и Украины, с согласия польской и английской сторон СССР начал репатриацию на свою территорию бывших польских военнослужащих, добровольно признавших советское гражданство⁵. Обес-

¹ От Польской комиссии Общества «Мемориал». URL: <http://memo.ru/history/polacy/>

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 183.

³ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 269. Л. 242 и др.

⁴ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 916. Л. 13.

⁵ Подробнее см.: Грибовский Ю. Судьба бывших военнослужащих армии Андерса — репатриантов в Беларусь // Беларусь у XX стагоддзі. URL: <http://www.homoliber.org/ru/xx/xx020110.html>

печить массовую агитацию за возвращение основной массы были призваны репатрианты из числа «андерсовцев», прибывших в Белоруссию в мае — июне 1947 г., поэтому фильтрация первых партий была проведена в щадящем режиме и все они были отправлены к месту постоянного жительства. Основная масса осела в Белоруссии, незначительная часть выехала в Западную Украину и Литву. Известно, что часть «андерсовцев» вывезли в СССР из Польши принудительно. Через четыре года после репатриации все «андерсовцы» были высланы, таким образом, вновь, спустя 10 лет, вернулись в Сибирь. Анализ списков депортированных солдат «армии Андерса» наглядно показывает, что большую часть составили польские военнопленные 1939 г. и лица, высланные из Западной Белоруссии в 1940—1941 гг. Значительный польский сегмент был и среди 9 тыс. чел. — членов семей участников Армии Крайовой (вооруженных формирований польского подполья, действовавших на территории Польши в ее довоенных границах), депортированных в 1951—1952 гг. из Белоруссии. Все эти контингенты вплоть до 1956 г. относили исключительно к «советским полякам».

На рубеже 1940—1950-х гг. вновь прошли массовые депортационные кампании в Причерноморье и Закавказье. В июне 1949 г. с территорий закавказских республик в ссылку как «турки» попали 4,6 тыс. чел., при этом в структуре контингента доминировали армяне из Грузии — выходцы из Западной (Турецкой) Армении. В числе высланных 2496 чел. имели советское гражданство, турецких подданных — 335, греческий подданный — 1, иранский — 1, лица без гражданства — 257 чел.¹ В ходе все той же масштабной депортационной кампании 1949 г., охватившей все Причерноморье и Закавказье, в ссылку были отправлены «дашнаки»; в числе 17-тысячного контингента оказалось 249 семей репатриантов из числа зарубежных армян, прибывших на постоянное жительство в Советскую Армению и высланных за связи с партией «Дашнакцутюн» или членство в дашнакских организациях².

В ходе семи депортаций, самые крупные из которых относятся к 1942, 1944 и 1949 гг., на спецпоселении оказалось 62 тыс. греков³, из которых, судя по статистике начала 1950-х гг., не менее 23 тыс. проходили как «иноподданные». Только в отношении 1291 семей греков, высланных из Абхазии, МВД в середине 1950-х гг. признало, что их высылка и содержание на спецпоселении было неправомерным, потому что они «никогда не являлись подданными других стран»; процесс их освобождения начался фактически с момента приезда в ссылку⁴. В 1950—1951 гг. из Грузии выслали также иранцев, греков, турок и ассирийцев, но их гражданский статус не фиксируется. В отношении 4776 иранцев говорится только, что в состав контингента входили иранские подданные, лица без гражданства и бывшие иранские подданные⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 112—113.

² Там же. Д. 900. Л. 57.

³ См. подробнее: Джуха И.Г. Спецшелоны идут на восток: История репрессий против греков в СССР: Депортации 1940-х гг. СПб., 2008.

⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 466. Л. 360—364.

⁵ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 369.

С начала 1950-х гг. в ведомственных документах МВД СССР появляется объединенная категория «иностранцы подданные, лица, не имеющие гражданства и бывшие иноподданные, принятые в советское гражданство (турки, греки, иранцы)». К ней отнесли контингенты, попавшие в ссылку по постановлениям ГАКО от 29 мая 1942 г. № 1828с, от 24 июня 1944 г. № 6100сс (из Краснодарского края, Ростовской области и Крыма), на основании постановления СМ СССР от 29 мая 1949 г. № 2214-856сс, 21 февраля 1950 г. № 727-269сс, постановления СМ СССР № 4893-2113сс от 23 ноября 1951 г. и распоряжения МГБ СССР от 10 августа 1951 № 14133рс (из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР и с Черноморского побережья). Речь в данном случае идет только о контингентах, высланных в годы войны и послевоенный период; кроме того, иноподданные и лица без гражданства, выселенные по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 июня 1937 г. № 103/1127-267 из пограничной полосы, вообще не упоминаются¹.

Похоже, само ведомство с трудом ориентировалось в оценке численности иностранцев и национально-гражданском статусе высланных. Первые обобщенные данные о численности контингента иностранцев и апатридов, с разбивкой по национально-гражданскому принципу, относятся только к началу 1950-х гг. По данным ОСП МВД СССР, на октябрь 1951 г. число лиц, которые проходили как иноподданные, лица без гражданства и заявившие себя иноподданными (без учета бывших иноподданных, принятых в советское гражданство), составило 17 285 чел., в том числе: греческих подданных — 15 850 чел., турецких — 347, германских — 27, иранских — 12, польских — 3. Как апатриды числились 727 чел. Лиц, заявивших себя иноподданными, но не имевших на руках подтверждающих иностранный статус документов — 319 чел.² На 1 июля 1952 г. в ссылке как спецпоселенцы находились 27 759 чел. иноподданных: Греции — 22 800, Ирана — 1391, Турции — 667, Польши — 58, Германии — 52 чел. и других стран — 26 чел.; лица без гражданства — 2765 чел.³ В категории ссыльных насчитывалось 236 иностранцев (в том числе 106 поляков и 69 немцев), еще 32 чел. проходили как иноподданные и лица без гражданства⁴. В категории высланных упоминались 317 иностранцев (в том числе 99 поляков, 87 немцев и 42 корейца); еще 20 выселенцев числились как иноподданные и лица без гражданства⁵. Таким образом, суммарно на поселении находилось 28 312 чел., отнесенных к этой комбинированной категории спецконтингента.

Значительные статистические расхождения характерны и для последующих учетов. По данным на январь 1953 г., на спецпоселении в наличии находилось 28 388 иноподданных и лиц без гражданства, среди них подданных Греции — 23 609, Ирана — 1368, Турции — 568, Германии — 49, Польши — 31, других стран — 25 чел. Лиц без гражданства насчитывалось 2738 чел.⁶

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 225.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 184.

³ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 239.

⁴ Там же. Л. 286–287.

⁵ Там же. Л. 292–293.

⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 184.

Довольно развернутые данные о национально-гражданском статусе спецпереселенцев дает отчет начальника Отдела спецпоселений МВД СССР за май 1953 г. Согласно этому источнику, на учете находилось 29 034 «иностранца» и лиц без гражданства¹. Численность иноподданных и бывших иноподданных оценивалась в 25 650 чел. (при пересчете получается 25 667 чел. — *Н. А.*), из которых 23 609 чел. составляли поданные Греции, 1391 чел. — Ирана и 667 чел. — Турции. При этом доля лиц, имевших советское гражданство, органами не уточнялась, лишь констатировалось что «многие из подданных Греции, Ирана и Турции, проживая в местах прежнего жительства, в разное время приняли советское гражданство, но они, как и иностранцы, были направлены на спецпоселение, так как в соответствии с решениями правительства выселению подлежали греческие, иранские и турецкие подданные, бывшие подданные этих стран, принятые в советское гражданство, а также лица без гражданства». Кроме вышеназванных групп в отчете упоминаются 602 иностранца и лиц без гражданства, отправленных в ссылку на спецпоселение после отбытия наказания в особых лагерях и тюрьмах в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г., и 44 чел., направленных под надзор органов МВД по решениям судебных органов. В ведении отдела также находились 56 чел. — граждан Румынии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Австрии и других стран, направленных в ссылку из проверочно-фильтрационных лагерей². Из этих 29 034 чел., находящихся в местах поселений под надзором органов МВД и включенных в категорию иностранцев, иноподданных и бывших иноподданных и апатридов, спецпоселенцами числились 28 388 чел., ссыльнопоселенцами — 602, ссыльными и высланными — 44 чел.

Несмотря на различия в статусе, формат ссылки в целом был един. Деление на выселенцев (выселенных навечно) и спецпоселенцев (выселенных на сроки или без указания сроков) было весьма условным. Высланные в 1944, 1949 и 1950–1951 гг. греческие, турецкие, иранские подданные, бывшие подданные этих стран, принятые в советское гражданство, и лица без гражданства также попали в категорию высланных «навечно». Отметим, что высланных «на период войны» иноподданных и лиц без гражданства, попавших в депортацию в порядке очистки прифронтовой полосы в 1942 г., не освободили по ее окончании; более того, в феврале 1953 г. МГБ СССР ратовало об оставлении их на спецпоселении «бессрочно»³. Добавим, что иноподданные и лица без гражданства, высланные в 1937–1938 гг., были отправлены на поселение «без указания срока». Для всех послевоенных репатриантов (за исключением «власовцев»), попавших в ссылку как представители «наказанных народов», в том числе для «репатрированных немцев» срок ссылки также не указывался.

Режим спецпоселения регламентировался январским постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. К концу 1940-х гг. для большинства «высланных» и «спецпоселенцев» режим содержания на спецпоселении был ужесточен в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 224.

² Там же. Л. 224–226.

³ Там же. Л. 120.

СССР от 26 ноября 1948 г., введившим уголовную ответственность за побег. На высланных в 1949 г. иноподданных и бывших иноподданных Турции и Греции действие указа 1948 г. было распространено Указом Президиума Верховного совета от 6 апреля 1950 г. На высланных из Грузинской ССР в 1950–1951 гг. иранских подданных, иранцев без гражданства и иранцев, принятых в советское гражданство, действие Указа от 26 ноября 1948 г. было распространено этим же постановлением. На высланных в 1942–1944 гг. из Краснодарского края, Ростовской и Крымской областей, решения 1945 и 1948 гг. так и не были распространены, что создавало определенные сложности для отделов спецпоселений, так как формальных оснований для содержания их в ссылке просто не было¹. Высланные из Крыма в 1944 г. греческие, турецкие и иранские подданные с просроченными национальными паспортами распоряжением Отдела спецпоселений МВД в 1947 г. со спецпоселения были сняты, но в декабре 1948 г. вновь были взяты на учет как ссыльные².

Иностранцы, иноподданные и лица без гражданства состояли в органах МВД на двойном учете: во-первых, как спецпоселенцы, во-вторых, как иностранцы или лица, не имеющие гражданства. По учетам они проходили в Отделе спецпоселений и в ОВИР Главного управления милиции. В 1949 г. согласно постановлению СМ СССР от 11 февраля 1949 г. № 590-227с были скорректированы правила проживания в стране иностранцев и лиц без гражданства. Иностранцы должны были состоять на учете в ОВИР и иметь советский вид на жительство, а лица, не имеющие гражданства, кроме того, были обязаны раз в три месяца являться на регистрацию в орган милиции. Иностранцы и апатриды обязаны были получать разрешение органов милиции на перемену места жительства, хотя бы и временную, а также на выезд с постоянного места жительства; они также не имели права проживать в пограничной полосе, запретных зонах и режимных местностях.

Постановлением Совета министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649с «О снятии некоторых ограничений и правовом положении спецпоселенцев» на иностранцев и апатридов из числа спецпоселенцев распространялось право на перемещение в пределах региона вселения и обязательность регистрации в органах МВД лишь один раз в год, что противоречило существующим общим правилам проживания и передвижения иностранцев и лиц без гражданства³.

МВД СССР в отчете, подготовленном для ЦК КПСС к 1 июня 1956 г., сообщало, что на спецпоселении находилось 35 610 чел., в том числе подданных Греции — 21 199, Ирана — 1150, Турции — 135, лиц, не имеющих гражданства, — 2199 и бывших иностранных подданных, принятых в советское гражданство, — 10 927. Контингент был расселен в Казахской ССР — 31 571 чел., в Томской области — 2162, в Узбекской ССР — 1735, в других регионах — 142 чел.⁴ Любопытно, что иностранцы вообще не фигурируют в составе ссыльных, хотя именно в это время органы МВД

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 225.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 186.

³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 227.

⁴ Там же. Л. 225–230.

проводили масштабную кампанию по учету иностранцев из числа граждан стран «народных демократий», находившихся на спецпоселении.

В июне 1956 г. МВД СССР выдвинуло инициативу о снятии с учета как спецпоселенцев всех иностранцев, иноподданных и бывших иноподданных из числа греков, армян и турок, оставив их лишь на учете в ОВИР по месту жительства. Одновременно МВД предложило снять с учета и освободить из-под административного надзора бывших греческих, иранских и турецких подданных, принятых в советское гражданство. Как большинство освобождаемых из ссылки, они не могли претендовать на возвращение и компенсацию конфискованного при выселении имущества. Вопрос о возвращении в места прежнего проживания предлагалось отдать на рассмотрение властям регионов, откуда они были депортированы. Самое массовое освобождение лиц из числа этой категории спецконтингента (27 426 чел.) произошло после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 г.¹

Еще одним каналом освобождения иностранцев из ссылки уже на этапе ее демонтажа стала репатриация, самая масштабная волна которой была направлена в Польшу. Весьма показательно, что старт новой репатриационной кампании дало Постановление ЦК КПСС от 28 апреля 1955 г. По данным отдела спецпоселений МВД СССР, на 11 января 1956 г. польской стороне было передано 5694 чел., в том числе 4487 взрослых и 1207 детей². Всего за период с 1955 до начала 1957 г. в Польшу из СССР выехало почти 64 тыс. чел. Еще 150 тыс. чел. уехали после подписания советско-польского соглашения от 25 марта 1957 г. Вероятней всего, что остававшиеся на спецпоселении 1,8 тыс. поляков выехали в Польшу именно в этот период³.

Параллельно начался выезд из СССР в Восточную и Западную Германию, старт которому дали январские 1957 г. межправительственные договоренности и решение правительства СССР от 7 января 1958 г. «О порядке выезда из СССР на ПМЖ в ГДР и ФРГ лиц немецкой национальности, находившихся ранее в германском подданстве». За год из страны выехало почти 7,5 тыс. чел. Отток шел не только из Литвы и Западной Украины, но и из регионов ссылки⁴. Репатриационная кампания давала приоритет в выезде уроженцам бывшей Кенигсбергской области и бывшего Клайпедского края, а также лицам, выехавшим из страны по советско-германским соглашениям 1939–1941 гг., но «возвращенным» в СССР после войны. Репатриация показала, что число немцев, зарегистрированных ОВИР как советские граждане и лица без гражданства, было значительным⁵.

Греки и иранцы тоже пытались эмигрировать из СССР. С 1957 г. МВД фиксирует рост численности заявлений от этих уже бывших ссыльных с просьбой разрешить выезд из страны. МВД и КГБ жестко пресекли эту тенденцию, комментируя ее следующим образом: «учитывая, что грече-

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 141; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 260.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 918. Л. 1.

³ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 490. Л. 224.

⁴ Там же. Д. 506. Л. 30.

⁵ Там же. Д. 492. Л. 242–250.

ские подданные, ходатайствующие о выезде в Грецию, являются главным образом переселенцами с Черноморского побережья и освобожденными от поселения без права возвращения к местам их прежнего проживания и что большинство этих греков проживает в СССР по 30–40 лет или являются уроженцами СССР, МВД СССР считает целесообразным в настоящее время от выдачи греческим подданным виз на выезд в Грецию воздержаться»¹. Невозможность возвращения в места прежнего проживания и выезда из СССР привели к массовой натурализации греков. 16 декабря 1954 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О лицах, длительное время проживающих на территории СССР и не оформивших советское гражданство», в соответствии с которым все родившиеся за границей, но не предоставившие документы об иностранном гражданстве ко времени издания Закона о гражданстве СССР 1938 г., и их потомки признавались советскими гражданами. Указ предписывал МВД СССР начать выдачу таким лицам паспортов советского образца.

Однако автоматической натурализации апатридов в СССР не произошло, по-прежнему доминировал индивидуальный порядок обращений в союзный и республиканские Верховные Советы для получения гражданства. Массовые обращения от бывших спецпоселенцев греческой национальности за советским гражданством в Верховные советы Казахской и Узбекской ССР имели место на рубеже 1950–1960-х гг. Советские общегражданские паспорта греки получили только в 1960-е гг., а право на репатриацию — спустя еще 20 лет.

Ликвидация спецпереселенческой системы в СССР во второй половине 1950-х гг. привела к массовому освобождению из мест ссылки иностранцев и апатридов, перед которыми в очередной раз возникла «проблема выбора»: выезд из страны или интеграция в советское общество.

---

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 491. Л. 29–30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Башкуев Всеволод Юрьевич, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Блюм Ален (Blum Alain), PhD, профессор, Высшая школа социальных исследований, Центр изучения российского, кавказского и центрально-европейского пространства (Сегес, EHESS/CNRS, Париж, Франция)

Волокитина Татьяна Владимировна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Центр по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны (Москва, Россия)

Даниэль Александр Юльевич, РОУ НИЦ «Мемориал» (Москва, Россия)

Дени Жюльет, Французский университетский колледж в Москве

Эли Марк (Marc Elie), PhD, Центр изучения российского, кавказского и центрально-европейского пространства (Сегес, EHESS/CNRS, Париж, Франция)

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Кретинин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Кравери Марта (Craveri Marta), PhD, Фонд «Дом наук о человеке» (*Fondation Maison des Sciences de l'Homme (FMSH, Paris)*)

Кустова Эмилия (Koustova Emilia), PhD, доцент, ЖЕО, Страсбургский университет (GEO, Université de Strasbourg, Франция)

Мурашко Галина Павловна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Центр по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны (Москва, Россия)

Сарнова Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Слоистов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Флиге Ирина Анатольевна, директор РОУ НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург, Россия)

Шаповал Юрий Иванович, доктор исторических наук, Институт политических и этнонациональных отношений (Киев, Украина)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Блюм А.</i> Возвращение и память (вместо введения)	3
---	---

Часть 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ

<i>Блюм А.</i> Противоречивое завершение сталинизма: медленное освобождение населения, депортированного с западных территорий СССР	12
<i>Кустова Э.</i> Просить, убеждать, изворачиваться: литовские спецпереселенцы ходатайствуют о возвращении на родину	31
<i>Сарнова В.В.</i> Материалы из архивно-следственных дел как источник по истории спецссылки	54
<i>Эли М.</i> Размышления о причинах сохранения системы спецпоселений в 1953–1957 гг.	65
<i>Аблажей Н.Н.</i> Освобождение из ссылки: решения республиканской комиссии Армянской ССР по пересмотру дел «дашнаков», выселенных в Алтайский край	73
<i>Шановал Ю.И.</i> Некоторые проблемы адаптации депортированных в Украине в послевоенное время	82
<i>Даниэль А.Ю.</i> Память о национальных депортациях в публичном пространстве 1950–1960-х годов	89
<i>Красильников С.А.</i> Депортанты XX века: крестьянская память об изгнании и возвращении в социум	98
<i>Краверы М.</i> Еврейские судьбы в ГУЛАГе и формы мемориализации: евреи Польши и стран Балтии	112
<i>Флиге И.А.</i> Память о сибирских могилах	120

Часть 2

ДЕПОРТАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ

<i>Кретицин С.В.</i> Интернирование и депортации немецкого национального меньшинства в Польше накануне и в начале Второй мировой войны	138
<i>Башкуев В.Ю.</i> Транспортировка и расселение литовского спецконтингента в Бурят-Монгольской АССР летом 1948 года	153
<i>Дени Ж.</i> Между «борьбой с бандитизмом» и раскулачиванием: операция «Прибой» в Латвии (март 1949 г.)	170
<i>Волокитина Т.В.</i> Болгарские турки: проблема депортаций и переселения (конец 1940-х — начало 1950-х гг.)	182
<i>Мурашко Г.П., Слоистов С.М.</i> К вопросу о некоторых внешнеполитических факторах, определивших послевоенную политику правящих кругов ЧСР в отношении венгерского национального меньшинства в Словакии (1944–1949)	196
<i>Аблажей Н.Н.</i> Иностранцы, апатриды и репатрианты на спецпоселении в СССР	213
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	226

Научное издание

**МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ДЕПОРТАЦИИ В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Сборник научных статей

В ы п у с к 3

Редактор *Н.С. Астанина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Горбунова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Сдано в набор 05.10.14. Подписано в печать 15.12.14. Бумага ВХИ. Формат 70×100¹/₁₆.
Офсетная печать. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 100 экз. Заказ № 4.04/15-217.

Сибирская издательская фирма «Наука» АИЦ «Наука».
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ООО ГК «Печатный дом».
630084, Новосибирск, ул. Лазарева, 33/1.